

ГОДЪ

III

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 1.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1911-го года 2-го января.

Содержаніе: I. Къ новому году. Н. Пальмовъ.—II. Современныя задачи
сельскаго пастыря. Святи. Б. Архангельскаго.—III. Теософія и хри-
стіанство. А. С.

Къ новому году.

Недобрыми знаменіями начинается новый годъ.

Хотять тревожные слухи о болѣзняхъ, угрожающихъ
нашей страдалицѣ—Родинѣ, поднимаетъ снова голову при-
утихшая было за послѣдніе четыре года революція и даетъ
знать о себѣ такъ, какъ всегда заявляетъ о себѣ сначала:
студенческими „выступленіями“, принимающими уже явно
бунтарскій характеръ. Въ Толстовскіе дни, въ университет-
скихъ городахъ, толпа учащейся молодежи, преимуществен-
но состоявшая изъ студентовъ и курсистокъ, demonstra-
тивно ходила по улицамъ и пѣніе „Вѣчной памяти“ Толстому
перемежала криками: „Долой смертную казнь“. Мѣсяць спу-
стя, въ Новороссійскомъ университетѣ студенты встрѣчаютъ

градомъ нуль изъ оконъ полицію, когда она явилась, чтобы исполнить свой служебный долгъ.

Трудно сказать, что ужаснѣе изъ этихъ двухъ призраковъ, остановившихся надъ несчастной Россіей: воскресающая ли революція съ ея кровавыми ужасами, или же страшный мечъ Божій, занесенный надъ прогнѣвавшимъ Господа русскимъ народомъ, въ образѣ холеры и чумы. Если благоденствіе народа необходимо разсматривать, какъ награду отъ Бога за добродѣтельную и праведную жизнь; если только при условіи сохраненія закона Господня верховный Владыка міра даетъ властямъ силу управлять страной и легко препобѣждать возникающія въ ней уклоненія отъ закона и разнаго рода нестроенія; если только при условіи соблюденія заповѣдей Божіихъ Господь вѣнчаетъ успѣхомъ труды всѣхъ.—отъ мала до велика, отъ знатнаго до худороднаго,—принимающихся за плугъ, за рабочій станокъ, за сложную машину, за простую иглу; если самой землѣ—главной кормилицѣ народа Господь даетъ плодородіе и посылаетъ дождь ранній и поздній, вѣтеръ и солнце во благовременіе только тогда, когда земледѣлецъ обращенъ сердцемъ къ Богу и молитвенными къ Нему обращеніями какъ бы согрѣваетъ и оживляетъ свой трудъ;—то что же остается намъ, согрѣшившимъ предъ Господомъ и прогнѣвавшимъ Его благость, что остается, какъ не обратиться къ Нему и покаяться?!

Обратиться къ Господу... Но развѣ доселѣ лицо наше было обращено не къ Господу? Развѣ не Его святой законъ мы исповѣдывали? Развѣ не велѣніями этого закона управляли свою жизнь?—Очевидно, нѣтъ, если гнѣвъ Божій не перестаетъ изливаться на насъ. Въ недавніе дни происходило испытаніе нашей вѣры. Умеръ Толстой, отвергавшій все то, что освящено Богомъ: церковь, государство, семью, и этому то погибшему человѣку воздано было такое чествованіе, которое было бы прилично великому праведнику. Что это? Неужели это не доказательство глубокой грѣховности, въ которой мы погрязли, переставъ отличать добро отъ зла, свѣтъ

отъ тьмы, истину отъ лжи? Положимъ, не вся Россія принимала участіе въ чествованіи Толстого; но почему же не раздались сильные голоса противъ этого чествованія, почему они не удержали, хотя бы колеблющихся, отъ позорнаго для христіанина поклоненія еретической могилѣ Толстого? Въ тѣхъ совершенно погибла православная Христова вѣра, кто открыто, безъ колебанія и безъ смущенія, говоритъ, что считаетъ для себя честью называться ученикомъ и послѣдователемъ „великаго“ Яснополянскаго учителя. Не высока вѣра и въ томъ, кто съ разными оговорками и ограниченіями, — большею частію несущественнаго характера, — не скрываетъ своего преклоненія предъ памятью „великаго человѣка“. Но почему же, опять повторимъ вопросъ, не нашлось въ Толстовскіе дни среди насъ такого съ сильнымъ духомъ проповѣдника, который подобно грому прогремѣлъ бы надъ огромной толпой почитателей великаго еретика и анархиста и оторвалъ бы отъ нея нѣкоторую часть? Оскудѣла наша вѣра, перестала она быть въ сердцахъ нашихъ неприкосновеннымъ „святая святыхъ“, а вмѣстѣ съ этимъ погибла и ревность защищать и это святое святыхъ отъ нечестиваго прикосновенія къ нему руки скверныхъ.

Съ потерей истинной вѣры, утрачивается и истинное представленіе о Церкви. Эта потеря истиннаго представленія опять таки съ полною яеностью обнаружилась въ Толстовскіе дни. Исполняя завѣщаніе своего почитаемаго учителя, послѣдователи Толстого не приступили къ служителямъ Церкви съ требованіемъ совершить надъ нимъ всѣ положенныя по церковнымъ правиламъ погребальныя обряды. Они не рѣшили настаивать на погребеніи своего кумира по православному чиноположенію. Они отказали себѣ въ удовольствіи швырнуть по адресу всѣхъ вообще служителей Церкви фразу, уже брошенную нѣсколько лѣтъ тому назадъ графиней Толстой: „за деньги всегда можно найти попа“, какъ будто въ самомъ дѣлѣ нашелся бы такой священникъ, который рѣшился бы взять на свою душу тяжкій грѣхъ неповинове-

нія церковной власти и предаль бы тѣло Толстого землѣ по обрядамъ Православной Церкви?—Почитатели Толстого теперь ограничивались требованіемъ, чтобы были разрѣшены панихиды по Толстомъ. Когда и въ панихидахъ было отказано, то тѣ, которые съ Церковью рѣшительно не имѣютъ ничего общаго, возмущенно, съ пѣной у рта, кричали, что церковныя власти не имѣютъ права отказывать въ молитвѣ, когда къ нимъ обращаются за молитвой, что своимъ отказомъ церковныя власти лишь возстановляютъ пасомыхъ противъ пастырей, такъ какъ оскорбляютъ лучшія человѣческія чувства, что, наконецъ, у каждаго члена Церкви есть неотъемлемое право молиться за кого онъ хочетъ, и церковная власть, въ данномъ случаѣ, незаконно посягаетъ на это право. Скрѣпя сердце, пришлось, однако, церковныя панихиды замѣнить „гражданскими“. Изъ университетовъ траурныя толпы пошли по улицамъ и огласили ихъ скорбнымъ пѣніемъ. Озлобленные противъ Церкви лѣвыя газеты, конечно, не преминули разрисовать яркими красками и жирною кистью величественность и грандіозность этихъ „народныхъ“ гражданскихъ панихидъ.

Но отказъ въ церковной панихидѣ по Толстомъ взволновалъ не однихъ любителей устраивать изъ панихиды политическую демонстрацію, но и болѣе благонамѣренныхъ лицъ. Изъ среды послѣднихъ нашлись не только такіе, которые выражали простое недоумѣніе по поводу этого запрещенія, но и такіе, которые позволяли себѣ осуждать церковную власть, находя распоряженіе ея неправильнымъ. Церковь должна была,—говорили,—молиться о Толстомъ, хотя бы молиться о томъ, чтобы Господь помиловалъ его. Говорившіе такъ приняли ли во вниманіе, какъ оскорбилъ Бога и св. Церковь Толстой, дерзновенно отвергшійся и отъ Бога и отъ св. Церкви? Догадались ли, что такой человѣкъ долженъ быть для насъ тѣмъ же, чѣмъ былъ для іудея времянь Христа Спасителя язычникъ и мытарь? Вспомнили ли, что безмѣрная благость Божія прощаетъ человѣку всякій грѣхъ,

кромѣ хулы на Духа Святаго, каковой грѣхъ человѣку не отпустится и во вѣкъ?—Весьма возможно, конечно, что нѣкоторые изъ осуждающихъ церковную власть за запрещеніе панихидъ опустили изъ виду особое нравственное состояніе Толстого, не походящее на состояніе прочихъ грѣшниковъ и дѣлающее самую молитву за него безцѣльною. Но возможно и то, что все вышесказанное было принято въ соображеніе, и, тѣмъ не менѣе, нѣкоторые находили страннымъ запрещеніе молиться за Толстого. А это уже свидѣтельствуетъ о слабости религіозной вѣры и о шаткости религіозныхъ убѣжденій. Кто имѣетъ твердую вѣру и обладаетъ прочными религіозными убѣжденіями, тотъ дорожитъ ими и ревниво оберегаетъ ихъ отъ соприкосновенія со всѣмъ, что оскрбляетъ вѣру и разрушаетъ религіозныя убѣжденія. *Кое, въ самомъ дѣлѣ, общеніе свѣта со тьмою? Кое общеніе Христа съ вельяромъ? Кое, выразимся такъ, общеніе православнаго христіанина съ Толстымъ?!..*

Если бы мы хотѣли жить въ законѣ Господнемъ, мы съ благоговѣніемъ внимали бы голосу св. Церкви и были бы ему послушны. Она—единая и истинная учительница для христіанина. Она вразумляетъ его на одно только доброе, потому что желаетъ ему только добра. Она и не можетъ иного желать, потому что она—духовная мать наша и стоитъ въ отношеніи къ намъ еще ближе, чѣмъ стоитъ нѣжно любящая мать къ своему плотскому чаду. Церковь даруетъ намъ вѣчную и присноблаженную жизнь, предвкушеніе которой мы могли бы имѣть еще и здѣсь, на землѣ, если бы усерднѣе осуществляли въ своей дѣятельности и во взаимныхъ другъ съ другомъ отношеніяхъ заветы Церкви. Церковь учитъ человѣка быть добрымъ гражданиномъ, вѣрнымъ сыномъ родины, исполнять велѣнія предрежащей власти и нести служебный и жизненный долгъ по совѣсти, никого не обижать, прощать нанесенныя обиды и оскорбленія, проявлять къ ближнимъ чувства доброжелательства, милосердія и состраданія. Широка заповѣдь Господня, и многоразличны проявлен-

нія любви Христовой, устрояющей жизнь людей и дѣлающей ее не тяготою, не мученіемъ, а свѣтлымъ праздникомъ, когда любовь Христова проникаетъ въ тайники людскихъ отношеній и озаряетъ людей своимъ небеснымъ свѣтомъ!

Какъ счастливъ христіанинъ, что имѣетъ среди житейскихъ бурь и невзгодъ надежную пристань себѣ—св. Церковь, ободряющую, утѣшающую, милующую его. Управляемая невидимымъ Главою своею—Христомъ она—столпъ и твердыня, о которую разбиваются и отлетаютъ прочь жестокия волны бурно-кипящаго житейскаго моря. Держись крѣпче, христіанинъ, своего оплота, дорожи имъ! Для тебя не должны быть страшны ужасы жизни, отъ которыхъ цѣненію не имѣющіе въ сердцѣ сладости Христова упованія. Ты спокойно можешь сказать: „аще ополчится на мя полкъ, аще возстанетъ на мя брань, не убоится сердце мое: на Него азъ уповаю“. И ты, вѣрующій христіанинъ, совершенно правъ въ своей вѣрѣ. „Падетъ отъ страны твоя тысяща“, даже цѣлая „тма“ падетъ „одесную тебе“, но къ тебѣ опасность и смерть не приблизится. Въ минуту смертной опасности Самъ Господь защититъ тебя: Онъ прикроетъ тебя „плещма Своима“, какъ орелъ прикрываетъ птенца, когда ему грозитъ опасность. На каждомъ жизненномъ шагѣ твоёмъ ангелы Божіи, по повелѣнію Господню, будутъ сохранять тебя отъ всевозможнѣйшаго зла...

Громкимъ призывомъ къ Богу и къ св. Церкви, которую преблагій Господь создалъ на землѣ для нашего наученія, вразумленія и спасенія, пусть начнутъ новогоднюю проповѣдь наши духовные отцы-пастыри русской Церкви. „Обратись къ Богу, Россія, согрѣшившая предъ Нимъ больше, тягчае всѣхъ народовъ земныхъ“, взывалъ дивный праведникъ, красота русскаго пастырства, отецъ Іоаннъ Кронштадтскій въ послѣдніе дни святой своей жизни. „Обратись въ плачѣ и слезахъ, въ вѣрѣ и добродѣтели. Больше всѣхъ ты согрѣшила, ибо имѣла и имѣешь у себя неоцѣненное жизненное сокровище—вѣру православную съ Церковью спаса-

---

ющею, и попрама, оплевала ее въ лицѣ твоихъ гордыхъ и лукавыхъ сыновъ и дочерей!“ Всѣми средствами настырскаго воздѣйствія: грознымъ обличеніемъ и кроткой мольбой, сокровенной молитвой и общимъ колѣнопреклоненнымъ моленіемъ, подвигомъ личной жизни и добрыми дѣлами пасомыхъ,—надо нынѣ воспользоваться, чтобы достигнуть обращенія людей къ Богу, въ слезахъ и покаяніи. Это—единственное условіе и единственный залогъ земнаго счастья и будущаго небеснаго блаженства.

Н. Пальмовъ.

Современныя задачи сельскаго пастыря.

До самаго послѣдняго времени и въ литературѣ и въ обществѣ считалось строго установившимся фактомъ, что наша русская деревня является единственной хранительницей той нравственной чистоты, которою нѣкогда блистала русская земля. Крестьянская простота, довѣріе, гостепримство, покорность, особенно набожность считались безспорными явленіями.

Однако въ наше время болѣе близкое знакомство съ идеализированной деревней не подтверждаетъ только что высказаннаго взгляда о ней. Тлетворный духъ времени, низринувшій все святое и возвышенное, коснулся и ея дѣвственной чистоты. И здѣсь теперь проглядываетъ религіозный индифферентизмъ. Все больше и больше зарастаетъ тропинка къ храму Божию, такъ что за церковными службами священно-служителямъ подчасъ не къ кому обращаться съ словами „мира вышняго“ и „благословенія“. Гдѣ та вѣра, простая, дѣтская вѣра, которою жилъ русскій народъ? Въмѣсто нея теперь или холодность, или невѣріе, или полное искаженіе православія. Всевозможныя секты положительно наводнили нашу русскую деревню. Едва ли теперь найдется такой уголокъ въ Россіи, куда не проникли бы сектантскіе лжеучители. Ихъ можно встрѣтить всюду; они исходили матушку Россію вдоль и поперекъ.

За паденіемъ вѣры естественно послѣдовало и паденіе нравственныхъ устоевъ въ русскомъ народѣ. Непочтеніе къ старшимъ, семейныя неурядицы, половая распущенность, воровство и другіе противонравственные поступки сдѣлались обычными явленіями сельской жизни.

Нечего и говорить уже про общественную жизнь нашего крестьянства: она никогда не отличалась благоустройствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, кому не извѣстны безтолковые сельскіе и волостные сходы? Кто не знакомъ съ продажною волостныхъ судовъ? А народное пьянство?

Это, конечно, тѣневя стороны деревенской жизни: есть въ ней, безъ сомнѣнія, и свѣтлыя явленія. Но, къ сожалѣнію, въ послѣднее время свѣтлыя стороны въ жизни народной ступшеваются предъ мрачными сторонами ея.

Мучительной болью отзываются аномаліи деревенской жизни въ любящемъ сердцѣ добраго пастыря, зовя его къ самоотверженной дѣятельности, направленной на улучшеніе и оздоровленіе своей паствы.

Какія же просвѣтительныя средства имѣются въ его рукахъ для уврачеванія указанныхъ недуговъ въ его паствѣ?

I.

Прежде всего такимъ средствомъ является богослуженіе, совершеніе котораго служить первою обязанностію пастыря. Никто не станетъ оспаривать той истины, что православное богослуженіе все, отъ самыхъ простѣйшихъ формъ до высшихъ, проникнуто глубокимъ и возвышеннымъ содержаніемъ. Въ немъ выражается вся сущность вѣры нашей православной, и выражается не какъ-нибудь отвлеченно и сухо, а, можно сказать, пластично, понятно; ясно. Въ наглядныхъ образахъ оно живописуетъ предъ взорами вѣрующихъ необъятную глубину христіанскихъ догматовъ. Поэтому по всей справедливости оно можетъ быть названо великимъ учителемъ христіанскихъ народовъ, который цѣлыя тысячелѣтія одинаково учить людей самыхъ разнообразныхъ положеній и профессій. Чтобы православное богослуженіе

восторгало върующія души и не теряло своего высокаго значенія, его нужно совершать истово и благоговѣнно, что зависитъ не только отъ священника, но и отъ чтецовъ и пѣвцовъ.

Церковное чтеніе и пѣніе имѣютъ существенно важное значеніе въ совершеніи богослуженія, поэтому необходимо сказать о нихъ нѣсколько подробнѣе. Если въ городскихъ приходахъ то и другое поставлено болѣе или менѣе удовлетворительно, то въ сельскихъ—такъ плохо, что возбуждаетъ нареканія, а иногда и насмѣшки. Каждый пастырь, желающій стоять на высотѣ своего положенія, долженъ обратить самое серіозное вниманіе на улучшеніе этой стороны богослуженія. Въ данномъ случаѣ ему могутъ помочь любители церковнаго чтенія и пѣнія изъ прихожанъ. Такихъ любителей онъ можетъ воспитать при помощи церковно-приходской школы, которая находится подъ его ближайшимъ надзоромъ и руководствомъ. Школьники съ большею охотою отзываются на призывъ пастыря къ участию въ богослуженіи, поэтому ихъ безъ труда можно пріучить къ исполненію клиросныхъ обязанностей.

Въ заботахъ объ улучшеніи церковнаго чтенія и пѣнія ближайшими помощниками священнику являются діаконы и псаломщики, которые поэтому должны быть сами искусными въ томъ и другомъ. Между тѣмъ, по какому-то странному и непонятному недоразумѣнію этого-то и нѣтъ у нашихъ клириковъ. Духовное начальство много прилагаетъ заботъ къ приготовленію достойныхъ пастырей и не предпринимаетъ никакихъ почти мѣръ къ тому, чтобы и низшіе клирики были достойны своего званія.

Правда, здѣсь, повидимому, излишни заботы. Дѣло въ томъ, что, по смыслу церковныхъ каноновъ, каждый кандидатъ священства долженъ предворительно пройти всѣ низшія степени клира. А тамъ какъ таковыми кандидатами у насъ считаются лица, получившія спеціальное, среднее богословское образованіе, то такіе клирики не могутъ возбуждать

никакихъ опасеній, касательно способности ихъ къ исполненію своихъ обязанностей. Но вѣдь кто же не знаетъ того печальнаго факта, что ряды низшихъ церковныхъ клириковъ пополняются или недоучками духовныхъ школъ, или даже людьми, не получившими никакого образованія. Первые идутъ въ клиръ потому, что имъ дѣться некуда. Отсюда само собою понятно, что отъ нихъ трудно ожидать хорошаго отношенія къ дѣлу¹⁾. Такіе люди не могутъ иначе смотрѣть на свое служеніе въ клирѣ какъ только на ремесло. Если чего они и добиваются, такъ развѣ пріобрѣтенія техники въ чтеніи, которая, впрочемъ, вслѣдствіе бездушнаго и бессмысленнаго повторенія безчисленнаго числа развѣ нѣкоторыхъ молитвословій, обращается у нихъ въ полную невозможность владѣть рѣчью.

Что касается лицъ, не получившихъ никакого образованія, то они еще менѣе желательны въ церковномъ клирѣ. Большинство изъ нихъ также идутъ сюда изъ матеріальныхъ расчетовъ, а если и вступаютъ нѣкоторые по внутреннему влеченію, то такихъ, во-первыхъ, не такъ много, во-вторыхъ, одного влеченія и даже призванія вовсе недостаточно для продуктивности дѣла. Каждое дѣло требуетъ специальной подготовки къ нему. Поэтому всякій, питающій непреодолимое влеченіе къ церковному служенію, долженъ предворительно тщательно приготовить себя къ нему, долженъ имѣть нѣкоторыя теоретическія познанія въ этой области. Какъ ни просты обязанности нашихъ низшихъ клириковъ, онѣ все же требуютъ специальной подготовки. Когда у насъ явилась нужда въ учительскомъ персоналѣ для церковно-приходскихъ школъ, то быстро выросли второклассныя и церковно-учительскія школы, вездѣ и всюду устраивались благочинническіе, уѣздные, епархіальные и областные курсы для пополненія учебно-педагогическихъ знаній учителей и учительницъ.

¹⁾ По нашему мнѣнію, это—одни изъ подходящихъ кандидатовъ въ высшіе клирики; изъ нихъ могутъ при толковомъ руководствѣ священника выработаться хорошіе священники и діаконъ.

На все это находились и средства и люди. Почему же никому не приходит на мысль заняться надлежащей подготовкой будущих клириков? Неужели они не имѣют никакого просвѣтительнаго вліянія на нашъ православный народъ? Самый фактъ ихъ непосредственнаго участія въ совершеніи богослуженія говоритъ о большой роли ихъ въ просвѣщеніи народа. А если такъ, то необходимо позаботиться о надлежащей подготовкѣ клириковъ. Для этого не нужно большихъ средствъ, потому что школы для клириковъ можно организовать при монастыряхъ въ губернскихъ городахъ, гдѣ будущіе клирики могли бы получить не только теоретическія, но и практическія познанія объ отправленіи церковнаго богослуженія, а сами монастыри явились бы плодотворными органами въ созиданіи Церкви Божіей.

Главнѣйшимъ учебнымъ предметомъ въ этихъ школахъ должно быть „церковное пѣніе“. Будущимъ клирикамъ необходимо не только самимъ умѣть правильно пѣть церковныя пѣснопѣнія, но и имѣть необходимыя теоретическія свѣдѣнія по пѣнію для наученія другихъ. Если при совершеніи будничнаго богослуженія достаточно, чтобы одинъ псаломщикъ умѣло пѣлъ церковныя пѣснопѣнія, то въ праздничные дни, при громадномъ стеченіи народа къ богослуженію, необходимо имѣть организованный хоръ пѣвцовъ. Въ селахъ всегда находятся любители пѣнія, но ихъ необходимо организовать и обучить правильному и стройному пѣнію. Эта обязанность, безъ сомнѣнія, ближайшимъ образомъ должна лежать на псаломщикахъ. Но въ настоящее время псаломщики-регента—большая рѣдкость. И какъ ни странно, но какой-нибудь мужичекъ, любитель пѣнія, управляетъ сельскимъ хоромъ, а псаломщикъ по праздникамъ стоитъ въ алтарѣ, какъ совершенно ненужное лицо въ хорѣ. Вѣдь было бы странно, если бы вмѣсто священника съ церковной кафедры сталъ проповѣдывать простой мірянинъ? Не менѣе, конечно, странно и то, что наши псаломщики, при отсутствіи элементарныхъ познаній по церковному пѣнію, вынуждены уступитъ свое

мѣсто тѣмъ лицамъ, которыя должны были бы находиться въ церковномъ хорѣ подь ихъ руководствомъ.

Великое значеніе для пользы приходской жизни церковнаго пѣнія, намъ думается, никто не станетъ отрицать. Хорошее пѣніе является величайшею силою, пробуждающею возвышенные и святые порывы въ человѣкѣ—христіанинѣ. Что касается настоящаго времени, то нужно замѣтить, что теперь особенно необходимо позаботиться о наилучшей постановкѣ церковнаго пѣнія, чтобы предотвратить увлеченіе православныхъ сектантскимъ пѣніемъ. Пѣніе стиховъ и кантовъ сектантами производить на православную, простую массу чарующее впечатлѣніе. Часто они приходятъ отъ него въ такой восторгъ и умиленіе, что подь влияніемъ его дѣлають окончательный шагъ къ отпаденію отъ православія. Въ видахъ чисто миссіонерскихъ особенно необходимо улучшить наше церковное пѣніе въ сельскихъ приходахъ.

Въ этихъ цѣляхъ полезно также введеніе общаго пѣнія за богослуженіемъ, благодаря которому всѣ молящіеся принимаютъ активное участіе въ немъ. Дѣло введенія общаго пѣнія, конечно, трудное и требуетъ отъ пастыря много энергии и силъ для своей организаціи. Успѣховъ въ немъ можно ожидать по истеченіи многихъ лѣтъ. Но эта медленность не должна убивать энергіи пастыря; напротивъ, и самый небольшой успѣхъ здѣсь долженъ возбуждать его къ новымъ и новымъ трудамъ въ этой области.

Обученіе прихожанъ церковному пѣнію хорошо начинать опять со школы, а потомъ, послѣ праздничныхъ вечернихъ богослуженій можно устраивать общія спѣвки, и, наконецъ, когда образуется, такъ сказать, ядро общаго хора, тогда можно начинать общее пѣніе и за литургіей, постепенно переходя отъ простѣйшихъ къ болѣе сложнымъ пѣснопѣніямъ.

Общее пѣніе вызываетъ неописуемый энтузіазмъ въ молящихся. Достаточно по этому случаю припомнить наши общественныя моленія о дождѣ, когда богослуженіе, соверша-

емое обычно под открытымъ небомъ, сопровождается общимъ пѣніемъ, чтобы убѣдиться въ справедливости высказанной мысли.

Такимъ образомъ, каждый пастырь Церкви, какъ совершитель богослуженія, долженъ обратить самое серьезное вниманіе на церковное пѣніе и чтеніе. При хорошемъ чтеніи и пѣніи богослуженіе будетъ привлекать все большія и большія массы народа и тѣмъ безпрепятственнѣе осуществлять свою просвѣтительную миссію.

II.

Послѣ совершенія богослуженія вторымъ просвѣтительнымъ средствомъ у пастыря въ его дѣятельности является церковная проповѣдь. Пастырство безъ учительства положительно невозможно. Въ настоящее время обязанность эта настолько осложнилась, что является труднѣйшей стороною пастырской дѣятельности. Если на первыхъ порахъ появленія христіанства на Руси, въ эпоху первоначальной христіанизации русскаго общества, все вниманіе пастырей сосредоточивалось на искорененіи языческихъ традицій въ пасомыхъ то теперь всѣ силы ихъ, послѣ положительнаго наученія христіанскимъ истинамъ и жизни, должны быть направлены на борьбу съ многочисленными нападками на Христову истину. Если когда, то теперь они особенно должны возвысить свой голосъ въ защиту вѣры православной.

Къ великому прискорбію современные пастыри, какъ бы не сознавая опасности положенія своей паствы, или безмолствуютъ, или водятъ своихъ овецъ по скуднымъ пажитямъ сухого и безжизненнаго витійства. Эта традиціонная проповѣдь является какою то жалкою пародіею на христіанское благовѣстничество, почему и не трогаетъ умовъ и сердецъ слушателей. А вѣдь какимъ могущественнымъ средствомъ могла бы она быть въ рукахъ cadaго пастыря въ дѣлѣ просвѣщенія народа свѣтомъ Христовой истины. Объ этомъ краснорѣчиво говорятъ первые вѣка христіанства, осо-

бенно четвертый, золотой вѣкъ, когда проповѣдь достигла полного своего расцвѣта. Достаточно припомнить имена такихъ корифеевъ ея, какъ св. Василія В., Григорія Богослова и особенно Іоанна Златоустаго, чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго. Ихъ съ увлеченіемъ слушала паства. Особенно о Златоустомъ проповѣдникѣ по всей справедливости можно замѣтить, что онъ своимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ положительно властвовалъ надъ умами и сердцами своихъ современниковъ. И хотя онъ съ безпощадною смѣлостью бичевалъ пороки ихъ, однако это не помѣшало ему стянуть въ великую антиохійскую церковь населеніе всего почти города, которое все, отъ простолюдина до высокопоставленнаго лица, съ увлеченіемъ слушало слово великаго христіанскаго проповѣдника и приходило въ такой неописуемый восторгъ, что, забывши святость мѣста, оглушало его аплодисментами по адресу любимаго проповѣдника.

Какъ нуженъ и теперь неустрашимый голосъ Златоуста! Вѣдь время нашихъ дней ничѣмъ не лучше давно минувшей эпохи великаго Отца. Какъ тогда, такъ и теперь потрясаютъ Церковь злѣйшія ереси и расколы; какъ тогда, такъ и теперь „золотой тѣлець“ властно паритъ надъ человѣчествомъ, заставляя его все дѣлать во славу свою; какъ тогда, такъ и теперь мишура внѣшней жизни совершенно подавила серьезные запросы человѣческаго духа; словомъ, какъ тогда, такъ и теперь паритъ полная деморализація общественныхъ нравовъ.

Итакъ, само время вопіетъ къ совѣсти пастырей, чтобы они, подобно великимъ Отцамъ, принесли на алтарь Церкви всѣ свои таланты и силы. Да и не только къ пастырямъ, но и къ тѣмъ, которые въ силу своего образованія должны бы идти въ ряды духовенства и рука-объ-руку работать на нивѣ Христовой. Всѣмъ вѣдь хорошо извѣстно, что жатвы много, а дѣлателей мало! Однако къ великому огорченію духовное юношество бѣжитъ отъ своего прямого назначенія по всѣмъ распутіямъ жизни. Нива Христова все бо-

лѣе и болѣе пустѣеть. За немѣнѣемъ умѣлыхъ рукъ, здѣсь подвизаются неопытные и неподготовленные работники, которые по своей неопытности часто вмѣстѣ съ плевелами исторгають и пшеницу.

Какой великій грѣхъ беретъ на свою душу духовное юношество, убѣгая отъ своего прямого назначенія! Народъ, который своими грошами воспиталъ ихъ, ждетъ отъ нихъ нравственной поддержки и утѣшенія, желаетъ видѣть ихъ вблизи себя, чтобы получить отъ нихъ тотъ свѣтъ вѣры Христовой, который они получили. Но къ великому прискорбію наши юноши въ самую тяжелую минуту народной жизни отвернулись отъ народа. Пусть же помнятъ они, что народъ, подобно овцамъ, лишеннымъ пастыря, блуждаетъ по опаснымъ стремнинамъ, и гибнетъ, потому, во множествѣ. На совѣсти оставившихъ его лежитъ гибель каждой души. Въ этомъ случаѣ сами собою напрашиваются на перо слова прор. Іезекіиля, который отъ лица Божія говорилъ по адресу ветхозавѣтныхъ пастырей: „вотъ Я—на пастырей, и взыщу овецъ Моихъ отъ руки ихъ, и не дамъ имъ болѣе пасти овецъ, и не будутъ болѣе пастыри пасти самихъ себя, и исторгну овецъ Моихъ изъ челюстей ихъ, и не будутъ онѣ пищею ихъ“ (XXXIV, 10).

Такимъ образомъ на поприщѣ церковнаго учительства въ настоящее время особенно должны выступить люди подготовленные, опытные и убѣжденные. Впрочемъ, мы нисколько не охуждаемъ наличнаго контингента современныхъ пастырей; мы не думаемъ, чтобы они бесплодно работали на нивѣ Христовой. Жалко только, что въ области учительства они работаютъ безсистемно и въ одиночку. Тактика враговъ православія, дѣйствующихъ сплоченно, убѣждаетъ и современныхъ пастырей начать общими силами борьбу съ ними. Наше разрозненное духовенство должно сплотиться въ дружную семью. Общность интересовъ, одинаковость задачъ и цѣлей ихъ просвѣтительной работы должны сплотить его въ одинъ организмъ и заставить его *in corpore* выступить въ

противоборство съ разрушительнымъ вліаніемъ на русскій народъ сектантства и различнаго рода утопистовъ.

Съ правильно организованнымъ врагомъ нельзя дѣйствовать безъ опредѣленнаго плана. Въ нѣкоторыхъ районахъ есть особія нужды, особія условія для просвѣтительной дѣятельности духовенства. Примѣнительно къ этимъ нуждамъ и условіямъ должна проявляться въ той или другой формѣ его дѣятельность. Въ виду этого вполне естественно, конечно, духовенству извѣстнаго района объединиться, выработать общую программу для своей работы, изыскать общія средства къ осуществленію ея. Въ такомъ случаѣ дружными силами можно быстро достигнуть желаннаго успѣха. Тогда не будетъ такихъ аномалій, какъ часто можно встрѣтить теперь: въ одномъ приходѣ священникъ работаетъ со всею энергіею въ извѣстномъ направленіи, напр., ведетъ бесѣды и частныя и публичныя съ сектантами, а въ другомъ—сосѣднемъ, также зараженномъ сектантствомъ, пастырь въ этомъ отношеніи совершенно бездѣйствуетъ, или по неподготовленности, или по неопытности. При условіи объединенія духовенства къ такому священнику должны придти на помощь знающіе и опытные собратья, да и онъ самъ незамѣтно для себя, глядя на своихъ товарищей по профессіи, скоро втянется въ работу и приобрѣтетъ нужныя знанія и необходимый опытъ.

Нечего и говорить уже о томъ, что современный пастырь долженъ быть облеченъ во вся оружія, чтобы каждую минуту быть готовымъ дать отвѣтъ вопрошающимъ. Мы переживаемъ время самой интенсивной работы ума во всѣхъ направленіяхъ. Религіозная догма такъ или иначе соприкасается съ различными областями человѣческаго знанія. Давно давно уже поставленъ вопросъ объ отношеніи вѣры къ знанію. Его рѣшали еще великіе учителя Церкви Климентъ Александрійскій и Оригенъ. Не смотря на удачное рѣшеніе ями этой проблемы, она и до настоящаго времени волнуетъ пытливый умъ человѣка. Религіозный консерватизмъ, съ его вѣковѣчными истинами, кажется слишкомъ соблазнительнымъ

для научнаго знанія, гордаго своимъ прогрессомъ. На этой почвѣ современному пастырю весьма часто приходится слышать всевозможныя возраженія и здѣсь дѣйствительно нужна „мудрость змѣнная“. чтобы безъ измѣны вѣрѣ дать необходимый отвѣтъ вопрошающему.

Нельзя думать, что вопросы въ этомъ именно направленіи не могутъ быть поставлены сельскою паствою. Нынче съ неуволимою быстротою распространяются даже въ захолустные уголки плоды современной культуры, особенно, конечно, отрицательные. При нынѣшнихъ путяхъ сообщенія почти уничтожилось то средостѣніе между селомъ и городомъ, которое имѣло мѣсто въ сѣдую старину. Въ виду этого ничего нѣтъ удивительнаго, что и сельскому пастырю часто можно слышать такія возраженія, какихъ онъ и не ожидалъ. Поэтому ему нужно зорко слѣдить за движеніемъ мысли по текущей прессѣ, чтобы быть свѣдущимъ во всемъ, и вращаться въ кругу современныхъ идей. Это только одно можетъ избавить его отъ неприятнаго положенія оказаться совершеннымъ профаномъ въ вопросахъ, волнующихъ его паству.

Конечно, мы далеки отъ того, чтобы утверждать, что современный сельскій пастырь могъ отстать въ умственномъ отношеніи отъ своей паствы. Но безъ сомнѣнія, если невозможно отрицать превосходства общаго интеллектуальнаго уровня духовенства предъ его сельскими пасомыми, то съ другой стороны возможно допустить и то, что въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ, по спеціальнымъ вопросамъ, особенно предъ заѣзжими лицами, пастырь можетъ оказаться въ затрудненіи. Вѣдь теперь наше село наводнилось всевозможными просвѣтителями, которые могутъ занести сюда самую послѣднюю новинку, чтобы поразить своихъ неопытныхъ слушателей. Это то вотъ заносное, безъ сомнѣнія, стоящее совершенно особнякомъ отъ общаго развитія народной мысли, иногда можетъ быть и для руководителей народа новинкой, поставляющей ихъ въ неловкое положеніе.

Чтобы избавить себя отъ этого невыгоднаго положенія, пастыри и должны освѣжать свои знанія самообразованіемъ. Опять при условіи тѣснаго сплоченія нашего духовенства безъ затрудненія найдутся и всѣ образовательныя средства къ этому. Въ каждомъ благочинническомъ округѣ можно бы было завести библіотеку, помѣстивши ее при церкви центрального села округа. Въ ней съ годами образовалось бы достаточное количество книгъ, необходимыхъ для самообразованія духовенства. Эти библіотеки явились бы весьма цѣнными хранилищами духовнаго богатства, изъ которыхъ всякій пастырь могъ бы черпать необходимый матеріалъ для церковнаго учительства. Свящ. К. Архангельскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Теософія и христіанство.

Въ наши дни всеобщаго упадка истинной, живой вѣры во Христа, всеобщаго шатанія мысли и воли, священный долгъ каждаго пастыря стоять на стражѣ паствы и зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы она не увлекалась никакимъ „лжеименнымъ знаніемъ“, чтобы всякіе „духи лестчи“ не соблазняли и не отторгали отъ истинной Церкви овецъ стада Христова. Подъ вліяніемъ духа времени наше общество отшатнулось отъ „упованія“ отцовъ и поколебало тѣ вѣковые устои, которые принесъ на землю Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ и которыми всегда держался и будетъ держаться весь міръ Христовъ; это, конечно, не могло не отразиться на внутреннемъ состояніи общества и пройти безслѣдно. Ближайшимъ печальнымъ слѣдствіемъ такого измѣненія христіанскимъ завѣтамъ явился духовный голодь или „тревога богоисканія“, какъ мѣтко выразился современный беллетристъ Максимъ Горькій. Къ сожалѣнію общество наше не хочетъ напитать свою алчущую душу истиннымъ „хлѣбомъ“ жизни; оно ищетъ насыщенія не въ религіи христіанской, а въ томъ, что льститъ слуху словомъ „науки“, хотя бы эти науки и были „лже-

именнымъ знаніемъ, граничащимъ съ суевѣріемъ. Въ этомъ отношеніи современное европейское общество какъ нельзя болѣе напоминаетъ собою ту римскую интеллигенцію, которая, предъ пришествіемъ въ міръ Христа Спасителя, потеряла всякую вѣру въ свою официальную религію и обратилась къ разнаго рода безсмысленнымъ и таинственнымъ культамъ Египта, Индіи, Вавилона, Ассиріи, Персіи и другихъ странъ Востока. И въ настоящее время оттуда же широкою волною распространяется, такъ называемая, теософія—тайное ученіе, не далеко ушедшее отъ древней магіи и волшебства. Достигши предѣловъ Россіи теософическое ученіе нашло здѣсь для себя благоприятную почву среди русскаго народа, у котораго въ глубинѣ духа заложено стремленіе къ тайному, мистическому. Теософы пропагандируютъ у насъ свое ученіе, официально разрѣшеннымъ „Теософическимъ обществомъ“ и многочисленными журналами и книгами, издаваемыми какъ въ столицѣ, такъ и въ другихъ городахъ: таковы: „Теософская жизнь“, „Теософское обозрѣніе“, „Вѣстникъ теософіи“, сборникъ статей по теософіи, „Вопросы теософіи“ и мн. др. Мы полагаемъ, что пастыри Церкви вообще и миссіонеры въ частности должны быть знакомы съ теософскимъ ученіемъ, по крайней мѣрѣ съ его сущностью. Только тогда можно надѣяться, что они во время замѣтятъ проникновеніе его въ православную паству и оградятъ вѣрныхъ сыновъ Церкви отъ уловленія въ сѣти богоборческаго ученія. И тѣмъ болѣе необходимо знакомство съ теософіей, что съ внѣшней стороны это ученіе повидимому приближается къ христіанству. Оно прикрывается именемъ Христа, пользуется словами и понятіями христіанской религіи и своею мистическою стороною, въ связи съ амулетами, своего рода заговорами, наговорами и мнимыми чудесами, можетъ имѣть притягательную силу для народа, склоннаго ко всякимъ подобнымъ „новымъ“ вѣрамъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ распространеніе среди него мистическихъ сектъ и особенно хлыстовщины.

Чаловѣкъ неопытный, незнакомый съ сущностью и стремленіями теософіи, не замѣтитъ той рѣзкой грани, той непроходимой бездны, которая отдѣляетъ христіанство отъ этого „лжеименнаго богомудрія“. Между тѣмъ по всей линіи рѣшаемыхъ вопросовъ теософія діаметрально противоположна христіанству; это „лжеименное богомудріе“ есть міровоззрѣніе, въ корнѣ отрицающее христіанство, можно сказать—антихристово ученіе. Оно разрушаетъ христіанство въ самой его основѣ, возвращая общество къ временамъ грубаго древняго язычества и выставляя своимъ идеаломъ древній оккультизмъ Египта, Индіи, Вавилона, Ассиріи, Персіи и т. д.

Тайное ученіе, извѣстное подъ общимъ именемъ оккультизма, въ своемъ историческомъ происхожденіи распадается на двѣ вѣтви: египетскую, поставляемую въ связь съ преданіемъ, идущимъ отъ хитроумныхъ египетскихъ жрецовъ, которые обнаруживали свои тайныя знанія въ извѣстномъ состязаніи съ пророкомъ Моисеемъ предъ Фараономъ, и индійскую, стоящую въ связи съ браманизмомъ и особенно съ буддизмомъ. Эта послѣдняя вѣтвь оккультизма и появилась въ Европѣ подъ именемъ теософіи. Главная инициатива образованія „Теософическаго общества“ принадлежитъ нашей соотечественницѣ Е. П. Блаватской, извѣстной въ Россіи своими „Письмами на родину“ подъ псевдонимомъ „Радды-Бай“¹⁾. Потерявъ всякую надежду когда-либо увидѣть отечество, г. Блаватская вздумала попробовать свои силы на новомъ, какъ оказалось, весьма благодарномъ поприщѣ. Познакомившись близко съ разными таинственными восточными ученіями, она задумала грандіозный планъ созданія новаго „теософическаго“ ученія, которое бы спасло человечество, зафденное матеріализмомъ; подобно Магомету и почти съ такими же средствами, берется она создавать религію. Она выдаетъ себя за ученицу тибетскихъ мудрецовъ—высшихъ адептовъ буддизма, которые будто бы вдохновили ее на подвигъ и

¹⁾ Эти письма помѣщены въ журн. „Русскій Вѣстникъ“, 1881 - 1887 гг.

вѣрная которымъ она и распространяетъ свое ученіе. Въ 1873 году г. Блаватская отправилась въ Америку и, принявъ американское гражданство стала писать книгу на англійскомъ языкѣ „Isis Unveiled“ (Изида безъ покрывала), гдѣ излагала свою доктрину; вмѣстѣ съ тѣмъ она принялась за подыскиваніе подходящихъ помощниковъ. Скоро она заручилась содѣйствіемъ нѣкоего полковника г. Олькота, бывшаго до тѣхъ поръ убѣжденнымъ спиритомъ и сдѣлавшагося послѣ знакомства съ г. Блаватской самымъ горячимъ изъ ея сподвижниковъ; затѣмъ идѣями ея прониклось еще нѣсколько лицъ и такимъ образомъ, составилось зерно „теософическаго общества“, оффиціально открывшагося въ Нью-Йоркѣ 17 ноября 1875 года. Въ 1882 главная организація теософическаго общества была перенесена въ Индію (Мадрасъ) въ предмѣстѣе Адіаръ, которое и является центромъ, откуда ученіе теософовъ распространяется по всему міру. Изъ прилагаемой къ годовому отчету индійскаго общества за 1908 годъ карты теософическаго движенія можно видѣть, какъ сильно растетъ и крѣпнетъ дѣло теософическаго общества. Индія покрыта съ сѣвера до юга и съ востока до запада цѣлою сѣтью теософическихъ вѣтвей, центровъ и кружковъ. Въ одной Индіи до 1909 года дѣйствовала 275 теософическихъ кружковъ, въ которыхъ работало 4631 членъ.

Теософія ставитъ своею задачею осуществить три цѣли:

1) составить начало Всемирнаго братства человѣчества безъ различія вѣръ, расъ и происхожденія,

2) распространить изученіе восточныхъ языковъ и литературы,

и 3) проникнуть въ тайны мірозданія, жизни и смерти, чтобы овладѣть „секретами психическаго и такъ называемаго сверхъестественнаго міровъ“. Всѣ члены общества должны стремиться къ развитію матеріальнаго благосостоянія человѣчества и его духовнаго прогресса, при чемъ первое должно имѣть служебное значеніе по отношенію ко второму.

Теософія, по объясненію теософовъ, есть не религія, а божественное знаніе или наука. Самый терминъ „теософія“ относится не къ единому Богу, а къ богамъ или ко всякому божественному существу и означаетъ не мудрость Божию, а божественную мудрость, т. е. такую, которая принадлежитъ богамъ вообще. Поэтому, усваивая себѣ теософію, человѣкъ становится какъ бы однимъ изъ боговъ. Какъ абсолютная истина, теософія есть сущность всѣхъ религій; она относится къ нимъ, какъ бѣлый лучъ къ отдѣльнымъ лучамъ спектра. Болѣе ясно и опредѣленно отношеніе къ религіи теософіи опредѣляетъ журналъ „Теософская жизнь“. Современная видная представительница теософіи А. Безантъ пишетъ: „Божественная мудрость, какъ небесное свѣтило наше, свѣтитъ всѣмъ безъ исключенія и, не предпочитая одну религію другой, согрѣваетъ одинаково и добрыхъ и злыхъ. Поэтому теософія столько же составляетъ сущность эсotericческаго христіанства, сколько эсotericческаго индуизма, буддизма и магометанства. Слава теософіи именно и заключается въ томъ, что она не хлопочетъ обращать людей въ свою какую то „особую“ вѣру. Ей чуждъ прозелитизмъ. Она утверждаетъ, что существуетъ одна лишь *единая* религія, изъ которой исходятъ всѣ вѣроисповѣданія и что тотъ, кто болѣе преисполненъ любви, милосердія и терпимости, ближе всего къ Сердцу Всевышняго“¹⁾.

Уже изъ такого взгляда на отношеніе теософіи къ религіи вообще и христіанской въ частности ясно видно, что теософія не отдаетъ предпочтенія христіанству предъ другими религіями, не считаетъ его религіей универсальной и единственной, а, слѣдовательно, не признаетъ за нимъ богооткровеннаго характера. Съ точки зрѣнія теософіи христіанство не болѣе истинно, чѣмъ буддизмъ, индуизмъ, магоме-

¹⁾ „Теософская жизнь“ 1908 г. дек.—январь, статья А. Безантъ, „Отношеніе теософіи къ религіи“.

танство, и учение Спасителя будто бы не менѣе ложно, чѣмъ и суевѣрныя традиціи сѣдой старины Востока.

Выходя изъ такихъ принциповъ, теософія приступаетъ къ разсмотрѣнію богословскихъ вопросовъ и, какъ и слѣдовало ожидать, обрушивается жестокою критикою на христіанство. Она прямо заявляетъ, что теперешніе христіанскіе народы не знаютъ и не догадываются о существованіи той „драгоценной жемчужины“, которая скрыта въ Евангеліи и которую можетъ указать только восточная теософія. — „Догматическое христіанство, говоритъ она устами своихъ послѣдователей, имѣло уже свой день. Его притязаніе на обладаніе исключительною санкціею божественнаго откровенія и болѣе, чѣмъ на простое экзотерическое проникновеніе въ истину, очевидно, подлежитъ спору. Люди уже не довольствуются принятіемъ, въ качествѣ прочныхъ положеній, спекуляцій, установленныхъ соборами и конгрессами (т. е. соборами вселенскими и помѣстными), или обоснованіемъ своихъ взглядовъ на проблему существованія на очень недостоверномъ авторитетѣ древнихъ отцовъ Церкви“ ¹⁾. Вотъ какъ смотритъ теософія на историческое христіанство. Христіанство ужъ отжило свой вѣкъ, христіанство не богооткровенно и его догматическія основоположенія, утвержденныя вселенскими соборами и авторитетомъ свв. отцовъ и учителей Церкви должны быть отвергнуты, какъ недостаточно обоснованныя. Но мало этого. „Новѣйшее христіанство, говоритъ теософія, въ историческомъ отношеніи есть возобновленіе мифовъ и мистерій язычества; если оно и можетъ изъяслять претензіи на догматическое значеніе, то необходимо знать, что оно далеко превосходитъ крайнія нелѣпости варварскихъ символовъ вѣры, какъ напр., о вѣчности наказаній“ ²⁾.

Мы вскрыли повязку, упала пелена, доселѣ закрывавшая глаза тѣмъ, кои, по невѣдѣнію, увлекались ученіемъ

¹⁾ „Теософическое обозрѣніе“, 1907 г. № 4, стр. 121.

²⁾ „Вопросы теософіи“, вып. I. Сиб. 1907 г., стр. 27.

антихристіанскаго направлєнія. Что же?.. Ужели они рѣшатся вслѣдъ за теософами признать христіанство въ его церковно-историческомъ пониманіи несостоятельнымъ; ужели вслѣдъ за ними будутъ повторять, что христіанство должно быть объяснено иначе, не въ духѣ соборовъ и свв. отцовъ Церкви; ужели скажутъ, что христіанство должно преломиться сквозь теософскую призму, чтобы имѣть хоть какое-нибудь право на свои притязанія истинной религіи?

Теософы, дѣйствительно, и пропускаютъ Божественный свѣтъ истины Христовой сквозь свою *искусную* мрака заблужденій призму. И мы не узнаемъ нашей религіи. Эта „драгоценная жемчужина“ такъ измѣнилась и *искусно* измышленій „тайнаго богомудрія“, что долго и внимательно нужно искать и присматриваться, чтобы замѣтить и найти ее среди великой фальши и безсовѣтной поддѣлки. А. С.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ. Ректоръ Киевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 3-го января 1910 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Типографія Акціонер. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринг. у.

ГОДЪ

III

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 2.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1911-го года 9-го января.

Содержаніе: I. Нѣсколько мыслей по поводу смерти Л. Н. Толстого. Свящ. Аѳ. Веселицкаго.—II. Современные задачи сельскаго пастыря. (Оковчаніе). Свящ. К. Архангельскаго.—III. Теософія и христіанство (Продолженіе). А. С.—IV. Забѣтка. Какъ устроить въ деревнѣ кредитное товарищество.

Нѣсколько мыслей по поводу смерти Л. Н. Толстого.

„Братья—писатели, въ вашей судьбѣ
„Что-то лежитъ роковое“! Некрасовъ.

Умеръ Л. Н. Толстой. Нѣтъ двухъ мнѣній о значеніи угасшей жизни для всей Россіи: талантливая, а, по признанію нѣкоторыхъ, и гениальная натура умершаго оставила послѣ себя глубокой слѣдъ въ сознаніи современниковъ. Его жизнь, его дѣятельность,—художественно-литературная и религіозно-этическая,—будили наше общественное самосознаніе, создали ему и поклонниковъ и противниковъ, которые, вѣрно, долго еще будутъ спорить о почившемъ. Но не намъ, служителямъ евангелія мира и всепрощенія, примыкать къ этимъ чело-вѣ-

чески-низменнымъ, жалкимъ спорамъ у свѣжей могилы великаго, по даннымъ ему отъ Бога талантамъ, сына родной нашей страны.

Лучше и полезнѣе будетъ для всѣхъ насъ взглянуть на тѣ жестокія жизненныя условія, которыя способствовали неотвратимо уклоненію богоданнаго великаго дара Божія, жившаго въ почившемъ, отъ вѣрнаго пути развитія, которыя привели его къ трагической и жалкой, безотрадно жалкой жизненной развязкѣ. Кто здѣсь оказывается виновникомъ въ гибели самимъ Богомъ дарованной на благо намъ великой человѣческой жизни,—вотъ вопросъ, на который должны мы отвѣтить у гроба лишеннаго христіанскаго погребенія великаго мертвеца, у могилы лучшаго по дарамъ сына родины, могилы, лишенной креста.

Жизнь писателя-художника отражается въ его твореніяхъ, и Л. Н. Толстой во всей полнотѣ изобразилъ эту широкую, тонко-культурную, привольную жизнь дворянской среды въ своихъ произведеніяхъ перваго, художественнаго періода своей дѣятельности. Каждый изъ героевъ и, вообще, лицъ, выведенныхъ имъ въ его романахъ и повѣстяхъ, отображаетъ тѣ или другія стороны этой жизни, участникомъ которой, благодаря богато одаренной натурѣ, былъ самъ писатель. Онъ, несомнѣнно, исчерпалъ лично до дна всѣ культурно-естественныя блага, все счастье, блаженство этой своеобразной жизни. И вотъ мы видимъ у него неподражаемое по художественной правдѣ изображеніе свободнаго, на полномъ просторѣ, развитія естественныхъ человѣческихъ инстинктовъ, страстей, облагороженныхъ даромъ доставшейся культурой и требованіями условной общественной морали, а также требованіями гражданскаго долга. Но если взглянуть пристальнѣе въ жизнь представителей этой счастливой среды, то мы сразу встрѣтимся съ однимъ существеннымъ недостаткомъ: въ жизни этихъ благополучныхъ героевъ совсѣмъ нѣтъ, или очень мало мѣста для развитія и обнаруженія нравственныхъ и религіозныхъ запросовъ человѣческаго духа. Если когда

и проявляются эти, подавленные полнотою земного благополучія, нравственные порывы у героевъ (напр. Нехлюдова), то они ничего не даютъ положительнаго, а лишь разстраиваютъ душевный миръ и вредятъ внѣшнему счастью увлекшагося идеальными порывами человѣка. Живи во всю широту естественныхъ потребностей, пользуйся жизнью, не оглядываясь на надоедливые голоса религіознаго и нравственнаго чувства, и будетъ твоя жизнь счастлива и прекрасна, особенно, если будешь при этомъ блюсти требованія условной общественной морали и слѣдовать требованіямъ сословной чести, такъ-какъ они лишь способствуютъ устойчивости, добронормочности естественныхъ проявленій жизни, облагораживая и возвышая ихъ. Общественное положеніе, служба на различныхъ поприщахъ, высокіе, отвѣтственные посты военные, общественные, политическіе точно также потому и прекрасны и желательны и имѣютъ смыслъ, что даютъ людямъ возможность широко, разнообразно и красиво развернуть свою жизнь съ ея естественными инстинктами, почувствовать глубже наслажденіе ея благами. Правда, не чужда была, какъ будто, и религія въ ея совершеннѣйшей формѣ православія этой счастливой средѣ баловней судьбы, но едва ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что не здѣсь было удобное мѣсто для ея (религіи) внутренняго развитія и усвоенія. Религія креста, самоотреченія не могла бы ужиться рядомъ съ откровеннымъ признаніемъ личнаго счастья и наслажденія жизнью въ ея красивыхъ, чувственно-человѣческихъ обнаруженіяхъ, если бы ея послѣдователи были искренни и не продолжали держаться ея только внѣшне, опять же ради соблюденія показной солидарности съ народомъ, изъ опасенія нарушить гармонію и благолѣпіе своего существованія явнымъ отреченіемъ отъ нея. Притомъ же рационализмъ и атеизмъ, перекочевавшіе еще при прадрѣдахъ въ бібліотеки и души представителей нашей культурной среды и потомъ поддержанные материализмомъ и фейербаховщиной, впитанными въ себя нашими культуртрегерами при шатаніяхъ по Европѣ, способствовали еще болѣе исчезновенію у

насъ искренней, сердечной религіозности, оставивъ лишь, въ большинствѣ, внѣшне-показную принадлежность къ Церкви и народной вѣрѣ отцовъ, и то—ради соблюденія традиціи и сохраненія спокойнаго существованія.

Будучи счастливымъ, кровнымъ по плоти и духу сыномъ этой исключительно благополучной среды, находя здѣсь лично для себя неисчерпаемый источникъ удовлетворенія широкихъ, воспитанныхъ цѣлыми поколѣніями запросовъ своей эстетической природы и восполняя, при этомъ, собственныя переживанія творческимъ изображеніемъ подобной же жизни въ своихъ произведеніяхъ,—умершій писатель испытывалъ въ эту пору, несомнѣнно, полное удовлетвореніе жизнию, которое еще, къ тому же, должно было усиливаться единоплеменнымъ преклоненіемъ всѣхъ предъ его могучимъ талантомъ. Это былъ дѣйствительно и въ глазахъ другихъ и въ собственномъ мнѣніи великій писатель земли Русской; великій не только по художественной глубинѣ постиженія красоты естественной человѣческой жизни въ формахъ и условіяхъ русской дѣйствительности, но великій еще и тѣмъ, что самъ онъ въ своихъ твореніяхъ являлся искреннимъ, горячимъ ея поклонникомъ и участникомъ, исповѣдникомъ и проповѣдникомъ ея смысла, ея основныхъ устоевъ. Подобное гармоническое, сочувственное отношеніе къ предмету своего вдохновенія не часто выпадаетъ на долю писателя, особенно русскаго, и такое исключительное положеніе Толстого давало ему исключительное преимущество и способствовало какъ расцвѣту таланта, такъ и его неотразимому, обаятельному вліянію. Всѣ его произведенія этого періода какъ-бы говорятъ объ одномъ: „смотрите всѣ и поймите, какъ прекрасна сама по себѣ человѣческая жизнь, сколько разнообразныхъ наслажденій даетъ она и въ личной, и въ семейной, и въ общественной, служебной сферѣ существованія. Сколько радостно-трепетныхъ переживаній, сладкихъ, возвышенныхъ чувствъ даетъ человѣку эта жизнь, если онъ прислушается къ голосу природы, присмотрится къ ея красотѣ, если отдастся естественному

влеченію, развитію собственныхъ страстей. Жизнь неисчерпаема по богатству наслажденій, радостей, удовольствій, она сама въ себѣ заключаетъ и смыслъ и цѣль человѣческаго существованія. Напрасно изъ-за этой естественной, земной жизни искать еще какой-то другой, высшей, духовной: порывы къ ней—обманъ, иллюзія, и вы видите на моихъ герояхъ, какъ они всякій разъ испытывали только напрасныя тревоги, разстраивали свое счастье, когда порывались къ этой мечтательной, неосуществимой жизни!“

Вотъ, по нашему мнѣнію, тотъ несложный натуралистическій катехизисъ, исповѣдникомъ котораго былъ нѣкогда Л. Н. Толстой, и который отразился въ его художественномъ творчествѣ; онъ помогъ ему стяжать славу писателя земли Русской, такъ-какъ вполнѣ отражалъ общую идеологию его среды и не препятствовалъ писателю углубиться въ художественное изображеніе ея жизни именно въ тѣхъ рамкахъ, въ какихъ она дѣйствительно протекала. Но то же обстоятельство придало его творчеству и выдающуюся односторонность: если онъ сталъ признаннымъ писателемъ „земли“ Русской, то не былъ писателемъ Русскаго „неба“ даже въ той мѣрѣ, въ какой являлись его современники, второстепенные русскіе писатели. Да, для Л. Н. Толстого, какъ и вообще для тогдашней культурно-просвѣщенной среды Русское „небо“—религіозные идеалы, религіозная жизнь роднаго православнаго русскаго народа,—были, по существу, terra incognita. Общеніе въ этой области съ народомъ, художественное постиженіе религіозной настроенности не только народной души, но и нѣкоторыхъ исключительныхъ личностей изъ собственной сословной среды были совершенно чужды великому писателю. Эту односторонность его душевной жизни, исключительно поглощенной широкимъ развитіемъ естественно-земныхъ сторонъ человѣческой природы, самодовольнымъ упоеніемъ красотой ея обнаруженій, подтверждаютъ намъ всѣ изображенные писателемъ лица его повѣствованій. Мы уже отмѣтили выше, что всѣ самоотверженные, безкорыстные порывы и намѣренія героевъ, подсказанные имъ безпокойной религіозной со-

вѣстію, обычно не приводятъ къ цѣли, нарушая лишь гармонію и счастье жизни; точно также и высоко-нравственныя душевныя свойства лицъ изъ простаго народа, напр. Каратаева, представляются писателю просто естественными, природными чертами народа, нимало не зависящими отъ религіозныхъ вліяній, наравнѣ съ такими естественными животными типами, какъ Ярошка.

Сводя во-едино изображенныя выше исторически-сложившіяся культурныя условія родной среды, гдѣ суждено было раскрыть свои силы такой богато-одаренной натурѣ, какъ Л. Н. Толстой, мы въ состояніи понять и объяснить всю односторонность, самодовольную, эгоистически-естественную замкнутость только въ земныхъ интересахъ его міросозерпанія въ періодъ расцвѣта могучихъ природныхъ жизненныхъ силъ. Но это же исключеніе изъ жизни другихъ, высшихъ, духовныхъ запросовъ, подавленіе ихъ богатствомъ и широтой временныхъ, хотя бы и възвышенныхъ эстетическихъ интересовъ должно было неизбежно превратить потомъ жизнь писателя въ страшную, поучительную для насъ и мучительную для него самую трагедію. И созерцателями, а отчасти и участниками ея явились, дѣйствительно, всѣ представители мыслящаго вѣрующаго и невѣрующаго русскаго общества, съ запоздалымъ сожалѣніемъ и ненужными слезами провожавшаго разбитую безжалостно и жалко погасшую на виду у всѣхъ насъ великую жизнь. Эта трагедія, т. е. мука, независящая отъ личныхъ усилій человѣка и направленія его воли доброй или злой, началась для Толстого сразу же съ наступленія того критическаго перелома, когда „прелесть міра сего“—чувственно-земная жизнь перестаетъ его удовлетворять и въ душѣ встаютъ иные вѣчные запросы о смыслѣ существованія. Для средней природы чаще всего такой кризисъ благополучно кончается какимъ-либо компромиссомъ: человѣкъ начинаетъ крѣпче придерживаться позабытой въ пылу жизни вѣры, но не порываетъ связи и съ обманувшимъ міромъ, урывая у него хотя кусочки—крохи прежнихъ утѣхъ.

Но могъ ли удовлетвориться такой едѣлкой Толстой, натура исключительно широкая и могучая? Пѣть и пѣть: для подобныхъ натуръ одинъ выходъ и рѣшеніе,— или все, или—ничего! Разъ обманула его своими миражами эта суетная, роскошная, красивая естественная жизнь, утратила смыслъ,—онъ долженъ былъ отвергнуть ее со всеми культурными формами, способствующими и поддерживающими ее процвѣтаніе. И Толстой послѣдовательно явился ихъ отрицателемъ жестокимъ, безпощаднымъ, озлобленнымъ, какимъ можетъ быть человѣкъ по отношенію къ другу, во всемъ оказавшемуся продажнымъ и измѣнчивымъ. Въ этомъ—корень неслыханнаго анархизма умершаго писателя. Но нужно же было чѣмъ-нибудь жить, нужно было найти новый смыслъ жизни взамѣнъ утраченнаго, который бы отвѣчалъ ясно и опредѣленно на пробудившіеся духовные запросы, утолил бы смертельное томленіе истерзанной сомнѣніями души: могучій инстинктъ самосохраненія возставалъ противъ малодушнаго рѣшенія въ родѣ самоубійства. Обманула одна форма жизни,—должна быть другая, высшая, вѣчная, которая не измѣнитъ и дастъ истинный смыслъ и оправданіе жизни, долженъ же быть такой принципъ ея, который былъ бы совершенно независимъ отъ отвергнутыхъ, обманчивыхъ призраковъ земного счастья, благополучія и всѣхъ культурныхъ утѣхъ?

За отысканіемъ отвѣта на тревожный запросъ Толстому не нужно было ходить далеко: на его глазахъ протекала жизнь простого народа, отчасти—его же крѣпостныхъ, полная тихихъ духовныхъ радостей, чуждая отчаянія, не взирая на виѣшнее убожество, обездоленность, и эту жизнь давала, несомнѣнно, народу только его вѣра во Христа, въ Его обѣтованія. И вотъ первымъ шагомъ, первой попыткой выйти изъ отчаянія—была для Л. Н. попытка слиться съ народомъ въ его религіозныхъ урованіяхъ; но здѣсь неотвратимо встала предъ нимъ роковая стѣна предубѣжденія и презрительнаго отношенія къ виѣшнимъ наивно-дѣтскимъ и, какъ привыкъ

онъ думать, суевѣрнымъ, чуть ли не языческимъ обнаруженіямъ народной вѣры. Понять естественныя проявленія русской народной души было и раньше доступно писателю-художнику, но постичь его религіозный духовный міръ и слиться съ нимъ оказалось теперь невозможнымъ для искателя высшей духовной жизни, и Толстой остался одинокимъ, неудовлетвореннымъ по-прежнему. Не могъ обрѣсти выхода изъ мучительныхъ недоумѣній о смыслѣ истинной новой жизни, по которой томила душа писателя, Л. Н. и въ искреннемъ, откровенномъ общеніи съ представителями Православной Церкви: и тутъ препятствіемъ, охлаждающимъ самую эту искренность, парализующимъ сердечный порывъ, были для него установившіеся въ его средѣ и вообще въ обществѣ взгляды на всю внѣшнюю организацію церковной жизни, какъ только на необходимую, пока, сторону въ общемъ строѣ народно-государственной жизни. Для человѣка, отвергнувшаго уже въ душѣ всю цѣнность и смыслъ формъ культурной жизни, понятно, Церковь въ такомъ представленіи не могла имѣть рѣшающаго, авторитетнаго значенія. Такъ роковымъ образомъ Толстой оказался одинокимъ, предоставленнымъ только собственнымъ силамъ предъ рѣшеніемъ своего личнаго вопроса жизни, вопроса религіозно-нравственнаго; положеніе—единственное въ своемъ родѣ, и диво ли, что оно привело его къ такимъ страннымъ выводамъ и рѣшеніямъ, которые долго еще будутъ волновать и смущать русскую мысль, русское общество.

Мы всѣ знаемъ изъ собственныхъ сочиненій умершаго писателя второго періода его жизни, какъ своеобразно разрѣшилъ онъ для себя мучительный душевный кризисъ. Не найдя его рѣшенія въ готовыхъ уже формахъ проявленія высшей, истинной духовной жизни у простаго народа и, вообще, въ ученіи Православной русской Церкви по указаннымъ выше причинамъ, Толстой дерзновенно и самонадѣянно, отвергнувъ всякое посредство, рѣшилъ найти откровеніе истиннаго смысла жизни человѣческой въ ея первоосновѣ и

первоисточникъ—Евангеліи. II, послѣ трудныхъ исканій и усилій, Толстой, какъ казалось ему самому, открылъ здѣсь, въ ученіи Христовомъ, главнымъ образомъ въ Нагорной проповѣди, единственно истинный законъ человѣческой жизни: онъ заключается въ совершеннѣйшемъ, полномъ исполненіи человѣкомъ заповѣди любви. Эта истина, разъ озаривъ сознание его, возвратила измученнаго отчаяніемъ искателя къ жизни: въ законѣ любви увидѣлъ онъ новый разумный смыслъ существованія, въ немъ исчезали всѣ сомнѣнія, имъ побѣждался самый страхъ смерти. Истолкованію для другихъ и проведенію въ личной жизни животворнаго закона съ той поры отдался всецѣло умершій писатель. Но мы знаемъ, къ какимъ результатамъ, совершенно неожиданнымъ, парадоксальнымъ приводило Толстого его фанатическое, можно сказать, стараніе убѣдить въ открытой, якобы, имъ истинѣ весь міръ, и какъ бесплодны были его личные усилія осуществить ее. Нѣтъ больше сомнѣній, что вся его жизнь съ минуты озарившаго его какъ будто постиженія закона человѣческаго существованія превратилась въ незримую міру, но глубоко чувствуемую самимъ писателемъ трагедію духа.

Взять, хотя бы, отношеніе къ его новой моральной проповѣди родственной ему интеллигентно-культурной среды, полное сомнѣній, удивленія и недовѣрія, печальные результаты усвоенія его ученія нѣкоторыми почитателями, разбившимися изъ-за того собственное благополучіе, наконецъ, явный протестъ родной семьи, почувствовавшей сразу въ осуществленіи мечтаній своего главы явное покушеніе на свое благосостояніе. А потомъ—явно лицемѣрное и своекорыстное преклоненіе предъ нимъ и прославленіе новой дѣятельности и взглядовъ возродившагося къ новой жизни писателя со стороны литературно-интеллигентной и политической части нашего общества, зараженной революціонно - анархическими идеями: развѣ оно не должно было смущать его до глубины души, разъ онъ понималъ, что его ученіемъ, имѣющимъ совершенно другую основу, пользуются для подрѣзьянныя своихъ

теорій и выдають его за своего сторонника. Тяжелымъ бременемъ на душу Толстого пало, несомнѣнно, и то, совершенно законное и справедливое, осужденіе со стороны Православной Церкви, которое постигло его, какъ ему лично казалось, единственно за борьбу противъ житейской и религіозной лжи. Ко всему этому присоединялось еще все возроставшее убѣжденіе въ собственномъ безсиліи, скорѣе даже въ физической невозможности осуществить хотя бы лично для себя истинный законъ жизни: отвергнутыя формы культурнаго быта, ошибочныя взгляды на смыслъ и цѣль человѣческаго существованія, требованія и обязательства семейной и общественной жизни желѣзнымъ кольцомъ продолжали давить его, какъ въ тискахъ, до самой смерти. Последняя попытка насильно вырваться изъ этой атмосферы, укрыться въ одиночествѣ, и та окончилась на виду всѣхъ насъ полной неудачей: пришлось умереть великому писателю подъ охраной тѣхъ лицъ, отъ которыхъ онъ бѣжалъ, тщательно оберегаемымъ отъ свободнаго общенія даже съ собственной супругой, не говоря уже о представителяхъ истинной вѣры Христовой, тайну которой, быть можетъ, и постигла бы правдолюбивая душа умирающаго.

Поистинѣ, трудно и представить ужаснѣе того душевнаго краха, какой выпалъ на долю Толстого, но гдѣ же причина? Думается, она заключается въ страшномъ, роковомъ самообольщеніи, которому поддался въ пору разрѣшенія духовнаго кризиса умершій писатель. По существу, на самомъ дѣлѣ, онъ вовсе не возродился къ новой жизни, когда онъ, какъ ему показалось, открылъ ея смыслъ и законъ. Святое евангеліе осталось для него закрытой книгой и послѣ его изученія, и онъ просто лишь разсудкомъ, умомъ своимъ похитилъ съ его страницъ законъ божественной жизни, оставаясь чуждымъ ея по своему органически впитанному раціоналистическому невѣрію. Отсюда и заимствованная имъ истина благодатной недоступной ему жизни содѣлалась для него не животворной силой, а „огнемъ поядающимъ“, и была ис-

кажена имъ какъ по существу, такъ и въ невозможномъ при-
мѣненіи къ естественной жизни міра сего, сыномъ котораго
онъ неизмѣнно оставался. Здѣсь то и объясненіе безвыходна-
го трагизма, неудачъ, терзаній до конца, и если раньше онъ
былъ реально счастливъ въ своемъ ослѣпленіи благами и на-
слажденіями естественной жизни, то теперь онъ сталъ вдвой-
нѣ жалокъ въ своемъ оболъщеніи, какъ призрачный облада-
тель и истолкователь тайны жизни духовной, вѣчной, кото-
рая до конца оставалась чуждой ему самому по невѣрью.
Это ли не „роковое“ въ судьбѣ умершаго писателя, повторя-
ющееся и на многихъ другихъ; но послѣднее повтореніе „ро-
коваго“ не должно ли измѣнить объясненіе его причинъ, ка-
кое обычно подразумѣвается, особенно ввиду завершившейся
жизни Л. Н. Толстаго. Трагизмъ въ жизни болѣе чуткихъ
сыновъ родной земли создается не случайными внѣшними
причинами, а одностороннимъ складомъ нашей дѣйствитель-
ности, давно разобщенной въ высшихъ интеллигентныхъ,
культурныхъ слояхъ съ живымъ христіанскимъ самосознані-
емъ до невозможности обрѣсти потерянную вѣру цѣною даже
искреннихъ, честныхъ усилій. Грустныя думы навѣваетъ
смерть Л. Н. Толстаго, и не намъ творить судъ надъ его
могилой. Это—дѣло Божіе. Свящ. *Ав. Веселичій.*

Современныя задачи сельскаго пастыря.

(Окончаніе ¹⁾).

III.

Церковное учительство, проходящее со всякимъ стараніемъ, создаетъ пастырю громаднѣйшій авторитетъ. Такой пастырь со властію можетъ править своею паствою и даже

---

¹⁾ См. № 1-й за 1911-й г.

влиять на ея общественную жизнь. Переходя къ изображенію дѣятельности сельскаго пастыря въ области социальнаго общественной жизни, мы прежде всего должны замѣтить, что она является едва ли не самою опасною стезею на пастырскомъ пути. Условія современной общественной жизни такъ усложнились и приняли такой острый, а иногда и боевой характеръ, что неопытному общественному дѣятелю всегда грозитъ опасность впасть въ ту или другую крайность.

Минувшее освободительное время съ поразительною ясностію показало полную неподготовленность нашего духовенства къ этого рода дѣятельности. Оно проспало пробужденіе въ народѣ общественныхъ интересовъ. Вслѣдствіе этого оно не явилось въ нужный моментъ предъ народомъ и не направило его проснувшихся общественныхъ силъ по нормальному руслу для вящаго укрѣпленія въ нашемъ отечествѣ здоровой общественности. Къ нему въ эту критическую минуту явились непризванные руководители и толкнули его въ омутъ революціонныхъ бредней.

Что же можетъ сдѣлать просвѣщенное руководство добраго пастыря въ общественной жизни въ нашемъ народѣ?

Посильно отвѣчая на этотъ вопросъ, мы прежде всего должны замѣтить, что руководство пастыря общественною жизнью народа вовсе нельзя понимать въ томъ смыслѣ, какъ его поняли нѣкоторые, такъ называемые пастыри-прогрессисты, принимавшіе активное участіе въ освободительномъ движеніи и критиковавшіе предъ своими пасомыми общественные порядки и представителей гражданской власти. Не дѣло пастыря, служителя мира, поддерживать какое бы то ни было общественное волненіе. Его задача урегулировать общественную жизнь на евангельскихъ началахъ. И прежде всего въ данномъ случаѣ онъ долженъ всѣ мѣры приложить къ тому, чтобы воспитать нормальную личность человѣка. Въдъ каждое общество слагается изъ множества индивидуумовъ, объединенныхъ тѣми или другими интересами. Чѣмъ нравственно безупречнѣе будутъ отдѣльные инди-

видуумы, тѣмъ eo ipso нормальнѣе будетъ и то общество, которое слагается изъ нихъ. Христіански воспитанная личность, будь то начальникъ или подчиненный, всегда будетъ жить и дѣйствовать справедливо и ничего не допустить противнаго правдѣ и истинѣ. Вотъ почему мы и настаиваемъ на томъ, чтобы пастыри Церкви, желая улучшенія общественной жизни, больше прилагали силъ къ воспитанію на христіанскихъ началахъ человѣческой личности.

Только путемъ постепенной христіанизации общества возможно коренное и прочное преобразование общественной жизни. Вотъ почему Христосъ-Спаситель требуетъ внутренняго перерожденія отъ своихъ послѣдователей, заповѣдуетъ прежде всего внутри себя созидать царство Божіе, потому что виѣшнее благоустройство является результатомъ внутренняго благообразія. Въ Евангеліи нигдѣ мы не найдемъ никакихъ проектовъ, касающихся земного благополучія; напротивъ, оно все отъ начала до конца проникнуто одной идеей царства Божія на землѣ, которое, начинаясь въ духѣ человѣческомъ, постепенно раздвигаетъ свои границы, превращая человѣчество въ богоносное братство и міръ въ богоносный космосъ.

Итакъ, зерно здоровой общественной жизни таится въ личности человѣка; на ея то воспитаніе прежде всего и должны обратить вниманіе пастыри Церкви. Личность человѣческая, по естественному порядку вещей, прежде всего раскрывается и развивается въ кругу того небольшого общества, которое называется семьей и которое обуславливается кровными узами родства. Здѣсь дѣйствительно формируется личность, здѣсь создаются идеалы общности на здоровыхъ началахъ естественнаго родства. Если бы люди при-
выкли смотрѣть и на государство, какъ на большую семью, тогда уничтожилась бы добрая половина тѣхъ анамалій, которыми переполнена современная общественная жизнь. Въ виду столь тѣснаго взаимоотношенія семьи и общества, въ интересахъ послѣдняго, семья должна находиться подъ са-

мымъ бдительнымъ надзоромъ пастыря. Здѣсь для него открывается безграничное поле дѣятельности.

Прежде всего, конечно, старанія пастыря должны быть направлены на улучшеніе положенія женщины въ семьѣ, которое вообще является здѣсь приниженнымъ. А вѣдь она служитъ главнѣйшимъ факторомъ общественнаго прогресса. Женщина-мать насаждаетъ первыя сѣмена добра и правды въ душу дитяти, будущаго гражданина. Материнская школа оставляетъ въ душѣ ребенка неизгладимыя впечатлѣнія. И, конечно, чѣмъ развитѣе и свободнѣе женщина-мать, тѣмъ благотворнѣе будетъ ея воспитательное значеніе въ семьѣ. Но что сказать о заурядной русской женщинѣ, обычно безграмотной и забитой? Какое можетъ она дать воспитаніе своимъ дѣтямъ? Къ сожалѣнію, печальная дѣйствительность убѣждаетъ насъ въ томъ, что крестьянская женщина-мать до сего времени являлась и является не болѣе, какъ самою, вскармляющею своихъ дѣтенышей. Сельскіе пастыри, жаждущіе общественной дѣятельности, должны бы, по нашему мнѣнію, прежде всего воспитать изъ русской женщины хорошую мать; довести ее до сознанія, что она отвѣтственна за доброе воспитаніе своихъ дѣтей. А для этого они должны позаботиться о развитіи школьной грамотности среди крестьянскихъ дѣвушекъ. Школьное образованіе ихъ должно примѣняться къ назначенію женщины. Недостаточно сопровождать ученіе грамотѣ дѣвочекъ наученіемъ ихъ еще кое-какимъ руководѣліямъ, а необходимо посвятить ихъ въ тайны педагогич. Если только удастся нашимъ пастырямъ хоть что-либо сдѣлать въ этой области, то они тѣмъ самымъ сдѣлаютъ крупный вкладъ въ сокровищницу общественнаго прогресса.

Далѣе. Наша деревня стонетъ отъ безобразнаго и безшабашнаго крестьянскаго пьянства. Много у насъ говорятъ и пишутъ о матеріальной захудалости крестьянства. Но если бы тѣ милліоны рублей, которые проходятъ чрезъ казенки, были удержаны въ крестьянскихъ карманахъ, то навѣрное бы матеріальное положеніе деревни улучшилось. Въ виду этого

наши пастыри, близко стояшіе къ народу, должны всѣ силы свои направить къ тому, чтобы, если не совсѣмъ остановить, то хотя бы сколько-нибудь парализовать это зло. Съ ослабленіемъ народнаго пьянства улучшится и общественная жизнь въ нашей деревнѣ.

Свящ. К. Архангельскій.

Теософія и христіанство.

(Продолженіе ¹⁾).

На первомъ планѣ въ теософіи, какъ и во всѣхъ другихъ религіозныхъ ученіяхъ, стоитъ ученіе о единствѣ Божіемъ. Есть одна Верховная жизнь, изъ которой истекаютъ всѣ жизни, одинъ Духъ, Начало и Конецъ всего. Таковъ краеугольный камень и христіанства и теософіи. Но этотъ единый Верховный Духъ Божества представляетъ Три Лица, Троицу, по христіанскому ученію. Совсѣмъ не то мы видимъ у теософовъ. „Вмѣсто того, чтобы говорить о Богѣ Отцѣ, Богѣ Сынѣ и Богѣ Духѣ Святомъ, теософія говоритъ о трехъ Логосахъ. Первый Логосъ—корень бытія—проявляется, какъ Воля; второй—знаніе и любовь—проявляется, какъ Божественная мудрость; третій Логосъ, проявляющійся, какъ творческая дѣятельность, есть творческій Духъ, присущій всякой матеріи, всѣмъ формамъ“ ²⁾. Слѣдовательно, какъ уже можно было замѣтить, ученіе о св. Троицѣ, по объясненію теософіи, не составляетъ исключительной особенности религіи христіанской. — „Философія индусовъ,—читаемъ, дѣйствительно, въ журн. „Теософическое обозрѣніе“,—признаетъ Сата, Шита и Ананда, тогда какъ голосъ народа призываетъ Брама, Вишну у Магадеву. Парсизмъ говоритъ объ Агурамзда, Ангро—Майньюисъ и Армути. Буддизмъ говоритъ объ

¹⁾ См. № 1-й за 1911 г.

²⁾ „Вопросы теософіи“, вып. 1, стр. 151—152.

Амитабъ, безграничномъ свѣтѣ, объ Авалокитесвари и Ман-
джуфи. Еврей—о Кетерѣ, Бина и Шокина. Христіанинъ—
объ Отцѣ, Сынѣ и св. Духѣ. Только мусульманинъ по из-
вѣстнымъ историческимъ причинамъ не присоединяется къ
этому общему хору¹⁾. Точно также и ученіе о воплощеніи
Второго Лица, въ его теософскомъ пониманіи, не составля-
етъ исключительной принадлежности только христіанства.—
„Во всѣхъ религіяхъ міра—говоритъ теософія—второе лицо
Троицы воплощается и раскрывается людямъ, какъ Богоче-
ловѣкъ, въ образѣ челоуѣка. Это не исключительная особен-
ность христіанства, такъ какъ встрѣчается во всѣхъ религі-
озныхъ ученіяхъ. Вездѣ это второе лицо, этотъ Логосъ вы-
зываетъ благоговѣйное поклоненіе, хотя носитъ иныя на-
званія“²⁾, какъ, напр., Шри, Кришна, Будда, Магометъ³⁾.
Чѣмъ же по крайней мѣрѣ объясняется такое сходство? По
объясненію теософіи, сходство религій объясняется тѣмъ,
что всѣ онѣ произошли отъ одного корня, отъ одного источ-
ника—Высшаго Разума. Утвержденіе, конечно, ошибочное:
отъ одного источника не могли произойти религіи, часто вза-
имно исключаютія другъ друга. Сходство это давно объяс-
нено тѣмъ, что всѣ религіи есть грубое извращеніе христі-
анства, или отголоски первобытныхъ ветхозавѣтныхъ вѣрова-
ній. Идеи христіанства и древняго іудейства такъ или иначе
перешли и въ религіозныя воззрѣнія всѣхъ другихъ народовъ.

Какъ же смотритъ теософія на нашего Божественнаго
Учителя Иисуса Христа? Теософскій Христосъ не можетъ
быть названъ Евангельскимъ Христомъ. Теософія отвергаетъ
Его Божественное происхожденіе и достоинство, отрицаетъ
дѣло Христа, Его смерть, воскресеніе и вознесеніе на небо,
какъ понимаетъ ихъ Православная Церковь, и даже въ из-
вѣстномъ отношеніи не признаетъ Его реальной дѣйстви-
тель-

¹⁾ „Теософическое обозрѣніе“, 1907 г. № 1, стр. 12.

²⁾ „Вопросы теософіи“, вып. I, стр. 154—155.

³⁾ Ibid., стр. 189.

ности.— „Теософія—читаемо въ „Вопросахъ теософіи“—отличаетъ историческаго „Христа“ отъ мистическаго „Христа“. Слово „Христось“ выражаетъ скорѣе состояніе, чѣмъ самого челоуька (?). Христось не принадлежитъ одной какой-либо религіи, одной націи, одной семьѣ челоуьчества. Самыя различныя религіи исповѣдуютъ Его, въ Немъ заключается весь ихъ смыслъ. Онъ есть тотъ великій идеаль, къ которому стремится все челоуьчество“ ¹⁾. „Мистическій Христось—это состояніе души, а не Богочелоуькъ“ ²⁾. Очевидно, такой „мистическій“ Христось не можетъ уложиться въ рамки христіанскаго пониманія. Мистическій Христось, по объясненію теософіи, является какою то абстракціей, неуловимымъ идеаломъ; Онъ — просто „состояніе души“, извѣстное психическое переживаніе души безъ ея реального идеала.

Что касается историческаго Христа,—Христа, какъ извѣстной исторической Личности, то, по ученію теософіи, Онъ можетъ быть названъ великимъ духовнымъ Учителемъ, Основателемъ христіанства, но Онъ нисколько не выше основателей другихъ религіозныхъ ученій.— „Теософія признаетъ, что есть другіе Учители, основавшіе другія ученія и занимающіе по отношенію къ тѣмъ милліонамъ душъ, которыя поклоняются имъ, то же положеніе, какое Христось занимаетъ по отношенію къ Христіанской Церкви... Каждой челоуьческой душѣ ея Учитель—дѣйствительно единственный Учитель, и каждый имѣетъ право дорожить больше всего своимъ. Но теософія учитъ не считать христіанскую религію единственнымъ откровеніемъ Божіимъ, а радоваться тому, что Господь проявилъ Себя разнo и чрезъ многихъ Своихъ пророковъ, и различными путями. Слѣдовательно, никакую религію теософія не можетъ считать единственнымъ откровеніемъ и единственнымъ путемъ къ Богу. Напротивъ,

¹⁾ „Вопросы теософіи“, выш. I., стр. 159.

²⁾ Ibid., стр. 159.

теософія утверждаетъ, что Богъ Единъ, но что всѣ люди братья и всѣмъ равно открытъ путь къ Отцу. Вездѣ, гдѣ сердце жаждетъ и ищетъ Бога, оно находитъ этотъ путь и приходитъ къ Нему“¹⁾).

Вотъ какъ смотритъ теософія на христіанство и какъ понимаетъ его основные догматы! Все, что составляетъ „raison d'être“ нашей религіи—все это, по мнѣнію теософіи, есть во всѣхъ языческихъ религіяхъ—и буддѣйской, и магометанской, и китайской и др. Не на Синаѣ и не въ Іерусалимѣ или въ Галилеѣ открыта великая и Божественная истина; іудаизмъ есть временный моментъ въ ходѣ откровенія; христіанство же не богооткровенно, и если порой и намекаетъ на истину, то „безсознательно и единственно потому, что во всякомъ заблужденіи есть зерно истины“. Но чтобы отыскать его и вышелушить изъ подъ коры предрасудочныхъ наростовъ и наслоеній нужно сдѣлаться теософомъ, нужно усвоить себѣ совершенную свободу отъ всякихъ связующихъ авторитетовъ той или другой религіи. „Теософъ есть тотъ, который даетъ всѣмъ теорію дѣлъ Божіихъ не на основаніи откровенія, а на основаніи собственнаго вдохновенія. Человѣкъ, однажды покинувшій старый путь рутинны и вступившій на прочный путь независимой мысли,—это теософъ, оригинальный мыслитель, искатель вѣчной истины, могущій собственнымъ вдохновеніемъ разрѣшить вѣчную проблему“²⁾).

Итакъ теософы „покинули старый путь рутинны“, покинули,—и въ яростномъ ослѣпленіи готовы стереть христіанскую религію съ лица земли: она уже имѣла свой день, она отжила уже время свое и должна уступить мѣсто „лжеименному богумудрію“. Да и что для теософовъ христіанство? „Рѣшая теорію дѣлъ Божіихъ“ на основаніи „собственнаго вдохновенія“, теософы превратили его въ языческій культъ пьянства и разврата, а на Христа смотрятъ, какъ на выс-

¹⁾ „Вопросы теософіи“, вып. I, стр. 154—155.

²⁾ „Вѣстникъ теософіи“, 1908 г. апрѣль, стр. 218.

шаго выразителя языческаго Діонисія! Вотъ что читаемъ мы въ „вопросахъ теософіи“: „За 800 лѣтъ до появленія христіанства его миссія возвѣщается у древнихъ грековъ посредствомъ игры Діонисія, гдѣ въ религіозный культъ впервые вносятся вино. Діонисій—предвозвѣстникъ Христа. Этотъ фактъ былъ понятъ Іоанномъ (евангелистомъ), который больше всѣхъ апостоловъ зналъ оккультный смыслъ христіанства, и онъ указываетъ въ Евангеліи на этотъ фактъ, повѣствуя въ самомъ началѣ о чудѣ въ Канѣ Галилейской претворенія воды въ вино“¹⁾. Дальше идти, кажется, некуда. Повидимому, теософія разрушила христіанство, повидимому, бросила эту драгоценную „жемчужину“ въ кучу навоза и мусора языческихъ религій. Но увы! Пусть не обольщаютъ себя теософы понапрасно, пусть не думаютъ, что теперь насталъ день для теософіи, что скоро-скоро засіяетъ на высотахъ слава ея. Нѣтъ,—свѣтъ Христовой истины свѣтитъ во тьмѣ и тьма его не объясть. Много на своемъ вѣку пришлось пережить христіанству, не одинъ разъ „лжеименное знаніе“, недостойное даже и слова „наука“, подкапывалось подъ его основы. И всякій разъ неудачно: ибо христіанство—незыблемая скала, на которой неизгладимыми буквами стоятъ слова его Божественнаго Учителя: „созижду Церковь Мою, и врата адавы не одолѣютъ ей (Мѣ. 16, 18). И не трудно предвидѣть, чѣмъ кончатся тщетныя попытки теософовъ утолить жажду вѣв источника воды живой: фантастическое ученіе ихъ рухнетъ само собою; христіанство же будетъ вѣчно сіять подобно лучезарному солнцу.

Изъ дальнѣйшаго изложенія теософскаго ученія на основаніи статей, помѣщенныхъ въ теософскихъ журналахъ, будетъ видно, что теософія „не хлопочетъ обращать людей въ свою какую то „особую“ вѣру“, потому что вообще не содержитъ никакой вѣры и слова Богъ на ея языкѣ пустой

¹⁾ „Вопр. теос“, вын. I, стр. 104—105.

звукъ, не имѣющей того содержанія, которое соединяется съ этимъ понятіемъ въ религіяхъ.

При основаніи перваго теософическаго общества были выдвинуты „принципы единства человѣка со вселенной и Божествомъ; утверждено универсальное братство всѣхъ народовъ на почвѣ любви, терпимости и взаимопомощи, а путь къ совершенству былъ предположенъ въ многократныхъ воплощеніяхъ духа. въ исполненіи абсолютно-справедливаго возмездія (карма)“ ¹⁾. Это—основные тезисы, на которыхъ зиждется все зданіе теософическаго ученія, главные элементы, изъ которыхъ слагается вся философія, весь мистицизмъ теософіи. Но эти принципы не имѣютъ ничего общаго съ принципами христіанскаго ученія. „Принципъ единства человѣка со вселенной и Божествомъ“ разрѣшается въ Библии такимъ образомъ. Тѣло человѣка создано изъ праха, земли и, слѣдовательно, состоитъ изъ тѣхъ же элементовъ, изъ которыхъ творческимъ глаголомъ Божиимъ создана вся вселенная. Значитъ, по тѣлу своему человѣкъ представляетъ единство, или, лучше сказать, тождество по матеріалу со вселенной. Единство же человѣка съ Богомъ Библия основываетъ на томъ, что душа человѣка есть какъ бы „искра Божія“. Творецъ „вдунулъ“ въ тѣло человѣка „дыханіе жизни“ и онъ сдѣлался образомъ и подобіемъ Божиимъ. Такимъ образомъ, человѣкъ является существомъ духовно-тѣлеснымъ. По тѣлу онъ тождественъ со вселенной, а по духу—отраженіе Божества, образъ и подобіе Его. Здѣсь существенно различаются Высочайшій Духъ, Творецъ и сотворенная матерія, міръ матеріальный и духовный, при чемъ человѣкъ, какъ существо духовно-тѣлесное по своей природѣ, принадлежитъ къ обоимъ мірамъ.

Не такое единство человѣка со вселенной и Божествомъ разумѣетъ теософія. На первый планъ и исключительно она выдвигаетъ матерію, изъ которой, по ея ученію, составлена и вселенная, и тѣло человѣка, и душа его, и духъ—„чистѣй-

¹⁾ „Теософ. жизнь“, 1908 г. № 2, стр. 29.

шій духъ“, т. е. Само Божество. Повидимому, получается нѣчто странное и непонятное съ христіанской точки зрѣнія. Но съ точки зрѣнія теософій все объясняется просто, такъ какъ, не отличая по существу природы духа и матеріи, она отождествляетъ то и другое. Основой всего существующаго теософія признаетъ одну матерію, а духъ, духовное есть ни что иное, какъ только утонченіе матеріи, вслѣдствіе чего и различіе между матеріей и „чистымъ духомъ“ не качественное, а количественное, зависящее отъ числа вибрацій (колебаній) „астральныхъ“ атомовъ. „Англійскій ученый Круксъ—читаемъ въ журн. „Теософская жизнь“—установилъ, что если матерія даетъ отъ 30 до 32 тысячъ вибрацій или движеній атомовъ въ одну секунду, то результатомъ этого бываетъ звукъ отъ самаго низкаго до самаго высокаго. Отъ одного милліона до 34 билліоновъ вибрацій въ секунду даютъ электричество. Отъ одного, двухъ квадриллионовъ до 36 квадриллионовъ—даютъ сначала теплоту, а потомъ свѣтъ“¹⁾. При дальнѣйшемъ увеличеніи вибрацій атомовъ или, какъ говорятъ теософы, „отъ дѣленія матеріи на атомы безпредѣльно и безконечно“ получается эфиръ, первичная матерія. „Если мы будемъ нагрѣвать какое-нибудь простое тѣло, напр., свинець, во все-увеличивающейся температурѣ, то достигнемъ того, что изъ тѣла твердаго онъ, наконецъ, превратится въ тѣло жидкое, т. е. расплавится. Продолжая нагрѣваніе, мы достигнемъ того, что эта жидкость будетъ испаряться, превращаться въ газъ. При дальнѣйшемъ производствѣ опытовъ простой газъ превратится въ эфирный. Атомы твердаго свинца и его эфирнаго газа могутъ ли быть одни и тѣ же? Ясно, что между ними громадная разница, такъ какъ вибрація ихъ въ твердомъ тѣлѣ и эфирномъ неодинакова“²⁾; но эта разница касается только свойствъ атомовъ, а не матеріала, который неизмѣняется ни въ томъ, ни въ другомъ состояніи свинца. Такъ, по

¹⁾ „Теософ. жизнь“, 1908 г. № 4, стр. 56.

²⁾ Ibid., стр. 57.

словамъ теософiи, получается особая энергiя или первичная матерiя, называемая на языкѣ теософовъ астральнымъ свѣтомъ или астралемъ, который считается ими пятою стихiею. А такъ какъ „атомы каждой матерiи тѣмъ или другимъ способомъ можно дѣлить до безконечности, то, слѣдовательно, и астральная матерiя подчиняется тѣмъ же законамъ. И если мы мысленно представимъ себѣ восходящую скѣлу увеличенiя вибрацiй астральныхъ атомовъ, происходящаго отъ ихъ дѣленiя, то дойдемъ до предѣла, когда астральная матерiя одухотворится настолько и настолько потеряетъ свой матеріальный характеръ, что будетъ представлять собою уже мiръ духовныхъ принциповъ и чистыхъ идей“, т. е. мiръ духовный, при чемъ путемъ дальнѣйшей мысленной абстракцiи можно дойти до „принципа чистаго духа“, который въ концѣ концовъ при помощи того же пути отвлеченiя превратится для насъ въ Само Божество. Отсюда ясно, что теософiя провозглашаетъ пантеистическiй матеріализмъ и своимъ своеобразнымъ монистическимъ ученiемъ отрицаетъ совершенно христіанскаго Бога: для нея нѣтъ живого, личнаго Бога, какимъ признаетъ Его христіанское сознанiе, а есть лишь всеобъемлющая безличная матерiя, которая, будучи одухотворена при помощи мысленнаго процесса безконечныхъ вибрацiй астрала, превращается въ Божество.

Такимъ образомъ, три мiра—физическiй, астральный и духовный въ сущности состоятъ изъ одной и той же матерiи и являются только ступенями одной и той же субстанцiи. „Чистый духъ“ и грубый физическiй мiръ—есть одинъ и тотъ же астраль. Какъ твердое тѣло, напр., металлъ, при повышенiи температуры, плавится, переходитъ постепенно въ состоянiе жидкое, затѣмъ въ газъ и эфиръ и обратно—черезъ охлажденiе эфиръ превращается послѣдовательно въ газъ, затѣмъ жидкость и, наконецъ, твердое тѣло, такъ и духовный мiръ образуется изъ утонченнаго, разрѣженнаго астрала и обратно—черезъ сгущенiе и уплотненiе его—мiръ физическiй. Что же получается? Какiе дальнѣйшіе выводы слѣдуютъ изъ та-

кого учения? А выводы тѣ, что нѣтъ духа, какъ особой субстанции, нѣтъ міра духовнаго, противоположности матеріальному міру, нѣтъ и Бога, какъ чистѣйшаго Духа. Такимъ образомъ, наша собственная мысль и наше собственное сознание есть ни болѣе, ни менѣе, какъ матерія въ своемъ утонченномъ состояніи. И это провозглашаетъ теософія, выставяющая себя борцомъ противъ современнаго матеріализма! Бутаясь въ мантию „недовольныхъ современною матеріальною наукою“, выставяя себя живымъ протестомъ противъ матеріализма, теософы незамѣтно впали въ матеріализмъ и притомъ самый крайній, самый грубый. Ни Фогтъ, ни Бюхнеръ, ни Молешотъ—эти крайніе представители матеріалистическихъ воззрѣній—никогда не заходили такъ далеко. Они признавали мысль, сознание и вообще духовную жизнь не самой матеріей, какъ это выходитъ у теософовъ, а только лишь результатомъ извѣстнаго состоянія матеріи, ея функціями, отправлениями мозга и всей нервной системы. Само собою понятно, что, ставъ на такую точку зрѣнія, теософія не можетъ признать и, дѣйствительно, не признаетъ никакого понятія о личности: она отрицаетъ личность и въ Богѣ и въ человѣкѣ. Очевидно, учение о единствѣ мірозданія дошло въ теософіи до своего предѣла, дальше котораго не только идти, но и думать нечего: все въ природѣ—и люди, и животныя, и пресмыкающіеся, и растенія и минералы и проч. имѣютъ единство по происхожденію и на этой почвѣ получается не только универсальное братство людей, но, очевидно, и животныхъ съ ними, потому что всѣ и все представляютъ одну и ту же „первичную матерію—астраль“, проявляющуюся въ различныхъ степеняхъ плотности и динамичности; слѣдовательно, какъ животныя, минералы, растенія, такъ и люди различаются другъ отъ друга не по существу, а только по степени уплотнѣнія астрала. И это есть не логическій только нашъ выводъ изъ предыдущаго, а положительное учение самихъ теософовъ. „Всякое физическое тѣло природы—говорятъ они—отъ минерала до человѣка существовало сначала

въ идеѣ міра духовнаго; затѣмъ его идея проэктировалась и оформилось въ мірѣ астральномъ и, наконецъ, осуществилась въ мірѣ физическомъ чрезъ ступеніе атомовъ астральной матеріи. Совершивъ путь своего физическаго бытія, сущность каждой вещи и физическаго тѣла совершаетъ свой обратный путь къ своему первоисточнику, согласно закону эволюціи и прогресса“ ¹⁾. Утонченіе тѣла, разложеніе его на атомы и малекулы называется въ теософіи этеризаціей, а возстановленіе тѣла изъ атомовъ матеріализаціей. Не лишне отмѣтить при этомъ, какъ теософія смотритъ на происхожденіе религіи. Когда первоначальное состояніе людей отождествляется съ жизнью животныхъ, а человѣчество производится изъ „астрала“, то теософы съ такими матеріалистическими воззрѣніями такъ разрѣшаютъ вопросъ о происхожденіи религіи: „религіозное чувство начало обнаруживаться только тогда, когда, по исчезновеніи громаднхъ ящеричныхъ животныхъ и другихъ пресмыкающихся раннихъ періодовъ, человѣкъ почувствовалъ себя господиномъ земли. Тогда именно въ массахъ сказалась потребность въ руководствѣ и челоѣколюбіи Бога и подъ вліяніемъ окружающихъ силъ безконечнаго могущества первоначально смутно, а потомъ все явственнѣе создавалась и разнообразилась идея Божества“ ²⁾. Какъ видимъ, объясненіе происхожденія религіи сдѣлано въ модномъ духѣ современнаго эволюціонизма.

Такимъ образомъ, универсальное братство у теософовъ основывается на своеобразномъ ученіи о единствѣ мірозданія, въ которомъ, какъ мы видѣли, отождествляется Богъ и природа, духъ и матерія. Совѣмъ не таковымъ является ученіе о братствѣ всѣхъ людей при свѣтѣ христіанскаго міросозерцанія. „Богъ отъ одной крови произвелъ весь родъ челоѣческій, для обитанія по всему лицу земли“ (Дѣян. 17, 26)— вотъ то основаніе, на которомъ христіанство утверждаетъ

¹⁾ „Христіанинъ“, 1910 г. май, стр. 79.

²⁾ „Вопросы теософіи“, выш. I, стр. 18.

братство людей и народовъ. И это основаніе еще болѣе приобрѣтаетъ значенія и цѣны отъ того, что Богъ послалъ на землю Единороднаго Сына Своего для спасенія всего рода человѣческаго, что этотъ Сынъ Божій пострадалъ, умеръ и сдѣлался родоначальникомъ искупленнаго имъ человѣчества. Отсюда единый Богъ есть Отецъ всѣхъ искупленныхъ, а Иисусъ Христосъ, Сынъ Божій, есть Искупитель всѣхъ падшихъ. Отсюда всѣ народы и люди, вѣрующіе во Христа, являются сынами единаго Отца Небеснаго, а между собою — братьями во Христѣ.

А. С.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА.

Какъ устроить въ деревнѣ кредитное товарищество.

Кредитное товарищество имѣть своею цѣлью дать жителямъ деревни—крестьянамъ возможность легко, безъ всякихъ лишнихъ хлопотъ, и недорого достать денегъ займа на разныя хозяйственныя нужды.

Открыть кредитное товарищество нетрудно, — лишь бы нашлся умный и энергичный человѣкъ, готовый послужить на общую народную пользу, тѣмъ болѣе, что существуетъ утвержденный правительствомъ образцовый уставъ кредитныхъ товариществъ, который, какъ и всякія разъясненія по этому дѣлу, можно получить въ комитетъ по дѣламъ мелкаго кредита при отдѣленіяхъ Государственнаго банка. Товарищество образуется изъ лицъ, которыя сами пожелаютъ въ немъ участвовать. Чѣмъ больше такихъ лицъ, тѣмъ лучше, но во всякомъ случаѣ не меньше 12 человѣкъ. Они черезъ уполномоченнаго подають въ комитетъ по дѣламъ мелкаго кредита при Государственномъ банкѣ заявленіе о желаніи открыть кредитное товарищество въ своей мѣстности. Въ этомъ заявленіи указываютъ: а) гдѣ открывается товарищество, б) для какихъ селеній оно открывается, в) какая ссуда испрашивается изъ казны, г) какова самая высшая предѣльная сумма кредита для участниковъ товарищества. Къ заявленію учредители прилагають свѣдѣнія о своемъ имущественномъ положеніи, а именно: сколько они имѣють земли надѣльной и собствен-

ной, какой стоимости земля, сколько у нихъ скота, чѣмъ они занимаются. не имѣютъ ли какихъ побочныхъ заработковъ. Прилагаются свѣдѣнія и о тѣхъ селеніяхъ, которыя также будутъ пользоваться услугами товарищества. Свѣдѣнія эти провѣряются инспекторомъ по дѣламъ мелкаго кредита.

Когда послѣдуетъ разрѣшеніе на открытіе товарищества, всѣ члены-учредители собираются и выбираютъ изъ своей среды членовъ правленія и кандидатовъ къ нимъ. Правленіе получаетъ изъ Государственного банка разрѣшенную товариществу ссуду и производитъ всѣ операціи: оно рѣшаетъ, кому можно выдать ссуду, кому нельзя, на какой срокъ выдать и т. п. Главнымъ же хозяиномъ дѣла остается все-таки само товарищество. Общее собраніе товарищей даетъ, въ случаѣ нужды, общія указанія правленію, устанавливаетъ процентъ по ссудамъ и т. п. Для того, чтобы слѣдить за правильною дѣятельностью правленія, товарищами выбирается повѣрочный совѣтъ. Онъ провѣряетъ отчеты и вообще счетоводство правленія, а также и денежныя суммы и о всѣхъ замѣченныхъ упущеніяхъ, буде таковыя окажутся, доводитъ до свѣдѣнія общаго собранія товарищества.

Для того, чтобы дѣятельность товарищества развивалась правильно и успѣшно, очень важно привлечь къ дѣлу завѣдыванія дѣлами товарищества людей благонамѣренныхъ, честныхъ и просвѣщенныхъ. Поэтому очень важно участіе въ дѣлахъ товарищества приходскаго духовенства, особенно священниковъ, какъ людей авторитетныхъ, способныхъ внести въ дѣло свѣтъ и разумъ. Духовное начальство разрѣшило духовенству безпрепятственно участвовать въ кредитныхъ товариществахъ. И въ настоящее время уже можно насчитать десятки, а можетъ-быть и сотни товариществъ, открытыхъ по почину сельскихъ батюшекъ. Отъ одного, близко стоящаго къ дѣлу лица, намъ пришлось даже слышать, что тамъ, гдѣ въ дѣлѣ участвуетъ батюшка, успѣхъ товарищества обезпеченъ. (Совр. лѣт.).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 8-го января 1911 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Типографія Акціонер. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мериноу.

ГОДЪ

III

ВѢДОМОСТИ ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
пять руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 3.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1911-го года 16-го января.

Содержаніе: I. О внѣшкольномъ религіозномъ наученіи дѣтей. Н. Гуми-
левскій.—II. К. Д. Ушинскій и церковная школа. В. Спасскій.—
III. Теософія и христіанство. (Окончаніе). А. С.—IV. Объявленіе.

О внѣшкольномъ религіозномъ наученіи дѣтей.

Въ № 47 Воронежскихъ Епар. Вѣдомостей 1910 г. напечатано знаменательное обращеніе Архіепископа Воронежскаго Анастасія къ пастырямъ Воронежской епархіи. Архіепископъ Анастасій говоритъ, что „во многихъ мѣстахъ епархіи населеніе плохо знаетъ истины Христовой вѣры, а молодое поколѣніе, эта надежда будущаго, не знаетъ даже молитвъ“. Поэтому архипастырь предлагаетъ вниманію духовенства помѣщаемый далѣе докладъ одного изъ благочинныхъ. Авторъ доклада указываетъ на необходимость внѣшкольнаго обученія дѣтей молитвамъ и пѣснопѣніямъ церковнымъ, которое должно совершаться въ храмѣ раза два въ недѣлю въ послѣобѣденное время, при чемъ молитвы сначала повторяются дѣтьми со словъ священника, а потомъ хоромъ поются. Необходимость такого обученія авторъ доклада доказываетъ тѣмъ, что въ настоящее время далеко не всѣ дѣти

попадаютъ въ школы, а кромѣ того, школьное обученіе и не можетъ оказывать такого вліянія, какъ церковное. „Въ школахъ“, говоритъ авторъ, „приходится въ полугодичный, а иногда въ 3-хъ—4-хъ-мѣсячный учебный годъ выполнить обширную программу, при чемъ часто приходится быть, или казаться, не любвеобильнымъ отцомъ, а казеннымъ учителемъ Закона Божія со взысканіями, а подѣ-часъ и наказаніями, потому что слабое выполненіе программы и самому учителю грозитъ иногда строгимъ взысканіемъ. Не то при дѣятельномъ молитвословіи въ храмѣ.—Здѣсь всецѣло затрагивается религіозное чувство всѣхъ лицъ, участвующихъ въ ученіи и пѣніи молитвъ. Здѣсь не учатъ только молитвы, но и молятся... Отсюда и понятно,—сколь необходимыми и неизгладимыми во всю жизнь послѣдствія и добрые плоды отъ сихъ церковныхъ уроковъ“. Основываясь на собственномъ опытѣ въ нѣсколькихъ приходяхъ, давшемъ благопріятные результаты, авторъ проситъ Архіепископа разрѣшить ему предложить духовенству своего благочинія ввести такое обученіе дѣтей молитвамъ въ храмѣ и предлагаетъ примѣрную программу такого ученія. Въ своей резолюціи на означенномъ докладѣ Владыка, между прочимъ, написалъ: „одобряю и благословляю ввести въ своемъ благочиніи, но—не предписывая и не понуждая, а только побуждая, и—если кто воспротивится доброму начинанію,—предоставляя такому пастырю дѣйствовать по его доброму изволенію; въ отчетѣ желаю видѣть только правду и истину“.

Дѣйствительно, современное положеніе Русской Православной Церкви настоятельно выдвигаетъ вопросъ о необходимости обученія православнаго русскаго народа не только молитвамъ, но и вообще основнымъ истинамъ вѣры православной, каковое обученіе цѣлесообразнѣе всего начинать именно съ дѣтскаго возраста. Православной Церкви отовсюду угрожаютъ враги: не только инославные христіане, но даже магометане и буддисты стараются распространять свои воззрѣнія, доказывая, что православіе не содержитъ въ себѣ истины, а православные русскіе люди и изъ простаго народа

и изъ мало-вѣрующей интеллигенціи часто не только не могутъ защитить своей вѣры, но и сами достаточно не знаютъ ея. Въ самомъ дѣлѣ, кто же, хорошо знающій православіе, можетъ предпочесть ему какое бы то ни было другое исповѣданіе?—Такое положеніе дѣла происходитъ, главнымъ образомъ, отъ того, что у насъ религіозное образованіе почти исключительно возлагается на школу, если только, по счастливой случайности, не дается въ семьѣ. Между тѣмъ, въ школѣ (куда не всѣ дѣти и попадаютъ) Законъ Божій является лишь однимъ изъ учебныхъ предметовъ и притомъ часто поставляется въ такія условія, что его вліяніе сокращается до мінімум'а; объ этомъ ясно засвидѣтельствовалъ бывшій не такъ давно съѣздъ законоучителей. Правда, въ церковныхъ школахъ Законъ Божій является, по крайней мѣрѣ по идеѣ, центральнымъ предметомъ образованія; но церковныхъ школъ сравнительно съ общимъ числомъ православныхъ дѣтей не такъ много, да и тѣ Гос. Дума рѣшила передать М. Н. Просвѣщенія, а точнѣе сказать—произволу мѣстныхъ земскихъ и городскихъ дѣятелей. Во всякомъ случаѣ, нельзя ограничивать религіозное наученіе одной только школой.

Въ этомъ отношеніи поучительный примѣръ намъ представляютъ западныя исповѣданія. Въ католичество, какъ извѣстно, знаніе основныхъ истинъ вѣры обязательно для каждаго, принимающаго конфирмацію, т. е. таинство миропомазанія, которое у католиковъ совершается не надъ младенцами вмѣстѣ съ крещеніемъ, а въ отроческомъ возрастѣ. Совершителемъ конфирмаціи является епископъ, который подвергаетъ конфирмуемыхъ испытанію въ знаніи истинъ вѣры и оказавшихъ недостаточныя познанія не допускаетъ до конфирмаціи. Поэтому приходскіе католическіе священники заранее собираютъ къ себѣ дѣтей извѣстнаго возраста и преподаютъ имъ наставленія въ истинахъ вѣры, и дѣти относятся къ этимъ наставленіямъ очень усердно, такъ какъ конфирмація является чрезвычайно знаменательнымъ событіемъ въ ихъ жизни. Отсюда среди католиковъ трудно встрѣтить

людей, незнакомыхъ съ основными положеніями своей вѣры, за исключеніемъ, разумѣется, тѣхъ, которые совершенно порвали всякую связь съ своею церковью. Лютеране отвергаютъ таинство миропомазанія, но и у нихъ есть нѣчто подобное латинской конфирмаціи. У нихъ такъ же пасторы научаютъ дѣтей основнымъ истинамъ вѣры, такъ какъ дѣти подвергаются соотвѣтственному испытанію передъ первымъ причащеніемъ, къ которому они допускаются въ возрастѣ 15—16 лѣтъ.

У насъ, согласно съ всегдашнимъ ученіемъ Вселенской Церкви, дѣти допускаются не только къ крещенію и миропомазанію, но и къ причащенію. Но и въ Православной Церкви есть таинство, къ которому дѣти допускаются не раньше того возраста, когда они могутъ отнестись къ этому таинству сознательно: это—таинство покаянія, къ которому допускаются дѣти не моложе семи лѣтъ. У насъ къ исповѣди дѣтей священники относятся иногда недостаточно внимательно: исповѣдуютъ ихъ быстро, по нѣскольку человекъ вмѣстѣ и т. п. ¹⁾ А между тѣмъ именно первая исповѣдь могла бы быть для православныхъ дѣтей такимъ знаменательнымъ, глубоко запечатлѣвающимся въ памяти событіемъ, какимъ для католиковъ является конфирмація, а для лютеранъ—первое причащеніе. Подготовкой къ таинству покаянія и могло бы служить обязательное изученіе, подъ руководствомъ приходскаго священника, основныхъ истинъ православной вѣры. У насъ, правда, есть правило,—къ сожалѣнію, часто не исполняемое,—подвергать испытанію въ знаніи молитвъ жениха и невѣсту передъ совершеніемъ таинства брака. Но въ бракъ вступаютъ не всѣ, а религіозное знаніе одинаково необходимо для всѣхъ членовъ Церкви: притомъ же указанное испытаніе совершенно не связывается съ предшествующимъ обязательнымъ наставленіемъ священника и

¹⁾ См. объ этомъ, напр., „Рук. д. с. паст.“ 1909 г. № 23.—Замѣтка. Исповѣдь дѣтей.

вообще не может оказывать такого воздѣйствія, какъ конфирмація у католиковъ и первое причащеніе у лютеранъ.

Само собою понятно, что предлагаемое обязательное наученіе дѣтей истинамъ вѣры и соответствующее испытаніе, предшествующее первой исповѣди, можетъ быть установлено только высшей церковной властью; но польза отъ такого установленія несомнѣнна. Но и помимо того для всякаго священника и при настоящихъ условіяхъ возможно внѣшкольное религіозное наученіе дѣтей, хотя бы въ той формѣ, которую предлагаетъ указанный выше докладъ, одобренный Высокопреосвященнымъ Анастасіемъ. Во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ забывать, что учительство—одна изъ главнѣйшихъ обязанностей священника „горе мнѣ, если не благоувствую!“—1 Кор. 9, 16), и что исполнить эту обязанность возможно, только насаждая истинную вѣру въ сердцахъ пасомыхъ съ ихъ дѣтскихъ, наиболѣе воспримчивыхъ лѣтъ.

Н. Гумилевскій.

К. Д. Ушинскій и церковная школа.

(Къ сорокалѣтїю со дня кончины: 21 декабря 1870 г.).

Вопросъ о школѣ вообще, о церковной въ частности—вопросъ не только острый, больной, а наболѣвшій, давно поставленный и обсуждаемый и, все-таки, не рѣшенный. Есть защитники церковности школы, есть рѣзкіе ея противники; и тѣ, и другіе одинаково настойчиво и увѣренно защищаютъ свое положеніе, доходя во взаимныхъ отношеніяхъ до несправедливыхъ обвиненій и одностороннихъ, крайнихъ сужденій. Достаточно указать на рѣчи о начальной школѣ въ Государственной Думѣ... Въ такіе моменты голосъ авторитетнаго судьи, высказавшаго свое сужденіе ранѣе разгорѣвшагося спора, является однимъ изъ лучшихъ средствъ къ уясненію и рѣшенію послѣдняго.

Вотъ почему хочется вспомнить теперь завѣты „отца русской народной школы“ — К. Д. Ушинскаго, завѣты, высказанные имъ въ то время, когда церковно-приходской школы еще не было, когда только зарождалась земская школа.

„Реальность-гуманность“ — опредѣляетъ настроеніе Ушинскаго одинъ изъ позднѣйшихъ его біографовъ. И до послѣдняго времени большаго сказать было бы нельзя. Въ 1908 и 1909 гг. появились второй томъ его „Педагогическихъ сочиненій“ и „Матеріалы для III тома педагогической антропологии“. И теперь этой характеристики мало. Здѣсь Ушинскій раскрываетъ и свое собственное міровоззрѣніе, и свой взглядъ на религіозное обученіе вообще, въ начальной школѣ — по преимуществу.

II, прежде всего, Ушинскій — человекъ религіозный, сознательно религіозный, несмотря на то, что онъ — человекъ 40-хъ годовъ по воспитанію, 60-тыхъ — по литературной дѣятельности. Для того времени религія казалась пережиткомъ, и большинство серьезно вѣрило, что наука въ близкомъ будущемъ убьетъ религію, наука позитивная: естествознаніе, социологія, медицина, математика. Философія, говорящая о Богѣ, душѣ, цѣнилась не выше религіи. Православіе съ его обрядами, съ его вѣрой въ сверхъестественное въ обычной жизни было для образованнаго человека признакомъ дурного тона. Все это просто вычеркивалось изъ обихода интеллигента, какъ мы вычеркиваемъ русалокъ, домовыхъ...

Было и другое настроеніе, но оно пряталось, потому что на него не было моды. И только сильный и волей, и умомъ человекъ могъ въ такую эпоху открыто заговорить о Богѣ, о религіозномъ воспитаніи. Ушинскій заговорилъ. Правда, его біографы замалчиваютъ эту сторону, порой утверждаютъ прямо, что онъ понималъ религію въ узкомъ смыслѣ, сводя ее къ нравственности¹⁾. Чтобы сказать иное,

¹⁾ См. статью объ Ушинскомъ въ „Журналѣ Мин. Народ. Просв.“ за іюль 1910 года.

надо было обратиться къ журнальнымъ статьямъ, разбросаннымъ по разнымъ годамъ. Теперь онѣ собраны, и изданы дополнительные отдѣлы къ его антропологии (доселѣ хранившіеся въ рукописяхъ). И образъ Ушинскаго рисуется предъ нами въ иномъ свѣтѣ.

Въ годы увлеченія естественно-научными, опытными методами, въ годы торжества знанія и презрѣнія къ вѣрѣ Ушинскій пишетъ: „человѣку одними знаніями не прожить, и потому вѣра нужна ему, какъ дополненіе знаній“. Безпощадно разрушаетъ онѣ гордость знанія и показываетъ, что оно само покоится на вѣрѣ, что законъ—самое цѣнное въ глазахъ человѣка науки—законъ природы въ сущности есть только конечный выводъ изъ ограниченности нашего разума. Вѣчная матерія и вѣчная сила, которыя наука поставила на мѣсто Абсолютнаго начала, также продукты вѣры. Значить, бояться вѣры нельзя. Мало того. Вѣра врождена въ человѣка, безъ вѣры не прожить. „Это очень важно для педагога: онѣ долженъ дать пищу сердцу, уму и вѣрѣ, чтобы не окорнать человѣка“.

Вѣра движетъ науку, вѣра обосновываетъ каждое дѣйствіе. Само по себѣ и это признаніе чрезвычайно дорого. Но это — вѣра обыденной, эмпирической жизни. Ушинскій вѣритъ и въ метафизическое. Для него Богъ, душа—живыя реальности. Вѣра въ Бога—могучая сила. Онѣ приводитъ слова Руссо: „предположите, что всѣ ваши философы, древніе и новые, истощили всѣ ихъ странныя системы силы, случая, фатализма, необходимости, атомовъ, одушевленнаго міра, оживленной матеріи, матеріализма всякаго рода, и что послѣ ихъ всѣхъ въ первый разъ было бы произнесено имя Творца міра: съ какимъ бы всеобщимъ удивленіемъ была бы принята эта новая система; возвышенная, утѣшительная, столь способная возвысить душу, дать основаніе добродѣтели, и въ то же время такая поражающая, свѣтлая, простая и представляющая уму менѣе непонятнаго, чѣмъ находили нелѣпностей въ другихъ системахъ“.—Если мы не видимъ этой

силы идеи Божества, то только потому, что мы слишком привыкли къ ней. Обычное, изстари принятое въ жизни не замѣчается. Только нѣмой, слѣпой заставляютъ насъ отчасти оцѣнить даръ рѣчи, зрѣніе. Такъ и вѣра въ Бога „потому для многихъ не имѣетъ силы, что она стара“, что къ ней привыкли.

Богъ нуженъ для міра. И, принявъ Бога, Ушинскій и міръ, и жизнь принимаетъ вѣрою. Онъ признаетъ ту вѣру хорошей, которая „удовлетворяетъ человѣческой натурѣ, открывая ей безконечную и не эгоистическую дѣятельность; даетъ терпимость; даетъ мѣсто наукѣ, свободу мысли; не признаетъ ничьей власти надъ моей совѣстью; стоитъ за свое; но свое не навязываетъ; не допускаетъ произвола; хранить историческія преданія; признаетъ *свободу воли*, а не фатализмъ, какъ турки и протестанты“. *Свободу воли!* Ушинскій самъ подчеркнул эти слова. Бэнъ отрицаетъ свободу и пытается, все же, „утвердить понятіе нравственности и нравственной отвѣтственности, — но, конечно, это ему не удастся, какъ не удавалось еще и прежде *сотнямъ друзей мыслителей*.“

Есть вѣра хорошая, и есть вѣра дурная. Хорошая вѣра не противорѣчитъ ни разуму, ни жизни: она—дополненіе къ первому, руководительница второй. И такой вѣрой оказывается православіе. „Въ настоящее время составилъ такой взглядъ на жизнь, цивилизацію и нравственность, ... что съ нимъ можетъ примириться только христіанская идея. Европейская школа должна быть такова, что магометанинъ, вступившій въ нее, долженъ оставить свой фанатизмъ, фатализмъ, многоженство, взглядъ на женщину, распространеніе религіи оружіемъ, презрѣніе къ христіанамъ. Еврей долженъ отказаться отъ своего взгляда на гоевъ, отъ права ихъ обманывать, отъ своей замкнутости и т. д. Мало этого, католикъ, вступивъ въ хорошую европейскую школу, долженъ отказаться отъ главенства и непогрѣшимости папы, отъ „цѣль оправдываетъ средства“; кальвинистъ и отчасти вообще люте-

ранинъ—отъ фатализма, отъ вѣры въ неизбежность предопре-
 дленія, отъ стремленія постронть религію на разсудочныхъ
 выводахъ и отъ стѣсненія тѣмъ самого разсудка“. *„Настоя-*
щая прогрессивная школа менѣе всего противорѣчитъ част-
нымъ принципамъ православной религіи, имѣющей историче-
 ское основаніе и обращающейся, прежде всего, къ чувству
 человѣка“. Православная Церковь—величайшее воспитатель-
 ное и культурное средство. „Духовное развитіе человѣка въ
 отдѣльности и народа вообще совершаются не одною школою,
 но нѣсколькими великими воспитателями: природою, жизнью,
 наукою и религіей“, и „всего болѣе образующей силы для
 простого народа имѣеть Церковь“. Она *„со своими внѣшними*
формами, полными глубокаго смысла, такъ сказать, улавли-
 ваетъ полудикаго человѣка съ внѣшней его стороны, съ тѣмъ,
 чтобы поднять его потомъ на высшую ступень самосознанія“.

Ушинскій высоко цѣнитъ науку и ея высокое воспи-
 тательное значеніе. Знаніе—великая духовная сила. Но та-
 кимъ оно становится только въ своей полнотѣ, какой оно
 достигаетъ въ высшей школѣ. Знанія, сообщаемыя началь-
 ной школою, этой силы не имѣютъ. „Даже та вторая сту-
 пень учебнаго образованія, какая получается въ среднихъ
 учебныхъ заведеніяхъ, не можетъ оказать ни добраго, ни
 дурнаго вліянія на нравственность учащагося, если только
 ученье не было связано съ воспитаніемъ“. Слѣдовательно,
 „отъ изученія азбуки и подавно нельзя ожидать нравствен-
 наго вліянія, равно какъ и безнравственнаго“. Воспитаніе—
 особая, самостоятельная сторона школьнаго дѣла. И такъ
 какъ Ушинскій въ основу жизни ставилъ религію, точнѣе
 христіанство въ пониманіи Православной Церкви, то онъ
 много разъ высказываетъ „свое глубокое убѣжденіе въ той
 истинѣ, что народное образованіе тогда только можетъ быть
 благотворно, тогда только можетъ служить основаніемъ истин-
 наго общественнаго прогресса, когда оно основывается и
 развивается на христіанскихъ началахъ и проникнуто ду-
 хомъ христіанской нравственности“.

Какъ непохожи эти слова на современные рѣчи о „свободной“, безрелигіозной школѣ, о предоставленіи народу „свободы“ въ исканіи путей и правилъ дѣятельности, въ нравственномъ и религіозномъ самоопредѣленіи. Разница эта опредѣляется различнымъ отношеніемъ къ самому существу религіи и рѣшаемымъ ею вопросамъ. Это—разница въ міровоззрѣніи, впрочемъ, скрываемая нерѣдко за благими пожеланіями пользы Церкви. Религіозный человѣкъ и дѣтей (своихъ или чужихъ—все равно) будетъ воспитывать въ своей вѣрѣ. Ушинскій также воспитаніе народа обосновываетъ на своей вѣрѣ.

Глубокій психологъ, Ушинскій прекрасно понимаетъ ошибочность того воззрѣнія, что ребенокъ, не понимая религіи, не можетъ вынести изъ религіознаго воспитанія ничего добраго. Наоборотъ, только въ дѣтскіе годы и можетъ быть заложенъ прочный фундаментъ вѣры. Говоря о значеніи Церкви и ея внѣшнихъ формъ, онъ продолжаетъ: „только разумное первоначальное воспитаніе даетъ человѣку достаточно силы и умственной пытливости, чтобы не остановиться на однихъ формахъ, не принять формы за сущность и не удовольствоваться скорлупой, не добравшись до зерна“. „Религіозное образованіе должно съ раннихъ лѣтъ ложиться въ душу человѣка, какъ вѣрный залогъ того, что онъ не собьется съ пути, какъ вѣрный якорь спасенія въ дни житейскихъ бурь и душевныхъ тревогъ“.

Представляя возможность безрелигіознаго образованія, нашъ педагогъ рисуетъ картину дальнѣйшаго образованія простолюдина: „если молодой, требующій пищи разсудокъ, потребуетъ удовлетворенія отъ нашей свѣтской литературы, то что найдетъ онъ? Моральныя наставленія, выраженные въ самой пошлой формѣ; разсужденія о томъ, „что такое соха“, разсказъ о томъ, какъ Ванюха подрался въ кабакъ съ Еремой, съ мудрымъ замѣчаніемъ въ концѣ, что не нужно ходить въ кабакъ“... Безконечно выше и по содержанію, и по

„благовѣствующему, строгому и величественному“ языку стоять духовныя книги, особенно Библия.

Но эта высота и глубина истинъ вѣры, съ другой стороны, требуетъ особаго вниманія и особой осторожности, ихъ приходится передавать слабому, едва пробуждающемуся уму. Необходимо элементы религіи влагать въ душу ребенка въ той постепенности, въ какой дитя можетъ *органически* усвоить, прочувствовать и воспринять ихъ. Иначе религіозное воспитаніе можетъ привести къ обратнымъ результатамъ.

Чрезвычайно ярко и рѣзко подчеркивается эта идея Ушинскимъ въ критическомъ разборѣ воззрѣній Бенеке на религіозное обученіе. Послѣдній, объясняя религіозную вѣру изъ случайныхъ „слѣдовъ“ (=переживаній), и воспитаніе религіи ставитъ въ связь съ появленіемъ этихъ слѣдовъ. Религіозно-философская мысль не пробуждается у многихъ даже въ университетскіе годы. „Но, говоритъ Бенеке, прививаютъ оспу для предотвращенія будущей опасности“. На замѣчаніе Руссо, что многія религіозныя истины еще недоступны уму дитяти, онъ отвѣчаетъ, что онѣ непонятны также и для взрослого, и слѣд., „все равно, когда ихъ не передавать“; „высокихъ же истинъ не передавай“.

„Это все можетъ говорить, возражаетъ Ушинскій, чело-вѣкъ, не имѣющій никакой религіи“, и подобное воспитаніе можетъ быть истолковано только какъ „компромиссъ со стороны Бенеке въ пользу прусскаго министерства“. „Религію надо привить, какъ оспу! Но оспу прививаютъ, чтобы предупредить оспу. Не для того ли прививать и религію“? про-нически заключаетъ нашъ педагогъ. Но тогда зачѣмъ же обманывать ребенка¹⁾, зачѣмъ ему навязывать то, „чего онъ не требуетъ и что современемъ долженъ будетъ разрушить, если правильно разовьется“? Нѣтъ, религіозное воспитаніе должно такъ затрогивать душу дитяти, чтобы слѣды его сохранились на всю жизнь: „открывая зрѣніе и слухъ, душу и

¹⁾ „Не самъ ли Бенеке говоритъ объ опасности лгать дѣтямъ“?

сердце народа“: религіозна вѣра должна лечь въ основу всей его жизни.

Что же открываетъ „зрѣніе и слухъ, душу и сердце“ ребенка? И по личному опыту, и по педагогическимъ наблюденіямъ Ушинскій пришелъ къ тому выводу, что „Евангеліе дѣйствуетъ на десятилѣтнее дитя... служеніе также, праздники и обряды также, они укрѣпляютъ религіозное стремленіе“. Въ своемъ отчетѣ о командировкѣ для осмотра заграничныхъ женскихъ учебныхъ заведеній, Ушинскій отмѣчаетъ слѣдующіе приемы обученія Закону Божію.

Для перваго года избирается 10-12 самыхъ доступныхъ для дѣтей разказовъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ. Главной задачей при сообщеніи этихъ разказовъ учитель ставить привлеченіе дѣтскихъ симпатій къ излагаемому событію. Сначала разказывается только „главная канва происшествія съ двумя-тремя занимательными для дѣтей подробностями“. Запоминается на первыхъ порахъ только самое главное; детали возстановляются всѣмъ классомъ сообща въ три-четыре урока, при чемъ каждый разъ къ первоначальному разказу присоединяются новыя подробности. „Замѣчательно, что при такомъ способѣ преподаванія дѣти охотно и безъ всякаго труда заучиваютъ цѣлыя тирады изъ Библіи, тогда какъ у насъ зубреніе текстовъ, весьма часто сопровождается дурными отмѣтками, выговорами, а иногда и болѣе строгими наказаніями, составляетъ истинное мученіе для учащихся“. Во многихъ германскихъ школахъ Ушинскаго „поражали двѣнадцатилѣтнія дѣти знаніемъ Библіи“. Вообще Библія въ нѣмецкой школѣ настольная книга, и учитель очень часто обращается къ ней *при преподаваніи всѣхъ другихъ предметовъ*.

Уроки Закона Божія, по мнѣнію Ушинскаго, какъ и все начальное обученіе, должны быть наглядными. Карта Палестины, картины библейскихъ событій, изображенія мѣстностей, произведеній природы, костюмовъ и т. под.—все это будетъ способствовать легчайшему усвоенію предмета.

Но дѣло не только въ усвоеніи. Важно, чтобы уроки религіи усваивались не только умомъ, но и сердцемъ, чтобы ничто не нарушало и не возмущало благоговѣйнаго и любовнаго отношенія ребенка къ изучаемому событію. „Хорошіе учителя, подчеркиваетъ Ушинскій, болѣе всего боятся, чтобы не сдѣлать для дѣтей Законъ Божій предметомъ труднымъ и потому нелюбимымъ, не позволяютъ себѣ при преподаваніи его даже ни одного выговора, такъ что урокъ Закона Божія есть любимый урокъ учениковъ“. Ласка и доброе, ничѣмъ не нарушаемое отношеніе къ учащимся—главное средство при обученіи дѣтей религіи.

Только послѣ того, какъ дѣти усваиваютъ въ конкретной, яркой формѣ разсказовъ основныя истины религіи, можно переходить къ отвлеченному ихъ изложенію въ формѣ катихизиса. На совѣты Бенеке „все положительное въ различныхъ религіозныхъ формахъ держать далеко отъ ребенка“ и „говорить съ уваженіемъ о всѣхъ религіозныхъ формахъ“, т. е. исповѣданіяхъ, Ушинскій коротко, но выразительно отвѣчаетъ: „это все можетъ говорить человѣкъ, не имѣющій вовсе никакой религіи“.

Но такой человѣкъ не имѣетъ права не только обучать религіи, но и вообще воспитывать дѣтей. Въ вышеуказанномъ отчетѣ Ушинскій подчеркиваетъ ту особенность западно-европейской школы, что преподаваніе Закона Божія находится тамъ въ рукахъ свѣтскихъ учителей, и видитъ въ этомъ большое преимущество на сторонѣ Запада. Дѣло въ томъ, что воспитываетъ ребенка не только законоучитель, а вся школа, всѣ предметы обученія. Оторвать религіозное обученіе отъ другихъ предметовъ значить устранить положительное воспитательное значеніе послѣднихъ: „у насъ учителя этихъ предметовъ, имѣющіе обыкновенно (и вполнѣ законно, если вспомнить, что съ ними учащіеся проводятъ почти все время) гораздо болѣе вліянія на учениковъ, считаютъ себя вправѣ вовсе не заботиться о томъ, что по ихъ мнѣнію есть дѣло священника“. Въ Германіи мы видимъ иное: такъ

какъ „преподаваніе Закона Божія, а, слѣдовательно, религіозное и нравственное направленіе дѣтей, лежитъ на обязанности учителя, то онъ по необходимости уже долженъ во всемъ своемъ преподаваніи проводить религіозную и нравственную мысль“. И въ вышеуказанномъ взглядѣ нашихъ учителей на свою роль въ религіозномъ воспитаніи Ушинскій видитъ главную причину слабаго религіозно-нравственнаго вліянія нашихъ школъ на учениковъ.

Вотъ почему въ спорѣ между духовенствомъ и педагогами за школы въ Германіи Ушинскій стоитъ на сторонѣ послѣднихъ. Отчасти это зависѣло также отъ „непедагогичности“ образованія духовенства, отъ его неподготовленности къ дѣлу обученія ¹⁾, отчасти — отъ духа времени, отъ общаго настроенія эпохи, относившейся крайне подозрительно къ духовенству. Страницей, на которой нашъ педагогъ рисуетъ школу, руководимую духовенствомъ, могутъ прекрасно воспользоваться противники церковной школы: онъ упрекаетъ священниковъ въ невѣжествѣ и пристрастіи къ суевѣріямъ и угрожаетъ полнымъ паденіемъ религіи и торжествомъ матеріализма странѣ, въ которой всѣ школы находятся въ завѣдываніи духовенства. Но всѣ эти упреки и угрозы написаны *ad hoc*, по поводу германской школы, по адресу западнаго духовенства. Стоитъ поставить рядомъ съ этой страницей статью „По вопросу о преобразованіи духовныхъ училищъ“, чтобы понять, что горькіе упреки и страшныя угрозы вызваны были у Ушинскаго фактами, замѣченными имъ во время заграничной поѣздки, а не общими соображеніями. Ушинскій сочувственно относится къ проекту преобразованія духовныхъ семинарій, высказанному въ „Православномъ

---

¹⁾ Въ образецъ нашему духовенству Ушинскій ставитъ Пруссію, гдѣ „тѣ кандидаты богословія, которые могутъ со временемъ инспектировать школу, завѣдывать ею или имѣть на нее какое-нибудь вліяніе, обязаны по закону посѣщать опредѣленное время учительскія семинаріи и прослушать въ нихъ педагогическій курсъ, правда, довольно коротенькій“.

Обозрѣніи“ Бѣлавинымъ ¹⁾), такъ какъ видитъ въ *нашемъ* духовенствѣ великую культурную силу, и съ такимъ же сочувствіемъ отмѣчаетъ участіе духовенства въ устройствѣ воскресныхъ и сельскихъ школъ. „Съ этой точки зрѣнія, говорить онъ, мы смотримъ на предполагаемыя преобразованія нашихъ духовныхъ училищъ, какъ на одинъ изъ важнѣйшихъ современныхъ вопросовъ, отъ разрѣшенія котораго на практикѣ будетъ весьма много зависѣть судьба народнаго образованія въ Россіи“ ²⁾).

Въ заключеніе мы не можемъ не привести чрезвычайно цѣнныхъ мыслей Ушинскаго о Церкви: „Церковь должна быть убѣжищемъ для чувствъ и вѣрованій человѣка, а не становиться на широкой дорогѣ его мірскихъ дѣлъ... Въ такомъ положеніи въ обществѣ она не будетъ возбуждать ненависти а только любовь: и невѣрующіе не будутъ кидаться въ нее. Пусть это будетъ мѣсто отдыха для сердца, убѣжище для нашихъ стремленій, которыхъ не удовлетворитъ міръ; а такихъ желаній найдется много. Пусть недопускаетъ въ себя рынка и не позволяетъ прятаться подъ сѣнью Дома Божія покупающимъ и продающимъ; пусть сама не идетъ на рынокъ, гдѣ покупаютъ и продаютъ... И не думайте, чтобы въ такомъ положеніи Церковь имѣла менѣе вліянія на людей, чѣмъ теперь: много есть струнъ въ сердцѣ человѣка, которыя привлекутъ его къ ней... Такъ она просуществуетъ не только долго, а по нашей вѣрѣ до скончанія вѣка“.

Церковь должна лежать въ основѣ народной жизни. Но это не значить, что ея идеалы здѣсь, на землѣ. Есть особыя струны въ человѣческомъ сердцѣ, которыя питаются ею. Видѣть же въ ней орудіе и часть мірской жизни, „свѣтскаго рын-

¹⁾ 1861 г., февраль.

²⁾ Чрезвычайно интересна цитируемая статья и по своему взгляду на необходимость преобразованія семинарій въ общеобразовательную школу съ дополнительными богословскими классами. Но рѣчь объ этомъ завела бы насъ далеко въ сторону.

ка", отождествлять ее съ утопическимъ социализмомъ, переносить Царство Божіе съ небесъ на землю и заставлять ее служить земнымъ цѣлямъ, о чемъ думаютъ многіе въ наше время глубочайшаго, хотя порой и бессознательнаго матеріализма,—это значило бы приравнять Церковь дѣтямъ погибели".

В. Стаскій.

Теософія и христіанство.

(Окончаніе ¹⁾).

Въ связи съ ученіемъ теософій о единствѣ всей вселенной и Божества находится ученіе о перевоплощеніяхъ, которыя составляютъ единственный путь къ совершенству. Этотъ пунктъ ученія составляетъ самое ядро теософій, самую душу спиритизма, оккультизма, телепатизма, ментализма и подобныхъ имъ измовъ. „Человѣческое я, говоритъ теософія, окончивъ земное странствованіе и сбросивъ тѣлесную оболочку той личности, которую оно одушевляло, переходитъ въ субъективное состояніе покоя, прежде чѣмъ снова принять на себя „бремя плоти“. Въ этомъ состояніи оно остается въ теченіе болѣе или менѣе длиннаго періода времени, смотря по той степени развитія, которой оно достигло. Когда періодъ этотъ придетъ къ концу, оно снова возвращается къ земной жизни въ такой именно средѣ, которая наиболѣе приспособлена для того, чтобы возрастить сѣмена, посѣянная данной индивидуальностью въ прошломъ. Какъ водородъ и кислородъ неизбежно стремятся соединиться при извѣстныхъ условіяхъ температуры и давленія, такъ и человѣческое я въ силу непреодолимаго сродства влечется къ той именно обстановкѣ, которая наиболѣе способствуетъ его дальнѣйшей эволюціи... Желаніе чувственной жизни, желаніе

¹⁾ См. № 2-й за 1911 г.

найти себѣ объективное выраженіе, то самое выраженіе, которое является созидающимъ началомъ вселенной, заставляеть наше я снова искать себѣ проявленія“¹⁾). Сущность теософскаго ученія о перевоплощеніяхъ состоитъ въ слѣдующемъ. По распаденіи физическаго тѣла остается его астральная форма, называемая у теософовъ астросомомъ. Эти астросомы одушевлены сознаниемъ и продолжаютъ свое существованіе въ астральномъ мірѣ, который полонъ астросомовъ какъ бывшихъ физическихъ организмовъ, такъ и будущихъ, еще не воплотившихся. Такимъ образомъ, астрономы людей носятся въ астральномъ мірѣ или высшихъ сферахъ, переходятъ съ планеты на планету и мучатся сознаниемъ своихъ грѣховъ, совершенныхъ во время земной жизни. И вотъ, чтобы очиститься отъ грѣховъ своей прежней жизни астросомы людей воплощаются въ новыхъ людей по непремѣнному закону кармы—абсолютно справедливаго возмездія. Такія перевоплощенія совершаются многократно,—до тѣхъ поръ, пока надшій духъ не очистится совсѣмъ отъ своихъ грѣховъ, не освободится отъ матеріи, не достигнетъ абсолютнаго совершенства и не превратится въ чистаго духа²⁾). Какъ можетъ совершиться очищеніе отъ грѣховъ, если человѣкъ при перевоплощеніи не сознаетъ ихъ за собою, такъ какъ не помнить своего раннѣйшаго существованія,—теософія не объясняетъ; во всякомъ случаѣ въ подобномъ ученіи не можетъ быть и рѣчи ни о милосердіи, ни о любви и всепрощеніи, въ такомъ ученіи нѣтъ мѣста и наградамъ и наказаніямъ послѣ смерти, ни тѣмъ болѣе Страшному суду, назначающему тѣ и другія. Всякій—свой собственный судья, претерпѣвающей логическія послѣдствія своего собственнаго поведенія:

¹⁾ „Вѣтвникъ теософіи“, 1908 г. янв. стр. 48.

²⁾ Этими сліяніемъ грѣшныхъ духовъ умершихъ съ живыми теософы и объясняютъ всевозможныя наводненія, вселенія, одержимости и такъ распространившіеся въ послѣднее время душевные недуги и даже физическія страданія.

сумма способностей и качествъ, приобрѣтенныхъ человѣкомъ при жизни, и способъ, которымъ онъ пользовался ими, составляетъ въ нѣкоторомъ родѣ нравственный капиталъ, опредѣляющій участь человѣка. Этотъ капиталъ—судьба человѣка, его карма, которую можно охарактеризовать словами: всякій пожнетъ, что посѣялъ. Этому закону кармы подчинена вся жизнь какъ каждаго человѣка, такъ и всѣхъ міровъ. Всякій долгъ, сдѣланный нами, долженъ быть уплаченъ сполна въ этой или въ какой-нибудь другой жизни; колесо жизни, вращаясь, приноситъ плоды всѣхъ сѣмянъ, посѣянныхъ нами. Такимъ образомъ, карма получаетъ значеніе абсолютно справедливаго возмездія каждому, но не въ смыслѣ нравственнаго возмездія, а скорѣе—механически-необходимаго: карма—неумолимый рокъ, котораго никому нельзя избѣгнуть. Любопытно отмѣтить при этомъ, что чрезмѣрное сокрушеніе о грѣхахъ теософія считаетъ не только „опаснымъ, но и вреднымъ“ по двумъ причинамъ. „Прежде всего, это трата силъ, если мы станемъ по цѣлымъ часамъ или днямъ мучиться надъ прошедшими слабостями или ошибками, которыхъ нельзя сдѣлать не бывшими, т. е. нельзя вернуть. Во вторыхъ, мы не должны упускать изъ виду, что каждая мысль и каждый поступокъ сопровождаются опредѣленнымъ примѣненіемъ силы, которая, конечно, не должна быть расходуема попусту“¹⁾, такъ какъ это ослабляетъ энергію, необходимую для утонченія астралія и восхожденія на высшую ступень.

Итакъ, перевоплощеніе, обусловленное закономъ кармы—таково ученіе, предлагаемое теософіей христіанскому міру, уповающему на искупленіе страданіями Святого Богочеловѣка и на немедленное перенесеніе въ рай душъ умершихъ, искупленныхъ и оправданныхъ чистою и пречистою Кровью Невиннаго Страдальца. Но напрасно. Христіанинъ никогда не приметъ того пути къ совершенству, какой указываетъ ему „джеименное богомудріе“. Трудно, да и немы-

¹⁾ „Христіанинъ“, 1910 г. Май, стр. 86—87.

слимо христіанину принять такое ученіе, которое отрицает его религію въ самой основѣ. Въ самомъ дѣлѣ, разъ каждый человѣкъ очищается отъ грѣховъ своихъ путемъ безконечныхъ перевоплощеній и разъ карма дѣйствуетъ неизбѣжно и неумолимо, то нужны ли еще Христось и то великое дѣло, которое онъ совершилъ—дѣло искупленія! Оно, съ точки зрѣнія теософіи, бесполезно, а потому излишне и не можетъ имѣть никакого значенія для оправданія и спасенія человѣчества. Отсюда и Евангеліе, и подготовленіе къ нему совершенно пустыя книги, никому и не для чего ненужныя.

Таково въ общихъ чертахъ теософское ученіе. Понимая его въ настоящемъ свѣтѣ, нельзя не замѣтить, что оно есть отрицаніе Бога, отрицаніе Христа и христіанства, Евангелія и всякой даже религіи. Послѣ этого приходится только удивляться тому, какъ находятся среди православныхъ лица, сочувствующіе теософіи; неужели они рѣшаются бросить Христа и слѣдовать, по выраженію апостола, *ученіямъ бѣсовскимъ* (1 Тим. 4, 1); неужели не могутъ они разобраться въ томъ, что въ этомъ антихристіанскомъ ученіи нѣтъ ничего общаго ни съ христіанствомъ, ни съ вѣрой въ Бога вообще? Несовмѣстимое нельзя соединить, непримиримое нельзя объединять. *Будете, яко божи, вѣдущие, добрая и лукавая* (Быт. 3), соблазнялъ нѣкогда дьяволъ нашихъ прародителей. Теософія также обольщаетъ православный народъ: она сулитъ ему всевѣдѣніе, достигнуть котораго, впрочемъ, сама не мечтаетъ. Теософія—ученіе тайное; и эта таинственность при современномъ шатаніи мысли и воли можетъ влечь къ себѣ сердца маловѣрныхъ. Оккультизмъ самымъ названіемъ своимъ указываетъ на существенный характеръ скрывать отъ другихъ свои тайны и посвящать въ нихъ только избранныхъ лицъ. Вслѣдствіе этого, теософія выступаетъ предъ нами только своей наружной стороной, а самая „суть“ ученія, насколько возможно, скрывается въ глубинѣ умовъ „посвященныхъ“. Для нихъ выработанъ самый строгій законъ, гласящій: „ничего не скрывать отъ

достойнаго, но также ничего не открывать тому, кто къ этому не призванъ. Чѣмъ совершеннѣе посвященный, тѣмъ строже соблюдаетъ онъ зтотъ законъ. Можно жить съ посвященнымъ въ интимной дружбѣ, но законъ этотъ будетъ отдѣлять васъ отъ него до тѣхъ поръ, пока вы сами не сдѣлаетесь посвященнымъ. Вы можете наслаждаться полною любовью посвященнаго и располагать его сердцемъ, но свою тайну онъ вамъ довѣритъ не раньше, чѣмъ вы достаточно для нея созрѣете. Вы можете ему льстить, можете его пытать,—ничто не въ состояніи побудить его открыть вамъ то, что не должно быть сообщено, пока вы не подниметесь настолько, чтобы понять его надлежащимъ образомъ¹⁾. Что же это за тайны, которыя ограждены въ теософіи такимъ строжайшимъ законамъ? Не скрывается ли за ними демонологія или простой обманъ, шарлатанство? *Всякій, дѣлающій злое, ненавидитъ свѣтъ, и не идетъ къ свѣту, чтобы не обличились дѣла его, потому что они злы* (Іоанн. 3, 20). Теософія тоже ненавидитъ свѣтъ, окружаетъ себя непроницаемой тайной. Въ этомъ отношеніи она напоминаетъ собою наши мистическія секты,—и особенно хлыстовщину. Вѣдь и хлысты выдаютъ себя за православныхъ, посѣщаютъ церковное богослуженіе, даже бывають на исповѣди, но все это дѣлается у нихъ лицемѣрно, при чемъ у нихъ строго заповѣдуются „не отерывать“ тайнъ своей секты „ни отцу, ни матери, ни пону на духу“ подъ страхомъ смерти, но, какъ извѣстно, хлыстовщина, несмотря на соблюденіе ея приверженцами церковныхъ обрядовъ, есть полное извращеніе христіанства. Теософія же есть полное отрицаніе христіанства. И это тѣмъ болѣе допустимо, что къ видамъ ея практическаго примѣненія слѣдуетъ отнести ментализмъ, магнетизмъ, гипнотизмъ, телепатію, ясновидѣніе и многія другія психическія проявленія личныхъ способностей человѣка, въ особенности же—спиритизмъ, въ основѣ котораго лежитъ

¹⁾ „Вѣстникъ теософій“ 1908 г. № 7, стр. 104—105.

вѣрованіе въ возможность необычайныхъ проявленій духовъ въ физическомъ мірѣ.

Въ теософскомъ журналѣ „Ребусъ“ (1910 г. № 2) претенціозно говорится, будто бы „Евангеліе во всемъ подтверждаетъ ученіе спиритизма“ и „долгъ спирита-христіанина поднять гаснущую вѣру въ мятущемся человѣчествѣ“. Въ чемъ же состоитъ вѣра спиритовъ? Въ чемъ угодно, только не въ согласіи съ христіанствомъ. Въ спиритизмѣ, лучше сказать, не требуется совсѣмъ вѣры. Всѣ на нашъ взглядъ чудесныя, супранатуралистическія явленія съ точки зрѣнія теософовъ-спиритовъ совершаются естественнымъ путемъ. На этомъ основаніи теософія отвергаетъ христіанскій взглядъ на чудеса, какъ на сверхъестественныя явленія, доказывающія Божественное достоинство Иисуса Христа. Чудеса, по ученію теософин, не составляютъ исключительной привилегіи Христа: ихъ можетъ творить каждый теософъ по законамъ оккультизма. „Съ помощью сильно развитой воли, являющейся сильнѣйшей энергіей въ астральномъ мірѣ, и зная законы астрала, человѣкъ можетъ направлять по своему усмотрѣнію астральныя токи для той или другой цѣли, т. е. производить такъ называемыя чудеса: невидимое—астросомы дѣлаютъ видимымъ и видимое какое-нибудь тѣло—невидимымъ“¹⁾. Вотъ теософское объясненіе чудесъ.

Въ такомъ духѣ уже начинаютъ объясняться чудеса въ современной художественной литературѣ, проникая, такимъ образомъ, въ большую публику. Въ повѣсти М. Горькаго „Исповѣдь“ такъ описывается чудо въ Семіозерной пустынѣ, когда тамъ была торжественная встрѣча съ креснымъ ходомъ иконы Божіей Матери.—„Сталъ я—говоритъ герой повѣсти Матвѣй—на пригорѣкъ надъ озеромъ и смотрѣлъ: все вокругъ было залито народомъ и течетъ темными волнами тѣло народное къ воротамъ обители, бьетъ и плещетъ о стѣны ея.

¹⁾ „Христіанствъ“, 1910 г., май, стр. 77 срв. 99.

„У воротъ обители чуда ждутъ: въ небольшой телѣжкѣ молодая дѣвица лежитъ неподвижно; лицо ея застыло, какъ бѣлый воскъ, сѣрые глаза полуоткрыты. и вся жизнь ея въ тихомъ трепетѣ длинныхъ рѣсницъ“.

Съ крестнымъ ходомъ „тяжело и медленно поднимается въ гору народъ, словно темный валъ морской, красной пѣной горитъ надъ нимъ золото хоругвей. брызгая снонами яркихъ искръ, и плавно качается, рѣть, подобно огненной птицѣ, осіянная лучами солнца икона Богоматери“. Раздается тысяче-голосное пѣніе: „Заступнице усердная, Мати Господа Вышняго!“ Увлеченная энтузіазмомъ масса народа остановилась около телѣжки съ больной, и раздались крики: „Молебенъ, молебенъ“!

„Было великое возбужденіе: толкали телѣжку, и голова дѣвицы немощно, бессильно качалась, большіе глаза ея смотрѣли со страхомъ *Десятки очей обливали больную лучами, на разслабленномъ тѣлѣ ея скрестились сотни силъ, вызванныхъ къ жизни повелительнымъ желаніемъ видѣть больную возставшей съ одра, и я тоже смотрѣлъ въ глубину ея взгляда и невыразимо хотѣлось мнѣ влѣсть со всеми, чтобы встала она“...*

„Какъ дождь землю влагой живой, насыщаль народъ изсохшее тѣло дѣвицы этой силою своей, шепталъ онъ и кричалъ ей: „Ты встань, милая, вставай“!“

„Сотни звѣздъ вспыхнули въ душѣ ея, и розовыя тѣни загорѣлись на мертвомъ лицѣ; еще больше раскрылись удивленные и радостные глаза, и медленно шевеля плечами, она покорно подняла дрожація руки и послушно протянула ихъ впередъ“.

„Мы схватили дѣвицу, приподняли ее, поставили на землю и держали легонько...“

„Тихо идетъ среди насъ исцѣленная, довѣрчиво жметъ ожившимъ тѣломъ своимъ къ тѣлу народа, улыбается, бѣлая вся, какъ цвѣтокъ и говоритъ: „пустите, я одна“!“

Такъ коллективная воля народа, сосредоточивъ массу энергій, устремила магнетическій токъ на тяжело-больную, разбитую параличемъ дѣвушку, и она исцѣлилась. Вотъ модернистское, въ духѣ теософіи, объясненіе чуда. И такія мысли популяризуются въ художественной литературѣ, подрывая вѣру, и разрушая авторитетъ Евангелистовъ, ниспровергая всѣ чудеса евангельскія.

Въ согласіи съ такими воззрѣніями теософіи будутъ и всѣ грубыя суевѣрія простого, невѣжественнаго народа, которыя у мало мальски образованнаго человѣка вызовутъ лишь улыбку, каковы, напр., превращеніе людей въ волковъ, свиней и т. п.; благодаря объясненіямъ теософіи всѣ эти оборотни, вѣдьмы, летающія черезъ трубу на кочергахъ, колдуны и пр.—все это превращается, повидимому, въ фактическую дѣйствительность...

— „Не вѣрь, что теософія противорѣчитъ или, тѣмъ болѣе, что она уничтожаетъ христіанство,—писала когда-то своей сестрѣ основательница „теософическаго общества“ г. Блаватская,—мы слишкомъ уважаемъ свободу совѣсти и духовныя стремленія человѣка, чтобы касаться ихъ пропагандой религіозныхъ принциповъ“¹⁾. И вотъ сомнѣніе ея сестры оправдалось. Послѣдователи г. Блаватской радикально разошлись съ христіанствомъ, отвергнувъ всѣ его основные догматы, или по крайней мѣрѣ исказивъ ихъ до нельзя. О, какъ бояться и остерегаться нужно этого лжеученія! Облеченная въ мнимочудесную форму, теософія можетъ легко отшатнуть отъ Церкви младенцевъ въ вѣрѣ. Она болѣе опасна и погубна, чѣмъ даже современное безбожіе и матеріализмъ. Тѣ хоть прямо и открыто заявляютъ о своемъ невѣрїи, не вводя никого въ заблужденіе, а теософія, прикрываясь именемъ Христа и принципами христіанскаго ученія, проводитъ свое невѣрїе незамѣтно, скрытно, неощутительно.

¹⁾ „Русское обозрѣніе“, 1891 г. № 11.

Долгъ всѣхъ пастырей Церкви—стоять на стражѣ паствы
отъ новаго „духа лестча“, выступающаго подъ знаменемъ
науки съ ореоломъ чудесъ!

А. С.

Въ Редакціи журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“, при Кіевской Духовной Семинаріи, имѣется въ продажѣ

„Толковій Митиконъ“

выпускъ первый—Профессора Кіевской духовной академіи М. Н. Скабаллановича по цѣнѣ 2 р. 50 к. съ пересылкой.

Для подписчиковъ 1911 г. вмѣсто 2 р. 50 к. по 2 руб.

Съ требованіями обращаться въ Редакцію журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“ въ г. Кіевъ.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 19-го января 1911 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Типографія Акціонер. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринг. у.

Годъ

III

Ученое искусство

для

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 4.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1911-го года 23-го января.

Содержаніе: I. Изъ впечатлѣній св. вѣры. Свящ. І. Хохаповскій. — II. Объ одномъ изъ способовъ распространенія въ народѣ Слова Божія. Н. Пальмовъ. — III. Къ вопросу объ участіи церковныхъ школъ въ дѣлѣ миссіи. Свящ. А. Д.-ій. — IV. Инструкція для церковныхъ сторожей.

Изъ впечатлѣній св. вѣры.

„Въ это время шатанія, когда безпокойно вздымаются штормы, сохрани, о, сохрани мнѣ, Боже, вѣру, которая никогда еще меня не обманывала. (Эммануэль Гейбель).

Люблю родное село. Люблю въ немъ Божій храмъ, гдѣ впервые научился я славить благость Небеснаго Отца въ священныхъ пѣсняхъ и въ дѣтской моей молитвѣ. Люблю его, этотъ храмъ, что вмѣстилъ въ каменныхъ стѣнахъ своихъ столько горя и радостей родныхъ и дальнихъ, и этотъ звонъ—гласъ Божій, что мягко-благостно звалъ всѣхъ въ земное небо.

И вотъ теперь, изъ моего далека мнѣ видится какъ-бы възявъ мое родное село и въ немъ свѣтлый храмъ, залитый множествомъ огней. Море головъ колышется предо мною, и сладкій молитвенный шепотъ волной переливается отъ одной стѣны къ другой. Въ моей памяти встають дорогія картины. Въ родномъ храмѣ заукойное моленіе: идетъ панихида. Въ траурной ризѣ стоитъ посреди церкви священникъ. Въ таинственной мглѣ кадильнаго дыма отчетливо раздается его скорбный высокій голосъ объ усопшемъ братѣ-воинѣ. Начало дивнаго моленія. Великая заукойная эктенія. Проникновенно одно за другимъ вырываются отъ сердца исходящія торжественно-скорбныя моленія: „о неосужденну предстати ему у страшнаго престола Господа славы“, „о плачущихъ и болѣзнуюющихъ, чающихъ Христова утѣшенія“... И каждый звукъ его дрожащаго голоса тотчасъ отдается въ душахъ стѣной стоящей здѣсь сѣрой массы съ загорѣлыми лицами и мозолистыми руками. Я вижу, какъ поднимаются время отъ времени вверхъ эти трудовыя руки и осѣняютъ крестомъ скорбныя лица. Слышны вздохи, и молитвенный зовъ, повторяющій за священникомъ—„покой, Господи“—несется къ куполу, а отселѣ и въ небесныя выси. А тамъ, поодаль, склонившись набожно предъ Спасомъ, стоитъ на колѣняхъ старушка-мать. Сколько скорбей вмѣстило уже ея сердце! Сколько теплоты молитвенной разлито на скорбномъ морщинистомъ лицѣ ея! Я вижу, какъ отъ переполнившихъ ея всю пасквозь чувствъ дрожить свѣчка въ рукахъ ея и отъ прерывистаго дыханія колышется золотое ея пламячко. Тихія слезы орошаютъ предъ нею полъ; ея молитва горитъ пламенемъ множества свѣчъ. Стоитъ она колѣнопреклоненной, а мнѣ все кажется—вотъ она сейчасъ поднимется вверхъ и унесется вся въ высь поднебесную вслѣдъ своей молитвѣ. Любовно-привѣтно глядитъ на нее свѣтлый ликъ Спаса, а лики святыхъ повернулись всѣ въ ея сторону. Чѣмъ ближе къ концу панихиды, просвѣтляется лицо ея; куда-то прячутся вглубь скорбныя морщины. И чудится мнѣ,—вотъ небо открылось, и видна Сама Она,

Божественная Благодсть. Въ сонмѣ святыхъ, любовно смотрящихъ на землю, Она. Эта Благодсть, принимаетъ молитву матери и сына и съ вышнихъ высей своихъ шлетъ въ ихъ души сладостныя утѣшенія: „успокою, успокою приму въ селенія свои“. И я слышу дальше, какъ торжественно твердо льются изъ родныхъ устъ молитвенные звуки приближающейся къ концу панихиды. Я вижу еще, какъ, величаво спокойно, поднимается съ полу Божія старушка, слышу, какъ облегченно вздохнула вся молящаяся церковь. Богъ благодсти и мира сошелъ въ сердца... И хочется тутъ мнѣ громко всею грудью опять воспѣть: „образъ есть неизреченныя Твоя славы, аще и язвы ношу прегрѣшеній“... Люблю панихиду! Люблю ея кончный печальный перезвонъ! Въ ней и въ немъ всего явственнѣе слышатся мнѣ горкія пѣсни и вышніе звуки, говорящіе о послѣднемъ часѣ и зовущіе туда, въ великій Отчій домъ. Когда затѣснятся въ груди моей все эти дорогія воспоминанія, цѣлый потокъ жизни врывается въ смятенную душу. И длинной вереницей пройдутъ тогда въ умѣ моемъ все эти пораженные жизненнымъ горемъ отцы и матери, сестры и братья, — пройдутъ стоящими на колѣняхъ за панихидой, горящими огнемъ въ своихъ молитвахъ. Несчетно число ихъ. Я вижу ихъ просвѣтленныя лица. И въ тѣ священныя минуты я говорю себѣ: счастливы, о счастливы, вы все, богатые молитвеннымъ огнемъ, сильные вѣрой въ Бога! И счастье ваше—въ вашемъ горячемъ упованіи! Уже сколько разъ благодсть Божія свѣтитъ малодушнымъ крѣпостью вашей вѣры! Сколько разъ бодрыми вступали вы опять на стезю жизни.

„Великое не тщетно совершилось!

Не даромъ средь людей явился Богъ!

Къ землѣ не даромъ небо преклонилось,

И распахнулся вѣчности чертогъ!

(Вл. Соловьевъ).

Но тутъ же предо мною встаетъ и другая вереница. Чернымъ крепомъ заслонена она. Все это -- холодныя невѣры, отпавшіе отъ Бога, утратившіе вѣру, въ нѣмомъ отчаяніи застывающіе по потерѣ близкихъ. И тайный голосъ начинаетъ шептать во мнѣ: „Благость наша! Обрати и сихъ на путь Твой и призови ихъ къ Себѣ! Дай и имъ познать въ несчастьяхъ и Тебя и сладость утѣщеній вѣры въ горько-скорбныя дни!...

Свящ. І. Хохановскій.

Объ одномъ изъ способовъ распространенія въ народъ ученія Слова Божія.

Православная Церковь предлагаетъ вѣрующимъ Слово Божіе на каждомъ Богослуженіи, въ видѣ извлеченій изъ священныхъ книгъ Ветхаго и Новаго завѣта. Нѣкоторыя изъ этихъ извлеченій, какъ: каѳизмы, евангельскія чтенія и чтенія апостольскія, Церковь разнообразитъ ежедневно, такъ что, еслибы каждый православный христіанинъ имѣлъ возможность и усердіе ежедневно посѣщать храмъ Божій, то онъ весьма обогатился бы познаніями изъ Библии—священной книги нашего живота и спасенія.

Но отчасти вслѣдствіе обремененія жгтейскими заботами и дѣлами, а частію отъ ничѣмъ не оправдываемой лѣности и предосудительнаго нерадѣнія о душѣ, мы удѣляемъ храму Божію, въ лучшемъ случаѣ, только нѣсколько часовъ въ недѣлю, посѣщая храмъ въ день воскресный, да, пожалуй, еще въ день великаго праздника, если таковой случится среди недѣли. Можно ли думать, что воспринятаго въ храмѣ, за эти нѣсколько часовъ пребыванія въ немъ, совершенно достаточно для обогащенія души нашей ученіемъ Слова Божія, для питанія ея глаголами живота вѣчнаго?—Конечно, нѣтъ. *Крупицами* божественнаго ученія, при такихъ условіяхъ воспринятаго въ храмѣ, только *поддерживается* наша духовная жизнь, только лишь *не замираетъ!*

А между тѣмъ, если тѣлесный организмъ человѣка нуждается въ тщательномъ уходѣ за собою, чтобы быть свободнымъ отъ болѣзней и исполнять надлежащимъ образомъ свое назначеніе; если въ нашъ хилый и нервный вѣкъ приходится соблюдать величайшую осторожность и разборчивость въ изысканіи соотвѣтствующей пищи для организма, равно какъ и проявлять разсудительность въ предоставленіи организму, помимо пищи, наилучшихъ общихъ условій и средствъ къ его жизни, каковыми являются: свѣтъ, теплота, воздухъ; то что же сказать о томъ, чрезвычайно тонкомъ и сложномъ, невидимомъ простому глазу духовномъ и таинственномъ организмѣ, который называется душой человѣка? Не должно ли еще болѣе, чѣмъ на тѣло, обращать на него вниманіе? Не должно ли ухаживать за нимъ еще заботливѣе, чѣмъ за тѣломъ,—питать еще разборчивѣе и разумнѣе, чѣмъ тѣло?

Слава Богу, относительно выбора словесной пищи для души христіанину не приходится задумываться. Онъ знаетъ, что истинная пища для души есть Слово Божіе. Только въ томъ бѣда, что зная это, христіанинъ не прилагаетъ своего знанія къ жизни, не старается утолить испытываемый душой его *гладъ* слышанія Слова Божія, нерѣдко даже не замѣчаетъ этого глада! Душа скорбитъ, томится, не находитъ себѣ покоя, а человѣкъ и не догадывается, что душа этимъ томленіемъ заявляетъ о своемъ желаніи вкусить небесной пищи, напиться ею... Недавно одинъ изъ іерарховъ нашихъ изливалъ скорбь свою по тому поводу, что среди насъ находится множество такихъ, которые никогда не читаютъ даже Евангелія. „Они сами себя губятъ голодомъ духовнымъ“, говорилъ онъ. „Какъ они могутъ говорить о Богѣ и вѣчной жизни, если не читаютъ Евангелія! Какъ они могутъ утвердиться въ вѣрѣ, понять свое несовершенство, почувствовать свои грѣхи, измѣнить не только внѣшнюю свою жизнь, но и желанія и чувствованія свои, если не читаютъ Евангелія! Чѣмъ оправдать ихъ? Недостаткомъ времени? Но, вѣдь, чтеніе Евангелія—дѣло столь важное, что безъ него не можетъ человѣкъ

духовно совершенствоваться. Св. Евангеліе подкрѣпило бы оскудѣвающія силы тѣхъ труженниковъ, у которыхъ слишкомъ много дѣла. Св. Евангеліе дало бы возможность безропотно и даже съ радостію нести жизненный крестъ тѣмъ, кто изнемогаетъ отъ скорбей, отъ несчастій, отъ неудачъ, отъ гнетущей бѣдности. Боже мой, мы должны исполнять данный Тобою законъ, а у насъ нѣтъ времени даже читать Евангеліе. Любители всякихъ развлеченій не жалѣютъ ни силъ, ни средствъ, ни времени, чтобы не пропустить ни одного часа удовольствій, готовы, ради удовольствій, ночи проводить безъ сна, а именующіе себя христіанами, не находятъ времени для чтенія книги, въ которой заключены глаголы жизни вѣчной“¹⁾).

Какъ было бы хорошо, если бы въ народѣ установился добрый обычай читать Слово Божіе по домамъ, хотя бы въ праздничные дни, вмѣсто того, чтобы проводить ихъ въ томъ разгулѣ и въ тѣхъ непотребствахъ, въ которыхъ проводить праздничные дни народъ теперь! Какую великою пользою сопровождался бы истинно святой обычай читать Слово Божіе въ семейномъ кругу, въ домашней церкви! Ослабѣлъ бы, а со временемъ, быть можетъ, и совсѣмъ прекратился бы дикій разгулъ, разрушающій у крестьянина послѣдніе остатки вѣшняго довольства. Вмѣсто животныхъ и низменныхъ инстинктовъ, стали бы пробуждаться въ душѣ высшія, духовныя стремленія; появилось бы влеченіе къ труду, и самый трудъ пересталъ бы быть тягостнымъ; зародилась бы духовная жизнь, дающая смыслъ земнымъ трудамъ и вносящая лучъ свѣта въ существованіе человѣка!

Но прежде, чѣмъ народъ самъ, добровольно приникнетъ къ слову Божію и научится читать его, не слѣдуетъ ли предварительно приохотить его къ святому дѣлу чтенія Св. Пи-

¹⁾ Палладія, епископа Пермскаго и Соликамскаго— „Всѣгда о долгѣ христіанина усердно изучать Слово Божіе и, особенно, св. Евангеліе“ Пермск. Еп. Вѣдомости № 33 за т. г. с 883.

саянїя и не слѣдуетъ ли преподавать наставленїя, какъ должно приступить къ доброму чтенїю Слова Божїя?—Намъ представляется такое предварительное руководство настоятельно необходимымъ, и не только потому, что даже желающїе научиться въ законѣ Божїемъ сплошь да рядомъ оказываются въ невѣдѣнїи, какъ удовлетворить своему желанїю, но главнымъ образомъ еще потому, что весьма важно, чтобы чтенїе Слова Божїя сопровождалось разумѣнїемъ его по духу и ученїю св. Православной Церкви. Извѣстно, что раскольники и сектанты давно уже ввели у себя обычай читать св. Писанїе помимо молитвенныхъ собранїй еще и по домамъ,—но какъ они толкуютъ св. Писанїе. Вотъ въ виду этой то, преимущественно, опасности распространенїя въ народѣ неправильнаго пониманїя различныхъ мѣстъ Св. Писанїя, въ особенности тѣхъ, которыя подвергаются кривотолкамъ со стороны раскольниковъ и сектантовъ, и необходимо, чтобы ближайшее руководство святымъ дѣломъ чтенїя Слова Божїя приняли на себя пастыри. Пусть служителями алтаря, въ храмѣ, будетъ положено начало внѣбогослужебному чтенїю Св. Писанїя; пусть въ храмѣ же пастырь предложитъ православное истолкованїе на тотъ, или другой прочитанный отдѣлъ Св. Писанїя, и пусть вернувшїеся изъ храма богомольцы повторяютъ у себя на дому и воскрешаютъ въ памяти то, что было прочитано имъ въ храмѣ, и что они услышали въ истолкованїе прочитаннаго. Отъ такого рода повторенїй ушерба не произойдетъ. Напротивъ, ученїе Слова Божїя прочнѣе внѣдрится въ сердца. Не даромъ въ старину умные люди говорили: *repetitio est mater studiorum*.

Если правиленъ тотъ взглядъ, что въ дѣлѣ расположенїя народа къ чтенїю Слова Божїя необходимо предварительное,—да, пожалуй, и дальнѣйшее,—руководство со стороны пастыря, чтобы это чтенїе принесло истинно добрые плоды, и если начало чтенїю Слова Божїя должно быть положено въ храмѣ, гдѣ пастырю удобнѣе и приличнѣе предлагать слушателямъ глаголы Господни, то заслуживаетъ полнаго

вниманія просятъ, предлагающей въбогослужебное чтеніе Св. Писанія связать съ вечернями въ праздничные дни. Въ силу указа Св. Синода, теперь эти вечерни отправляются болѣе или менѣ торжественно и привлекаютъ къ храму Божию богомольцевъ. Ничто не препятствуетъ, по окончаніи вечерни, предложить вниманію народа напередъ избранный отдѣлъ изъ Св. Писанія и дать на него хотя бы краткое и самое необходимое толкованіе.

Мысль о чтеніи Св. Писанія по окончаніи праздничной вечерни высказываетъ на страницахъ „Орловскихъ Епарх. Вѣдомостей“ *нѣкій Блюститель*. Положимъ, онъ плохо аргументируетъ свою мысль. Онъ находитъ основаніе къ такому чтенію Св. Писанія въ указаніяхъ Типикона. Принадлежа къ любителямъ литургическихъ изысканій, позволимъ себѣ остановиться на аргументахъ *Блюстителя*, заимствуемыхъ имъ изъ Типикона, и разсмотримъ ихъ.

Прежде всего, *Блюститель* обращаетъ вниманіе на вторую главу Типикона, содержащую уставъ „О чинѣ великія вечерни, сіестъ бдѣнія всенощнаго и утрени воскресныя“, и приводитъ оттуда строки о чтеніи Дѣяній, соборныхъ посланій, посланій св. апостола Павла и Апокалипсиса, дѣйствительно положенномъ по окончаніи благословенія хлѣбовъ и по отпускѣ вечерни наканунѣ праздниковъ при вкушеніи братіей освященныхъ хлѣба и вина. Толкуя безъ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ эти строки, *Блюститель* проникается скорбію, что чтеніе Св. Писанія на вечерняхъ теперь оставлено, и скорбь свою облекаетъ въ фразу, взятую изъ Типикона: „Чинъ сей нынѣ весьма въ церквахъ упроднися“. — Познакомимся ближе съ тѣмъ, что говоритъ Типиконъ, и постараемся понять смыслъ его словъ. Въ Типиконѣ написано: „И по скончаніи молитвы“ (на благословеніи хлѣбовъ: Господи, Иисусе Христе, Боже нашъ, благословивый пять хлѣбовъ...), „и по аминь поемъ: Буди имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка, трижды, на гласъ 4. Тоже псаломъ 33: Благословлю Господа на всякое время, и гла-

големъ: „его да не лишатся всякаго блага“. Церей же шедъ стаетъ предъ царскими врата, зря къ западнымъ. И по скончаніи псалма, глаголетъ: Благословеніе Господне на васъ; и чтець, аминь. И глаголетъ начало чтенія. И священникъ: Молитвами святыхъ отецъ нашихъ; и излачаютъ священникъ и діаконъ священныхъ одеждъ, и исходятъ. И тако сядутъ вси кождо на своихъ мѣстѣхъ. Келарь же взявъ отъ хлѣбъ благословенныхъ, и раздробивъ на блюдѣ, раздаетъ братіи, и почерпаетъ по единой чашѣ вина всѣмъ равно, отъ настоятеля, и до послѣднихъ, иже во обители суть. (Нынѣ же сей чинъ весьма въ церквахъ упразднися). И полагается чтеніе въ дѣніяхъ святыхъ апостоль.

Вѣдомо же буди, яко отъ недѣли святыхъ пасхи, даже до недѣли всѣхъ святыхъ, по благословеніи хлѣбовъ, чтутся дѣнія святыхъ апостоль. Въ прочія же недѣли всего лѣта чтутся семь соборная посланія апостольская, и четырнадцать посланій святаго апостола, и откровеніе святаго апостола Іоанна Богослова.

Егда же роздасть келарь братіи хлѣбы, и по единой чаши вина, труда ради бдѣннаго, якоже изъ начала пріяхомъ отъ святыхъ отецъ, и шедъ творить обычный поклонъ, со служившими съ нимъ по два въ рядъ, предъ святыми дверьми, и на оба лика по единому, и исходятъ. Въ вечеръ же, по пріятіи хлѣба и вина по черпаніи, отъ того часа, да никтоже уже дерзнетъ вкусити потомъ что, причащенія ради святыхъ пречистыхъ Христовыхъ таинъ.

Сицево же раздробленіе хлѣбовъ творимъ и почерпаніе—отъ перваго дня мѣсяца септемврія до 25 дне марта. А яже въ бдѣннихъ лѣтнихъ, благословенныя хлѣбы раздаваемъ я на трапезѣ, и прежде вкушенія сиѣдаемъ ихъ...

По чтеніи же великомъ дѣній святыхъ апостоль, исходитъ параекклісархъ, и клететь въ великій, и въ прочія кампаны. Воставшу же предстоятелю, и всѣмъ братіямъ, начинается: аминь. Слава въ вышнихъ Богу „и прочее, относящееся къ шестопсалмію, которымъ возобновляется пре-

рванная вкушеніемъ благословенныхъ хлѣбовъ и вина всенощная служба”.

Мы нарочно сдѣлали подробную выписку изъ Типикона, чтобы у читателя само собою сложилось естественное объясненіе присутствію такъ называемаго великаго чтенія Св. Писанія на службѣ въ канунъ праздника. Читатель видитъ, что Типиконъ описываетъ праздничную *монастырскую* службу, которая, при надлежащемъ уставномъ совершеніи ея, затягивается на всю ночь (напр. на Аѳонѣ) и требуетъ нѣкотораго подкрѣпленія физическихъ силъ пищею, чтобы оказаться въ состояніи выстоять всю всенощную службу („трудъ бдѣнный“) съ меньшею степенью изнуренія физическихъ силъ. Монастырской братіи, въ подкрѣпленіе силъ („труда ради бдѣннаго“), и предлагается хлѣбъ и вино, освященные особымъ молитвословіемъ и благословеніемъ іерея. Понятна становится умѣстность чтенія Слова Божія при вкушеніи хлѣба и вина иночествующими въ храмѣ, разъ извѣстно, что ни одно общее вкушеніе трапезы по монастырямъ не проходитъ безъ назиданія духа монашествующихъ душеспасительнымъ чтеніемъ изъ священныхъ книгъ.

Излагая уставъ о порядкѣ вкушенія благословенныхъ хлѣба и вина, Типиконъ замѣчаетъ, однако, что нынѣ сей чинъ весьма въ церквахъ упраздненъ. *Блюститель* въ Орловскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ относитъ это замѣчаніе исключительно къ отмѣнѣ чтеній Слова Божія, не пытаясь выникнуть въ контекстъ. Между тѣмъ, контекстъ ясно показываетъ, что замѣчаніе это относится ко всему изображаемому въ Типиконѣ порядку и ко всей, такъ сказать, обстановкѣ вкушенія иноками благословеннаго хлѣба и вина. Дѣйствительно, даже по большимъ и благоустроеннымъ нашимъ монастырямъ вывелся обычай раздавать всей братіи освященные хлѣбъ и вино въ такомъ количествѣ, какое достаточно для извѣстной степени насыщенія, что случилось, вѣроятно, вследствие сокращенія той продолжительности всенощныхъ бдѣній, какою они отличались прежде, и какая вызывала

настоятельную нужду въ подкрѣпленіи силъ. Съ прекращеніемъ одного обычая, вывелся и другой: перестали радовать „укрухи“ хлѣба и предлагать „чаши“ вина, отмѣнено было и положенное при этомъ по уставу „чтеніе“¹⁾.

На Аѳонѣ, гдѣ соблюдаются старинные монастырскіе богослужебные порядки, и гдѣ всеночныя бдѣнія отличаются большою продолжительностью, дѣйствительно по церкви разносятъ для братіи и освященный хлѣбъ, и освященное вино. Вкушая то и другое, монахи садятся въ свои стасидіи, и въ то время, какъ они такимъ образомъ подкрѣпляютъ свои силы, назначенный чтець читаетъ одно изъ святоотеческихъ поученій. Создается обстановка какъ бы вечерней монастырской трапезы...

Блюститель далѣе говоритъ: „Око церковное или уставъ, значить, указываетъ и освѣщаетъ сіе великое чтеніе. Народъ православный, какъ благочестивое собраніе вѣрныхъ, св. Церковь, доселѣ и является хранительницею стойкою отеческихъ преданій²⁾. Не взирая ни на что, на св. Руси сіе богомудрое постановленіе Типикона (2 гл.) удержалось. Чтецы, любители духовнаго просвѣщенія въ пасхальную, Христовскую ночь послѣ „повечерницы“ считаютъ за счастье возглаголють слушателямъ „страсти Христовы и усаждаютъ чтеніемъ Дѣяній Апостольскихъ“.—Что въ ночь на свѣтлое Христово Воскресеніе дѣйствительно происходитъ, въ извѣстное время, чтеніе Дѣяній св. Апостоль, — это общезвѣстный фактъ. Но только *Блюститель* передаетъ и объясняетъ его опять таки

¹⁾ Въ качествѣ доказательства того, что нѣкогда по монастырямъ приносились на благословеніе не малые, а большіе хлѣбы, съ цѣлью, слѣдовательно, напитать братію, можно привести указанія древнихъ Типиконовъ, повелѣвающихъ брать хлѣбы „изъ тѣхъ, которые ѣдимъ на трапезѣ“. См. *Мансветова*—„Церковный уставъ“, стр. 199.

²⁾ Кто же является „хранительницею стойкою“? Народъ православный, или св. церковь?—Удивительно невразумительная рѣчь у *Блюстителя*!

не такъ, какъ слѣдуетъ, придерживаясь Типикона и здраваго смысла.

Во первыхъ, *Блюститель* совершенно произвольно видитъ въ чтеніи Дѣяній въ пасхальную ночь исполненіе устава второй главы Типикона. Мы уже привели пѣлникомъ уставъ второй главы. Развѣ въ немъ есть хоть одно слово о *пасхальномъ* чтеніи?—Нѣтъ. Если тамъ говорится о чтеніяхъ, то только о тѣхъ, которыми сопровождается вкушеніе хлѣба и вина на всенощномъ бдѣніи въ опредѣленный періодъ, времени, съ 1 сентября по 25 марта. Въ лѣтній періодъ времени раздробленіе хлѣбовъ и почерпанія вина съ вкушеніемъ ихъ, на всенощныхъ, по Типикону, не бываетъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ, слѣдовательно, не бываетъ и сопровождающаго эти дѣйствія чтенія.

Уставъ о пасхальномъ чтеніи надо искать въ своемъ мѣстѣ, именно, въ концѣ службы великой субботы. И дается, читаемъ тамъ, отидоръ отъ іерея; и отпустъ. Потомъ бываетъ обычное благословеніе хлѣбовъ и вина (для трапезы). Приходитъ іерей, покадивъ ихъ, глаголетъ обычную молитву благословенія: Господи Іисусе Христе Боже нашъ, благословивый пять хлѣбовъ. И рекше: аминь... По отпустѣ же (чина благословенія хлѣба и вина) исходимъ изъ церкви въ трапезу, и сядемъ кійждо на мѣстѣ своемъ, съ безмолвіемъ и со благоговѣнствомъ. И абіе входитъ келарь, и даетъ братія по единому укруху хлѣба: якоже бы просфоры на то уготованы, въ полъ литры хлѣбы, умѣрены равны, и по 6 смоквей, или фініковъ, и по единой мѣриѣ чаши вина. А идѣже вина нѣсть испиваютъ братія квасъ отъ меда, или отъ жита. Смоквы же обрѣтаются на множайшихъ странахъ. Намъ же вкушающимъ, предложится чтеніе великое, въ Дѣяніяхъ святыхъ апостоль отъ начала. Глаголетъ же чтець начало, Іерей же стихъ: Молитвами святыхъ апостоль, Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ. И по аминѣ Начинаеть чтець чести...

По вкушеніи же вся братіи, бываетъ чтеніе въ тѣхъ же Дѣянїяхъ святыхъ апостоль, якоже предречеса. Сїе апасство да внимаеть церквеначальникъ, да вси Дѣянїя прочтуть до конца. Братїямъ же всѣмъ съ прилежанїемъ послушающимъ, и да не будетъ лѣтъ ни единому же на сонъ предати себе, боящеса скверны искусителя врага: въ таковыхъ бо временѣхъ и мѣстѣхъ тщїтся врагъ осквернити нерадивыя и многосонливыя монахи. Измѣняются же чтецы, и чтуть даже до часа 4 ноци. Посемъ же вжигаетъ паразккисїархъ вся кандила по мѣстомъ. И вземъ отъ настоятеля благословенїе, и тако изшедь ударяеть въ било. П чтець совершаетъ (т. е. оканчиваетъ) чтенїе“. Начинается т. н. пасхальная полунощница (агрипнїя).

Вопреки словамъ *Блюстителя*, при объясненїи приведеннаго мѣста,³ должно сказать, что благословенїе хлѣба и вина въ великую субботу происходитъ не послѣ „повечерницы“, какъ говоритъ *Блюститель*, но послѣ литургїи, положенной въ великую субботу въ соединенїи съ вечерней. Вѣроятно Блюстителю неизвѣстно, какая служба называлась въ старину повечерницею. Это была небольшая служба, совершавшаяся въ монастыряхъ послѣ вечерней трапезы, или ужина, отъ котораго она и получила свое названїе у грековъ—ἀποδείπνον (отъ: ἀπό — послѣ, но и δείπνον — поздній обѣдъ, вечеря, *ужинъ*). На литургическомъ языкѣ различается ἀποδείπνον и ἀποδείπμιον; подъ ἀποδείπνον разумѣется болѣе продолжительная служба послѣ монастырской вечера, а подъ ἀποδείπμιον—краткая служба. Ἀποδείπμιον образовалось отъ ἀποδείπνον, какъ его уменьшительное. Слѣдовательно, славянское: „павечерница“, измѣнившееся, очевидно, изъ „повечерница“, будетъ буквальнымъ переводомъ греческаго ἀποδείπμιον.

Ἀποδείπνον, какъ и ἀποδείπμιον, совершалось въ древности только въ монастыряхъ и не имѣла мѣста въ храмахъ соборныхъ и приходскихъ церквахъ.

Далѣе. Уставъ, выше нами приведенный, очень ясно указываетъ причину, почему было введено чтеніе Дѣяній послѣ поздней литургіи въ великую субботу, начинающееся съ момента вкушенія братіей благословенныхъ хлѣба и вина и продолжающееся затѣмъ во время обѣда и послѣ -- до самаго начала пасхальной полунощницы (агрипнин). Если чтеніе при вкушеніи пищи было обычнымъ явленіемъ въ монастырской практикѣ, то послѣдующее чтеніе, до полунощницы, имѣло въ виду предотвратить сонъ у монаховъ, невыходившихъ изъ храма, въ ожиданіи начала пасхальной службы, съ вечера великой субботы, и сохранить у нихъ духовную бодрость: „въ таковыхъ бо временѣхъ и мѣстѣхъ тщится врагъ осквернить нерадивыя и многосонливыя монахи“, говоритъ Типиконъ.

Вотъ почему въ тѣхъ обителяхъ, въ которыхъ пасхальная служба начиналась въ третьемъ часу утра, а не въ полночь, и гдѣ разрѣшался монахамъ сонъ до утрени, чтенія Дѣяній въ церкви не полагалось. Послѣ литургіи въ великую субботу братія шла въ трапезу, а послѣ трапезы расходилась по келліямъ, совершая тамъ правило по усмотрѣнію. Это—правила обителей, руководившихся студійскимъ уставомъ¹⁾.

Церковь русская, начиная въ настоящее время пасхальную службу въ полночь, слѣдуетъ іерусалимской практикѣ, а предваряя службу чтеніями изъ Дѣяній, на которые созываетъ вѣрующихъ благовѣстомъ въ 7—8 часовъ вечера, желаетъ, чтобы они бодрствовали въ священную пасхальную ночь. Но вѣдь это совсѣмъ, конечно, не то, о чемъ идетъ рѣчь во второй главѣ Типикона.

Тамъ идетъ рѣчь о религіозной обстановкѣ при вкушеніи благословенныхъ хлѣба и вина монахами въ монастыряхъ на всенощномъ бдѣніи, а здѣсь чтеніе Слова Божія

¹⁾ См. объ этомъ въ статьѣ: „Пасхальная заутрени“. „Руск. д. с. и.“ 1905 г., т. I, с. 402 и дал.

является въ видѣ средства поддержать молящихся въ духовномъ бодрствованіи и помочь имъ провести безъ сна промежуточные часы до начала пасхальной службы. Есть разница!

Неудачно аргументируя ссылкой на вторую главу Типикона объ учрежденіи чтенія Св. Писанія по уставамъ въ концѣ праздничныхъ вечерець, Блюститель попадаетъ совершенно въ просакъ, когда со словами изъ второй главы Типикона: „Чинъ сей нынѣ весьма въ церквахъ упразднися“, связываетъ фразу: „хотя во святѣй восточной церкви не инако творится, но тако, якоже пишется“. Справка въ Типиконѣ показываетъ, что послѣдняя фраза взята изъ устава о св. Четырдесятницы, именно, изъ главы: „О поклонѣхъ и молитвѣ церковное законоположеніе“. Тамъ говорится о великой ектенѣ и о томъ, какъ должны присутствующіе въ храмѣ вести себя, когда слышать возглашенія ектеніи. Они всѣ должны, между прочимъ, отвѣчать на эти возглашенія словами: „Господи помилуй“. „Сего ради въ служебникахъ пишется, людіе глаголють сіе, или оно, на нихже мѣстѣхъ написася. Во святѣй же восточной церкви, не инако творится, но тако якоже пишется. Идѣже написася, людіе глаголють: то вси вкупѣ, елицы обрѣтаются въ церкви, глаголють: или Господи помилуй, или подай Господи, или и со духомъ твоимъ, или Отче нашъ: Аще у насъ и не творится сего, обаче подобаетъ творити“. Контекстъ фразы: „Во святѣй же восточной церкви“... и пр. ясно показывать, что она имѣетъ не силу общаго замѣчанія, но только въ примѣненіи къ тому, о чемъ говорится въ данномъ мѣстѣ; а въ данномъ мѣстѣ говорится объ активномъ участіи присутствующихъ въ храмѣ въ нѣкоторые моменты богослуженія и, между прочимъ, во время великой ектеніи, но ни слова нѣтъ о чтеніяхъ Св. Писанія. Блюститель, по какому то недоразумѣнію, нашель возможность связать во одно фразы съ совершенно различнымъ содержаніемъ!

Какой же, однако, выводъ послѣ разбора неудачныхъ аргументовъ Блюстителя? Не ведетъ ли нашъ разборъ къ

отрицанію самой мысли объ учрежденіи по приходскимъ храмамъ чтеній Св. Писанія, съ толкованіями, въ праздничные дни, по окончаніи торжественныхъ вечерень? Отнюдь нѣтъ. Сама по себя мысль учредить такія чтенія заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны духовенства. Ошибка *Блюстителя* состояла въ томъ, что онъ задумалъ найти основанія для проектируемаго чтенія—въ Типиконѣ. Но Типиконъ въ данномъ случаѣ не можетъ быть полезенъ: онъ не знаетъ чтеній въ концѣ тѣхъ вечерень, которыя полагаются въ самые дни праздниковъ, а чтенія въ канунъ праздниковъ, по все-нощномъ бдѣніи, Типиконъ пріурочиваетъ къ вкушенію монахами благословенныхъ хлѣба и вина, каковой обычай, по измѣнившимся условіямъ монастырской жизни въ монастырскихъ храмахъ, давно уже и весьма упразднился.

Но то, что Типиконъ не даетъ указаній къ установленію чтеній Слова Божія послѣ теперешнихъ торжественныхъ вечерень въ дни праздничные, не должно, разумѣется, никого смущать. Не все, что находитъ мѣсто въ современной церковно-богослужебной практикѣ, покоится на указаніяхъ и повелѣніяхъ одного только Типикона. Есть вошедшее въ практику и по требованію *жизни*, и по распоряженіямъ церковной Власти.

Полезьа отъ проектируемыхъ чтеній Слова Божія съ толкованіями настолько очевидна, что пастырю требуется лишь испросить на нихъ благословеніе отъ архіерея и, съ Божіею помощію, приступить къ нимъ.

Н. Пальмовъ.

**Къ вопросу объ участіи церковныхъ школъ въ
дѣлѣ миссіи.**

(Историческая справка).

Согласно Высочайше утвержденнымъ 13 іюня 1884 года
правиламъ, церковныя школы „имѣють цѣлью утверждать

въ народѣ православное ученіе вѣры и нравственности христіанской и сообщать первоначальныя свѣдѣнія“ (§ 1).

Этимъ ясно преуказывалось, что задача церковныхъ школъ не только просвѣтительная, но и миссіонерская въ смыслѣ охраненія и укрѣпленія въ русскомъ народѣ православной церковности.

Высшая церковная власть, призванная завѣдывать православными церковными школами, въ своихъ указаніяхъ и опредѣленіяхъ никогда не отступала отъ такого взгляда на свои школы и постоянно вмѣняла духовенству въ обязанность для борьбы съ расколосектантствомъ и иновѣріемъ учрежденіе церковныхъ школъ. Но такъ какъ церковныя школы до 1895 года были исключительно *начальными*,—гдѣ, по требованіямъ здоровой педагогики, главное вниманіе должно быть обращено на сообщеніе положительныхъ свѣдѣній и на привитіе учащимся добрыхъ навыковъ,—и притомъ съ кратковременнымъ 2-голичнымъ курсомъ, то и порученное имъ миссіонерское дѣло въ это время не могло идти дальше сообщенія учащимся положительныхъ истинъ православной вѣры и воспитанія въ нихъ привязанности къ православнымъ обычаямъ и обрядамъ. Къ тому же и инославіе и иновѣріе въ это время было лишено права открытой проповѣди и пропаганды своихъ ученій.

Въ этомъ именно смыслѣ и въ этомъ видѣ Свят. Синодъ и указалъ церковнымъ школамъ вести миссіонерское дѣло. Особенно ясно эти указанія Свят. Синода были выражены въ утвержденныхъ 25 мая 1888 года *„Правилахъ объ устройствѣ миссій и о способѣ дѣйствій миссіонеровъ и пастырей Церкви по отношенію къ раскольникамъ и сектантамъ“*, а также извѣстномъ циркулярномъ указѣ—*„О мѣрахъ пресѣченія вреда, проистекающаго отъ распространенія раскольническихъ и сектантскихъ заблужденій“*, изданномъ по поводу представленнаго Московскимъ митрополитомъ отчета о занятіяхъ бывшаго въ Москвѣ въ 1891 году второго

съѣзда противораскольническихъ миссіонеровъ. Въ „Правилахъ объ устройствѣ миссій“ Свят. Синодъ, вмѣняя въ обязанность приходскому духовенству для борьбы съ расколомъ и сектантствомъ „учрежденіе, особенно въ мѣстахъ, зараженныхъ расколомъ и гдѣ развивается сектантство, церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности“, указываетъ, что эти „школы, распространяя въ народѣ грамотность и обучающихся въ нихъ дѣтей дѣлая болѣе способными къ усвоенію духа Православной Церкви и къ сознательному участию въ церковномъ богослуженіи, чтеніи и пѣніи, могутъ чрезъ дѣтей благотворно дѣйствовать и на ихъ родителей, утверждая колеблющихся въ вѣрѣ и располагая чуждыхъ Церкви къ сближенію съ нею и къ уваженію ея правилъ и обычаевъ“ (См. п. 8 лит. 2). А въ циркулярномъ указѣ Свят. Синодъ опредѣляетъ „пригласить преосвященныхъ, чтобы, сколько отъ нихъ зависить, оказывали содѣйствіе къ умноженію церковно приходскихъ школъ, и такъ какъ сіи школы служатъ охраною православія и способствуютъ разъясненію предметовъ истинной вѣры, дозволяли допускать и сектантскихъ дѣтей къ обученію въ оныхъ“, и при этомъ преподаетъ такія руководственныя указанія: „а) чтобы учителя излагали только положительное ученіе вѣры, безъ разбора и тѣмъ паче безъ порицанія лжеученій“ и „б) чтобы пресѣкаемо было глумленіе со стороны сектантскихъ дѣтей надъ предметами и обычаями православными и всѣ дѣти сіи предостерегаемы были отъ непристойныхъ словъ и поступковъ, подъ опасеніемъ исключенія неисправныхъ изъ школы, что предварительно должно быть извѣстно лицамъ, ихъ въ нее помѣстившимъ“.

Знаменательно, что и бывшіе въ это время (разумѣемъ съ 1884 г. до 1895 года—до учрежденія второклассныхъ школъ) миссіонерскіе съѣзды такъ же опредѣляли миссіонерскія задачи церковныхъ школъ. Такъ, въ *отъяніяхъ* Казанскаго съѣзда архипастырей сказано: „Религіозное просвѣщеніе въ духѣ Православной Церкви есть первое средство къ

утвержденію православной истины и къ укрѣпленію любви къ Церкви. Отсюда сами собой выдвигаются значеніе и задачи церковно-приходской школы; и для того, чтобы она могла благотворно проливать свѣтъ истиннаго просвѣщенія и на раскольниковъ, необходимо, чтобы церковный языкъ, столь ими уважаемый, былъ тщательно изучаемъ въ школахъ". На второмъ же миссіонерскомъ съѣздѣ, бывшемъ въ 1891 году, были выработаны только общіе совѣты для веденія дѣла въ школахъ среди раскольниковъ и сектантовъ, вошедшіе потомъ въ циркулярный указъ Свят. Синода въ видѣ руководственныхъ указаній.

Въ 1895 году были учреждены второклассныя церковно-приходскія школы для приготовленія учителей въ школы грамоты. Съ учрежденіемъ этого высшаго типа церковной школы явилась возможность расширить школьно-миссіонерское дѣло, и Свят. Синодъ, опредѣленіемъ своимъ отъ 18 іюня—4 іюля 1897 года за № 2060, предоставляетъ епархіальнымъ училищнымъ совѣтамъ право *вводитъ въ курсъ второклассныхъ школъ, открываемыхъ въ мѣстностяхъ, зараженныхъ расколомъ, преподаваніе общихъ свѣдѣній о расколѣ и мѣстныхъ сектахъ онаго, съ опроверженіемъ расколическихъ мнѣній, и въ преподаваніе сего предмета будетъ признано необходимымъ.* Съ этого времени вопросъ объ участіи церковныхъ школъ въ дѣлѣ внутренней православной миссіи становится предметомъ нарочитаго обсужденія въ епархіальныхъ училищныхъ совѣтахъ; и во многихъ епархіяхъ въ курсъ второклассныхъ школъ вводится въ качествѣ самостоятельнаго предмета исторія и обличеніе расколосектантства. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ вопросъ дѣлается предметомъ серьезнаго обсужденія и для официальныхъ представителей православной миссіи. Бывшій въ 1897 году въ Казани третій миссіонерскій съѣздъ съ цѣлью всесторонняго раскрытія и разрѣшенія его организовалъ особую школьную комиссію, въ составъ которой вошли не только миссіонеры, но и наблюдатели церковныхъ школъ. Одной изъ существенныхъ

работъ этой комиссіи было обсужденіе доклада Полтавскаго епархіального наблюдателя церковныхъ школъ и миссіонера свящ. І. Ольшевскаго „о миссіонерскомъ характерѣ церковно-приходской школы среди сектантскаго населенія“ и его же „примѣрнаго распредѣленія апологетическаго матеріала въ курсѣ Закона Божія для одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ среди сектантскаго населенія“.

Въ виду особой важности доклада и „примѣрнаго распредѣленія“ свящ. Ольшевскаго позволимъ себѣ остановиться на нихъ.

Въ своемъ докладѣ свящ. Ольшевскій, исходя изъ того, что церковно-приходской школъ среди сектантскаго населенія предлежитъ особая миссіонерская задача и что доселѣ не было оглашено „опытовъ касательно воспитательныхъ и дидактическихъ приѣмовъ въ постановкѣ Закона Божія, примѣнительно къ религіозно-нравственнымъ потребностямъ школы, окруженной сектантскимъ населеніемъ, а также прямо примѣнительно къ сектантскимъ дѣтямъ, обучающимся въ церковной школъ“, на основаніи собственныхъ наблюденій и опыта приходитъ къ такимъ выводамъ.

1. Школа среди сектантскаго населенія должна непременно отличаться церковно-религіознымъ характеромъ, для чего въ ней безусловно обязательны—благолѣпныя св. иконы съ зажженной лампадой предъ ними, чтеніе молитвъ утреннихъ предъ занятіями и вечернихъ послѣ занятій, сопровождаемое надлежащимъ пѣніемъ, преподаваніе Закона Божія непременно приходскимъ пастыремъ даже и при наличности правоспособнаго на то учителя и обращеніе особеннаго вниманія въ ряду учебныхъ предметовъ на Законъ Божій.

2. Преподаваніе Закона Божія въ такой школъ должно быть миссіонерскимъ, съ каковой цѣлью можно дѣйствовать двояко: а) *косвенно*, когда „законоучитель старается возможно основательнѣе и притомъ въ истинномъ разумѣ Церкви запечатлѣть въ сознаніи учащихся дѣтей пререкаемыя сектантами истины вѣроученія“, — *апологетическая постановка*, и

б) *прямо*, „когда законоучитель старается прямо показать не правоту и заблужденія сектантовъ, дабы „наставить противниковъ, не дастъ ли имъ Богъ покаянія къ познанію истины“ (2 Тим. 2, 25),—*полемическая постановка*.

3. „Полемическая постановка преподаванія Закона Божія можетъ быть допущена только тамъ, гдѣ сектантство существуетъ открыто и гдѣ дѣти учащіяся уже не чужды отрицательнаго настроенія и сужденій сектантскихъ“, но и то допускаться она должна „съ мудрой осторожностью“ и только по нуждѣ; апологетическая же „вполнѣ умѣстна и необходима не только въ селахъ съ сектантскимъ населеніемъ, но и въ селахъ, близкихъ къ сектантскимъ пунктамъ, гдѣ хотя и нѣтъ отступничества отъ Церкви, но гдѣ нравственная атмосфера пропитана отрицательными сужденіями“.

4. Для апологетической постановки Закона Божія „нѣтъ никакой нужды измѣнять существующую программу, не нужно вносить и особаго отдѣла въ нее“; не нужно и даже вредно при разсмотрѣніи пререкаемыхъ сектантами истинъ формулировать заблужденія и излагать основанія сектантовъ: апологетическій элементъ долженъ быть связанъ съ курсомъ „вполнѣ органически“, вытекать „изъ дѣла преподаванія Закона Божія какъ бы самъ собой“, для чего требуется—а) особенное вниманіе обратить и соотвѣтственно цѣли освѣтить и раскрыть тѣ историческія вѣроучительныя истины, которыя прямо опровергаютъ и обличаютъ сектантовъ и б) изучать священныя исторіи и истины, пререкаемыя сектантами, непременно по Библии.

5. Миссіонерскій, апологетическій матеріалъ въ общемъ курсѣ „наиболѣе умѣстнымъ представляется связывать съ теоретической частью Закона Божія, т. е. со Священной исторіей и Катехизисомъ“, потому что „при изученіи молитвъ дѣти къ этому еще почти не способны, а при изученіи Богослуженія желательно и необходимо, чтобы они воспринимали преподаваемое имъ не столько умомъ, сколько сердцемъ“, чтобы у нихъ создалось молитвенно—благоговѣйное настроеніе,

какое излишняя разсудочность можетъ ослабить. Миссіонерское изученіе Закона Божія удобнѣ всего вести въ старшей группѣ учениковъ, когда идетъ повтореніе Священной исторіи, приче́мъ при повтореніи ветхозавѣтной Священной исторіи должны быть даны предварительныя миссіонерскія замѣчанія, а при прохожденіи новозавѣтной исторіи—главныя историческія основанія пререкаемыхъ истинъ.

Кромѣ того въ своемъ докладѣ свящ. Ольшевскій опредѣляетъ, каковы должны быть отношенія законоучителей къ сектанскимъ дѣтямъ, посѣщающимъ школу, и чего можно и нужно требовать отъ нихъ. Отношенія законоучителя къ сектанскимъ дѣтямъ, по его мнѣнію, должны быть проникнуты любовью приточнаго отца къ заблудшему сыну, и онъ не долженъ въ обращеніи выдѣлять ихъ, а въ обличеніи заблужденій—указывать на отцовъ ихъ. Отъ сектанскихъ дѣтей въ школѣ можно и нужно требовать всего, что требуется правилами и программами, но „требовать отъ нихъ исполненія самымъ дѣломъ того, что прямо отрицаютъ ихъ родители, т. е. совершать крестное знаменіе, цѣловать крестъ и св. иконы, всегда посѣщать богослуженіе—не представляется удобнымъ“, иначе „изъ за этого родители могутъ не пустить ихъ въ школу, и Церковь потеряетъ удобный путь воздѣйствія на нихъ“.

Что же касается „примѣрнаго распредѣленія апологетическаго матеріала“, то оно представляетъ собой указаніе статей изъ Священной исторіи, изъ исторіи Церкви, Катихизиса и ученія о Богослуженіи съ выясненіемъ тѣхъ пунктовъ и сторонъ въ нихъ, которыя имѣютъ апологетическое или миссіонерское значеніе; такъ, въ ст.—„Устроеніи скиніи“ отмѣчается повелѣніе Божіе сдѣлать на крышкѣ кивота и на занавѣси скиніи изображенія херувимовъ и пр. Такихъ статей о. Ольшевскій приводитъ изъ Священной исторіи Ветхаго Зава́та 8 [*исторія Іосифа (крестообразное благословеніе Іаковомъ дѣтей Іосифа), устройство скиніи (изображеніе херувимовъ), вступленіе евреевъ въ Ханаанскую землю (возмущеніе*

Корея, Давана и Авирона, а также мѣдный змій), помазаніе Давида (отверженіе Саула за непокорность и храненіе священниками при храмѣ меча, которымъ Давидъ поразила Голіафа (1 Цар. 21, 9), построеніе и освященіе храма (изображеніе херувимовъ въ немъ 3 Цар. 6, 23—35; 8, 6—11), Пророки—Илія и Елисей (Ваалъ—изображеніе ложнаго бога; кости прор. Елисея воскресили умершаго), Пророки—Исаія и Даниилъ (видѣнія Господа Саваоѳа), построеніе второго храма (изображенія херувимовъ)], изъ Священной исторіи Новаго Завѣта—15 [По программѣ §§ 1, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 14, 20, 21, 23, 24, 25, 26], изъ исторіи Церкви 3 (Сошествіе Св. Духа на апостоловъ, Успеніе Божіей Матери, обрѣтеніе Св. Креста Господня), изъ Катехизиса 9 (введеніе, 7, 8, 9, 10 члены Символа вѣры, 1, 2, 3 и 4 заповѣди Десятословія), изъ ученія о Богослуженіи 8 (о церковномъ Богослуженіи, о храмѣ, священныхъ изображеніяхъ, лицахъ—совершающихъ Богослуженіе, важнѣйшихъ праздникахъ, постахъ, о литургіи).

Школьная комиссія третьяго миссіонерскаго съѣзда, обсудивъ докладъ и „примѣрное распредѣленіе“ свящ. Ольшевскаго, а также и другія предложенія по этому вопросу, сдѣлала такое постановленіе.

„Принимая во вниманіе опредѣленіе Свят. Синода объ умноженіи церковныхъ школъ и о надлежащей ихъ постановкѣ въ мѣстностяхъ съ раскольническимъ и сектантскимъ населеніемъ, школьная комиссія пришла къ заключенію, что въ школахъ, которыя посѣщаются дѣтьми раскольниковъ, при обученіи соблюдать слѣдующія особенности: 1) При изученіи Закона Божія, истины о созданіи Господомъ Церкви, о бытіи въ ней епископовъ и седми таинъ непрерывно до второго пришествія, о новозможности спасенія безъ причащенія Тѣла и Крови Христовыхъ и безъ другихъ таинствъ, о различіи догматовъ и обрядовъ и о власти Церкви исправлять послѣдніе—внушаются дѣтямъ съ должною полнотою и съ указаніемъ на свидѣтельства Свящ. Писанія и старопечат-

ныхъ книгъ, причемъ нѣкоторыя изъ этихъ свидѣтельствъ даже запоминаются дѣтьми наизусть; но при изложеніи сихъ истинъ не упоминается объ отступленіи старообрядцевъ и тѣмъ болѣе не допускается порицаній старообрядчества. 2) На церковно-славянское чтеніе отводится болѣе учебнаго времени, чѣмъ въ прочихъ школахъ. 3) Дѣти старообрядцевъ Псалтирь и Часовникъ читаютъ по изданіямъ единовѣрческимъ; Новый же Завѣтъ читаютъ по изданіямъ Свят. Синода. 4) Азбуку употребляютъ единовѣрческаго изданія, по ней же изучаютъ и первоначальныя молитвы. 5) Изображаютъ крестное знаменіе двумя перстами и полагаютъ такъ называемый „началь“ по обычаямъ старообрядцевъ.

Что же касается мѣстностей съ сектантскимъ населеніемъ, то для надлежащей постановки обученія въ церковныхъ школахъ сихъ мѣстностей комиссія находила полезнымъ принять въ руководство: „примѣрное распредѣленіе апологетическаго матеріала въ курсѣ Закона Божія для одноклассныхъ церковно приходскихъ школъ“ свящ. І. Ольшевскаго, причемъ комиссія выразила желаніе, чтобы эта программа была напечатана и чтобы свящ. Ольшевскій составилъ учебное руководство по содержанію представленной имъ программы.

Находя возможнымъ апологетическую постановку программъ по Закону Божію въ одноклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ мѣстностей съ сектантскимъ населеніемъ, комиссія выразила желаніе соотвѣтственную постановку преподаванія Закона Божія ввести въ курсъ второклассныхъ школъ, причемъ въ первые два года апологетическій матеріалъ совмѣстить съ нормальной программой по Закону Божію, а въ третій годъ выдѣлить въ особый повторительный курсъ съ подробнымъ разборомъ главныхъ сектантскихъ заблужденій“.

Постановленіе это было одобрено общимъ собраніемъ третьяго миссіонерскаго съѣзда, но оно тѣмъ не менѣе не получило значенія руководственнаго правила. Правда, въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, по распоряженіямъ преосвященныхъ,

оно рекомендовано было къ свѣдѣнію духовенства, вѣдающаго церковно-школьное дѣло, но это было въ отдѣльныхъ и притомъ немногочисленныхъ случаяхъ. Вообще нужно сказать, церковно-школьное центральное начальство съ самаго начала во многомъ, и въ частности въ миссіонерскомъ дѣлѣ, поступало съ большою осторожностью, чуждаясь поспѣшныхъ общеній и регламентацій тамъ, гдѣ все зависитъ отъ почина и самодѣтельности непосредственныхъ школьныхъ дѣятелей и гдѣ недостаточно проявилось и жизненнаго опыта, и жизненной потребности. Но оно нисколько не подрывало и ничѣмъ не связывало мѣстнаго почина и самодѣтельности, предоставляя имъ широкое распространительное значеніе. Съ этой цѣлью оно сообщало церковной школѣ такую организацію, которая дѣйствительно является „чрезвычайно гибкой“ (какъ и аттестуется она въ „Историч. очеркѣ развитія церковныхъ школъ“ изд. Учил. Синод. Совѣта стр. 159), и потомъ ввело особое правило, по которому „по мѣрѣ надобности и средствъ дозволяется открывать, съ разрѣшенія епархіальнаго архіерея, при церковно-приходскихъ школахъ дополнительные классы по предметамъ, преподаваемымъ въ одноклассныхъ и двухклассныхъ школахъ“ (§ 7 Высоч. утв. правилъ). Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ, почему постановленіе третьяго миссіонерскаго съѣзда не вошло въ разрядъ всеобщихъ руководственныхъ правилъ.

Свящ. А. Д—ій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Инструкція для церковныхъ сторожей.

Въ виду участившихся кражъ изъ церквей Самарскимъ Епархіальнымъ Начальствомъ, въ цѣляхъ надлежащей охраны церквей, выработана слѣдующая инструкція для церковныхъ сторожей.

§ 1. По смыслу ст. 178 и 113 Общ. Полож. сельскимъ обществамъ предоставляется назначать по выбору или найму особыхъ церковныхъ сторожей.

§ 2. Согласно Цирк. Мин. Внутр. Дѣль, отъ 29-го ноября 1890 года за № 43, Г. г. Губернаторамъ и по силѣ п. 5 ст. 179 того же Положенія, къ числу обязательныхъ повинностей сельскихъ обществъ отнесено содержаніе въ деревняхъ карауловъ, которые, будучи установлены для огражденія общественнаго и частнаго имущества, несомнѣнно обязаны оберегать сельскіе храмы, какъ наиболѣе цѣнныя въ селахъ сооруженія.

§ 3. Ко времени разсмотрѣнія смѣты—не поздиѣ декабря мѣсяца—настоятель церкви съ причтомъ и церковнымъ старостою входятъ съ заявленіемъ въ сельское управленіе объ обезпеченіи на предстоящій годъ храма приличнымъ и надежнымъ карауломъ.

§ 4. Тамъ, гдѣ сельскія общества ограничиваются ассигнованіемъ потребной суммы на наемъ сторожей, суммы эти получаютъ причтомъ съ церковнымъ старостою, записываются на приходъ по церковнымъ книгамъ „на наемъ сторожей“ и расходуются помѣсячно надлежащимъ порядкомъ.

§ 5. Гдѣ сторожа служатъ по выборамъ, тамъ на избраніе тѣхъ или другихъ лицъ требуется согласіе настоятеля и церковнаго старосты.

§ 6. Сторожей должно быть двое (Сам. Епарх. Вѣд. 1891 г. № 24).

Примѣчаніе: въ городахъ, посадахъ и большихъ селахъ, гдѣ совершается Богослуженіе ежедневно, а также и тамъ, гдѣ въ этомъ ощущается крайняя нужда, въ помощь сторожамъ должны быть наряжаемы особые ночные караульщики.

§ 7. На должность церковныхъ сторожей должны быть допускаемы лица благонадежные, трезвые, крѣпкіе силами, не старше 50 лѣтъ, предпочтительно изъ лицъ, состоявшихъ на военной службѣ (тамъ же).

§ 8. Не могутъ быть допускаемы на должность церковныхъ сторожей лица, состоящія на подозрѣннн, бывшія подъ судомъ, несовершеннолѣтнн, имѣющія тѣлесныя недостатки (слѣпоту, глухоту и пр.), больныя заразительными болѣзнями, сектанты, несостоятельные должники и пр.

§ 9. Церковные сторожа должны находиться въ вѣдѣнн настоятеля и церковнаго старосты и исполнять законныя требованія ихъ. ими же они и увольняются отъ мѣста за не исполненіе законныхъ распоряженій и другіе проступки.

§ 10. Церковные сторожа обязаны оберегать церковное имущество и церковь, для сего должны: а) ежедневно, передъ вечеромъ, осматривать церковь внутри, не исключая дней, когда не совершается Богослуженіе; б) въ дни, когда совершается Богослуженіе, послѣ каждой службы осматривать тщательно все мѣста, въ особенности чуланы, ризницы, хоры и колокольни, а равно внутренніе запоры; в) ночь раздѣлить на двѣ стражи, причемъ одинъ обходить храмъ до 12 часовъ ночи, а другой послѣ 12-ти, чередуясь въ распредѣленн времени по взаимному соглашенію съ вѣдома священника; г) при смѣнѣ оба должны обойти храмъ и осмотрѣть замки и оконныя рѣшетки; д) осенью—выбивать часы съ 8 часовъ вечера до 4-хъ часовъ утра (въ селлахъ), а въ остальное время съ 10 часовъ до разсвѣта; е) о случившемся несчастіи немедленно доносить настоятелю.

§ 11 Церковные сторожа обязаны наблюдать за чистотою и порядкомъ въ храмахъ, для чего должны: а) подметать полы, стирать пыль съ иконъ, столовъ и другихъ предметовъ; предъ большими праздниками обтирать пыль съ иконостасовъ, чистить подсвѣчники, лампы и мыть полы въ алтарѣ, когда потребуется; б) въ теплыхъ храмахъ—топить печи, зимою—очищать проходы къ храму отъ снѣга, а лѣтомъ,—содержать въ чистотѣ и порядкѣ мѣста внутри и около ограды; в) готовить угли, кадило, теплоту,—вообще все, что необходимо для богослуженія, по указанію священника; г) слѣдить за правильностью звона, за исправностью на колокольнѣ (нѣтъ

ли провѣса въ языкѣ колокола, исправны ли перевязи и пр.) а такъ же и за тѣмъ, чтобы не было допускаемо на колокольныхъ безобразнаго звона на Пасху и другіе дни, когда положенъ цѣлодневный звонъ.

§ 13. Звонъ во время мятелей и бурановъ производится подъ наблюдениемъ сторожей.

§ 14. Разрѣшается церковному сторожу быть сторожемъ и церковной школы, если послѣдняя находится въ одномъ зданіи съ церковной сторожкой, по усмотрѣнію, однако, священника и по соглашенію съ завѣдующимъ школой.

§ 12. По окончаніи Богослуженія оба сторожа обязаны просмотрѣть тщательно весь храмъ, не осталось ли гдѣ незадушенной свѣчи, или угля незаглушеннаго и пр. и тогда уже запирать храмъ.

§ 15. Въ теченіе дня одинъ изъ сторожей можетъ отлучаться изъ караулки не на долгое время по уважительнымъ причинамъ съ благословенія священника; въ ночное же время оба должны безотлучно находиться на своихъ мѣстахъ.

§ 16. Сторожа, прослужившіе безсмѣнно и съ пользою въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ—представляются къ благословенію Епископа, а прослужившіе 10 лѣтъ могутъ быть представляемы къ серебряной медали, съ надписью „за усердіе“. Въ промежуточное время, не менѣе какъ чрезъ три года, они могутъ быть поощряемы и денежными наградами изъ мѣстныхъ источниковъ, съ благословенія Епископа.

§ 17. За неисправность по службѣ, грубость и ослушаніе, церковный староста, по соглашенію съ настоятелемъ, увольняетъ церковныхъ сторожей отъ должности.

§ 18. Приговоры объ избраніи сторожей или о назначеніи суммы на наемъ представляются при рапортахъ причта въ Консисторію.

§ 19. Во всѣхъ недоумѣнныхъ случаяхъ настоятели входятъ за указаніями къ Епархіальному Начальству (Сам. Еп. Вѣд.)

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Аверосій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 22-го января 1911 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Типографія Акціонер. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринг. у.

ГОДЪ

III

ПРАВОСЛАВІЕ ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 5.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1911-го года 30-го января.

Содержаніе: I. Идеаль пастыря по ученію препод. Іоанна Лѣствичника.
Е. Харинъ.—II. Къ вопросу объ участіи церковныхъ школъ въ дѣ-
лѣ миссіи. (Продолженіе). Свящ. А. Д-ій.—III. Александро-Невское
Братство во Владимірѣ губ. Н. У —въ.

Идеаль пастыря по ученію преп. Іоанна Лѣст- вичника.

Въ недавно вышедшей декабрьской книжкѣ „Православ-
наго Собесѣдника“ помѣщена статья п. д. доцента Казанской
Академіи, іеромонаха Аѳанасія, подъ заглавіемъ „Основной
принципъ православнаго пастырства по ученію преп. Іоанна
Лѣствичника, изложенному въ его „Словѣ къ пастырю, на-
учающему, каковъ долженъ быть наставникъ словесныхъ
овецъ“. Статья представляетъ большой интересъ для совре-
меннаго пастыря. Авторъ дѣлаетъ въ ней попытку примѣ-
нить аскетическій принципъ къ православному пониманію
пастырскаго служенія.

Русская современность — передаемъ содержаніе статьи въ сокращеніи — выдвинула два основныхъ типа пастырей: пастырей-общественниковъ и пастырей-молитвенниковъ. Къ числу первыхъ принадлежатъ всѣмъ извѣстные (бывшій) о. Григорій Петровъ и старообрядческій еп. Михаилъ, столпъ новой религіи подъ именемъ „Свободнаго христіанства“; во главѣ вторыхъ стоитъ о. Іоаннъ Кронштадтскій, пастырь-молитвенникъ по преимуществу. Какой идеѣ посвятилъ себя о. Кронштадскій и иже съ нимъ, т. к. онъ не одинъ, и многіе идутъ по его стопамъ, и какою идеѣ хотѣли служить Григорій Петровъ и еп. Михаилъ и отцы въ ихъ стилѣ? Вопросъ этотъ, — въ этомъ нельзя не согласиться съ авторомъ, — громадной важности по отношенію къ судьбамъ нашей Церкви. Отъ такого или иного рѣшенія вопроса зависитъ характеръ самой подготовки пастырей, даже больше: отъ того, будутъ ли у насъ пастыри-молитвенники или пастыри-общественники, зависитъ все наше религіозное будущее, само свѣтское просвѣщеніе, судьба русскаго народа въ его цѣломъ. Въ Россіи духовенство пользуется исключительнымъ вліяніемъ на народъ. Съ самаго момента приобщенія русскаго народа къ христіанству судьба его находится всецѣло въ рукахъ его батюшекъ, его духовныхъ отцовъ и богомольцевъ. Самый провалъ общественнаго движенія интеллигентскихъ верховъ, по мнѣнію автора, объясняется именно этимъ вліяніемъ „консервативнаго“ духовенства. На Россіи лучше всего оправдывается пословица: „каковъ попъ, таковъ и приходъ“. Каковы русскіе пастыри, таковъ и русскій народъ. Куда они поведутъ его, туда онъ и пойдетъ. Такъ было и есть; такъ будетъ и впредь, если пастыри не перестанутъ давать народу камень вмѣсто хлѣба. Поэтому-то и важно знать, чего требуетъ русскій народъ отъ пастырей, какими онъ ихъ желаетъ имѣть, другими словами, каковъ народный пастырскій идеаль.

Авторъ находитъ, что это — идеаль „пастыря-подвижника, непорочнаго предстоятеля за народъ предъ Богомъ, спасающаго міръ своею молитвою“. Это — не голословное утвер-

жденіе. Достаточно общеизвѣстный фактъ, что въ народѣ, даже въ широкихъ слояхъ интеллигентной публики, пастыри-общественники пользуются поразительно-обидною непопулярностью. Самъ еп. Михаилъ говоритъ, что для пропаганды его ученія, его идей „людей нѣтъ, вождей нѣтъ“, и самъ онъ—типъ общественнаго пастыря—слабъ. О полной неизвѣстности Григорія Петрова въ народѣ и о забвеніи его въ широкихъ кругахъ интеллигенціи послѣ снятія сана нечего и говорить. Съ другой стороны, всякій знаетъ и чтитъ о. Іоанна Кронштадтскаго. Его имя у всѣхъ на устахъ. Къ его праху до сихъ поръ непрерывно идетъ народъ. До какого преклоненія предъ истиной представляемаго о. Іоанномъ пастырскаго идеала дошелъ народъ, свидѣтельствуемъ успѣхъ разрастающагося іоаннитскаго движенія, обоготворившаго батюшку о. Іоанна и поставившаго его на пьедесталь Бога. Эта религіозная крайность, эта аномалія говоритъ не о чемъ иномъ, какъ о тоскѣ народной по „настоящему“ батюшкѣ—непорочномъ богомольцѣ предъ престоломъ Божиимъ. Народъ бродитъ, какъ „овцы, не имущія пастыря“, и при появленіи такихъ звѣздочекъ, какъ о. Іоаннъ или пресловутые „братцы“, бѣжитъ къ нимъ отъ своихъ приходскихъ батюшекъ, доходитъ до безумнаго обожанія ихъ или же, „отрясая прахъ отъ ногъ своихъ“, совсѣмъ уходитъ въ разныя секты изъ Церкви. Такимъ уваженіемъ пользуется не только о. Іоаннъ Кронштадтскій; это уваженіе—удѣлъ всѣхъ пастырей-молитвенниковъ. Секретъ овладѣнія народомъ заключается въ одномъ: въ стяжаніи дара непорочно-молитвеннаго предстоянія за паству предъ Богомъ, подобно Моисею и великому Ходатаю Іисусу Христу. Не новость такое наблюденіе, что народъ толпами идетъ туда, гдѣ „батюшка хорошо молится“.

Таковъ народный пастырскій идеаль. Но правильно ли понималъ русскій народъ этотъ идеаль? Лучшимъ отвѣтомъ и можетъ служить ученіе преп. Іоанна Лѣвтиничика о пастырствѣ.

Преп. Іоаннъ (ум. въ концѣ VI или началѣ VII в.) въ своемъ „Словѣ“, въ которомъ изложено его ученіе о пастве, ставитъ задачей нарисовать идеальнѣйшій образъ пастыря, охарактеризовать его внутренній міръ, его настроеніе. Онъ считаетъ себя въ правѣ¹⁾ предъявить по отношенію къ паствѣ максимальныя требованія. Первое общее положеніе, касающееся всей дѣятельности пастыря въ ея цѣломъ, формулируется у Лѣтвничника слѣдующимъ образомъ: пастырь „обязанъ со всякимъ опасеніемъ блюсти себя во всемъ, что дѣлаетъ и говоритъ, зная, что все смотрятъ на него, какъ на главный образецъ, и все отъ него принимаютъ за правило и законъ“ (гл. 5, 4). Подрожая великому Пастырю, истинный пастырь, прежде всего, старается цѣлкомъ и вѣсти другихъ „путемъ православія“, заботясь оставить „не только сынамъ, но и внукамъ своимъ непорочную вѣру и святыя догматы“ (14, 9 въ „Лѣтвничѣ“). Онъ долженъ съ ревностью поучать закону Божию и не извиняться невѣдѣніемъ. Но чтобы не впасть въ заблужденіе относительно божественныхъ предметовъ, не впасть въ „бѣсовское богословіе“, пастырь долженъ стремиться къ достиженію абсолютнаго безстрастія, долженъ очистить себя путемъ подвижнической борьбы со страстями. „Небезопасно касаться Богословія тому, кто имѣетъ какую-нибудь страсть, какъ безопасно плавать въ одеждѣ“ („Лѣтв.“, слово 27, 11).

Требованія абсолютной чистоты отъ пастыря психологически понятны. „Несвойственно лъву пасти овецъ; небезбѣдно и тому, кто еще самъ страстенъ, начальствовать надъ другими страстными“, т. е. въ одинъ несчастный день словесныя овцы, въ отвѣтъ на пастырскія увѣщанія, могутъ ска-

¹⁾ Право это онъ купилъ своею жизнью. Вотъ его біографія. На 16 г. жизни преп. пришелъ на гору Синай; 20 л. постригся; 19 лѣтъ пробылъ въ послушаніи у старца аввы Мартирія; затѣмъ, 46 л. провелъ въ безмолвіи, на 75 г. сталъ игуменомъ Синайскаго монастыря; затѣмъ, вторичное безмолвіе и кончина на 80—85 или даже на 95 г. жизни.

затѣ во обличеніе ему и оправданіе себѣ: „врачь, исцѣлись самъ“ (Лк. 4, 23). Грѣшный пастырь „это—лицца среди курь“. „Лицица губить курь, а сей смущаетъ и погубляетъ разумныя души“ (11, 2), говоритъ онъ. Оказывается, такой пастырь не только бесполезенъ, безразличенъ; больше того: онъ вреденъ: онъ волкъ въ овечьей шкурѣ.

Особенно ясной становится эта необходимость для пастыря безстрастія изъ слѣдующаго обстоятельства. „Пастырское искусство“ есть „врачебное искусство“. Въ основѣ этого постоянно употребляемаго преп. Лѣствичникомъ образа лежитъ такая мысль. Человѣкъ глубоко поврежденъ грѣхомъ, искалѣченъ духовно и физически. Искупленіе отъ грѣха, совершенное Христомъ, въ отношеніи къ каждому вѣрующему выражается въ уврачеваніи его духовно-тѣлесныхъ язвъ, въ исцѣленіи всего, зараженнаго грѣхомъ, психо-физическаго организма человѣка, въ новомъ рожденіи, воскресеніи. Отсюда, задачей пастыря, преемника дѣла Христова, является лѣченіе духовно-больного человѣчества, способствованіе его выздоровленію. ¹⁾ Пастырь есть врачъ, только тѣмъ отличающійся отъ обыкновеннаго доктора, что онъ, во-первыхъ, „врачь душъ и тѣлесъ“, тогда какъ послѣдній главнымъ образомъ имѣетъ заботу о тѣлѣ; во-вторыхъ, духовный врачъ самъ-то ужь во всякомъ случаѣ не долженъ духовно болѣть. Это опять-таки понятно. Зараженный какою-нибудь болѣзнію, прикоснувшись къ другимъ, только и можетъ ихъ заразить (если они не заражены), или же усилить ихъ болѣзнь (если они заражены). Самое главное: какъ можетъ быть искуснымъ духовнымъ врачомъ тотъ, кто не лѣчился, кто на своемъ опытѣ не узналъ дѣйствія тѣхъ или иныхъ духовныхъ лѣкарствъ, кто самъ не боролся съ грѣхомъ и не примѣнялъ

¹⁾ Въ рус. художественной литературѣ есть очень интересное произведеніе, посвященное выясненію и иллюстрированію этихъ мыслей. Это повѣсть о Тихона „Архіерей“ (Казань, 1906); цѣна 75 коп. Вынимать можно чрезъ типографію И. С. Перова, въ Казани.

въ этой борьбѣ многообразныхъ средствъ врачеванія, указываемыхъ аскетикой? Только, прошедши полный курсъ лѣченія самъ, пастырь можетъ а) понять и оцѣнить духовное устроение приходящихъ къ нему лѣчиться и б) дать имъ наиболѣе подходящее лѣкарство. Въ противномъ случаѣ, если пастырь самъ еще въ грѣхѣ, онъ или не захочетъ [лѣчить другихъ или будетъ лѣчить по упрощенному методу, какъ теперь духовенство поступаетъ подчасъ съ своими духовными дѣтьми на исповѣди: нѣсколько равнодушныхъ и торопливыхъ вопросовъ,—и отпущеніе грѣховъ уже преподается.

Истинный пастырь сначала себя самъ старается уплатить и уврачевать, а затѣмъ уже чрезъ личный подвигъ, вліяніемъ своей личности, спасаетъ свою паству. Конечно ему не возбраняется заводить разныя приходскія организаціи; какъ человѣкъ своего времени и народа, онъ можетъ интересоваться различными государственно-общественными учрежденіями и принимать въ нихъ участіе, но онъ не долженъ забывать, что главное-то все-таки въ томъ, чтобы спасти свою личность, своимъ примѣромъ, чрезъ подвигъ. Царство Божіе водворяется и на землѣ, но оно достигается путемъ духовнаго перерожденія и перевоспитанія отдѣльныхъ личностей, а не посредствомъ механически-насильственнаго водворенія святости чрезъ разнаго рода общественно-политическіе институты. При этомъ перерожденіе людей должно начаться именно съ пастырей. Пастырь долженъ совершенно совлечься страстей и похотей, очиститься до того, чтобы быть „божественнымъ“, взойти на самый верхъ „лѣствицы“ добродѣтелей. Тогда онъ и другихъ поведетъ по этой „лѣствицѣ“, поведетъ по пути спасенія, поведетъ именно въ виду того, что онъ, возлюбивши Бога, не можетъ терпѣть, чтобы его братья оставались не познавшими сладости любви Божіей, чтобы они погибали въ грѣховной безднѣ.

Лѣстничникъ въ своемъ „Словѣ“ не только обрисовалъ личность пастыря и его настроеніе, но указалъ и методы врачеванія безстрастнымъ отцомъ грѣшныхъ сыновъ, подвержен-

ныхъ страстямъ. Въ распоряженіи пастыря много средствъ спасенія ближнихъ. Главными изъ нихъ и наиболѣе общими являются: ученіе, управленіе, попеченіе въ тѣсномъ смыслѣ этого слова и священно служеніе. Практическими средствами въ „душепопеченіи пастыря“ о ближнихъ являются: „неустанная свирѣль мягкаго и ласкающаго, а иногда грознаго слова, которымъ пастырь мечетъ въ лѣнливыхъ овецъ, какъ камнемъ“, незлобіе, тщаніе, смиреніе пастыря, особенно непрестанная его молитва за лѣнливыхъ, примѣръ собственныхъ подвиговъ, облеченія наединѣ и при многихъ, словесныя предупрежденія противъ грѣха, назидательное ученіе, если не изустное, то по крайнѣй мѣрѣ письменное (Лѣствичникъ вооружается противъ непростительнаго молчанія пастырей, называя его „проклятымъ“), опечаливаніе недугующихъ эпитиміями, а иногда и отеческая снисходительность къ грѣшнику, выражающаяся въ томъ, что пастырь, если овцы немощны, беретъ ихъ на плеча и несетъ. Пастырь, достигшій совершенной чистоты, можетъ употреблять и строгія мѣры для наказанія и искорененія зла.

Что касается частнаго душепопеченія, то тутъ пастырь долженъ соображать, надъ кѣмъ, какія и когда должно употреблять мѣры. Онъ долженъ сначала поставить правильный діагнозъ, а потомъ соотвѣтственно болѣзни дать и лѣкарство. Вотъ примѣръ. Одному пастырь говоритъ (гордому и самомнительному): путь спасенія „узокъ и тѣсенъ“, а другому (слабому и склонному къ отчаянію): „иго сіе благо и бремя легко“. Пр. Лѣствичникъ даетъ цѣлую аптеку духовныхъ средствъ, назначаемыхъ противъ разныхъ видовъ духовныхъ болѣзней. Есть въ той аптекѣ пластырь—врачество на страсти видимыя, внутреннія средства—противъ внутреннихъ страстей, порошки для врачеванія „гнилости возношенія“, примочки для очищенія душевнаго ока, губки для успокоенія больного, перевязки, прижигательныя средства и проч., и проч.

Таковъ идеаль пастыря, начертанный Лѣствичникомъ. Это исполнѣ православный идеаль, будетъ-ли его осуществлять въ жизни пастырь-инокъ или пастырь-мірянинъ. Но вотъ вопросъ: имѣеть-ли этотъ идеаль значеніе для практической жизни, приложимъ-ли онъ къ жизни?

Возможны четыре возраженія противъ такого идеала. Первое заключается въ томъ, что подобный идеаль рѣшительно непрilожимъ къ жизни; онъ такъ высокъ и строгъ, что врядъ-ли найдется много охотниковъ проводить его въ жизнь, а кромѣ того, вслѣдствіе общаго религіозно-моральнаго разложенія, всѣ попытки къ его реализаціи потерпѣть полный крахъ.—Но можетъ-ли это быть возраженіемъ противъ выставленнаго идеала? Вѣдь значеніе его нисколько не умаляется отъ того, что его не проводятъ въ жизнь. Одно дѣло идеаль, какъ теорія, и другое, какъ практика. Возражать противъ аскетическаго пастырскаго идеала съ точки зрѣнія его непреложимости къ жизни все равно, что оспаривать истинность христіанства на томъ основаніи, что оно будто-бы исторически не удалось. Притомъ, подобно тому, какъ христіанство удавалось по отношенію къ несмѣтному количеству отдѣльныхъ личностей, такъ и аскетическій пастырскій идеаль нашель и можетъ находить въ исторіи тысячи исповѣдниковъ и представителей.

Второе возраженіе такого рода: какъ можно аскетическій идеаль рекомендовать всей массѣ православныхъ пастырей, въ частности женатому духовенству? Нельзя смѣшивать, говорить, христіанство съ аскетизмомъ. Но что такое христіанство и что такое аскетизмъ? Христіанство есть „Царство Божіе“ или „правда и миръ и радость о Дусѣ Святѣ“; христіанство—жизнь съ Богомъ и въ Богѣ, а аскетизмъ—лишь средство проведенія христіанскихъ началъ въ наличную дѣйствительность, особый педагогическій приемъ. Аскетизмъ это совсѣмъ не монашество (монашество—форма аскетизма); это—просто подвижничество за добро и въ такомъ смыслѣ онъ обязателенъ для всякаго христіанина, который

не может обойтись без борьбы со своими страстями и похотямъ; безъ подвига осуществить христіанскій идеаль нельзя; добро встрѣчаетъ массу препятствій, преодолѣть которыя можно только путемъ аскезы.

Третье возраженіе: какъ можно примирить исключительно личный молитвенно подвижническій идеаль пастыря съ социальнымъ духомъ нашего времени? И какъ быть (четвертое возраженіе) съ интеллигенціей, которой нужны пастырь-общественники. Такъ какъ интеллигенція въ Россіи является признанной носительницей социальныхъ идеаловъ то отвѣтъ на первое возраженіе будетъ отчасти уже отвѣтомъ и на второе.

Наше время—время социальныхъ вопросовъ. Никогда не было такого множества людей, которые были бы такъ охвачены порывами къ социальному служенію и грезами о лучшемъ социальномъ строѣ. Соціальный вопросъ теперь—нравственный вопросъ. Повсюду раздаются голоса о необходимости социализировать христіанство. Какъ смотрѣть на это движеніе? Авторъ статьи рассматриваетъ его, какъ одно изъ искушеній сатаны. Соціальное движеніе—это соблазнъ Великаго Инквизитора, призывъ къ христіанской общественности есть поддѣлка подъ христіанство, компромиссъ съ духомъ вѣка. Идеаль святости никогда не можетъ быть замѣненъ идеаломъ сытости. Въ основу всякаго прогресса христіанство полагаетъ нравственное перерожденіе личности. Общественное спасеніе обосновывается на личномъ спасеніи, и только на немъ. И исторія свидѣтельствуетъ, что этимъ путемъ, путемъ осуществленія „загробнаго идеала“ христіанство произвело громадный переворотъ въ мірѣ въ области социальныхъ формъ.

Но какъ же быть съ интеллигенціей, которая требуетъ пастырей-общественниковъ? Отвѣчая на это возраженіе, авторъ говоритъ, что есть интеллигенція и интеллигенція. Соціалистической интеллигенціи, правда, нуженъ пастырь-общественникъ, но на это ей данъ отвѣтъ. Что же касается той

интеллигенціи, которая своими корнями глубоко уходитъ въ русскую исторію и тѣсно связана съ землею и народомъ, то она въ вопросѣ объ идеалѣ пастыря держится одного мнѣнія съ простонародьемъ. Интеллигенція эта ископн была религіозной. Литература, ею созданная, насквозь проникнута религіозно-моральнымъ аскетизмомъ. Интеллигенція интересуется различнаго рода мистическими теченіями и богоискателями. За какимъ же пастыремъ пошла бы вся эта интеллигенція? За пастыремъ-общественникомъ, культурнымъ работникомъ, служителемъ прогресса? Или за пастыремъ-молитвенникомъ, живущимъ всѣмъ существомъ въ Богѣ? Пастырей-общественниковъ у насъ и теперь вполне достаточно. Среди нихъ есть дѣльные земцы, общественные печальники, педагоги и законоучители, работники почти на всѣхъ поприщахъ общественной и государственной жизни. И вотъ фактъ: интеллигенція нисколько не цѣнитъ этой работы, а отъ пастырей, вродѣ Михаила и Петрова, прямо отвертывается. Очевидно, интеллигенція чувствуетъ несоотвѣтствіе подлиннаго пастырскаго идеала съ представителями общественно-культурныхъ работниковъ. Въ отношеніи же къ пастырю-молитвеннику мы видимъ совершенно другое. Интеллигенція преклоняется предъ такимъ пастыремъ; она считаетъ его истиннымъ пастыремъ; ему не ставятъ въ вину отсутствіе у него общественной инициативы или недостатокъ благотворительности (хотя у молитвенниковъ-то эти общественныя учрежденія наиболѣе успѣшно и функціонируютъ, напр. у о. Кронштадтскаго); о такомъ пастырѣ пишутъ; къ нему идутъ за поученіемъ толпами. Яснымъ доказательствомъ этого тяготѣнія нашей высшей интеллигенціи къ идеалу пастыря-подвижника и молитвенника служитъ необычайная популярность въ ея средѣ монастырскихъ старцевъ, этихъ пастырей-аскетовъ по преимуществу. Здѣсь достаточно указать, напр., на то, что въ одной изъ наиболѣе почитаемой Оптиной пустыни въ теченіе 19 в. перебивали люди, составляющіе истинный цвѣтъ національной, а нѣкоторые даже всемірной литературы—Го-

голь, Достоевскій, Кирѣевскій, К. Леонтьевъ, Хомяковъ, Аксаковъ, Л. Толстой и др.

Причина, почему и простой народъ и интеллигенція бѣжитъ къ старцамъ, богатымъ только молитвою, да духовнымъ опытомъ, одна: привлекаетъ ихъ духоносность старцевъ, непрестанно-молитвенная, созерцательно-подвижническая жизнь ихъ. Въ нихъ чувствуютъ истинныхъ пастырей.

Такимъ образомъ, и по ученію преп. Іоанна Лѣствичника и по мнѣнію всего русскаго народа, начиная отъ его интеллигентныхъ верховъ и кончая крестьянскими низами, желательнымъ пастыремъ будетъ лишь пастырь-аскетъ и молитвенникъ.

Евѣмій Харинъ.

Къ вопросу объ участи церковныхъ школъ въ дѣлѣ миссiи.

(Продолженiе ¹⁾).

Что центральное церковношкольное начальство сочувственно относилось къ миссiонерской дѣятельности церковныхъ школъ и, сколько возможно въ предѣлахъ, не стѣсняющихъ жизнь школы, покровительствовало этой дѣятельности, видно изъ тѣхъ опредѣленiй его, которыми одобрялись и рекомендовались для приобрѣтенiя въ библiотеки церковно-приходскихъ школъ книги и журналы. Въ числѣ книгъ, одобренныхъ къ этому времени по журналамъ Училищнаго при Свят. Синодѣ Совѣта, очень много именно миссiонерскаго содержанiя, а въ числѣ одобренныхъ къ выпискѣ журналовъ значится между прочимъ „Миссiонерское Обозрѣнiе“. Замечательно, что, одобряя къ выпискѣ этотъ журналъ журнальнымъ опредѣленiемъ своимъ отъ 30 сентября—10 октября 1897 года, Училищный Синодальный Совѣтъ высказываетъ

¹⁾ См. № 4-й за 1911 г.

слѣдующее. „Борьба съ расколомъ и сектантствомъ составляетъ насущную потребность нашего времени; секты возникаютъ одна за другой, усиливаются подорвать вѣками установившійся порядокъ семейной, общественной, государственной и церковной жизни и представляютъ наиболѣе чувствуемую видимую опасность для Православной Церкви и отечества. Вожаки раскола и сектантства усиливаются проникнуть въ среду народа и стараются противодѣйствовать тому доброму воздѣйствію на дѣтей народа, какое должна оказывать церковно-приходская школа. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, въ особенности зараженныхъ расколомъ и сектантствомъ, приняты мѣры, чтобы учащіеся въ церковно-приходскихъ школахъ дѣти были въ особенности утверждаемы въ тѣхъ истинахъ вѣры и благочестія, противъ коихъ возстаютъ живущіе въ средѣ народа раскольники и сектанты. Къ ознакомленію съ средствами борьбы противъ современнаго раскола и сектантства руководителей и наставниковъ церковно-приходской школы и непосредственно самихъ учащихся дѣтей въ мѣстностяхъ зараженныхъ лжеученіями могъ бы послужить противосектантскій журналъ „Миссіонерское Обозрѣніе“.

Какъ видно, Синодальный Училищный Совѣтъ въ это время очень сочувственно относится къ принимавшимся „въ нѣкоторыхъ епархіяхъ“ мѣрамъ миссіонерскаго характера въ церковныхъ школахъ и своимъ одобреніемъ „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ идетъ на встрѣчу мѣстнымъ предпріятіямъ въ этомъ отношеніи.

Насколько плодотворна была дѣятельность церковныхъ школъ въ дѣлѣ миссіи за это время, можно судить по отчетамъ епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ. Въ этихъ отчетахъ постоянно констатируется, что церковная школа является „могущественнѣйшимъ миссіонерскимъ средствомъ къ защитѣ чадь Православной Церкви отъ раскола и сектантства и къ ослабленію послѣднихъ“, а вмѣстѣ съ тѣмъ сообщается немало случаевъ обращенія въ православіе окончившихъ пер-

ковную школу. Въ этомъ же смыслѣ миссіонерское значеніе церковной школы торжественно засвидѣтельствовано въ рѣчи тогдашняго Товарища Синодальнаго Оберъ-Прокурора сенатора Саблера, сказанной при сткрытіи третьяго всероссійскаго миссіонерскаго съѣзда въ Казани 22 іюля 1897 года. Вотъ его слова. „Великую пользу дѣлу миссіи оказываютъ церковныя школы. Руководственное значеніе, присвоенное въ этихъ школахъ изученію Закона Божія, располагаетъ къ нимъ старообрядцевъ. Они утѣшаются тѣмъ, что дѣти ихъ знакомятся съ Божественнымъ Писаніемъ, а дѣти приносятъ въ семью знакомство съ ученіемъ Церкви и смягчаютъ враждебное къ ней отношеніе своихъ родителей. У насъ есть много отраднхъ примѣровъ, краснорѣчиво указывающихъ, насколько хорошо поставленная церковная школа способствовала смягченію и даже искорененію вражды раскольниковъ къ Церкви. Родители чрезъ дѣтей узнавали силу любви, присущей Церкви, и къ тѣмъ, которые отъ нея отдѣлились. Дѣти въ семьяхъ безпоп-вскихъ смущали родителей вопросами о томъ, какъ можно унаслѣдовать животъ вѣчный безъ участія въ трапезѣ Господней. Утвержденные въ правомъ ученіи, они не только теряли въ школѣ фанатизмъ, но и подготовлялись къ полному единенію съ Церковью. Это значеніе школы съ особою силой сказалось по отношенію къ ученицамъ, въ нихъ обучавшимся. Поступая въ школу, онѣ чуждались общенія съ другими дѣтьми, не желая осквернить себя питьемъ воды изъ общаго ковша, бѣгали на рѣчку и пригоршнями черпали воду. Доброе вліяніе школы, незамѣтно для нихъ, смягчало ихъ сердца. Молитвенное настроеніе живительной волной влекло и ихъ въ храмъ Божій. Проясненные правымъ ученіемъ, если и не всѣ онѣ присоединятся къ Церкви, то по выходѣ изъ школы несомнѣнно не будутъ относиться къ православнымъ съ враждебнымъ прѣзреніемъ, присущимъ старымъ раскольникамъ. Итакъ, школа, утверждающая миръ и согласіе между людьми, явилась въ послѣднее время полезной сотрудницей миссіи“.

Благотворное миссіонерское значеніе церковной школы отмѣчалось ежегодно и во всеподданнѣйшихъ отчетахъ Синодальнаго Оберъ-Прокурора о состояніи Православной Церкви въ Россіи.

Такимъ образомъ, значеніе церковной школы для миссіи и за это время неоспоримо. Но для непосредственныхъ руководителей и наблюдателей церковно-школьнаго дѣла должно было казаться и, какъ мы знаемъ изъ протоколовъ третьяго миссіонерскаго съѣзда, дѣйствительно казалось, что церковная школа можетъ и потому должна приносить дѣлу миссіи больше пользы и что для этого необходимо болѣе или менѣе точно регламентировать, къ неуклонному исполненію на мѣстахъ, организацію школьно-миссіонерскаго дѣла. Эта мысль о необходимости опредѣленной, въ правила введенной, организаціи миссіонерства церковной школы особенно настойчиво проводилась мѣстными церковно-школьными дѣятелями и на первомъ чрезвычайномъ собраніи училищнаго при Свят. Синодѣ Совѣта, бывшемъ 7—13 августа 1898 года. Здѣсь для подготовительнаго, или предварительнаго обсужденія школьно-миссіонерскихъ вопросовъ была образована особая комиссія въ составѣ 14 членовъ, которой въ три засѣданія пришлось рассмотреть 18 докладовъ,—въ томъ числѣ постановленія школьной комиссіи 3 миссіонерскаго съѣзда. Въ этихъ докладахъ проводилось та мысль, что школьно-миссіонерскіе вопросы принадлежать къ числу назрѣвшихъ, по которымъ требуется сказать „авторитетное руководительное слово“¹⁾, что эти вопросы „такъ или иначе разрѣшаются на мѣстѣ жизненной практикой“, но послѣдняя „идетъ ощупью, въ потемкахъ, безъ твердой увѣренности въ своихъ школьно-миссіонерскихъ попыткахъ и опытахъ, встрѣчаясь нерѣдко съ препонами разныхъ недоразумѣній и пререканій“, и что „непосредственные дѣятели школъ съ нетерпѣніемъ ожи-

¹⁾ Свѣдѣнія о Чрезвычайномъ Собраніи вочерпаются нами изъ „Миссіон. Обзорѣнія“ 1898 г. Октябрь.

даютъ разрѣшенія ихъ“. Въ виду этого и на основаніи „живого обмѣна мыслей, совмѣстнаго усерднаго труда и многихъ наблюденій какъ представителей школьнаго дѣла, такъ и миссій, а также многихъ письменныхъ и начальныхъ работъ, представленныхъ заинтересованными въ рѣшеніи упомянутыхъ школьно-миссіонерскихъ вопросовъ лицами“, коммиссія пришла къ такимъ выводамъ.

„1. Церковная школа, въ виду своего высокаго и незамѣнимаго значенія въ дѣлѣ борьбы съ лжеученіями раскола и сектантства, а также съ ложью иновѣрія,—должна быть поставлена въ мѣстахъ распространенія сихъ лжеученій въ ближайшее соотвѣтствіе въ учебно-воспитательномъ отношеніи съ задачами миссіонерства.

2. Въ свою очередь школы миссіонерскія всѣхъ типовъ и наименованій должны быть объединены въ управленіи съ церковно-приходскими подъ общимъ вѣдѣніемъ епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ, съ допущеніемъ въ учебныхъ курсахъ таковыхъ школъ вызываемыхъ задачами миссії отступленій.

3. Всѣ школы, находящіяся въ мѣстностяхъ съ расколо-сектантскимъ и инородческимъ населеніемъ и состоящія въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, преслѣдуютъ главнѣйшимъ образомъ миссіонерско-культурныя задачи, а потомъ отдѣлъ (т. е. коммиссія) признаетъ необходимымъ и завѣдываніе ими объединить подъ общимъ вѣдѣніемъ епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ, съ сохраненіемъ существующихъ средствъ ихъ содержанія, тѣмъ болѣе, что опыты нѣкоторыхъ епархій свидѣтельствуютъ, что само инородческое населеніе чуждо всякой враждебности въ отношеніи открытія у нихъ школъ Вѣдомствомъ Православнаго Исповѣданія.

4. Для наилучшаго достиженія упомянутыми школами миссіонерскихъ задачъ представляется весьма желательнымъ объединеніе и живое взаимодействіе какъ дѣятелей школы, такъ и миссії въ общемъ дѣлѣ попеченія объ охраненіи подрастающихъ поколѣній православнаго населенія отъ при-

ращенія къ нимъ лжеученій и просвѣщенія свѣтомъ истины дѣтей заблудшихъ; а для сего, во-1-хъ, желательно назначеніе въ члены епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ и отдѣленій епархіальныхъ и уѣздныхъ миссіонеровъ или же другихъ миссіонерскихъ дѣятелей епархіи, по назначенію Епархіальныхъ Преосвященныхъ. Во-2-хъ, желательно, чтобы наблюдатели, въ свою очередь, являлись дѣятельными пособниками епархіальной миссіи, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи особливаго вниманія къ улучшенію школьнаго дѣла въ мѣстахъ, зараженныхъ расколо-сектантствомъ и иновѣріемъ, побужденіи учителей къ дѣятельному содѣйствію приходскимъ пастырямъ въ борьбѣ съ врагами Церкви, располагая учителей заводить церковные хоры и общее пѣніе всѣхъ молящихся, помогать священникамъ въ веденіи внѣбогослужебныхъ религіозныхъ чтеній и бесѣдъ съ отпавшими; заботиться о снабженіи школьныхъ бібліотекъ книгами противосектантскаго и апологетическаго содержанія и проч.

5. Отдѣлъ выражаетъ желаніе, чтобы на усиленіе содержанія миссіонерскихъ школъ въ епархіяхъ удѣляемы были особыя средства изъ суммъ мѣстныхъ миссіонерскихъ комитетовъ и другихъ источниковъ.

6. Библіотеки въ школахъ, имѣющихъ миссіонерское назначеніе,—чтобы были снабжены потребными для задачъ миссіи книгами апологетическаго и миссіонерскаго содержанія на русскомъ и иностранномъ языкахъ для чтенія школьниками старшаго возраста и грамотнымъ народомъ.

7. Необходимо скорѣйшее изданіе курса дополнительныхъ миссіонерскихъ уроковъ по Закону Божию, примѣнительно къ программѣ распредѣленія апологетическаго матеріала о. Ольпевскаго.

8. При школахъ въ районахъ расколо-сектантскаго и иновѣрнаго населенія обязательно должны быть заводимы праздничныя чтенія и бесѣды, имѣющія цѣлью утвержденіе народа въ основныхъ истинахъ вѣры и охраненіе отъ заблужденій

существующаго въ данной мѣстности расколо-сектантскаго толка и иновѣрія“.

Въ этомъ постановленіи обращаетъ на себя вниманіе выделение изъ ряда другихъ „школь, имѣющихъ миссіонерское значеніе“, очевидно, что комиссія школьно-миссіонерское дѣло ¹⁾ не имѣла въ виду распространять на всѣ церковныя школы, а только на тѣ, которыя находились въ мѣстахъ съ инородческимъ или расколо-сектантскимъ населеніемъ.

Въ „Миссіонерскомъ Обзорѣніи“ (октябрь 1898 г.) есть интересныя страницы, изображающія обсужденіе доклада этой комиссіи, или отдѣла на общемъ собраніи Училищнаго Совѣта. Тутъ приводятся основныя тезисы рѣчей Епископа Сергія, Сенатора Саблера, главнаго наблюдателя церковныхъ школь В. П. Шемякина, миссіонера В. М. Скворцова, Ставропольскаго епархіальнаго наблюдателя свящ. Фіалкина. За исключеніемъ В. П. Шемякина, всѣ остальные съ полною рѣшительностью высказывались въ пользу выводовъ комиссіи, причемъ ими были указаны такіе доводы: 1) уклоненіе церковной школы отъ миссіонерскихъ задачъ равносильно уклоненію ея отъ главнаго своего назначенія (Преосв. Сергій); 2) докладъ комиссіи есть результатъ тщательныхъ трудовъ наблюдателей и миссіонеровъ, которыми все, высказанное въ докладѣ, „пережито на мѣстѣ, выношено въ сердцѣ, выстрадано“ (Скворцовъ и Фіалкинъ); 3) необходимо установить единство и взаимодѣйствіе между школой и миссіей, въ виду происходящихъ недоразумѣній между ними съ одной стороны и въ виду сплоченности враговъ Церкви съ другой (Саблеръ); 4) недостаточность обычнаго типа церковной школы для скораго достиженія ожидаемыхъ отъ нея Церковью и народомъ просвѣтительно миссіонерскихъ результатовъ, а также для подготовленія молодого поколѣнія къ распознанію и отраженію лжи еретичества и иновѣрія въ интересахъ охранительной миссіи (Скворцовъ). В. П. Шемякинъ съ своей стороны

¹⁾ По крайней мѣрѣ опредѣляемъ ея смыслѣ.

высказывалъ опасеніе, какъ бы отъ немедленнаго проведенія въ жизнь началъ доклада, въ виду сложности дѣла, не произошли нежелательныя явленія для школы и для миссіи, указывалъ на то, что „всякая церковная школа сама по себѣ способна исполнять миссіонерскія задачи заведеніемъ хорошаго пѣнія, обученіемъ Закону Божию, проповѣдью пастыря, который есть главный миссіонеръ въ приходѣ“, и въ заключеніе предложилъ: одобливъ въ принципѣ выраженные въ докладѣ соображенія, отложить приведеніе ихъ въ исполненіе до новаго разсмотрѣнія въ будущемъ чрезвычайномъ собраніи, а тѣмъ временемъ просить Синодальный Училищный Совѣтъ войти въ сношеніе съ Епархіальными Преосвященными по содержанию вопросовъ, предрѣшенныхъ 8 отдѣломъ“, т. е. комиссіей.

Общее собраніе всѣ изложенные выводы комиссіи, за исключеніемъ 3 пункта (о подчиненіи духовному вѣдомству школъ Министерства Народнаго Просвѣщенія съ расколо-сектантскимъ или иновѣрческимъ составомъ учащихся) одобрило и постановило ходатайствовать предъ Свят. Синодомъ объ утвержденіи выработанныхъ комиссіей положеній къ исполненію.

Но тѣмъ не менѣе не всѣ выработанныя комиссіей положенія нашли себѣ практическое осуществленіе. Особенно это нужно сказать о пп. 1 и 7, въ которыхъ намѣчалась такъ или иначе организація школьно миссіонерскаго дѣла въ учебно-воспитательномъ отношеніи. Высшая церковная власть проявила здѣсь обычную осторожность, вѣря больше въ „зидущія начала любви, мира и мудраго такта“, которыя не поддаются регламентаціи, и предоставляя проведеніе этихъ началъ во всѣ стороны школьной жизне-дѣятельности—въ томъ числѣ и миссіонерскую—въ мѣру силъ и разумѣнія мѣстнымъ органамъ школьнаго управленія и главнымъ образомъ непосредственнымъ дѣателямъ школы. Это и понятно, особенно по отношенію къ тогдашнему времени. Дѣло въ томъ, что сами церковныя школы тогда еще не получили полной организаціи,—въ особенности сказывался недоста-

гокъ правоспособныхъ учителей,—расколь же и сектантство, въ силу запретительныхъ законоположеній, представляли изъ себя больше спокойно лежащее, чѣмъ дѣйствующее въширь и въглубь зло, а при такихъ условіяхъ, какъ извѣстно, вѣковая мудрость запрещаетъ вообще заниматься зломъ.

Представивъ опять организацію школьно-миссіонерскаго дѣла вѣднію мѣстныхъ органовъ, Свят. Синодъ и состоящій при немъ Училищный Совѣтъ и въ это время одобряютъ и благословляютъ всякія благія начинанія мѣстныхъ дѣятелей въ этомъ отношеніи. Такъ въ 1900 году въ Свят. Синодъ была представлена Олонецкимъ епархіальнымъ начальствомъ на утвержденіе программа дополнительныхъ уроковъ по Закону Божию для начальныхъ школъ Олонецкой епархіи, и онъ, опредѣленіемъ своимъ отъ 16—28 іюня того же года за № 2038, утвердилъ эту программу къ исполненію.

„1. *Крестное знаменіе*. Истовое изображеніе его. Виды перстосложенія (троеперстіе и двуперстіе), догматическое знаменованіе ихъ, бѣольшая правильность троеперстнаго сложенія, чѣмъ двуперстнаго, дозволительность двуперстнаго сложенія. (Сообщить объ этомъ учащимся въ то время, когда будетъ проходиться ученіе о внѣшнихъ знакахъ молитвы).

2. *Понятіе о догматахъ и обрядѣхъ*, различіе между ними (неизмѣняемость и неприкосновенность догматовъ и измѣняемость обрядовъ выяснить на примѣрахъ, хотя бы того же перстосложенія, при сообщеніи предварительныхъ свѣдѣній о символѣ вѣры).

3. *Отличіе Свящ. Писанія* отъ писанія вообще; особенная важность для христіанъ Евангелія и посланій свв. апостоловъ.

4. *Правильное начертаніе имени Спасителя* и понятіе объ именованномъ перстосложеніи (при объясненіи 2-го или 3-го члена символа вѣры).

5. *Предтечи втораго пришествія Христова* на землю (въ какомъ видѣ и для чего они явятся). Понятіе объ *анти-*

христъ (антихристъ будетъ опредѣленный человѣкъ, явится предъ кончиной міра и будетъ царствовать $3\frac{1}{2}$ года) (При объясненіи 7 члена Символа вѣры).

6. *О Церкви*. Кто создалъ Церковь? Существенныя принадлежности Церкви Христовой (правое ученіе вѣры, трехчленная іерархія и семь таинствъ), необходимость для спасенія принадлежать къ Церкви Христовой; вѣчное, непрерывное и неизмѣнное существованіе Церкви Христовой въ данномъ ей Спасителемъ устройствѣ. (Сообщить при объясненіи 9 члена Символа вѣры).

7. *О таинствахъ*. Кто законные совершители таинствъ? Можно ли мірянину повторять крещеніе, совершенное православнымъ священникомъ? Когда можно мірянину совершить крещеніе и какъ? Можно ли христіанину обойтись безъ таинства муропомазанія? Необходимость таинства причащенія для спасенія человѣка; вѣчное существованіе этого таинства въ Церкви Христовой и невозможность замѣнить его добрыми дѣлами. Исповѣдь предъ міряниномъ можно ли называть таинствомъ покаянія?

8. Понятіе о расколѣ, появленіе его (сообщить по окончаніи курса Закона Божія).

Какъ видно, эта программа и въ общемъ и въ частности не отстываетъ отъ того положительнаго характера изложенія Закона Божія, какъ учебнаго предмета въ начальной школѣ, какой узаконялся прежними распоряженіями Свят. Синода, и является *дополнительной* скорѣе въ методологическомъ отношеніи, чѣмъ со стороны содержанія. Къ этой программѣ прибавлено замѣчаніе: „въ полемику съ расколомъ не входитъ и даже не упоминать имени раскольниковъ“, которое само говоритъ за себя. Свящ. А. Д—ій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Александро-Невское Братство во Владимірѣ—губ.

Братство Святого Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго въ г. Владимірѣ принадлежитъ къ числу довольно видныхъ Братствъ въ Россіи. Оно открыто въ 1879 году по иниціативѣ управляющаго тогда Владимірскою Епархіею Преосвященнаго Θεогноста, умершаго Митрополитомъ Кіевскимъ.

Съ первыхъ же годовъ своего существованія въ числѣ своихъ просвѣтительныхъ задачъ Братство поставило учрежденіе народныхъ церковныхъ школъ. До 1884 года, до изданія извѣстнаго государственнаго акта о церковно-приходскихъ школахъ Царемъ-Миротворцемъ, Братство успѣло открыть и организовать 138 приходскихъ школъ и 73 школы грамоты, въ коихъ было около 4 тысячъ учащихся.

Когда церковно-приходскимъ школамъ было отпущено казенное пособіе, то Братство стало особенно поддерживать тѣ школы, которыя устроены въ мѣстностяхъ среди старообрядческаго и сектантскаго населенія, такъ какъ здѣсь, въ этихъ школахъ, обыкновенно наряду съ православными обучаются также дѣти старообрядцевъ и сектантовъ. Кромѣ этой просвѣтительной дѣятельности въ школахъ и черезъ школы, Братство съ обычной энергіей продолжаетъ свою мирную борьбу со старообрядцами епархіи, употребляя для этого уже испытанныя средства, каковы: публичныя и частныя бесѣды, виѣбогослужебныя собесѣдованія и чтенія о расколѣ, церковная проповѣдь, выдача книгъ для чтенія, бесплатная раздача листовъ и брошуръ назидательнаго и патріотическаго содержанія. Для веденія публичныхъ и частныхъ бесѣдъ съ глаголемыми старообрядцами Братство имѣетъ въ своемъ распоряженіи шесть спеціальныхъ миссіонеровъ, во главѣ съ епархіальнымъ миссіонеромъ священникомъ А. Акцинетровымъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что Братство черезъ своихъ членовъ организуетъ на мѣстахъ кружки ревнителей православія изъ мірянъ. Та-

ковъ, на примѣръ, кружокъ въ г. Меленкахъ и два въ большихъ фабричныхъ центрахъ — Орѣховѣ и Дулевѣ (Покровскаго уѣзда). Лица, входящія въ эти кружки, заявляютъ себя открытымъ миссіонерствомъ съ пользою для мѣстнаго населенія.

Такъ какъ, кромѣ старообрядчества, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обширной Владимірской епархіи распространяется очень опасное для Православной Церкви—раціоналистическое и мистическое сектантство, то Братство очень занято тѣмъ, чтобы внести свѣтъ православія въ это царство отрицанія какъ религіозныхъ обычаевъ, такъ и исконныхъ устоевъ русскаго народа. Въ цѣляхъ мирнаго просвѣщенія „сектантскаго царства“ епархіи Братство имѣетъ своего особаго миссіонера свящ. Гр. Орфеева, на обязанности котораго лежатъ, главнымъ образомъ, поѣздки для публичныхъ бесѣдъ въ мѣстности, зараженные сектантствомъ. Во время своихъ пріѣздовъ о. миссіонеръ, согласно указаніемъ Братства, посѣщаетъ дома колеблющихся изъ православныхъ, въ простой, разговорной формѣ выясняя предметы и вопросы, возбудившіе то или другое посѣянное сектантами сомнѣніе, успокаивая взволнованные сектантской пропогандой приходы.

Для пополненія и освѣженія свѣдѣній своихъ миссіонеровъ—Братство даетъ имъ средства для поѣздки на миссіонерскіе сѣзды и ежегодно на командировку въ г. Нижній, гдѣ въ продолженіи ярмарки обычно ведутся образцовыя бесѣды.

Въ цѣляхъ практическаго ознакомленія воспитанниковъ шестого класса семинаріи съ полемикой по старообрядчеству и сектанству, при содѣйствіи Братства, устраиваются поѣздки ихъ въ села для бесѣдъ съ представителями расколо-сектантства. Иногда старообрядческіе начетчики приглашаются Братствомъ въ актовую залу духовной семинаріи для публичныхъ собесѣдованій о пререкаемыхъ вопросахъ вѣры.

Дальнѣйшая религіозно-просвѣтительная и культурная дѣятельность Братства во всѣхъ уѣздахъ Владимірской Епар-

хиі сказывается въ устройствѣ бібліотекъ, состоящихъ изъ книгъ обще-богословскаго, патріотическаго и спеціально мисіонерскаго содержанія. Братствомъ открыто до 30 такихъ бібліотекъ; кромѣ того, оно оказываетъ содѣйствіе къ открытію и устройству церковно-приходскихъ бібліотекъ въ различныхъ мѣстахъ Епархіи. Въ г. Владимірѣ Братство имѣетъ такъ называемую „Епархіальную бібліотеку“, которая считается лучшей во всей губерніи. Въ настоящее время эта бібліотека заключаетъ болѣе 30 тысячъ томовъ, среди которыхъ имѣется нѣсколько рѣдкихъ экземпляровъ въ отдѣлахъ богословія, русской исторіи, правовѣдѣнія и энциклопедіи. По правиламъ бібліотеки, чтеніе книгъ и журналовъ въ помѣщеніи бібліотеки для всѣхъ бесплатно.—Братствомъ были устроены иконописныя школы въ Палехѣ, Холуѣ и Мстерѣ—въ этихъ „центрахъ“ православно-народной русской иконописи. А для того, чтобы изготовляемыя здѣсь иконы лучшаго въ своемъ родѣ „подстариннаго“ и „фряжскаго“ письма съ успѣхомъ распространялись въ Россіи, вполнѣ конкурируя съ „машинными“ иконами фирмы Жако и Бонакера, Братствомъ открытъ во Владимірѣ особый иконный складъ, откуда по общедоступной цѣнѣ и можно выписывать иконы.

Заслуживаетъ вниманія дѣятельность Братства по собранію и охранѣ религіозныхъ и художественныхъ памятниковъ старины. Въ 1886 году Братство открыло „Церковно-историческое древлехранилище“, куда членами Братства собраны многочисленныя предметы древности изъ церквей и монастырей Епархіи. Теперь Братское „древлехранилище“—богатый музей, привлекающій къ себѣ вниманіе ученыхъ археологовъ.

Собраніе Братскаго „древлехранилища“ подраздѣляется на шесть отдѣловъ: 1) рукописи, 2) старопечатныя книги, 3) памятники церковной архитектуры, 4) памятники древней иконографіи, 5) древняя утварь и 6) нумизматика.

Дѣятельность Александро-Невскаго Братства не разъ обращала на себя Августѣйшее вниманіе. Государь Императоръ

еще въ бытность Его Наслѣдникомъ Престола пожертвовалъ на нужды Братства 3000 рублей. ¹⁾ Среди членовъ Братства нѣсколько лицъ высокопоставленныхъ какъ въ духовномъ, такъ и свѣтскомъ мірѣ.

Н. У--въ.

---

¹⁾ Это Монаршее вниманіе къ Братской дѣятельности ежегодно отмѣчается со стороны Братства особымъ торжественнымъ общимъ собраніемъ, которое предваряется молебномъ о драгоценномъ здравіи Государя Императора и Всего Августѣйшаго Семейства.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 28-го января 1911 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Типографія Акціонер. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринг. у.

ГОДЪ

ЛЦ.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

№№ 6—7.

1911-го года 6—13 го февраля.

Содержаніе: I. Обличительный элементъ и его значеніе въ церковной проповѣди. Свящ. I. Хохановскій.—II. Къ вопросу объ участіи церковныхъ школъ въ дѣлѣ миссіи (окончаніе). Свящ. А. Д—ій.—III. Правда о русскомъ народѣ. Свящ. В. Бажановъ.—IV. Къ церковной борьбѣ съ алкоголизмомъ.

Обличительный элементъ и его значеніе въ церковной проповѣди.

Обличеніе—одно изъ тѣхъ свойствъ содержанія учительной пастырской проповѣди, которое санкціонируется для нея заповѣдью апостола (2 Тим. 4, 2). Если и возможенъ тутъ о чемъ вопросъ, то развѣ только—о наилучшемъ примѣненіи обличенія для цѣлей церковнаго слова. Практически въ вопросъ объ обличительномъ элементѣ въ проповѣди, въ особенности сельской, вводятся значительныя ограниченія. Въ окончательномъ выводѣ разрѣшеніе его можетъ быть принято въ томъ смыслѣ, что въ примѣненіи въ учительномъ пастыр-

скомъ словѣ обличительнаго метода необходимо соблюдать чрезвычайную осмотрительность и исключительную осторожность. Этотъ опытъ идетъ отъ сѣдой древности. „Обличеніе нечестивому—раны ему“—сказалъ древній мудрецъ (Притчи Сол. 9, 7). Дѣло же проповѣди—заживлять раны, тушить ненависть, нести вразумленіе и пользу духовную. Мысль объ особой осторожности и осмотрительности въ обличеніи внушается и у апостола въ свойствахъ церковно-учительнаго слова, выраженныхъ въ понятіяхъ „долготерпѣнія“ и „ученія“. Какъ очевидно, слова эти имѣютъ ближайшее отношеніе именно къ свойству „обличія“, ибо если гдѣ, то въ обличеніи въ особенности не легко удержаться на высотѣ долготерпѣнія и учительности. Совершенно понятно, поэтому, въ устахъ величайшаго священнаго психолога это сосредоточеніе вниманія на настойчивой выдержкѣ проповѣдника требованіемъ отъ него „долготерпѣнія“ съ нравственною назидательностью („ученіе“) его церковно-обличительнаго слова. Указаніемъ положительныхъ свойствъ назидательнаго обличенія апостолъ ограждаетъ проповѣдническое слово отъ возможной ошибки—видѣть въ обличеніи самоцѣль. Не оно, какъ таковое, а нравственное воздѣйствіе на личность въ цѣляхъ духовнаго возрожденія—вотъ тотъ центръ, къ которому и обличительная проповѣдь неизмѣнно тяготеетъ. Съ отсутствіемъ въ проповѣдномъ обличеніи элемента назидательности оно теряетъ характеръ церковнаго слова, становясь въ разрядъ словесныхъ произведеній, для церковной каюстры неподходящихъ и неумѣстныхъ. Выводъ отсюда ясенъ; въ обличеніи проповѣдникъ долженъ имѣть предъ собою твердо намѣченную и ясно осознанную цѣль—воздѣйствовать на волю, служить духовному подъему и нравственному возрожденію насомыхъ.

Нельзя не видѣть, что въ отмѣченномъ основномъ свойствѣ церковно-обличительнаго слова—его учительности скрывается совершенно необычный его характеръ. Очевидно,—это не то обличеніе, съ какимъ встрѣчаемся обычно и въ которомъ неизмѣнно сопутствуютъ другъ другу взаимные по-

преки, униженія и уколы самолюбія. Церковное обличеніе не только должно быть свободнымъ отъ элементовъ— жестокости, раздражительности и проистекающихъ отъ этого огорчительныхъ свойствъ въ отношеніи ближняго. Этого недостаточно. Оно должно заключать въ себѣ свойства, способныя размячить душу, направить волю къ добру, влить въ сердцѣ человека духовную бодрость и поднять его изъ глубины грѣхонпаденія до готовности слѣдовать указаніямъ по пути праведной и богоугодной жизни по завѣтамъ Евангелія.

Какъ же достигнуть путемъ обличенія въ словѣ цѣлей назиданія? Не будетъ-ли напрасной и самая попытка сочетать въ одномъ словѣ два, повидному, несовмѣстимыя свойства— обличить и въ тоже время научить? Какъ возможно такое построеніе обличительнаго слова, чтобы въ немъ рядомъ съ духомъ ревности—духомъ Иліинымъ отображался и духъ Іоанновъ—духъ любви? Невозможнаго въ сочетаніи въ одномъ словѣ элемента обличенія съ элементами любви и назиданія, конечно, нѣтъ, разъ на этотъ счетъ апостольскій категорическій заповѣдь— „обличи... со всякимъ долготерпѣніемъ“. Весь вопросъ, слѣдовательно, въ томъ, какъ этого достигнуть. Какъ возможно назидать обличеніемъ—рѣшеніе объ этомъ простое и для всѣхъ убѣдительное давно дано. Оно—въ Библии и получаетъ свое фактическое обоснованіе въ живыхъ примѣрахъ обличительно-учительнаго слова Христа Спасителя и свѣ Его учениковъ. Отсюда нельзя не усмотрѣть, что отпавшимъ пунктомъ въ разрѣшеніи вопроса объ учительномъ свойствѣ обличительнаго слова должны быть приняты библейскіе объекты проповѣднической ненависти и обличенія, съ одной стороны, и любви и назиданія, съ другой. Что это за объекты? Въ отношеніи ненависти—зло и грѣхъ, въ отношеніи же долготерпѣнія съ назиданіемъ—нашъ ближній, человекъ. Взятые, такимъ образомъ, изъ Слова Божія объекты обличенія и назиданія остается только, въ интересахъ разрѣшенія поставленныхъ выше вопросовъ, приложить къ апостольскому завѣту о церковно-обличительномъ словѣ. Виолнѣ соот-

вѣтственнымъ будетъ апостольское „обличи“ считать имѣющимъ ближайшее и непосредственное отношеніе къ грѣху и злу, а понятія „долготерпѣнія“ и „ученія“—къ согрѣшающему немощному брату. Въ такомъ соотношеніи понятіе обличенія въ примѣненіи къ церковной проповѣди получаетъ тотъ глубокой смыслъ, что въ ней пастырю должно безъ всякаго снисхожденія обличать въ людяхъ зло и грѣхъ, но быть снисходительнымъ и всячески сострадать согрѣшающимъ. Это и будетъ обличеніе съ „долготерпѣніемъ“ и „ученіемъ“. Основной тонъ такого рода церковно-обличительнаго слова—тонъ скорбящаго сердца, бичующаго зло, но въ то же время болѣющаго о нравственномъ паденіи и любящаго до конца вѣранныхъ его попеченію. Не то же-ли видимъ въ Библии! Такъ и Господь отвращается отъ грѣха и зла, бичуетъ и караетъ ихъ въ людяхъ, но не отвращается до конца, а терпитъ и милуетъ грѣшниковъ; такъ и Спаситель нашъ, обличая порокъ, беззаконіе и неправду въ своихъ врагахъ, въ то же время прощаль и молился Самъ и намъ заповѣдалъ молитву о немъ. Въ грозныхъ обличеніяхъ фарисейской лжи и лицемерія доминирующимъ чувствомъ выступаетъ та же божественная скорбь объ окаменѣніи сердець. Обреченный за крайнее нечестіе на окончательное разрушеніе Иерусалимъ своею печальною участью исторгаетъ у Божественной Любви слезы; Иуда въ крайнемъ ожесточеніи призывается къ покаянію безконечно-нѣжнымъ Богочеловѣческимъ—„друзе“. Въ обличеніяхъ Св. Златоуста и русскаго святителя Филиппа, наряду съ пламенной ревностью о Богѣ и добродѣтели, неизмѣнно выступаетъ и глубокая отеческая скорбь о соблазнительныхъ дѣйствіяхъ обличаемыхъ.

Итакъ, обличая назидать—вотъ въ чемъ значеніе обличительнаго элемента въ дѣлѣ церковно-пастырскаго учительства. Что сказать объ обличительной пастырской проповѣди, въ особенности сельской, примѣнительно къ изъясненному значенію церковно-библейскаго обличенія? Признать должно, что предъ нимъ она не безупречна. Церковное обличеніе всюду

внушаетъ необходимость разграниченія въ обличительномъ словѣ зла и личности; въ проповѣди смѣшеніе и постоянное отождествленіе ихъ съ поставленіемъ личности на мѣстѣ зла— обычное явленіе. Въ этомъ одинъ изъ недостатковъ обличительнаго пастырскаго слова, и недостатковъ, для успѣховъ обличительней проповѣди далеко не безразличныхъ. Бичуя вмѣсто зла и порока людей, проповѣдь такимъ своимъ характеромъ, несомнѣнно, не только оставляетъ на днѣ ихъ душъ значительный осадокъ горечи и даже раздраженія (Притчи Сол. 15. 19), но и способна надолго отпугнуть ихъ отъ себя. Жесткое обличеніе безъ христіански-сострадающей любви, рядомъ съ охлажденіемъ въ слушателяхъ интереса къ проповѣди, можетъ, при свойственныхъ и пастырю человѣческихъ слабостяхъ, вызвать отвѣтный укоръ ему со ссылкой на врача, нуждающагося въ собственномъ исцѣленіи. Грѣшить наша сельская обличительная проповѣдь и противъ „долготерпѣнія“ съ „ученіемъ“, противъ апостольскаго завѣта „духовнымъ исправлять согрѣшающихъ духомъ кротости“ (Галат. 6, 1). Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда проповѣдникъ или пренебрегаетъ или вовсе не хочетъ знать требуемой отъ него выдержки и съ своею проповѣдью вносить въ святилище Бога личное раздраженіе и неудовольствіе. Въ такомъ обличеніи вмѣсто освѣщенія противонравственнаго поступка закономъ Божиимъ, закономъ Евангельскимъ получаетъ мѣсто грустная картина сведенія счетовъ и попрековъ, бросанія горькихъ и жесткихъ укоризнъ въ пылу личного раздраженія. Невозможно исцѣсть всѣхъ вредныхъ послѣдствій отъ того церковнаго обличенія, которое исходитъ изъ чувства гнѣва и личной какой-то обиды на согрѣшающихъ. Здѣсь проповѣдь, преслѣдуя мелкіе уколы чужого самолюбія, совершенно удаляется отъ учительныхъ цѣлей оздоровленія личности и рождаетъ собой въ слушателяхъ новый грѣхъ— обиду и раздраженіе. Такъ вмѣсто подъема духа въ результатѣ такой проповѣди получается еще большее расслабленіе

его. Бываетъ, къ прискорбію, и нерѣдко и такая обличительная проповѣдь.

Сказаннымъ еще разъ подтверждается выраженная у насъ въ началѣ мысль о чрезвычайной осмотрительности и большой осторожности въ примѣненіи въ проповѣди обличительнаго метода. Не то это значить, что можно потакать злу, проявить относительно него слабость, малодушіе. Нѣтъ. Но есть опасность измѣнить основной цѣли обличенія, которая въ назиданіи, и на продолжительный срокъ разрушить дѣло Божіе, дѣло возрожденія духовнаго Божіихъ людей. Зато и цѣль достигается и вдвойнѣ полезно, когда отъ обличительнаго пастырскаго слова, наряду съ обличеніемъ зла и порока, вѣетъ духомъ кроткой любви и состраданія къ согрѣшающимъ, духомъ скорби и участія душевнаго въ паденіяхъ челоуѣческаго сердца съ молитвеннымъ обращеніемъ къ Богу объ обращеніи заблудшихъ на путь добродѣтели. Въ такомъ своемъ видѣ пастырское обличительное слово осуществляетъ исполнѣніе апостольскій завѣтъ объ „исправленіи духомъ кротости“ и „обличеніи съ долготерпѣніемъ и ученіемъ“.

Свящ. *Г. Хохановскій.*

Къ вопросу объ участіи церковныхъ школъ въ дѣлѣ миссіи.

(Окончаніе ¹⁾).

Изъ послѣдующихъ актовъ, касающихся миссіонерской дѣятельности церковныхъ школъ до введенія новыхъ программъ, обращаютъ на себя вниманіе опредѣленія Св. Синода отъ 3—16 августа 1901 г. за № 2964 и отъ 4—14 апрѣля 1902 г. за № 1592. Въ первомъ опредѣленіи говорится о томъ, что обучающіеся въ церковно-приходскихъ школахъ

¹⁾ См. № 5-й за 1911 г.

дѣти іудейскаго и магометанскаго вѣроисповѣданій не должны быть привлекаемы къ обязательному изученію Закона Божія. Здѣсь съ замѣчательной выразительностью проводится тотъ взглядъ, что изученіе Закона Божія должно состоять въ усвоеніи истинъ Христовой вѣры не только умомъ, но и сердцемъ, что такое изученіе можетъ быть достигнуемо не иначе, какъ „подъ покровомъ св. Церкви и при благодатномъ воздѣйствіи ея святыхъ таинствъ, молитвъ и священнодѣйствій“, и что поэтому обученіе дѣтей магометанскаго и іудейскаго вѣроисповѣданій Закону Божію не только не принесетъ пользы дѣлу миссіи, но и можетъ быть вредно (— „произнесеніе этими дѣтьми на урокъ Закона Божія священныхъ именъ, чтеніе святыхъ христіанскихъ молитвъ и церковныхъ пѣснопѣній, говорится въ опредѣленіи, можетъ служить часто предметомъ соблазна для учащихся христіанъ“). Второе опредѣленіе касается возбужденнаго Благовѣщенскимъ епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ вопроса объ открытіи въ мѣстностяхъ съ сектантскимъ населеніемъ церковно-приходскихъ школъ и о постановкѣ въ этихъ школахъ преподаванія Закона Божія. Въ этомъ опредѣленіи Свят. Синодъ, согласно заключенію Училищнаго при немъ Совѣта, предлагаетъ поддерживать существующія въ сектантскихъ селеніяхъ церковно-приходскія школы и, въ случаѣ поступленія отъ сектантовъ просьбъ, открывать новыя („съ предупреденіемъ просителей, что преподаваніе въ открываемыхъ у нихъ школахъ будетъ вестись во всемъ согласно существующимъ программамъ“), и вмѣстѣ съ симъ указываетъ, „что преподаваніе Закона Божія въ церковно-приходскихъ школахъ съ сектантскимъ составомъ учащихся, должно состоять въ раскрытіи положительныхъ истинъ православной христіанской вѣры и нравственности, безъ обличенія и разбора сектантскихъ заблужденій“, и „что посему къ учителямъ означенныхъ школъ, при допущеніи ихъ къ преподаванію Закона Божія, нѣтъ особой надобности предъявлять требованія о знаніи ими разбора и обличенія сектантскихъ заблужденій, а надлежитъ лишь обращать

вниманіе на обстоятельное знаніе ими положительных истинъ православной вѣры и нравственности, и особенно на доброе ихъ поведеніе и на точное соблюденіе ими уставовъ Церкви, дабы они своимъ личнымъ примѣромъ могли оказывать доброе вліяніе на сектантскую среду и воспитывать въ подростящемъ сектантскомъ поколѣніи расположеніе къ Православной Церкви и ея служителямъ“.

1 апрѣля 1902 года Высочайше было утверждено „Положеніе о церковныхъ школахъ вѣдомства Православнаго исповѣданія“. Въ „Положеніи“ цѣль церковныхъ школъ опредѣляется такъ: „церковныя школы вѣдомства Православнаго исповѣданія имѣютъ цѣлью распространять въ народѣ образованіе въ духѣ Православной вѣры и Церкви“. Очевидно, что такой формулировкой расширились просвѣтительныя задачи церковной школы, но не менѣе очевидно и то, что въ ней нѣтъ измѣненія, а тѣмъ болѣе отмѣненія миссіонерской задачи по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, какъ это указывалось въ § 1 Высочайше утвержденныхъ 13 іюня 1884 года Правиль, т. е. въ смыслѣ „утвержденія въ народѣ православнаго ученія вѣры и нравственности христіанской“.

„Положеніе“ ввело новый высшій типъ церковной школы—церковно-учительскую „для подготовленія учителей и учительницъ начальныхъ училищъ всѣхъ разрядовъ“ (§ 46) и второклассныхъ школъ, увеличило на одинъ годъ курсъ ученія въ начальной школѣ, положивъ для одноклассной церковно-приходской школы 3 года (вмѣсто прежнихъ 2) и для двухклассной—5 лѣтъ (вмѣсто прежнихъ 4); въ остальномъ—оно („положеніе“) привело въ точную и опредѣленную систему тѣ начала, которыя заключались въ правилахъ о церковно-приходскихъ школахъ, въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта отъ 5 іюня 1895 г. и въ циркулярныхъ опредѣленіяхъ Св. Синода и состоящаго при немъ Училищнаго Совѣта. Для нашей цѣли достойно замѣчанія, что, по „Положенію“, лица инославнаго или иновѣрнаго исповѣданія могутъ быть принимаемы только въ школы грамоты

и церковно-приходскія (одноклассныя и двухклассныя) и при томъ не иначе, какъ съ разрѣшенія епархіальнаго архіерея (§ 5); во второклассныхъ же и церковно-учительскихъ школахъ учащіеся должны быть православнаго исповѣданія.

Примѣнительно къ этому „Положенію“ Училищный Синодальный Совѣтъ составилъ новыя программы учебныхъ предметовъ, которыя утверждены были Свят. Синодомъ въ 1903 г. въ качествѣ *примѣрныхъ* срокомъ на шесть лѣтъ.

Въ интересахъ миссіонерскихъ новыя программы для начальныхъ и второклассныхъ школъ не прибавили ничего по сравненію съ прежними. Въ начальныхъ школахъ главное вниманіе обращается на положительное изложеніе православнаго ученія о вѣрѣ и благочестіи. Тоже самое требуется и программой для второклассныхъ школъ. Въ „общемъ примѣчаніи къ программѣ Закона Божія“ для нихъ прямо говорится, что „при преподаваніи Закона Божія во второклассныхъ школахъ законоучитель долженъ руководиться тѣми же методическими приѣмами и держаться того направленія и цѣли, какія намѣчены въ объяснительной запискѣ, приложенной къ программамъ Закона Божія для одноклассныхъ и двухклассныхъ церковно-приходскихъ школъ“ и что „разница должна состоять только въ объемѣ и нѣсколько иномъ расположеніи учебнаго матеріала по годамъ“.

Что же касается церковно-учительскихъ школъ, то и тутъ программами узаконяется положительный методъ преподаванія. Главною цѣлью преподаванія Закона Божія въ этихъ школахъ ставится „объединить, углубить и, сколько возможно, расширить имѣющіяся у учениковъ свѣдѣнія по Закону Божію, а главное — усвоить все эти свѣдѣнія умомъ и сердцемъ такъ, чтобы они стали правиломъ вѣры для нихъ и образцомъ всей ихъ послѣдующей жизни и дѣятельности“. Въ объяснительной запискѣ къ программѣ по Закону Божію выражается полная увѣренность въ томъ, что „серьезное и глубокое изученіе истинъ Христовой вѣры должно довести ихъ (т. е. учениковъ) къ полнаго убѣжденія въ томъ, что вѣра Христова есть един-

ственно-истинная вѣра, имѣющая Божественное происхожденіе, и что Православная Церковь Христова, къ которой мы принадлежимъ, есть единственно-истинная Церковь, непреложно и неизмѣнно сохраняющая истины Христовой вѣрѣ, и потому принадлежать къ ней необходимо для полученія спасенія“. Но тѣмъ не менѣе въ интересахъ миссіонерскаго дѣла программа для церковно-учительскихъ школъ даетъ очень много. Прежде всего въ курсъ Закона Божія она вводитъ чтеніе Свящ. Писанія, причѣмъ особенное вниманіе требуетъ обращать на „тѣ мѣста, которыя наиболѣе часто подвергаются перетолкованіямъ со стороны лжеучителей и сектантовъ“, и, не вдаваясь въ полемику съ ложными ученіями, обстоятельно раскрывать истины (въ нихъ заключающіяся) съ положительной стороны такъ, чтобы само раскрытіе это служило вмѣстѣ съ тѣмъ и опроверженіемъ ложныхъ ученій“. Затѣмъ, въ курсъ Закона Божія введено ученіе „о христіанствѣ, какъ Богооткровенной религіи“, при преподаваніи котораго законоучителю вмѣняются въ обязанность дѣлать „сопоставленіе ученія христіанской православной вѣры съ инославными ученіями, чтобы доказать, что истины Христовой вѣры въ ихъ неповрежденности и неизмѣнности сохранились только въ Православной Церкви“, а въ концѣ курса вставленъ даже цѣлый апологетическій отдѣлъ подъ заглавіемъ: „Церковь Христова, какъ хранительница истинъ христіанской вѣры въ ихъ цѣлости и неповрежденности“. Отдѣлъ этотъ слагается изъ такихъ пунктовъ.

„1. Способы распространенія и сохраненія Богооткровенныхъ истинъ. Священное Писаніе. Его Богодухновенность. Священное Преданіе. Значеніе его, какъ источника откровенія. Возможность и дѣйствительность сохраненія его въ цѣлости и невреденности. Признаки апостольскаго преданія.

2. Церковь, какъ хранительница Священнаго Писанія и Священнаго Преданія. Непогрѣшимость Церкви и выраженіе этой непогрѣшимости во вселенскихъ соборахъ. Авторитетъ ученія святыхъ отцовъ и учителей Церкви.

3. Грековосточная Церковь и принадлежащая къ ней наша отечественная Церковь есть истинная, Православная Церковь Христова.

4. Заблужденія и отступленія отъ православія грековосточной католической Церкви западныхъ вѣроисповѣданій: римскаго католичества, лютеранства, реформатства, англиканства.

5. Русскій расколъ и сектантство. Доказательство того, что раскольники всѣхъ толковъ не составляютъ Церкви Христовой, какъ не имѣющіе законнаго священноначалія.

6. Происхожденіе язычества. Виды язычества. Ложность языческихъ религій. Ложность новоіудейской религіи и магометанства“.

Такую постановку миссіонернаго дѣла въ церковно-учительской школѣ нельзя назвать не широкой. Но эта широта объясняется тѣмъ, что учащіеся въ нихъ воспитанники, во—1-ыхъ, „припоступленіи должны имѣть достаточныя познанія по предметамъ, входящимъ въ кругъ Закона Божія“, какъ это говорится въ объяснительной запискѣ, а во—2-ыхъ, въ первые два года проходятъ сравнительно подробный курсъ по церковной исторіи и ко времени прохожденія вышеуказаннаго апологетическаго отдѣла могутъ быть ознакомлены съ исторіей появленія и съ главными пунктами ученія всѣхъ инославныхъ исповѣданій, существующихъ въ настоящее время.

Такимъ образомъ, по опредѣленію высшаго церковнаго и церковно-школьнаго начальства, школьно-миссіонерское дѣло по типамъ школъ должно представляться въ такомъ видѣ.—

А) Въ начальной школѣ:

слѣдуетъ заботиться объ утвержденіи въ сознаніи дѣтей положительныхъ истинъ православной христіанской вѣры и нравственности, безъ обличенія и разбора сектантскихъ и раскольническихъ заблужденій.

Б) *Во второклассной школѣ:*

допускается съ разрѣшенія епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ преподаваніе общихъ свѣдѣній о расколѣ и мѣстныхъ сектахъ онаго съ опроверженіемъ раскольническихъ мнѣній.

В) *Въ церковно-учительской школѣ:*

должно быть „сопоставленіе ученія христіанской православной вѣры съ инославными ученіями, чтобы доказать, что истины Христовой вѣры въ ихъ неповрежденности и неизмѣнности сохранились только въ Православной Церкви“.

17 апрѣля 1905 года произошла существенная перемѣна въ отношеніяхъ инославныхъ исповѣданій къ Православной Церкви и вообще въ положеніи инославія въ Россіи. До этого времени инославныя исповѣданія не имѣли права открытой проповѣди; 17 апрѣля 1905 года имъ дано это право, и они усиленно занялись распространеніемъ своихъ ученій всюду и вездѣ. Съ этой цѣлью ими стали издаваться листки, журналы и книги для дешевой продажи и даже даровой раздачи народу; стали образовываться разные фонды, устраиваться торжественныя собранія и процессіи, открываться школы и пріюты для дѣтей, гдѣ нисколько не стѣсняютъ себя педагогическими принципами и прививаютъ дѣтямъ фанатическую нетерпимость къ Православію; стали организоваться отряды миссіонеровъ, которые разъѣзжаютъ по всей Россіи и всюду и вездѣ открыто поносятъ Православную Церковь и ея духовенство. Теперь не тайна не только для взрослыхъ, но и для дѣтей существованіе разныхъ сектъ и ученіе ихъ—особенно то, которое направлено противъ Православія. Поэтому замалчивать сектантство и такъ или иначе не считаться съ нимъ въ настоящее время даже и въ начальныхъ школахъ не всегда бываетъ возможно.

Вслѣдствіе всего этого явилась настоятельная необходимость снова поставить школьно-миссіонерскій вопросъ и пересмотрѣть прежнія рѣшенія его. Задачу эту взялъ на себя 4-й миссіонерскій съѣздъ, который въ своихъ постановле-

нѣхъ въ существѣ дѣла повторилъ пожеланія 3-го миссіонерскаго съѣзда.

Послѣднимъ актомъ высшей церковно-школьной власти по занимающему насъ вопросу являются опредѣленіе Свят. Синода отъ 27 ноября 1909 года за № 8944 по поводу журнала Училищнаго при Свят. Синодѣ Совѣта „о необходимости принятія мѣръ для противодѣйствія сектантскому натиску на Православную Церковь и православное населеніе. Этимъ опредѣленіемъ Свят. Синодъ предписываетъ Епархіальнымъ Преосвященнымъ предупредить о надвигающейся пропагандѣ епархіальные Училищные Совѣты, вмѣнивъ въ обязанность наблюдать: 1) чтобы во всѣхъ церковныхъ школахъ по Закону Божию законоучители старались выяснить: а) необходимость Священнаго Преданія, б) необходимость руководства Церкви въ толкованіи и разумѣніи Священнаго Писанія, в) необходимость Церкви для спасенія, г) необходимость ходатайства святыхъ, д) необходимость священноначалія въ Церкви, съ опроверженіемъ протестантскаго ученія о всеобщемъ священствѣ и е) необходимость добрыхъ дѣлъ для спасенія; 2) чтобы на урокахъ пѣнія пѣлись преимущественно церковныя пѣснопѣнія, а не свѣтскія пѣсни; 3) чтобы школьныя зданія не были предоставляемы для собраній, напоминающихъ собраніе евангеликовъ; 4) чтобы учащіе уклонялись отъ участія въ такихъ собраніяхъ, и 5) чтобы изданія евангеликовъ не попадали въ ученическія бібліотеки и вообще въ руки учениковъ“.

Но само собой понятно, что этимъ опредѣленіемъ школьно-миссіонерскій вопросъ не исчерпывается вполнѣ, и разрѣшенія его приходится ожидать въ будущемъ. Въ концѣ прошлаго 1909 года Училищнымъ при Свят. Синодѣ Совѣтомъ образовала комиссія между прочимъ и для обсуженія этого вопроса; имъ же были затребованы мнѣнія по этому дѣлу епархіальныхъ совѣтовъ. Нужно думать, что окончательное разрѣшеніе школьно-миссіонерскаго вопроса въ полномъ объемѣ и притомъ сообразно съ началами здоровой педагогіи теперь не замедлится.

Въ заключеніе не можемъ не обратить вниманія на главную трудность разрѣшенія даннаго вопроса по отношенію къ начальнымъ школамъ. Задача начальныхъ школъ не можетъ быть иной, какъ *положительной*.—раскрывать и утверждать въ сознаніи дѣтей только положительное ученіе вѣры и нравственности. Миссіонерское же дѣло въ полномъ своемъ видѣ зиждется на толкованіяхъ, сличеніяхъ и сопоставленіяхъ, которыя, если и не вызовутъ въ учащихся духъ сомнѣнія въ рукахъ умѣлаго законоучителя или учителя, то всетаки могутъ внести въ сознаніе дѣтей нежелательные элементы, способные помѣшать созданію единства и нѣлости религіозно-нравственнаго міровоззрѣнія и доброй настроенности. Въ виду этого нѣкоторые и говорятъ, что вводить миссіонерское дѣло въ начальныя школы значить одновременно и создавать храмъ и тѣми же руками разрушать его.

Но какъ думается, на основаніи всего сказаннаго, что объ эти задачи возможно примирить и объединить. Для этого слѣдуетъ только, во—1-ыхъ, миссіонерское дѣло брать не во всемъ его объемѣ и особенно не въ той его части, которая именуется обличительной или полемической, и во—2-ыхъ, выработать такіе методическіе приемы, которые бы дѣлали миссіонерскій матеріалъ вполне годнымъ для воспринятія дѣтской душой. Нужно помнить, что учебный предметъ дѣйствуетъ на ученика не самъ по себѣ, а тѣмъ, какъ онъ преподается, ибо *сила учителя заключается въ методѣ*⁶ (см. Лай. Эксперим. дидактика, 353 стр.).

Свящ. А. Д—ій.

Правда о русскомъ народѣ.

(Къ вопросу о единеніи интеллигенціи съ Церковію и народомъ).

Въ духовной и свѣтской печати много было сужденій и толковъ по вопросу о единеніи интеллигенціи съ Церковію и народомъ.

Вопросъ этотъ приобретаетъ особенный интересъ уже по одному тому, что объединеніе двухъ несродныхъ элементовъ,—образованнаго русскаго общества и простаго русскаго народа—разсматривается на религіозной почвѣ. Справедливость требуетъ сказать, что стремленія интеллигенціи привести простой народъ къ объединенію съ собою давно существовали и теперь существуютъ главнымъ образомъ въ той части образованнаго общества, которая тайно или открыто враждуетъ противъ Церкви и государственнаго строя. За послѣдніе годы эта интеллигенція съ особенною силою стала развивать свое дѣло, пользуясь всевозможными средствами для систематическаго развращенія русскаго народа. Въ результатѣ, основы народной жизни настолько поколеблены, что христіанская мысль и патріотическое чувство составляютъ далеко не постоянное качество русскаго человѣка. Отнимая единственное богатство и утѣшеніе народа—его вѣру, враждебная сторона взаимнѣ не даетъ ему ничего, что могло бы успокоить умы и сердца, воспитанные на церковности. Такимъ образомъ создается то жалкое и ужасное душевное состояніе русскаго народа, которое можно назвать „двоедушіемъ въ дѣлѣ вѣры“. Простой народъ, видя, какъ горячо ревнуютъ о его благополучіи самозванные радѣтели „изъ образованныхъ“, стыдится открыто исповѣдывать свою вѣру и на каждомъ шагу отвлекается отъ исполненія христіанскихъ обязанностей, хотя въ то-же время, испытывая врожденное стремленіе къ богопознанію, не можетъ и не вѣрить. Не имѣя твердаго убѣжденія и увѣренности въ правдѣ своихъ словъ и поступковъ, по слову Апостола, онъ становится „неустроеннымъ во всѣхъ путяхъ своихъ“ (Іак. 1, 8). Еще болѣе, чѣмъ въ народѣ, наблюдается нравственная раздвоенность и религіозное равнодушіе въ образованномъ обществѣ.

Для наблюдательныхъ людей очевидно, съ какою головокружительной быстротой возростааетъ культъ положительныхъ и техническихъ знаній, и какъ, на ряду съ этимъ, глубоко падаетъ жизнь сердца, какъ чувство идеальнаго затемняется

и вытѣсняется ложнымъ настроеніемъ самообольщенного ума, какъ исчезли въ глубину вѣковъ и сдѣлалось достояніемъ пережитой исторіи истинные поэты и творцы въ области безсмертныхъ знаній и искусствъ, смѣнившись недостойными преемниками, не живущими полною жизнію ума, сердца и чувства. Воля и характеръ большинства теперь подчинены матеріальнымъ интересамъ, захватившимъ челоуѣка и быстро влекущимъ его въ безысходныя бездны, откуда не видно ни идеаловъ, ни цѣли, ни смысла жизни. И вотъ, видя такое направленіе современной жизни, небольшая группа понимающихъ и дальновидныхъ христіанъ смѣло ставитъ теперь вопросъ о единеніи, т. е. собраніи воедино всѣхъ разсѣянныхъ чадъ Церкви Христовой подъ священнымъ знаменемъ церковности, народности и патріотизма, подобно тому, какъ то было въ первые вѣка только что зародившагося христіанства, когда вдохновенные Петръ и Павелъ, прочіе апостолы и ихъ ученики огненнымъ словомъ своимъ потрясали умы и сердца разсѣянныхъ чадъ Церкви и воодушевляли ихъ къ единодушной и мужественной борьбѣ за имя Іисуса Христа съ врагами Его.—Вопросъ очень интересный, волнующій многія вѣрующія души: его значеніе, его идея безграничны, какъ неограниченна область вѣры. Его осуществленіе находится въ зависимости отъ множества другихъ вопросовъ, между которыми первое мѣсто по степени важности занимаетъ вопросъ о томъ, сохранилъ-ли простой народъ свое православно-христіанское міросозерцаніе; другими словами, не отразилось-ли на народныхъ традиціяхъ невѣріе того элемента интеллигенціи, который враждуетъ противъ христіанства. Нижеслѣдующія строки покажутъ намъ, насколько вопросъ о христіанскомъ единеніи на св. Руси далекъ или близокъ къ его осуществленію.

I. Прежде всего—рѣчь о религіозномъ состояніи народа.

Чтобы рѣшить вопросъ, насколько міросозерцаніе народа сохранило или утратило историческій религіозный идеалъ въ

настоящее время, надо остановить свое вниманіе на томъ, къ чему это міросозерцаніе заключается и какими чертами характеризуется въ народныхъ традиціяхъ.

Традиціонное міросозерцаніе православнаго русскаго народа имѣеть по преимуществу религіозно-христіанскій характеръ: происхожденіемъ и основаніемъ своимъ оно обязано Божественному Откровенію, которое сохранилось въ Православной Церкви и передано было во всей своей чистотѣ и неприкосновенности изъ Византіи русскому народу. Послѣдній съ любовью воспринялъ и усвоилъ христіанскія начала жизни, которыя и послужили единственнымъ залогомъ его дальнѣйшаго духовнаго развитія и внѣшняго, точнѣе—государственнаго могущества. Понятно поэтому, что русскій народъ, будучи изстари вѣрующимъ, христіанскимъ народомъ, составлялъ всегда надежный и прочный элементъ русскаго государства: все вопросы жизни сводились имъ къ вѣрѣ въ Бога, къ любви къ Церкви и преданности Царю Православному.

Богъ, въ его представленіи, есть Источникъ всякой жизни, ея Виновникъ и Промыслитель: радость и горе, жизнь и смерть зависятъ отъ Его воли. Народное боговѣдѣніе выражается въ многочисленныхъ народныхъ изреченіяхъ, взятыхъ частью изъ Библии, изъ которыхъ видно, какъ глубоко вѣрили наши предки въ Бога и какъ любили Слово Божіе. Все стороны народной жизни: бытъ, право, судъ и общественный строй, мораль и семейная жизнь—находятся подъ влияніемъ религіознаго міровоззрѣнія народа. Мысль о Богѣ предшествуетъ всякому дѣлу и начинанію и сопутствуетъ ему. Въ тяжелыя минуты жизни: во время общественныхъ бѣдствій и неудачъ, болѣзней и несчастій—сердце народа всегда обращается къ Богу и ищетъ отрады и утѣшенія въ молитвѣ. Главнымъ орудіемъ религіознаго воспитанія народа является Церковь,—это первое и самое необходимое учрежденіе на землѣ, въ которомъ преподается благословеніе и освященіе всемъ важнѣйшимъ моментамъ человѣческой жизни. Церковь—единственное утѣшище, куда безбоязненно устрем-

ляется измученная горемъ и нуждою душа народная; она (Церковь)—единственная школа, любимая народомъ. именно потому, что здѣсь только обогащается его умъ благочестивымъ напоминаніемъ о страданіяхъ Спасителя, о подвижникахъ и подвижницахъ, переносившихъ, во славу Божию, всякія испытанія и мученія: только такое знаніе удовлетворяетъ народъ, который самъ много страдалъ, научился вѣрить и терпѣть въ то время, когда развивалось и крѣпло наше отечество. Государство, нераздѣльно заключающее въ себѣ понятіе о Царѣ русскомъ, есть, по представленію народа, реальный образъ небеснаго духовнаго царства, а потому все, что относится къ области политики, какихъ-либо реформъ и гражданскихъ узаконеній, получаетъ въ глазахъ народа смыслъ и значеніе религіозныя. Такимъ образомъ, народная жизнь, можно сказать, есть жизнь въ Бога и для Бога: „о Немъ-бо живемъ и движемся и есмь“ (Дѣян. 17, 28).

Для скентика такое міросозерцаніе простого народа можетъ показаться сочиненнымъ, отвлеченнымъ и непримѣнимымъ въ жизни. Правда если-бы оно было только дѣломъ разсудка или народнаго творчества, то едва-ли могло имѣть какое-нибудь практическое значеніе. Но на самомъ дѣлѣ, обнимая все существо вѣрующаго русскаго человѣка, оно управляетъ его жизнію. Простыя и понятныя правила или заповѣди Божія, нѣсколько несложныхъ молитвословій, являясь единственно доступными пониманію, даже для ребенка, истинами, составляютъ затѣмъ преобладающее настроеніе на всю его жизнь. Какъ просто и вмѣстѣ съ тѣмъ широко это міросозерцаніе, видно уже изъ того, что русскому народу хорошо извѣстно все, что нужно знать и дѣлать для увеличенія и упроченія благосостоянія своего и другихъ. Онъ болѣе, чѣмъ кто-либо, убѣжденъ въ необходимости трудиться, потому-что трудъ есть опредѣленіе Божіе,—и безропотно несетъ свою трудовую ленту въ сокровищницу общаго блага. Онъ не задумается надъ тѣмъ, что такое счастье, надъ разрѣшеніемъ чего безплодно думаютъ образованные люди,—такъ какъ

увѣренъ, что оно заключается въ трудѣ. Будучи воспитательнымъ началомъ, трудъ, въ глазахъ старинныхъ людей, имѣеть силу и значеніе подвига, закаляющаго характеръ челоуѣка на случай какихъ-либо серіозныхъ жизненныхъ испытаній. Но этотъ подвигъ въ представленіи народа пріобрѣтаетъ большую цѣнность, становится выше, когда онъ сопровождается у него сознаниемъ исполненнаго долга и спокойствіемъ совѣсти.

Самое глубокое мировоззрѣніе, самый лучший идеаль жизни и личности могутъ оказаться совершенно безплодными, если они не находятъ своего отображенія въ дѣйствительности. Вслѣдствіе этого намъ необходимо остановить свое вниманіе на тѣхъ обвиненіяхъ, которыя возводятся на русскій народъ современными раціоналистами. Главное объясненіе состоитъ въ томъ, что онъ не живетъ будто-бы духовною жизнью, ничего не понимаетъ въ своей религіи, придерживается жескихъ грубыхъ суевѣрій, не имѣеть высокой нравственности и т. п. Несправедливость означенныхъ обвиненій видна всякому, кто болѣе или менѣе знакомъ съ психологіей и исторіей своего народа. Безспорно, что народъ нашъ не ученъ и не знаетъ во всѣхъ деталяхъ содержанія православнаго Богословія, но это еще не указываетъ на отсутствіе у него христіанскаго міросозерцанія. И хотя народъ, по причинѣ умственной неразвитости, въ большей своей части суевѣренъ, но на этомъ основанія еще нельзя отрицать его высокаго религіозно-нравственнаго развитія. Онъ вѣруетъ въ Бога всѣмъ сердцемъ своимъ, всегда помнитъ о Немъ, мысленно созерцаетъ грядущія судьбы Церкви—второе пришествіе, Страшный Судъ. При своей видимой, вишней некультурности, онъ обладаетъ замѣчательнымъ психологическимъ тактомъ, въ силу котораго онъ всегда ясно различаетъ правду Божию отъ лжи челоуѣческой. Такія драгоценныя душевныя качества могли образоваться въ русскомъ народѣ не иначе, какъ подъ влияніемъ христіанства, которое открыло ему новые высшіе идеалы. Постояннымъ предметомъ народ-

ныхъ стремленій и побужденій къ дѣятельности за весь христіанскій періодъ его существованія на первомъ планѣ стоятъ блага духовныя. Какъ достигать ихъ, было извѣстно народу. При свѣтѣ церковнаго ученія онъ зналъ, что заботы „о Царствѣ Божіемъ и правдѣ его“ (Матѣ. 6, 33)—должны быть прежде остальныхъ заботъ и желаній: высшія блага явятся сами собой. Чтобы быть на высотѣ этого идеала, необходимо не только вѣрить въ бытіе личнаго Бога, но и стремиться къ Нему, возможно болѣе отображать въ себѣ совершенства Божія, уподобляться Ему, согласно заповѣди Евангелія (Мѣ. 5. 48). Уподобляется же Богу человѣкъ тогда, когда онъ борется съ грѣхами, удаляется отъ соблазновъ, побѣждаетъ въ себѣ пороки, словомъ, заботится „о спасеніи души“. Здѣсь подвигъ физическаго труда переходитъ на почву идеальную, духовную. Отсюда въ нравственномъ міровоззрѣніи народа происходятъ и высшія добродѣтели, какъ, напр., удаленіе отъ міра или иноческое житіе, неослабѣвающая борьба со своими страстями и похотями, несеніе креста—юродства, молчаливчества, странничества и др., каковыми славится наша православная, въ особенности древняя Русь.

Такова вѣра русскаго народа; и она не посрамилъ его. Могущее и необъятное отечество наше, въ настоящемъ своемъ видѣ, служить яркимъ доказательствомъ торжества православной вѣры. Не высшія культура, не научныя знанія, не развитіе матеріальныхъ силъ страны способствовали образованію и крѣпости великаго Русскаго государства, а только вѣра, основанная на церковности. Цари русскіе, князья, бояре, пастыри Церкви, иноки, пустынники, подвижники, на протяженіи всей русской исторіи, словомъ и примѣромъ проповѣдовали вѣру Христову во всѣхъ краяхъ нашего отечества и у сосѣднихъ языческихъ племенъ, вошедшихъ потомъ въ составъ великаго царства,—и были въ твердомъ и непреклонномъ послушаніи уставамъ и правиламъ церковнымъ, послужившимъ основою и государственныхъ законоположеній. На церковной почвѣ развилась въ сознаніи

нашего народа идея царской самодержавной власти. Божественное право—вот источникъ этой идеи; чѣмъ больше проникался народъ христіанскимъ вѣроученіемъ, тѣмъ большую устойчивость пріобрѣтало и Царское самодержавіе, тѣмъ съ большей энергіей послѣднее защищалось и охранялось народомъ. Историческій русскій девизъ „за Вѣру, Царя и Отечество“ не есть простая, мертвая формула, выражающая искусственно привитое русскому народу начало его государственности, а естественная, коренная потребность народнаго духа, родившаяся въ немъ съ принятіемъ христіанства и первыми проблесками его гражданскаго самосознанія. Никогда поэтому русскій народъ не смотрѣлъ на Царя, какъ на деспота, живущаго только для своихъ личныхъ интересовъ,—и на царскую власть, какъ на насилие и посягательство на свободу народную. Совершенно иначе думалъ и чувствовалъ народъ: Царь всегда былъ и есть его лучший другъ, его ангель хранитель на землѣ. Въ тяжелыя годы для отечества народъ болѣе всего молится за Царя, зная, что Ему труднѣе всѣхъ Его подданныхъ, потому что Царь, несмотря на все окружающее Его великолѣпіе и пышность, несетъ высшій и священнѣйшій подвигъ правленія, въ которомъ залогъ твердости народнаго мира, безопасности и всякой справедливости. Только въ Россіи со всею силою раскрылось значеніе царской власти, ея дѣйственность и благотворность для народа; только у насъ можно встрѣтить трогательное выраженіе любви его къ Царямъ своимъ. Другое начало власти,—когда странною править большинство, всегда разногласящее и раздѣляющееся на партіи, а не единое лице наследственнаго самодержавнаго Монарха,—не приложимо къ нашему Отечеству. „Царская воля не судима“, „Какъ Богъ на небѣ, такъ Царь на землѣ“,—говорить народъ. И эта правда сознается и чувствуется не одними лишь русскими: славяне южные и западные, наши единокровные братья, а также и другія народности, замѣшавшіяся между ними, постоянно стремились стать

подъ защиту русскаго Царя Самодержавнаго и искали единенія съ нимъ.

Такимъ образомъ, Вѣра, Царь и Народъ, въ свободномъ и гармоническомъ сочетаніи между собою, составляютъ то великое и благословенное наслѣдіе, оставленное намъ отъ предковъ, которымъ всего лучше обезпечивается народное благо, съ которымъ „неразрывно“ связано и самое существованіе Россіи .

II.

Ни для кого не будетъ новостію, если мы скажемъ, что міросозерцаніе такъ называемой интеллигенціи русской, можетъ быть даже въ большей части ея, совершенно противоположно описанному. Дѣйствительная жизнь нашей интеллигенціи свидѣтельствуетъ намъ, что „здраваго ученія—съ вѣрою и любовію во Христѣ Исусѣ“ (2 Тим. 1. 13) она не держится и вѣры „во святую, соборную и апостольскую Церковь“ не исповѣдуетъ. Въмѣсто же христіанской вѣры она создала такъ называемую личную вѣру въ свободу и компетенцію разума въ дѣлѣ религіи, независимо отъ Божественнаго Откровенія. Эта „новая—модная вѣра“ своимъ источникомъ имѣетъ естественно-научное міросозерцаніе и естественную мораль. Отсюда происходятъ всевозможныя ученія о прогрессѣ, коммунизмъ, альтруизмъ и различныя гуманитарныя и социальныя доктрины. Люди-же крайняго направленія проповѣдуютъ всему христіанскому міру свободу отъ всякой религіи, отъ всякихъ ограниченій духа и плоти. По ихъ мнѣнію, человѣчество уже настолько выросло и созрѣло умственно и нравственно, что теперь можетъ жить и управляться само собою. Современная культура открыла всѣ пути къ знанію, всѣ средства усовершенствованія частной и общественной жизни, которыми, будто-бы уже внѣ всякаго сомнѣнія, обезпечено будущее міровое счастье и благополучіе. Дерзость религіозно-анархической мысли доходить до того, что, по разсужденіямъ обезумѣвшихъ несчастныхъ проповѣдниковъ, „са-

мая ужасная книга въ христіанскомъ мірѣ, надѣлавшая больше вреда людямъ—это священная исторія ветхаго и новаго завета“ (Брошюра Л. Толстого: „Обращеніе къ духовенству“, книгоизд. „Обновленіе“, 1906 года, стр. 8.), а „Правительство—единственный тормазъ, задерживающій открытіе рая на землѣ“ (Его же брош.: „Патріотизмъ и правительство“, „Церковь и государство“, „Конецъ вѣка“, и многія другія популярныя сочиненія, въ огромномъ количествѣ распространенныя среди нашего христіанства послѣ Высоч. Манифеста 17 октября 1905 года). Какъ бы самъ „князь міра сего“ (Іоанн. 12, 31), въ лицѣ своихъ служителей, поднялъ отчаянную борьбу со Христомъ и Его послѣдователями. Невольно приходитъ на мысль, что, вслѣдствіе нравственнаго развращенія и безпечности христіанъ, врагъ рода человѣческаго не только сѣетъ на Христовой нивѣ „плевелы“ (Матѣ. 13, 25), а предпринимаетъ походъ противъ самаго христіанства въ намѣреніи уничтожить его. Здѣсь не мѣсто подвергать критикѣ естественно-научное міросозерцаніе и трактовать о безуміи (Псал. 52, 1—2) рационалистовъ, потому что это не составляетъ нашей задачи. Мы имѣемъ въ виду вопросъ о томъ, какъ отразилось это міросозерцаніе невѣрующей части интеллигенціи на простомъ народѣ.

Несомнѣнно, что плоды невѣрія на почвѣ естественно-научнаго міросозерцанія скоро дали знать себя не только въ средѣ образованной интеллигенціи, но и въ средѣ простого народа, живущаго въ селахъ и деревняхъ. Это, впрочемъ, и неудивительно, такъ какъ между поборниками научныхъ знаній есть много людей, жаждущихъ широкаго распространенія своихъ идей, заявляющихъ свои права на переустройство жизни народнои, на искорененіе „религіозныхъ суевѣрій“, хотя бы народъ и не имѣлъ ни малѣйшей надобности въ такомъ перерожденіи. Справедливость сказаннаго подтверждаютъ благонамѣренныя члены самой деревни, родившіеся и состарившіеся въ нѣдрахъ Православія. Послѣдніе теперь часто жалуются пастырямъ Церкви на усиливающееся

невѣріе, въ особенности въ молодомъ поколѣніи, чему помогаетъ тѣсное взаимоотношеніе между городомъ и деревней. Вольномысліе и нравственная распущенность начинаютъ сильно портить людей, которые еще такъ недавно служили оплотомъ Православія съ безавѣтной преданностью вѣрѣ, Царю и отечеству. По словамъ старыхъ людей, болѣе молодая поколѣнія совсѣмъ отбились отъ деревни. Увлекаемые желаніемъ приобрѣсти образованность культурныхъ городовъ, они бросаютъ на произволь судьбы свои семьи и дѣтей, не заботясь объ удовлетвореніи самыхъ необходимыхъ потребностей ихъ жизни. Побывъ въ городѣ, „хроническіе переселенцы“ возвращаются въ извѣстное время года на родную съ разбитыми чувствами, проклиная земледѣльческій трудъ и становясь въ ряды демонстрантовъ, открыто выражающихъ свое нерасположеніе къ Церкви, неуваженіе къ патріотическимъ чувствамъ своихъ отцовъ и дѣдовъ, бывшихъ воиновъ, спасавшихъ Россію своею кровію,—и также открыто и дерзко попирающихъ священные начала семейной жизни, эту первую основу всякаго общества и государства.

Церковь, говорятъ они, есть обманъ, выдумка, которою морочатъ невѣжественныхъ людей духовныя лица въ собственномъ разсчетѣ на наживу; „истинная вѣра можетъ быть вездѣ, только не тамъ, гдѣ она явно ложная, корыстная, насилующая—въ государственномъ строѣ“.—Государство есть жестокое явленіе, въ своей основѣ непримиримое съ гуманнѣйшимъ „новооткрытымъ“ ученіемъ „о непротизвленіи злу“, и, какъ таковое, не заслуживаетъ, чтобы его защищали, не щадя жизни.—Семья—это старинная члѣнная форма объединенія людей на почвѣ узкихъ интересовъ, непонятная въ наше время, когда всюду только и слышатся рѣчи о равноправности мужчинъ и женщинъ, о свободѣ чувствъ, труда и т. д. . . Если съ такимъ перерожденіемъ возвращаются дѣти изъ простыхъ и честныхъ христіанскихъ семей, то неудивительно, сколько слезъ, сколько разочарованій и разбитыхъ надеждъ переживаютъ ихъ родители, живущіе въ страхѣ

Возіємъ, въ глубокой вѣрѣ и благочестіи. Если-же невѣріемъ въ разумныя и здравыя начала жизни заражается отецъ семейства или старшій въ родѣ, то слѣдствіемъ того, какъ показываетъ жизнь, является нравственное разложеніе цѣлой семьи съ полнымъ разстройствомъ семейнаго порядка, влекущимъ за собою нищету и преступленія.

Такъ, коренное православное населеніе селъ и деревень, бывшее цѣлые вѣка украшеніемъ и гордостію нашего отечества, въ настоящее время сильно поколеблено въ своихъ жизненныхъ основахъ. Краснорѣчивой иллюстраціей „мірской неурядицы“ служатъ крестьянскіе сходы, которыми рѣшаются всѣ выдающіеся вопросы сельско-общественнаго характера. Что-же мы видимъ на нихъ? Несогласіе, раздоры, выходы самаго возмутительнаго свойства, оскорбляющія религиозное и нравственное чувство, — умничаніе выскочекъ изъ молодыхъ и почти совершенное отчужденіе отъ дѣла почтенныхъ старцевъ: послѣдніе совершенно лишаются какого-либо значенія, особенно если они къ тому-же „въ отсталыхъ отъ своего вѣка“. За отсутствіемъ нравственнаго критерія, признаваемаго единодушно всеми членами общества, рѣшеніе на сходахъ существенныхъ вопросовъ мѣстной жизни остается во власти завѣдомо негодныхъ людей. Страсть къ вину и безобразнымъ приключеніямъ, къ которымъ всегда бываетъ склонна уличная толпа, играетъ видную роль въ рѣшеніяхъ на сходахъ. Этой слабостію народа пользуются враги его, въ своихъ интересахъ подстрекающіе возбужденную толпу ко всевозможнымъ беспорядкамъ, стачкамъ, забастовкамъ, беспощадно лишая ее (толпу) чести, имущества, а иногда—и самой жизни.

Что „на міру“, — то же и въ семьѣ. Все меньше остается семействъ мирныхъ, добрыхъ, въ христіанскомъ смыслѣ этого слова, и благочестивыхъ. Все рѣже можно встрѣтить теперь домъ, въ которомъ-бы свято соблюдались христіанскія правила и обычай, строго исполнялся-бы законъ Божій, гдѣ-бы дѣти были воспитываемы на началахъ страха Божія и повиновенія взрослымъ. Обычное явленіе — семейные раздѣлы отца

съ дѣтьми, братьевъ между собою, удаленіе матерей отъ роли хозяйки. Внесеніе „новаго“ порядка въ семью, не считающагося съ добрыми народными обычаями, признается дѣломъ, на которое „виновники“ смотрятъ съ гордостію, а „необразованные“—съ завистью. Но тутъ еще половина бѣды. Настоящая гроза разразится надъ нашей родиной во всей своей силѣ, когда вступятъ въ жизнь современныя дѣти, достойные преемники своихъ отцовъ. Видя, какъ уваженіе къ власти, Церкви, правительству утрачивается постепенно ихъ родителями, дѣти съ малыхъ лѣтъ начинаютъ понимать, что задача ихъ жизни заключается въ томъ, чтобы ни отъ кого не зависѣть, никого не уважать, никому не быть ничѣмъ обязаннымъ,—словомъ, знать только себя. Неудивительно поэтому встрѣтить въ настоящее время дѣтей и особенно извольничавшихся подростковъ, которые свой разумъ ставятъ выше родительскаго, берутся безсмысленно рѣшать высшіе вопросы жизни религіозной и государственной, не вызывая однако надлежащаго вразумленія со стороны старшихъ.

Правда, все это въ извѣстной мѣрѣ было, конечно, и раньше, но тогда оно было явленіемъ, вызывавшимъ немедленное осужденіе въ собственной-же средѣ. Теперь такіе пороки носятъ характеръ эпидеміи и бахвальства. Итакъ, свѣтлый идеаль народной жизни, подъ вліяніемъ интеллигентскаго невѣрія, помраченъ. Но это не значитъ, что онъ уничтоженъ. Порча народной религіи и нравственности—на лицо, но она не означаетъ окончательной гибели духовныхъ сокровищъ народа.

Было-бы глубокой неправдой признать нравственную испорченность народа не поддающеюся исправленію, и безнадежно предоставить народъ собственной гибели; точно такъ-же нѣтъ основанія закрывать глаза на дѣйствительную жизнь и думать, что въ ней нѣтъ ничего дурного. Отношеніе къ вопросу о религіозности и нравственности въ жизни какъ интеллигенціи, такъ и простого народа, должно имѣть характеръ воодушевленной и единодушной борьбы за имя

Христово. Слова Апостола, что „весь міръ во злѣ лежитъ“ (1 Іоанн. 5, 19), правда, служатъ вѣрнымъ и точнымъ опредѣленіемъ того, что печальное положеніе всякаго общества является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ мірового зла, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они имѣютъ и другое значеніе,—они указываютъ намъ на то, что мы должны быть постоянно въ боевомъ положеніи, дабы отражать окружающее зло. Призывая къ Себѣ людей въ число учениковъ и послѣдователей Своихъ, Господь обѣщаетъ имъ благодатное, тѣсное съ Нимъ общеніе (ср. Іоанн. 14, 15—23) и „жизнь вѣчную“ (Іоанн. 3, 36). Но для того, чтобы сдѣлаться истиннымъ наслѣдникомъ обѣщанныхъ благъ, необходимо постоянно работать надъ самимъ собою, надо быть самоотверженнымъ борцомъ за Христа и Его ученіе. „Царствіе Божіе нудится“, говоритъ Онъ, „и только нуждницы восхищаютъ е“ (Мѣ. 11, 12). „Не думайте, что Я пришелъ принести миръ на землю; не миръ пришелъ принести Я, но мечъ“ (Мѣ. 16, 34).

Вотъ основаніе для борьбы истиннаго человѣка-христианина съ внутренними и внѣшними врагами вѣры Христовой. Къ этой борьбѣ должны побуждать насъ и другіе мотивы, между которыми первое мѣсто занимаетъ сознаніе нашей отвѣтственности предъ Богомъ какъ за самихъ себя, такъ и особенно за грядущее поколѣніе „Горе человѣку, чрезъ котораго соблазнъ приходитъ; горе тому, кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ“ (Мѣ. 18, 7; Лук. 17, 1—2).

Всѣ мы—наслѣдіе пережитого; хорошее и дурное въ насъ суть отраженія истекшихъ лѣтъ. Поэтому, и слѣдующіе за нами потомки, въ большей или меньшей степени, будутъ похожи на насъ. Нечестіе и невѣріе отцовъ и матерей, живущихъ „по стихіямъ вѣка сего“ (Колос. 2, 8), тяжело отразится на дѣтяхъ ихъ. „Азъ бо есмь Господь Богъ твой, Богъ ревнитель, отдавая грѣхи отцевъ на чада до третьяго и четвертаго рода ненавидящимъ Мене“ (Исх. 20, 5), говорится въ Словѣ Божіемъ.

Руководящимъ началомъ жизни для всякаго христіанина должны быть Евангельскіе идеалы, какъ они переданы Боговдохновенными писателями (Мѡ. 5, 48; 22, 36—40 и др.). Здѣсь нѣтъ нужды въ какомъ-либо перетолкованіи: это уже будетъ человѣческое изобрѣтеніе, само нуждающееся въ провѣркѣ и обоснованности. Евангельскія заповѣди должны стать нашею жизнью, осуществиться въ ней. Спаситель говорилъ: „Что Мя зовете: Господи, Господи, и не творите, яже глаголю“ (Лук. 6, 46). И Апостоль указывалъ: „Царствіе Божіе не въ словеси, а въ силѣ“ (1 Кор. 4, 20). Ученые представители невѣрующей интеллигенціи, которымъ, благодаря наукѣ, слѣдовало-бы все больше убѣждаться въ премудрости Творца и Вседержителя (Римл. 1, 20), тщетно слятся стереть съ лица земли вѣру, этотъ, по ихъ мнѣнію, „первобытный предрасудокъ“, и Церковь, ея хранительницу. Церковь непоколебима, хотя бы даже всѣ адскія силы возстали для ниспроверженія ея (Мѡ. 16, 18).

Что касается вопроса о единеніи интеллигенціи съ Церковію и народомъ, то въ этомъ вопросѣ мы приходимъ къ увѣренности и убѣжденію, что внѣ „христіанскаго здоровыя мысли и единства вѣры въ союзѣ міра“ (1 Кор. 2, 16; Еф. 4, 3) не можетъ быть и рѣчи о единеніи. Самый характеръ вопроса, его важность и значеніе показываютъ, что осуществленіе его—не въ силахъ людей. Однако, что „невозможно для человѣка, возможно для Бога“ (Мѡ. 19, 26).

Тяжкія историческія бѣдствія служатъ лучшимъ испытаніемъ жизненности того или другого народа. Одни народы падаютъ подъ давленіемъ постигшаго несчастія, силы духа и бытовья силы исчерпываются, и они кончаютъ свое существованіе; другіе, наоборотъ, встаютъ обновленными и еще болѣе возвеличенными. Къ категоріи послѣднихъ принадлежала Россія за весь періодъ своего тысячелѣтняго существованія. Не разъ налагалась на нее безопазная рука враговъ ея; цѣлыя столѣтія находилась она подъ гнетомъ чужихъ владычицъ (татарское иго) и однакоже всегда выходила живой.

неразрушенной: народъ никогда не терялъ своей самобытности, а, напротивъ, самъ оказывалъ влияніе на своихъ противниковъ. Національная устойчивость воспитывалась на церковности. Съ этой стороны поддержкой для народа изстари служило русское православное духовенство, несмотря на то, что во всё вѣка условія существованія его были крайне тяжелыя. Являясь орудіемъ христіанской проповѣди, нося въ себѣ „глаголы живота вѣчнаго“ духовенство, какъ „истинный стражъ дома Израилева“ (Иезек. 3, 17.), хранило силы и сокровища народнаго духа отъ ихъ расточенія и гибели въ трудныя минуты жизни нашего отечества. И въ настоящее время его миссія велика и знаменательна: оно должно быть примиряющимъ центромъ двухъ вышеуказанныхъ элементовъ. Для возрожденія церковно-религіозныхъ идеаловъ древности необходимо, чтобы образованный классъ русскаго общества возобновилъ расторгнутый священный союзъ съ народной вѣрой и благочестіемъ. Въ этомъ—залогъ цѣлости и жизнениности нашего отечества. Тогда безслѣдно заживуть тѣ многочисленныя раны, которыя за послѣдніе годы отовсюду нанесены нашей родинѣ внѣшними и внутренними врагами ея. Россія еще болѣе возвеличится подъ сѣнію оживившейся христіанской церковности. Будетъ жива Церковь,—останется цѣлымъ и живымъ и государство, потому что если Церкви обѣщана „неодолимость“ (ср. Мѡ. 16, 18), то, слѣдовательно, и тому народу, который будетъ искренно и беззавѣтно преданъ ей, имѣя истинное убѣжденіе, что, вѣра его и есть для него „побѣда, побѣдившая міръ“ (1 Іоанн. 5, 4).

Свящ. *Василій Вазановъ.*

Къ церковной борьбѣ съ алкоголизмомъ.

Въ приходѣ Покровско-Коломенской города С.-Петербурга церкви, желающіе, при помощи Божіей, укрѣпить себя подъ покровомъ Царицы Небесной въ воздержаніи отъ упот-

ребленія спиртныхъ напитковъ и пороковъ, обычно соединяющихся съ нимъ (денежныя игры, произнесеніе скверныхъ словъ и т. п.), даютъ въ этомъ торжественное обѣщаніе предъ храмовою иконою послѣ молебнаго пѣнія, совершаемаго по такому, особо составленному, чину:

Послѣдованіе молебнаго пѣнія при явленіи обѣна трезвости.

По увѣщаніи священника, обычное начало. Великая ектенія:

Миромъ Господу помолимся.—Господи помилуй.

И прочая. Послѣ же: О плавающихъ...

О еже простити всякое прегрѣшеніе вольное и невольное раба своего (имя рекъ) и о еже милостиву быти къ нему, Господу помолимся.

О еже не помянути грѣхи юности и невѣдѣнія его, но милостивно спасеніе и воздержаніе ему даровати, Господу помолимся.—

О еже посѣтити его посѣщеніемъ Святаго своего Духа и исцѣлти всякъ недугъ и всяку страсть, въ немъ гнѣздящуюся, Господу помолимся.—

О еже благословити доброе намѣреніе и дѣло раба своего (имя рекъ), и благословити благополучно начати, и свѣшно, кромѣ всякаго преткновенія скончати, силою, дѣйствіемъ и благодатію Пресвятаго Духа, Господи помолимся.—

О еже приставити ему и дѣлу его ангела хранителя, во еже невидимо отразити вся противныя вещи видимыхъ и невидимыхъ врагъ, и подати ему къ совершенію силу и во всемъ благопоспѣшество, силою, дѣйствомъ и благодатію Пресвятаго Духа, Господи помолимся.—

О еже избавитися ему же и намъ отъ всякія скорби, гнѣва и нужды, болѣзни и печали, Господу помолимся.—

Заступи, спаси, помилуй... Пресвятую, пречистую, преблагословенную.

Возгласъ: Яко подобаетъ...

Богъ Господь... гласъ 6 и тропарь: Скорый въ заступленіе и крѣпкій въ помощь, единъ сый Христе, скорое свыше покажи посѣщеніе страждущему рабу твоему и избави его отъ страстей и горькихъ болѣзней; благослови, укрѣпи его, и въ совершеніе намѣреніе благаго дѣла раба Твоего спѣшно произведи: вся бо, елика хоцещи, яко сильный Богъ, творити можеша.

Слава и нынѣ, гласъ 4: Днесъ благовѣрнии людіе... тропарь Покрову Пресвятыя Богородицы.

Запѣвы на канонѣ: Исусе сладчайшій, спаси насъ! Пресвятая Богородице, заступи насъ! Все святіи, моляте Бога о насъ! Слава и нынѣ.

По малой Ектеніи возгласъ: Яко благъ...

Прокименъ: Буди, Господи, милость Твоя на насъ, якоже уповахомъ на Тя.

Евангеліе: Іоанна гл. XIV, ст. 10—21. (По Евангелиѣ тѣ же запѣвы).

Кондакъ: Не имамы нынѣ помощи... Слава и нынѣ: Подъ Твою милость...

Ектенія: сугубая: Помилуй насъ, Боже...

Не хотяи смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему, помози и помилуй страждущаго раба Твоего (имя рекъ), исцѣли болѣзни, уврачуй страсти души и тѣла его: и яко благосердъ прости ему вся прегрѣшенія его вольная и невольная, и скоро воздвигни его отъ пути погибели, молимъ Ти ся, услыши и помилуй.

Поспѣшествуй всѣмъ во благое, Господи Спасе нашъ, помози милостивно и рабу Твоему (имя рекъ), съ нами Тебѣ молящемуся и въ благополучное совершеніе благому намѣренію его спѣшно произвестися, благослови, молимъ Ти ся, всемогущій Владыко, услыши и помилуй.

Въ славу Твою вся творити повелѣвый, Господи, рабу Твоему (имя рекъ), къ Твоей славѣ дѣло начинающему, благословеніемъ Твоимъ поспѣшество благополучное съ доволь-

ствомъ къ совершенію подаждь, здравіе ему' со благоденствіемъ даруй, молимъ Ти ся, вседаровитый Творче, услыши и милостивно помилуй.

Призри, Владыко Человѣколюбче, милостивымъ окомъ Твоимъ на раба Твоего (имя рекъ) и услыши моленія наша. съ вѣрою Тебѣ приносимыя, самъ бо реклъ еси: вся, елика молящеся просите, вѣруйте, яко пріимете и будетъ вамъ; и наки: просите и дастся вамъ: сего ради и мы, аще недостойни, уповающе на милость Твою, просимъ: подаждь благость рабу Твоему сему (имя рекъ) и исполни благая желанія его, мирно же и тихо въ благочестіи и чистотѣ вся дни его соблюдать: рцемъ вси, скоро услыши и милостивно помилуй.

Возгласъ: услыши ны, Боже... Господу помолимся: Господи помилуй.

Затѣмъ читается самымъ дающимъ обѣтъ во всеуслышаніе слѣдующее молитвенное обѣщаніе: Владыко Господи Иисусе Христе, Сыне Божій! Азъ недостойный рабъ Твой (имя рекъ), познавъ всю пагубу страстей, обуревающихъ мя, и грѣховъ, отъ нихъ исходящихъ, предъ иречистымъ образомъ Пресвятыя Матери Твоея, Препоблагословенныя Владычицы нашей Богородицы, симъ изъявляю твердое намѣреніе и даю крѣпкое обѣщаніе не пить вина и ничего хмѣльнаго, а также не склонять къ тому и другихъ, равно не принимать никакого участія въ различнаго рода зазорныхъ играхъ и не произносить скверныхъ и гнилыхъ словъ¹⁾ въ грядущее время—отъ сего дня впредь на столько-то (мѣсяцевъ или годовъ).

О, Премилосердый и Всещедрый Иисусе Христе! Благослови благое намѣреніе мое сіе и помози ми, слабому и немощному рабу Твоему, силою Честнаго и Животворящаго Креста, молитвами Всепречистыя Владычицы нашей Бого-

¹⁾ Последніе два обѣта присоединяются оба или одинъ изъ нихъ смотря по желанію и усердію обѣщающагося.

родины и всѣхъ святыхъ Твоихъ, благополучно совершити его къ славѣ Твоей и во спасеніе души моей! Аминь.

„Ко Пресвятѣй Владычицѣ Богородицѣ помолимся: Пресвятая Богородице, спаси насъ“!

Священникъ читаетъ молитву Покрову Пресвятыя Богородицы: Царице наша преблагая, надежде наша Пресвятая, пріятелище сирымъ и страннымъ заступнице, бѣдствующихъ помощи и озлобляемыхъ покрове, зриши нашу напасть, зриши нашу скорбь: отовсюду искушеніемъ одержимы есмы, а заступающаго нѣсть. Ты убо сама помози намъ, яко немощнымъ, окорми насъ, яко странныхъ, настави, яко заблудшихъ, уврачуй и спаси, яко безнадежныхъ. Не имамы бы инныя помощи, ни иного предстательства, ни утѣшенія, токмо Тебе, о Мати всѣхъ скорбящихъ и обремененныхъ! Призри убо на насъ грѣшныхъ и во озлобленіи сущихъ и покрый насъ пречистымъ омофоромъ Твоимъ, да избавлены будемъ отъ злыя, насъ обышедшихъ, и восхвалимъ выну пренѣтое имя Твое. Аминь.

По прочтеніи сей молитвы, на дающаго обѣтъ возлагается обѣтный образокъ, на одной сторонѣ котораго находится изображеніе Божіей Матери съ омофоромъ и слова: „исполняй обѣты твои“ (вверху) и „Наума 1. 15“ (внизу изображенія). На другой сторонѣ помѣщено изображеніе великаго Ока и текстъ: „будемъ бодрствовать и трезвиться“ (1 Фессал., V, 6¹).

Совершается обычный отпустъ: и послѣ должнаго наставленія священникъ вручаетъ общающемуся лэсткы и книжки о трезвости, а также и особую „обѣтную грамоту“ (См. стр. 161).

Послѣ сего въ притворѣ церкви производится запись давшаго обѣтъ въ особую книгу трезвенниковъ; правая сторона каждой страницы этой книги отрывается и выдается давшему обѣтъ.

¹) Образки эти можно получать изъ склада Общества религ.-нравств. просвѣщенія—С.-Петербургъ, Стремяная ул., д. 20. (Цѣна 6—8 р. за 100).

Справочный Листокъ.

№ .....

№ .....

19 .. г., ... дня.

19 .. г., ... дня,

Фамилія, имя и отчество: .....

Званіе: .....

Лѣта: .....

Родъ занятій или службы: .....

Семейное положеніе: .....

Насколько времени даетъ обѣтъ? .....

Въ который разъ даетъ обѣтъ? .....

Исполнилъ-ли давній обѣтъ? .....

Если не исполнилъ, то почему? .....

Мѣстоженительство: .....

Сколько внесъ пожертвованія? .....

Особья примѣчанія:

Для поддержанія соответственнаго настроенія трезвенниковъ еженедѣльно по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ они приглашаются въ залъ церковно-приходской школы, гдѣ имъ предлагаются различнаго рода чтенія съ туманными картинами, устраивается пѣніе молитвъ и пѣсенъ патріотическаго содержанія; исполняются музыкальныя пьесы на виолончели и фисгармоніи, иногда въ сопровожденіи скрипки; выдаются книги для чтенія изъ существующей при школѣ бібліотеки.

далъ обѣтъ трезвости
на (срокъ) .....
въ Церкви Покрова
Пресвятыя Богородицы, что въ Коломнѣ въ Сиб., и
внесъ пожертвованія

Протоіерей означенной Церкви.

Когда даешь обѣтъ Богу, то не медли исполить его. Евкл. 5, 3.

Молись!

Трезвись!

ОБѢТНАЯ ГРАМАТА.

Во ѿмѣ Оца и Сна, и Свѣтлоу Дху.

Дана сія возлюбленному о Господѣ брату нашему

въ томъ, что онъ, пришедъ въ себя, въ Церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, предъ пречистымъ образомъ Ея, изъявилъ твердое намѣреніе и далъ крѣпкое обѣщаніе не пить вина и ничего хмѣльнаго, а также не склонить въ тому и другихъ, равно не принимать никакого участія въ различнаго рода предосудительныхъ играхъ и не произносить скверныхъ, гнилыхъ словъ, срокомъ на .....

Въ чемъ и да поможетъ ему Господь Богъ силою Честнаго Животворящаго Креста, заступленіемъ Всепречестыя Владычицы нашей Богородицы и молитвами веѣхъ святыхъ! Аминь.

Настоятель Церкви Покрова Пр. Богородицы

.....

Лѣ .....

С.-Петербургъ, Покровская площадь.

Учи сѣ!

Трудись!

Не упивайтесь виномъ .., но исполняйтесь духомъ. Евфес. 5, 18.

(Прилож. къ ж. „Народн. Образ.“)

Никто... иречь да не предаетъ предосудительной ирѣ. У Вселенск. Собор., ирв. 50.

Никакое гнилое слово да не ведомитъ изъ устъ вашихъ. Евфес. 4, 29.

ЗАМѢТКА.

О нетлѣннѣи мощей святителя Гермогена, патріарха всероссійскаго.

— На засѣданіи юбилейной комиссіи, по поводу празднованія въ будущемъ году историч. юбилеевъ, протопресвитеръ В. Успенскаго собора въ Москвѣ В. С. Марковъ прочелъ докладъ „О нетлѣннѣи мощей страдалца за православіе патріарха Гермогена“, замученнаго голодомъ поляками и скончавшагося 17-го февраля 1612 года въ подземельи подъ Михайловской церковью Чудова монастыря, гдѣ погребено было его тѣло. Иконоумъ, когда онъ былъ еще новгородскимъ митрополитомъ, по ходатайствованю было перенесеніе гроба съ тѣломъ мученика-патріарха изъ Чудова монастыря въ Успенскій соборъ; когда вскрыли могилу, оказалось, что деревянный гробъ распался, а тѣло патріарха было найдено нетлѣннымъ. Священные останки были облечены въ новыя святительскія одежды, положены въ дубовый гробъ и перенесены въ Успенскій соборъ, гдѣ и положены поверхъ земли, подъ надгробіемъ возлѣ иатра съ Ризой Господней, въ юго-западной части собора. Въ 1812 г. французы выбросили мощи изъ гроба. Они были найдены послѣ бѣгства непріятеля на полу, вновь облечены въ одежды изъ темн-зеленаго бархата съ золотомъ и посажены въ новый дубовый гробъ на прежнему мѣстѣ. Въ 1883 г. когда въ соборѣ производился ремонтъ къ коронаванію Императора Александра III, со стѣны сорвался громадный камень, который пробилъ каменное надгробіе и разбилъ гробъ, въ которомъ находились мощи. Въ присутствіи сакелларія и другихъ соборянъ камень былъ вынутъ изъ гроба, причемъ одежды оказались въ нѣлости, а мощи были найдены нетлѣнными. Тогда же была сдѣлана новая крышка къ гробу. О. Марковъ сообщилъ также о нѣсколькихъ случаяхъ исцѣленій по молитвамъ предъ гробомъ святителя, извѣстія о коихъ идутъ съ конца 18 столѣтія до послѣдняго времени (Костромск. Еп. Вѣд. № 2).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій

Печатать дозволяется. Кіевъ, 9-го февраля 1911 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Типографія Акціонер. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицагс, Меринг. у.

ГОДЪ

III

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 8

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1911-го года 20-го февраля.

Содержаніе: I. Православіе и русская народность, какъ основы воспитанія. Кир. Тихомировъ.—II. Неудача. Свящ. В. Пестряковъ.—III. Библия и есте-
ствознавіе. Пер. Н. П. Селивановской.—

Православіе и русская народность. какъ основы воспитанія.

Вопросъ о воспитаніи имѣеть теперь значеніе вопроса государственной важности, и причина такой важности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и жизненной свѣжести его понятна каждому. Воспитаніе это одна изъ тѣхъ могучихъ силъ, которыя способны двигать по извѣстному направленію жизнь общества и цѣлаго государства. Вотъ почему многіе недостатки въ этой жизни чаще всего приписываются ошибкамъ воспитанія. Вотъ почему въ тѣ моменты, когда недостатки эти особенно ясно всплываютъ въ общественномъ сознаніи, вопросы воспитанія становятся уже злобою дня. Едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что въ настоящее время мы переживаемъ именно

одинъ изъ такихъ моментовъ. Теперь вопросы о воспитаніи обсуждаются съ большимъ интересомъ и, нерѣдко съ увлеченіемъ, и въ обществѣ, и въ Гос. Думѣ, и въ печати. А потому считаемъ и мы не лишнимъ сказать нѣсколько словъ по сему злободневному вопросу,— хотя спѣшимъ напередъ оговориться, что ничего новаго, еще неизвѣстнаго, мы и не мечтаемъ сказать, а желаемъ лишь напомнить еще разъ то, что *никогда* не должно подлежать забвенію.

Въ душѣ русскаго народа заложена Творцомъ, какъ самая характерная черта ея, особенная жажда религіозной истины, ясно сказавшаяся какъ въ нормальныхъ явленіяхъ религіозно-церковной жизни народа, такъ даже въ самыхъ религіозныхъ заблужденіяхъ его. Уже принятіе христіанства является здѣсь актомъ свободнаго исканія религіозной истины душою, не удовлетворявшеюся язычествомъ, а не слѣдствіемъ политическаго преобладанія, культурнаго давленія, или религіозной пропаганды, чаще всего вліяющихъ на перемену народомъ своей вѣры. Найдя затѣмъ полное удовлетвореніе всѣмъ существеннымъ нуждамъ своего духа въ высокихъ истиннахъ Евангелія, русскій народъ всѣми силами своими старается сохранить это сокровище въ цѣлости и, слишкомъ дорожа имъ, слишкомъ боясь поврежденій и искаженій въ немъ, переходить здѣсь границы должнаго, вызывая расколъ старообрядчества. Такимъ образомъ, отличительно — русскій идеаль, какъ мѣтко выразился и проповѣдникъ нашего самоотреченія, есть идеаль „святости“. Въ то время какъ французъ говоритъ о прекрасной Франціи и о французской „славѣ“, англичанинъ съ любовью говоритъ: *старая* Англія, а нѣмецъ съ національною гордостью превозноситъ нѣмецкую *честность*, русскій народъ свою благоговѣйную любовь къ родинѣ выражаетъ не иначе, какъ словами: „святая Русь“¹⁾.

Но что же дѣлаетъ Русь „святою“, въ чемъ святость ея, какъ не въ той вѣрѣ отцовъ ея, хранить которую отъ

¹⁾ В. Соловьевъ. Православ. Обзор. 1884 г. кн. 4 стр. 809—810.

всякихъ поврежденій послѣ паденія Византіи есть священ-
ный жребій русскаго народа, историческое призваніе вели-
каго русскаго государства! И какъ не хранить ее, эту вѣру
православную, когда она пробудила и призвала къ истори-
ческой жизни нашихъ полудикихъ предковъ, связала ихъ въ
одинъ народъ, объединила одною духовною идеей, одною
церковно-славянскою рѣчью и грамотой, воспитала и выра-
ботала ихъ идеалы, ихъ воззрѣнія на человѣка, на цѣль и
значеніе его земного существованія; когда она въ семьѣ
осмыслила и опредѣлила власть и обязанности отца и взаим-
ныя отношенія всѣхъ членовъ семьи; въ общественной жизни
установила внутренній строй и порядокъ и мирныя, въ духѣ
вѣротерпимости и дружелюбія, отношенія православныхъ жи-
телей къ инородцамъ и иновѣрцамъ; въ государственной
жизни—опредѣлила и утвердила въ сознаніи православнаго
народа значеніе и идеаль верховной царской власти и отно-
шеніе къ ней всего народа. По ученію православной вѣры,
русскій народъ признаетъ на русской землѣ одну верховную
власть—царскую, не допуская двоевластія. Свое воззрѣніе
на обязанности и власть отца въ семьѣ русскій человѣкъ
переноситъ и на царскую власть въ государствѣ. Въ доброй
православной семьѣ нѣтъ другой власти сильнѣе отцовской;
отецъ есть ревностный сынъ Церкви; самъ подчиняется и
требуетъ отъ своихъ чадъ и домочадцевъ подчиненія ея уста-
вамъ. По тому же православному воззрѣнію, царь есть избран-
никъ и помазанникъ Божій, отецъ народа, первый сынъ
Православной Церкви, ея ревнитель, оберегатель и поборникъ.

Таковы идеалы и жизненныя начала семьи и государства,
утвердившіеся въ Россіи подъ вліяніемъ православія. Если
русскій народъ извѣрится въ православіи и сдѣлается легко
доступнымъ другимъ неправославнымъ ученіямъ, то онъ из-
вѣрится и въ тѣхъ семейныхъ, общественныхъ и государ-
ственныхъ началахъ и формахъ, которыя созданы и сохра-
няются православіемъ. Ни католицизмъ, чуждый духу рус-
скаго человѣка съ его пониманіемъ христіанской свободы и

авторитета Церкви, ни протестантизмъ, совершенно противный русскому смиренію. этой коренной чертѣ нашего народа и этому первому основанію истинно-религіознаго характера, не могутъ удовлетворить религіозныхъ потребностей русской души. Только Церковь Православная, ясно раздѣляющая области Божескую и человѣческую, уравнивающая авторитетъ и свободу, неизмѣнно исповѣдующая Богооткровенное ученіе, вполне отвѣчаетъ всему складу русскаго народа, — чуждаго характера насильственности романо-германскихъ племенъ, напротивъ, проникнутаго самою широкою терпимостью, преисполненнаго поразительнымъ терпѣніемъ, выработаннымъ трудными подвигами тысячелѣтней жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ богатаго благодушіемъ, непоколебимаго никакими житейскими невзгодами, — и самой широкой гуманностью. Вотъ почему вѣра православная и никакая другая, какъ изстари, такъ и понынѣ направляла и направляетъ каждый шагъ въ жизни русскаго человѣка, являющагося болѣе и прежде всего сыномъ своей Православной Церкви. Поэтому же она для него и дороже всего на свѣтѣ.

Крѣпко вѣрилъ нашъ предокъ — русскій человѣкъ! Оттого-то и рассыпалось пылью все, что становилось поперекъ его историческаго пути, начиная съ Тамерлана, продолжая поляками и кончая Наполеономъ. Тамерланы на улицѣ халаты продаютъ, — Польша безвозвратно на три части раздѣлена, а пушки Наполеона, подъ русскими орлами, Московскій Кремль украшаютъ.

Но начиная уже съ XVIII в., русскій правящій и руководящій классъ сталъ отдѣляться отъ народа; стало создаваться „общество“, все болѣе и болѣе воспитывавшееся въ духѣ Запада, проникавшееся разнообразными иностранными теоріями, представлявшими противорѣчія требованіямъ и основамъ русской жизни и приводившими все къ болѣшей и болѣшей розни и отчужденію общества отъ народа. Всевозможныя доктрины со своими абстрактными идеалами, освобожденныя отъ всякой религіозной основы, отвлекали отъ

стремленія къ высшему политическому и религіозному идеалу. Наступила пора сомнѣнія въ своихъ силахъ, своихъ правахъ, своемъ призваніи; рвались связи съ преданіями и историческими завѣтами, искоренялось всякое уваженіе къ нимъ, а затѣмъ, естественно, наступилъ періодъ упадка нашей православной вѣры, а вмѣстѣ съ нимъ по отношенію къ своему родному настало какое-то странное, совершенно противоположенное равнодушіе, которое начинаютъ уже называть отличительною чертою русской націи, по крайней мѣрѣ въ высшихъ слояхъ ея. Было-бы не у мѣста входить въ болѣе подробный разборъ причинъ этого печальнаго явленія и въ оцѣнку тѣхъ результатовъ, какіе породило оно на нашей русской землѣ. Мы отмѣчаемъ только печальный фактъ крайне слабой связи русскаго, интеллигентнаго человѣка съ его родною жизнью, съ ея бытомъ и обстановкою, со всѣмъ ея укладомъ. И странно не столько предпочтеніе началъ жизни Запада само по себѣ, сколько именно это равнодушное, безучастное отношеніе къ своему, *прямое* и какое то *упрямое* нежеланіе даже ближе познакомиться съ нимъ.

Къ сожалѣнію, эта черта начинаетъ проявляться нынѣ и въ нашемъ простомъ народѣ. Вѣковые устои, выросшіе безсознательно въ душѣ его, стали рушиться при соприкосновеніи съ культурой; да и какъ имъ не рушиться, когда каждый ителлигентъ, котораго только гдѣ либо видитъ крестьянинъ, даже свой братъ мужикъ, прожившій въ городѣ или даже вернувшійся съ военной службы, стараются на каждомъ шагѣ показать, что его мужицкая вѣра не нужна и всѣ его добрые русскіе обычаи—одна темнота и суевѣріе. „Учатся, учатся, да и заучатся“, спокойно и умно отвѣчалъ бывало нашъ темный крестьянинъ, наблюдая это пренебреженіе образованнаго человѣка къ народной вѣрѣ. Но теперь такихъ ученыхъ слишкомъ ужъ много видитъ нашъ мужикъ, такъ много, что и его самого иногда беретъ сомнѣніе въ правдѣ того, чему поклоняется, что свято чтить темная деревня.

Особенно нужно сказать про тѣхъ, кого судьба забросить жить въ городѣ. То, что выросло на почвѣ бессознательной традиціи, легко разрушается, соприкасаясь съ логикой и доводами разсудка, особенно, если на сторонѣ ихъ соблазнительныхъ стремленій и страстей. Вотъ почему первая и необходимая задача осмыслить для народа его религіозный бытъ и укладъ, заранѣе указавъ ему и отрицательныя стороны такъ называемой цивилизаціи.

Къ счастью въ послѣднее время все чаще и настойчивѣе раздаются голоса въ обществѣ и въ Гос. Думѣ истинно-русскихъ людей, призывающіе возвратиться *къ себѣ, домой, узнать себя*, а для этого внимательно всмотрѣться во всѣ подробности, во всѣ даже мельчайшіе штрихи въ чудной исторической картинѣ великой Руси. Только такимъ образомъ мы сумѣемъ правильно понять и оцѣнить свои силы и способности, свои достоинства и недостатки, а понявъ и оцѣнивъ ихъ, навѣрное усиѣемъ полюбить то, что есть у насъ достойнаго любви, во всякомъ случаѣ только такимъ путемъ и можно найти истинно національную основу для нашего воспитанія: ее можетъ указать только народная психологія. Коренной вопросъ нашей педагогикѣ—оставивъ свой нынѣшній путь пересаживанія на русскую почву приемы и методы, выработанныхъ Западомъ, проникнуть въ душу своего народа, понять его особенности, и уже на почвѣ этихъ національно-психологическихъ данныхъ выработать свою систему воспитанія. Начала религіи христіанской, но именно въ ея восточной формѣ, ту вѣру православную, которой искони жилъ и живетъ русскій народъ, необходимо положить краеугольнымъ камнемъ и его воспитанія. Если всякая истинная педагогика должна быть непременно христіанской, то наша русская педагогика должна быть христіанскою—православною прежде всего, по преимуществу: этого требуютъ не только высота началъ христіанской морали вообще, но и особенности нашей русской народности, особенная располо-

женность нашей святой Руси жить именно идеалами своей истинной православной вѣры.

Созидаясь на этой первой, необходимой, ничѣмъ не замѣнимой національно-христіанской основѣ своей, наша система воспитанія должна быть національно-русскою и по всему построению своему. Она должна направляться къ развитію, прежде, всего, *своихъ русскихъ* силъ въ питомцѣ. Поэтому на видномъ мѣстѣ въ ней должно быть поставлено то, въ чемъ наиболѣе рельефно выразилось наше русское міровоззрѣніе, наше національное самосознаніе, вообще все, что знакомитъ и сближаетъ юное развивающееся поколѣніе съ его великой родиной. Это—родной языкъ, наша родная словесность, русская исторія, русская географія, наше русское право, зачатки нашей философіи, наше искусство и т. д. Изучая все это, мы какъ-бы читаемъ въ самой душѣ нашего народа.

Близко къ своему народу становится человѣкъ, въ частности вчитываясь въ страницы своей исторіи, всматриваясь въ тѣ извилистые пути, по которымъ шель этотъ народъ. Здѣсь, на страницахъ своей исторіи *русскій* человѣкъ узнаетъ и ту силу, которая собрала воедино раздробленную „Россію“, узнаетъ и пойметъ, что только *въ самодержавіи* залогъ политической крѣпости и могущества русскаго народа. Именно здѣсь заключается одно изъ вѣрнѣйшихъ средствъ для развитія того истиннаго чувства любви къ своему Богу данному, русскому православному Царю-Отцу, всегда вѣдающему нужды своего народа и неустанно пекущемуся о его благополучіи,—которое послѣ вѣры православной является самымъ кореннымъ чувствомъ въ груди русскаго народа. Удовлетворить эту насущную потребность русскаго человѣка, согрѣть и развить это естественное національное чувство въ его сердцѣ—одна изъ первыхъ священныхъ обязанностей русской школы и русскаго воспитанія вообще. А лучшимъ средствомъ для этого и служить своя родная исторія.

Но не только въ исторіи, а во всѣхъ вообще явленіяхъ чисто русскаго характера открываются источники и пути для познанія Россіи, для пониманія ея особенныхъ, индивидуальныхъ силъ и стремленій, а слѣдовательно—и для развитія ихъ въ юныхъ душахъ воспитывающагося поколѣнія. Поэтому *родиноубѣдѣніе* въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, должно проникать всю систему нашего воспитанія, отъ начала и до конца ея,—не ограничиваясь лишь нѣсколькими специальными предметами, а отражаясь на всей программѣ обученія, какъ особый педагогическій принципъ, пользующійся всякимъ поводомъ, во всѣхъ предметахъ, для выясненія или хотя-бы отгѣненія и углубленія пониманія своей родной жизни.

Держимъ вѣрить и надѣяться, что настанетъ время и, быть можетъ, оно уже недалеко, когда и наша жизнь и наша школа уже твердо станутъ на этихъ—*своихъ родныхъ*, а потому истинно-благотворныхъ—началахъ нашей вѣры православной и нашей русской народности.

Кир. Тихомировъ.

Неудача.

О. Анатолий Зарницкій почитываль „Свѣтъ“ и „Московскія Вѣдомости“ по деревенски, не спѣша, съ прохладцей. Слѣдя внимательно за тѣмъ, что дѣлалось по городамъ, онъ не разъ возносилъ хвалу Богу за то, что Онъ поставилъ его іереемъ въ селѣ Зарѣчьѣ, а не въ городѣ.

— Трудненько нашему брату служить теперь въ городѣ, говариваль онъ женѣ. Соціалисты, сектанты, невѣрующіе интеллигенты—со всѣми ими приходится имѣть дѣло городскимъ священникамъ, обличать, вразумлять... Тутъ и ума, и знанія, и труда нужно не мало. У насъ—Божія милость,—простой вѣрующій народъ, смиренный,—совсѣмъ не знаетъ городскихъ заблужденій и выдумокъ. Съ нимъ можно спокойно жить и спокойно умереть.

— Живо откликаясь на каждое, даже незначительное явление въ своемъ приходѣ, зная, чѣмъ живетъ и о чемъ думаетъ каждый его прихожанинъ, о. Анатолій свои отношенія къ прихожанамъ переносилъ и на городскихъ іереевъ и часто болѣлъ за нихъ душой. Читая вслухъ матушкѣ, большой любительницѣ сенсационныхъ процессовъ, отчеты судебныхъ засѣданій, о. Анатолій при каждомъ громкомъ процессѣ, тяжкомъ преступленіи не упускалъ случая пожалѣть и городскихъ собратьевъ.

— Бѣдные, какъ они себя чувствуютъ, читая, а, можетъ быть, и слушая такіа дѣла...

— Батюшкамъ что за дѣло до этихъ преступленій, причемъ они тутъ, — возражала Надежда Ивановна, его супруга.

— Какъ причемъ? Не чужіе, а свои, духовныя дѣти, прихожане совершаютъ такіа дѣла. Духовенство что-же дѣлаетъ, куда смотреть?—каждый вправѣ это спросить. Не хотѣлъ бы я быть на ихъ мѣстѣ... Куда лучше и милѣ наша деревня...

Съ этимъ никогда не могла согласиться Надежда Ивановна. 25 лѣтъ душа въ душу прожили Зарницкіе въ супружествѣ, но во взглядахъ на городскую жизнь никогда сойтись не могли. И чѣмъ больше они приближались къ старости, чѣмъ больше украшался о. Анатолій сѣдиной и знаками отличія, тѣмъ больше каждый изъ нихъ укрѣплялся въ своихъ мысляхъ: о. Анатолій приросталъ къ землѣ, къ деревнѣ, Надежда Ивановна рвалась въ городъ.

Знаменательное событіе--полученіе о. Анатоліемъ наперстнаго креста—едва не привело супруговъ къ ссорѣ и все изъ за города!..

Полюбовавшись вдоволь новенькимъ позолоченымъ крестомъ на груди супруга, Надежда Ивановна съ благоговѣніемъ облобызала крестъ и трижды, какъ на пасху, поцѣловалась съ о. Анатоліемъ.

— Не честолюбивъ я, Надя,—заговорилъ о. Анатолій,—но меня искренно радуеть вниманіе начальства. Слава нашимъ Митрополитамъ и другимъ святителямъ, слава и вла-

дыкъ нашему епископу за то, что цѣнять и поощряютъ нашъ скромный трудъ.

— А какъ я, Толя, рада! Теперь ты смѣло можешь проситься въ городъ, не боясь отказа. Конкурентовъ меньше будетъ: много-ли батюшекъ имѣютъ наперстные кресты?...

— Ты все о томъ-же, Надя... Не будемъ сегодня, въ такой день касаться этого вопроса...

— Почему же, Толя?

— Потому, что теперь я еще больше имѣю основаній оставаться въ деревнѣ, чѣмъ прежде. Разсуди сама. Вотъ я получилъ Синодальную милость; ты думаешь это награда только мнѣ? Нѣтъ, мать моя, это награда и моимъ прихожанамъ. Если-бы они были недобрые люди, пошли-бы у насъ ссоры, неприятели, жалобы по начальству, а теперь — нѣтъ. Крестьяне меня уважаютъ, вотъ и начальство уважило. Уходить теперь — и передъ крестьянами неловко.

— А зачѣмъ намъ считаться съ ними? Каждый вправѣ искать, гдѣ лучше. На Зарѣчье охотниковъ много найдется; пустовать приходъ не будетъ.

— Откуда у тебя, мать моя, взялась эта увѣренность, что въ городѣ намъ будетъ лучше: не кафедральнымъ же меня назначать... Въ деревнѣ намъ живется не плохо: нужды мы не знаемъ, съ народомъ живемъ дружно; свободы и отдыха я имѣю достаточно. Зачѣмъ Господа гнѣвить?

— Возиться съ хозяйствомъ, никого, кромѣ мужиковъ, во всю жизнь не видѣть, — что за радость?

— А тебѣ хотѣлось все съ интеллигентами и образованными дѣло имѣть? Не знаешь ты, какъ они относятся къ духовенству, какъ нами пренебрегаютъ. Не промѣняю я своихъ сѣрыхъ мужиковъ на интеллигенцію ни за какія городскія удобства.

Передъ интеллигенціей о. Анатолій испытывалъ нѣкоторый мистическій страхъ и былъ сильно противъ нея предубѣжденъ; тамъ всѣ пороки: невѣріе, неуваженіе къ Церкви, пренебреженіе къ духовенству, вольность нравовъ...

Если-бы о. Анатолія спросили, что онъ разумѣетъ подъ интеллигенціей, едва ли онъ сумѣлъ бы отвѣтить. Предубѣжденіе его не было доказано или провѣрено личнымъ опытомъ, но засѣло въ немъ крѣпко.

— Отчего ты такъ боишься интеллигенціи? Графъ нашъ — развѣ не интеллигентъ, а сколько намъ добра дѣлалъ.

— Это, Надя, не интеллигентъ, а аристократъ...

— Въ городѣ сколько я встрѣчала образованныхъ интеллигентныхъ людей: все деликатные, благородные люди.

— Часто ты бываешь въ городѣ?! Въ городѣ надо пожить подольше, чтобы понимать горожанъ.

Надежда Ивановна все же продолжала вести свою линію твердо, съ удивительнымъ терпѣніемъ и настойчивостью, не упуская случая подчеркнуть и отмѣтить удобства города: такъ вода по каплѣ точить камень.

Въ ненастную погоду, когда по дорогамъ Зарѣчья стояла липкая, невылазная грязь, и о. Анатолій, собираясь на потребу, натягивалъ на ноги специальные скороходы, Надежда Ивановна меланхолически замѣчала: „на мостовыхъ теперь грязи и не видно, а у насъ въ ней утонуть можно“.

Выходило-ли у о. Анатолія недоразумѣніе съ крестьянами, матушка не теряла случая напомнить о городѣ.

— Чего отъ нихъ можно требовать? Простые темные люди!

Опытное ухо о. Анатолія слышало въ этихъ словахъ не столько порицаніе крестьянамъ, сколько похвалу тѣмъ, что живутъ въ каменныхъ домахъ, ходятъ по мостовымъ, пользуются всѣми плодами культуры. Кто знаетъ, усталъ ли о. Анатолій отъ ежедневныхъ мелкихъ разногласій изъ-за города, дорожилъ ли онъ крѣпко семейнымъ согласіемъ, но и онъ склонился, наконецъ, къ городу, если не сердцемъ, то умомъ: внимательнѣе слѣдилъ по епархіальнымъ вѣдомостямъ за отдѣломъ: „назначенія и перемѣщенія“ и, наконецъ, совсѣмъ рѣшился... При губернской тюрьмѣ освободилась вакансія священника. Мѣсто было голодное, опасныхъ конку-

рентовъ не могло быть. Скудость заработка о. Анатолія не пугала: какъ человѣкъ бездѣтный, онъ многого не искалъ; по-совѣтавшись съ женою, онъ написалъ прошеніе владыкѣ.

Съ восторгомъ сдавала Надежда Ивановна на почтѣ пакетъ на имя епископа; всѣми цвѣтами радуги улыбались ей городскія удобства; пріятно щекотало женское самолюбіе сознаніе побѣды, одержанной надъ мужемъ, послѣ долгой, нелегкой борьбы.

II.

Не задолго до принятія о. Анатоліемъ рѣшенія проситься въ городъ, съ нимъ случилось нѣкоторое событіе. Въ одинъ изъ лѣтнихъ вечеровъ онъ былъ очень удивленъ визитомъ рѣдкихъ гостей: въ великолѣпной коляскѣ, запряженной парой вороныхъ, къ крыльцу его дома подъѣхалъ господинъ съ молоденькой дѣвушкой. Войдя въ домъ, посѣтитель почтительно попросилъ благословеніе у оробѣвшаго о. Анатолія, представился и отрекомендовалъ свою спутницу.

— Давній знакомый мѣстнаго владѣльца графа N— дворянинъ Доброленскій. Встрѣчался съ нимъ за границей, въ Петербургѣ и въ нашемъ губернскомъ городѣ. По его же совѣту обращаюсь теперь къ вамъ.

— Чѣмъ же я могу служить вамъ?

— Я хочу обвѣнчаться. Это—моя невѣста. Думаю, вы понимаете, почему я хочу устроить это въ деревнѣ. Вы видите разницу нашихъ лѣтъ: хотѣлось бы избѣжать лишнихъ разговоровъ, хлопотъ и суеты, неизбѣжныхъ въ томъ случаѣ, если бы я вѣнчался въ городѣ.

О. Анатолій съ интересомъ наблюдалъ своихъ гостей. Женихъ ему нравился: мягкій голосъ, изящныя манеры, изысканная вѣжливость подкупали. Невѣста хорошенькая, какъ цвѣтокъ, выглядѣла совсѣмъ дѣвочкой и о. Анатолію было отъ души ее жаль. Онъ не могъ понять, что побуждало эту дѣвушку—ребенка дѣлать рѣшительный шагъ въ жизни, который придется, быть можетъ, потомъ оплакивать горючими

слезами долгіе годы. Что это—неопытность и дѣтское недомысліе, сознательная жертва, или же холодный расчетъ?

Доброленскій угадалъ мысли о. Анатолія.

— Вы, батюшка, не удивляйтесь такому неравному браку. Нина Васильевна воспитанница моей покойной жены, жила и живетъ въ моемъ домѣ съ дѣтства, молода, неопытна, средствъ не имѣеть. Оставаться въ моемъ домѣ послѣ смерти жены ей неудобно—создается ложное положеніе. Вотъ я и предложилъ ей выходъ, который ее вполне устраиваетъ, и она на это вполне свободно изъявила согласіе. Не правда-ли, съ замѣтной твердостью въ голосѣ, спросилъ онъ дѣвушку.

Та, молча, кивкомъ головы подтвердила.

— Я не знаю, какъ быть, заговорилъ о. Анатолій. Я васъ совершенно не знаю, вы—не мои прихожане.

— Но у насъ есть всѣ необходимые документы. Гость вынулъ изящный бумажникъ, гдѣ лежала перевязанная шелковымъ шнуркомъ цѣлая стопка бумагъ.

О. Анатолій внимательно разсмотрѣлъ документы. Свѣдѣній было достаточно. По паспорту женихъ значился вдовцомъ послѣ перваго брака, свидѣтельство о смерти жены было; у невѣсты былъ паспортъ и аттестатъ объ окончаніи института съ пропиской лѣтъ. Было и нотаріальное свидѣтельство,—тогда этотъ документъ только что былъ введенъ въ практику. Въ немъ дворянинъ и офицеръ, люди почтенные, подписью удостовѣряли, что никакихъ препятствій къ вѣнчанію такихъ-то нѣтъ.

— Все таки я опасаясь, какъ бы изъ вашего брака для меня чего-нибудь плохого не вышло, съ замѣтной неловкостью сказалъ о. Анатолій. Разные бываютъ случаи... Вотъ если-бы отъ вашего приходского священника были свѣдѣнія—это другое дѣло...

Гость искренно и заразительно разсмѣялся.

— Какой вы, батюшка, недовѣрчивый! Помилуйте, я человекъ интеллигентный, не мальчикъ, дѣйствующій по увлеченію; когда-то каноническое право въ университетѣ

училъ и послѣдствія незаконнаго брака знаю. Я очень жалѣю, что графъ не живетъ въ имѣніи, онъ бы васъ успокоилъ.

О. Анатолій все же колебался и дать согласіе не рѣшался.

Извинившись передъ посѣтителями, онъ вышелъ въ дверь, отъ которой едва успѣла отойти матушка. Заинтересованная посѣтителями, сгорая отъ любопытства, Надежда Ивановна хотѣла было принарядиться и выйти къ нимъ, но тотчасъ же отвергла этотъ планъ: туалетъ займетъ не мало времени; интересная часть разговора будетъ пропущена. Дѣятельное участіе въ семейномъ совѣтѣ, устроенномъ въ кухнѣ, принялъ и молодой псаломщикъ изъ окончившихъ семинаристовъ. Одинокій, скучающій отъ бездѣлья, большую часть времени онъ проводилъ съ о. Анатоліемъ. Въ домъ бездѣтныхъ стариковъ онъ вносилъ молодое оживленіе; о. Анатолій часто спорилъ съ псаломщикомъ, но относился къ нему, какъ къ сыну; а матушка кормила его обѣдами и ужинами и принимала самое дѣятельное участіе въ его сватовствѣ, по женской логикѣ полагая, что каждый мужчина долженъ быть женатъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

На совѣтѣ сомнѣнія о. Анатолія были разсѣяны, какъ дымъ: документы были признаны достаточными; высказано было опасеніе, какъ бы не огорчился отказомъ графъ.

Матушка не скрывала своего восторга отъ посѣтителей.

— Какіе симпатичные, — сразу видно, что городскіе, интеллигентные...

— А тебѣ мать не жаль невесты, смотри, какая она молодая...

— Женихъ, навѣрное, богатый. Не ребенокъ она — институтъ окончила — ей виднѣе... Женихъ пожилой, но аккуратный и свѣженькій, какъ огурчикъ.

Псаломщикъ обратилъ вниманіе на другую сторону дѣла.

— Отказывать, о. настоятель, никакъ не слѣдуетъ. Такой случай и въ сто лѣтъ не выпадетъ: дѣло сотней пахнетъ; на мою дьяческую долю и то четвертной билетъ... Штука важнецкая...

— Напередъ не заглядывайте... Какъ теперь молодежь на деньги надка стала, а все равно не бережете—на пустяки тратите.

— Что ты, о. Анатолій, думаешь, что молодому человеку деньги ужъ и не нужны, вступилась матушка. Псаломщику давно пора сюртукъ завести, скоро свадьба у Подгаецкихъ, какъ же безъ сюртука быть? Дѣвиць тамъ сколько будетъ, можетъ быть и невѣсту сосватаемъ.

— Не бралась бы ты, мать моя, не за свое дѣло, тѣ помнила пословицу: свахѣ первая чарка и первая палка...

— Какъ же рѣшается высокое собраніе, шутливо спросилъ о. Анатолій.

— Вѣнчать, отвѣтилъ псаломщикъ.

— Очень скоро хотять они это сдѣлать—оглашеній не будетъ.

— А зачѣмъ они, Толя; все равно молодыхъ никто изъ нашихъ мужиковъ не знаетъ. Оглашенія для безопасности и собственного спокойствія дѣлаются. Образованные, ителлигентные люди не подведутъ, можно быть покойнымъ...

На другой день, совсѣмъ скромно былъ совершенъ бракъ; поручителями въ обыскѣ расписались рабочіе изъ графской экономіи.

Едва дождался псаломщикъ того момента, когда о. Анатолій, проводивъ, со всякими благопожеланіями, новобрачныхъ, вынулъ изящный конвертикъ, врученный ему женихомъ.

— Интересно?... спросилъ онъ псаломщика, водя конвертомъ передъ его глазами.

— Герю нетерпѣнѣемъ!...

— Сюртука ожидаете?

— Даль-бы Богъ!...

Въ конвертѣ оказалась красенькая ..

— Благодарность, нечего сказать, возразилъ псаломщикъ, такъ нашъ трудъ цѣнать! Два съ полтиной на мою долю. За такіе деньги и жилета приличнаго не сшить...

— И того негдѣ взять. За полъ часа работы плата не плохая.

— Не такъ вы дѣйствовали, о. Анатолій; спросили бы плату—вѣрнѣе было-бы дѣло; по крайней мѣрѣ не было бы иллюзій...

Часто послѣ этого подшучивалъ о. Анатолій надъ псаломщикомъ:

— Когда-же вы, г. псалмопѣвецъ, въ новомъ сюртукѣ къ невѣстѣ поѣдете?

Незначительное событіе, вскорѣ забытое, оказалось для зарѣчинскаго причта богато послѣдствіями.

III.

Преосвященный Нектарій,—человѣкъ твердаго характера и крѣпкой воли,—епархіей правилъ самъ безъ совѣтниковъ, руководителей и наперстниковъ. Зная, что самымъ чувствительнымъ пунктомъ, какимъ опредѣляетъ духовенство характеръ и справедливость своего епископа, является назначеніе на мѣста, владыка къ этому дѣлу относился особенно ревниво, отгоняя отъ себя, какъ назойливыхъ мухъ, всякихъ ходатаевъ: все равно были-ли то свѣтскіе именитые люди, или заслуженные городскіе протоіерей. Рассказываютъ, что сіятельную помѣщницу, желавшую получить въ своемъ приходѣ угоднаго ей священника, владыка внимательно выслушалъ, а затѣмъ предложилъ ей въ управляющіе имѣніемъ своего посошника...

Личныя достоинства и заслуги просителя прежде всего имѣлъ въ виду преосвященный Нектарій, опредѣляя на мѣсто, а изъ нѣсколькихъ просителей всегда отдавалъ преимущество болѣе заслуженному. Замѣщать свободныя мѣста владыка не спѣшилъ; консисторію и прихожанъ, подгонявшихъ его въ этомъ дѣлѣ, осаживалъ.

— Зачѣмъ спѣшить? Въ свободномъ приходѣ пока сосѣдніе батюшки потрудятся, кстати, подкормятся, а я тѣмъ временемъ кандидата туда самаго лучшаго выберу.—

Когда подача прошеній на извѣстное мѣсто прекращалась, владыка приступалъ къ изученію послужныхъ списковъ и справокъ о просителяхъ, полученныхъ изъ консисторіи. Если въ числѣ просителей были скуфы, набедренники откладывались имъ въ сторону, какъ матеріалъ второстепенный; камилавки устраняли скуфы и т. д. При равныхъ условіяхъ обращалось вниманіе на срокъ полученія послѣдней награды и лѣта службы.

Не со вчерашняго дня повелось, что угодить всѣмъ никто не могъ, и что въ рядахъ недовольныхъ всегда и вездѣ первое мѣсто занимала зеленая молодежь.

Семинаристы не хотѣли идти во священники къ Нектарію и разбѣгались по другимъ епархіямъ. Молодые священники роптали и спорили со стариками, превозносившими мудрую справедливость владыки.

— Какой смыслъ идти во священники въ нашей епархіи и обречь себя на долготѣнную голодовку? Не было еще случая, чтобы Нектарій далъ хорошій приходъ молодому священнику, будь онъ хотя семи пядей во лбу,—жаловалась молодежь.

— А вы хотѣли-бы сразу получить мѣста пожирнѣе? Послужите, потрудитесь, поживите съ наше, тогда и просите лучшихъ приходовъ.

— Покорно васъ благодаримъ... поддержите насъ, пока мы молоды, пока въ нуждѣ и голодѣ не измочалили нервовъ, не израсходовали силъ, не погрязли душой въ мелкихъ заботахъ о кускѣ хлѣба,—тогда мы и для прихода что-нибудь сдѣлаемъ свое, а не только казенное. А у насъ лучшіе приходы получаютъ старики, у которыхъ и дѣти пристроены и самимъ кромѣ теплой печки ничего не нужно... Это даже для пастырскаго дѣла вредно.

— Какимъ образомъ?...

— Лучшіе приходы у насъ какіе? Болѣе многолюдные, гдѣ нужны молодыя силы, энергичные работники, а ихъ отдаютъ маломощнымъ старикамъ, которые съ богослуженіемъ и

требоисправленіемъ ея справляются. Гдѣ-же тутъ объ идейной работѣ думать?

— Ахъ, вы, безусые!... Что-же съ нами, стариками, дѣлать, и чѣмъ нашъ долготѣтній ревностный трудъ отличить? Забываете видно, что Слово Божіе говоритъ: „Передъ лицомъ сѣдого возстани и почти лице старче!“

— И возстаемъ и ,почитаемъ, и внимаемъ глаголамъ вашимъ, каплющемъ премудрость... Только все-таки хорошіе приходы намъ больше годились-бы: у насъ и зубы молодые, и ребята малые.

— А намъ?

— А вамъ—почетъ, награды и покойные приходы, на которыхъ мы, молодые, отъ бездѣлья и голода долгіе годы зубами щелкаемъ...

На недовольство молодежи Нектарій не обращалъ никакого вниманія.

— Состарятся, тогда согласятся и поймутъ меня.

Мѣсто въ губернской тюрьмѣ было не завидное; кромѣ небольшого жалованья, доходовъ тюремная церковь почти не давала, а все-же сюда кандидатовъ явилось масса: преобладала молодежь, всюду рвущаяся въ города. Господами положенія, по внимательному изученію епископомъ послужныхъ списковъ, оказались наперстные кресты, а между ними и зарѣчинскій о. Анатолій. Одинъ наперстный крестъ былъ старше о. Анатолія на цѣлый годъ, но владѣлецъ его не имѣлъ (и какъ только онъ сумѣлъ?!): церковно-приходской школы; у о. Анатолія она существовала нѣсколько лѣтъ.

Владыка колебался, и какъ всегда въ затруднительныхъ случаяхъ, отложилъ еще на день — другой писаніе резолюціи.

Казалось, счастье готово было бѣлоснѣжнымъ крыломъ приласкать Зарѣчинскаго батюшку съ супругой, но грязная бумажка, полученная въ тѣ дни епископомъ, отогнала его, и оно надолго улетѣло прочь, капризное, никогда никакъ не достижимое.

И надо же было той грязной писулькѣ явиться на столь владычній въ тѣ дни, когда рѣшался вопросъ о тюремной церкви;—мѣсяць бы спустя—легче было-бы на душѣ у о. Анатолія!

Скромный авторъ, не пожелавшій даже назвать своего имени, большой „ревнитель православной вѣры и чистоты нравовъ“, сообщалъ владыкѣ о томъ, что въ селѣ Зарѣчьѣ такого-то мѣсяца и числа совершенъ былъ незаконный и богомерзкій бракъ: повѣнчанъ дворянинъ Доброленскій съ падчерицей. Бракъ, какъ незаконный, авторъ рекомендовалъ расторгнуть, а священника наказать по всей строгости законовъ.

Преос. Нектарій даже глаза открылъ отъ удивленія, прочитавъ анонимный доносъ.

— О. Анатолій изъ Зарѣчья! а я было совсѣмъ уже рѣшилъ перевести его въ городъ, къ тюрьмѣ... Наперстный крестъ имѣеть, а такими дѣлами занимается! Охъ, грѣхи наши, грѣхи!...

Тюремную церковь получилъ наперстный крестъ безъ церковной школы, а на сообщеніе неизвѣстнаго корреспондента послѣдовала милостивая резолюцію: „произвести дознаніе“. Скоро дознаніе перешло и въ формальное слѣдствіе надъ Зарѣчинскимъ причтомъ, такъ какъ сущая правда была въ той корреспонденціи...

Долго послѣ этого будетъ Надежда Ивановна оплакивать свои разбитыя мечты и долго не проститъ себѣ о. Анатолій своей неосторожности: какъ могъ онъ повѣрить неизвѣстнымъ людямъ и положиться на совѣты малосмысленной въ дѣлахъ жены и вѣтрогона—псаломщика?

Псаломщикъ не унываетъ: стариковъ онъ утѣшаетъ, а надъ собою подшучиваетъ: единственный случай, когда онъ исполнѣ доволенъ дячковскою долей „доходовъ“: наказаніе ему будетъ гораздо меньше, чѣмъ о. настоятелю.

Священникъ *В. Пестряковъ.*

Библия и естествознание.

(Противъ соч. Геккеля „Міровыя загадки“).

Происхожденіе челоѣка и наука.

„Мы Имъ (Богомъ) живемъ и движемся и существуемъ, какъ и нѣкоторые изъ вашихъ стихотворцевъ говорили: мы Его и родъ“. Дѣянія Апостоловъ гл. 17, ст. 28.

Этотъ очеркъ посвященъ разсмотрѣнію вопроса о челоѣкѣ. Нѣтъ ничего могущественнѣй челоѣка, сказалъ въ древности одинъ греческій поэтъ. Онъ строитъ города, возводитъ мосты черезъ рѣки, переплываетъ моря, укрощаетъ и подчиняетъ себѣ огонь, повелѣваетъ электрической искрой и направляетъ ее такъ, что при ея помощи можетъ говорить со всей землей. онъ покоряетъ себѣ силы земли и господствуетъ надъ животными. Его духъ возвышаетъ его и дѣлаетъ его способнымъ молиться Божеству и строить Ему храмы. Его духъ создаетъ дивныя произведенія поэзіи и науки. Исторія его очень древняя: о ней свидѣлствуютъ чудеса искусства у Нила и Евфрата. Онъ можетъ быть прекрасенъ въ добротѣ, любви и вѣрности, онъ способенъ на самопожертвованіе; но онъ можетъ также быть страшенъ своими пороками и страстями, хуже дикаго звѣря. То онъ чувствуетъ себя великимъ, то дрожитъ въ болѣзни и страхѣ смерти. Душа его отражаетъ вѣчное и преходящее, и онъ то ощущаетъ свое родство съ землей, то возносится къ небу, то приближается къ аду.

Откуда происходитъ этотъ челоѣкъ? Кто онъ таковъ и куда онъ стремится? На первые два вопроса я попытаюсь дать отвѣтъ сейчасъ. Третій-же вопросъ—куда стремится челоѣкъ?—будетъ разсмотрѣнъ въ слѣдующей статьѣ.

Намъ извѣстно съ дѣтства, что говоритъ Библия о происхожденіи челоѣка. Въ первой книгѣ Моисея объ этомъ

разсказывається двоякимъ образомъ, существуетъ два повѣствованія. Первое гласитъ: Быт. 1, 26—27:

„И сказалъ Богъ: сотворимъ челоуѣка по образу Нашему и по подобію Нашему; и да владычествуютъ они надъ рыбами морскими и надъ птицами небесными (и надъ звѣрями) и надъ скотомъ, и надъ землею и надъ всѣми гадами, пресмыкающимися по землѣ. И сотворилъ Богъ челоуѣка по образу Своему; по образу Божію сотворилъ его; мужчину и женщину сотворилъ ихъ“.

Второе повѣствованіе гласитъ: Быт. 2, 7. „И создалъ Господь Богъ челоуѣка изъ праха земного и вдунулъ въ лице его дыханіе жизни и сталъ челоуѣкъ душею живою“. Далѣе говорится: ст. 21 и 22: „И навелъ Господь Богъ на челоуѣка крѣпкій сонъ; и, когда онъ уснулъ, взялъ одно изъ реберъ его, и закрылъ мѣсто плотью. И создалъ Господь Богъ изъ ребра, взятаго у челоуѣка, жену, и привелъ ее къ челоуѣку“.

Вотъ оба повѣствованія. Въ первомъ изъ нихъ говорится, что Богъ особымъ образомъ создалъ челоуѣка—мужчину и женщину по образу и подобію Своему. Но здѣсь не надо разумѣть твореніе челоуѣческаго тѣла. Какимъ образомъ Богъ создалъ тѣло, изъ какой матеріи—объ этомъ въ первомъ повѣствованіи не говорится. Если здѣсь написано, что Богъ сотворилъ челоуѣка по образу и подобію Своему, то это выраженіе надо понимать такъ, что Богъ далъ челоуѣку, котораго создалъ, Свой духовный образъ. Другое дѣло, во второмъ повѣствованіи,—тамъ сказано больше. Тамъ ясно говорится: Богъ сотворилъ челоуѣка изъ праха земного и вдунулъ въ лице его дыханіе жизни. Мы должны твердо помнить, что въ этомъ повѣствованіи Моисей употребилъ образное выраженіе. Прахъ земной это поэтический оборотъ для обозначенія вообще земного, ибо и про Бога разсказывается въ образной формѣ, что Онъ ходилъ въ саль, когда дѣлалось прохладно, и разговаривалъ, какъ челоуѣкъ. Если написано: „Богъ сотворилъ челоуѣка изъ праха земного“, то

подъ этимъ надо понимать, что Богъ сотворилъ человѣка изъ земной матеріи. Въ этого человѣка, созданнаго изъ земной матеріи, Богъ вдунулъ дыханіе жизни, то-есть, далъ человѣку духъ отъ Себя. Во второмъ повѣствованіи сказано еще, что Богъ сотворилъ женщину позже. Позднѣйшее сотвореніе женщины часто служило предметомъ попытокъ объяснить его съ точки зрѣнія естественно-научной; но дальше попытокъ дѣло не пошло. Мы можемъ вполне удовлетвориться установленіемъ того, что позднѣйшимъ сотвореніемъ женщины символически изображается тѣсная природная связь между мужчиной и женщиной.

Оба повѣствованія содержатъ слѣдующія основныя религіозныя истины:

1) Богъ особымъ актомъ творенія отличилъ человѣка, въ отношеніи тѣлесномъ, отъ животнаго;

2) Богъ особымъ актомъ творенія отличилъ человѣка, въ отношеніи духовномъ, отъ животнаго.

Способъ сотворенія женщины, описанный во второмъ повѣствованіи, не представляетъ для насъ основной религіозной истины.

И та, и другая истины оспариваются Геккелемъ въ его книгѣ „Міровыя загадки“, а также и многими другими приверженцами натурализма. Геккель утверждаетъ: 1) будто тѣло человѣка развилось само собою изъ тѣла животнаго, а именно—изъ тѣла обезьяны. 2) Будто человѣкъ, каковъ онъ есть теперь на основаніи этого развитія, со всѣмъ, что мы называемъ его разумомъ или душой, не представляетъ, по существу, никакого отличія отъ животнаго, отъ котораго онъ будто-бы произошелъ. Можно было-бы пройти мимо этого утвержденія, ясно сознавая, что оно ложно. Но ученіе Геккеля получило широкое распространеніе и имѣетъ большое количество приверженцевъ. Такимъ образомъ, и для того, кто съ улыбкой отворачивается отъ подобнаго утвержденія, имѣетъ значеніе изслѣдованіе, заключаетъ-ли оно въ себѣ что-либо истинное. Кромѣ того, приписываніе происхожденія

человѣка животному развитію имѣть громадное значеніе для всей моральной сущности человѣка. Это, въ концѣ концовъ, говорить и самъ Геккель, ибо онъ написалъ всю свою книгу съ цѣлью доказать, что человѣкъ, происшедшій отъ животного, не имѣетъ свободы воли, а значитъ не имѣетъ морали и не отвѣтствененъ за свои поступки.

Изъ вышесказаннаго вытекаетъ само собою, что мы должны рассмотреть два вопроса: во-первыхъ, вопросъ о происхожденіи человѣка, во-вторыхъ, вопросъ о значеніи происхожденія человѣка для его поступковъ.

Я подчеркиваю еще разъ, что я здѣсь не собираюсь говорить о душѣ человѣка: этотъ вопросъ я рассмотрю въ отдѣльности.

Выводъ Геккеля таковъ: человѣкъ происходитъ отъ обезьяны, и это, по его словамъ, доказывается строеніемъ человѣческаго тѣла. Я не могу входить здѣсь въ подробности, я укажу только на то, что Геккель утверждаетъ, будто между человѣкомъ и обезьяной существуетъ самое большое сходство въ одинаковомъ устройствѣ мозга. „Сѣрое мозговое вещество, говорятъ онъ, это органъ высшей душевной дѣятельности. Оно особенно развито у обезьянъ. Характерныя извилины и борозды на его верхней поверхности тѣмъ болѣе углублены, чѣмъ ближе обезьяна приближается къ человѣку. Въ этихъ и въ другихъ, имѣющихъ важное значеніе, отношеніяхъ, особенно въ устройствѣ лица и рукъ, проявляется анатомическое средство человѣка съ настоящей обезьяной“.

Геккель утверждаетъ далѣе, что на рядѣ развитія позвоночныхъ животныхъ можно было-бы показать, какъ постепенно развивался человѣкъ, пока не приобрѣлъ своихъ теперешнихъ тѣлесныхъ свойствъ. Онъ продолжаетъ свои разсужденія дальше и, дойдя до такъ называемыхъ мохнатыхъ животныхъ, говорить слѣдующее: „Изъ этихъ послѣднихъ выступаютъ прежде всего въ древнѣйшій третичный періодъ (эоценовый) низшіе предки—приматы, полуобезьяны, затѣмъ

[въ міоценовый (срединный) періодъ] настоящія обезьяны, а именно, изъ породы *catarrhinae* сначала собакоподобныя обезьяны (*Synopitaca*), позже—человѣкоподобныя обезьяны (*Anthropomorpha*); изъ вѣтви этихъ послѣднихъ въ теченіе пліоценоваго (послѣдняго, новѣйшаго) періода возникъ не обладающій даромъ рѣчи обезьяноподобный человѣкъ (*Pithecantropus alalus*), и наконецъ изъ обезьяноподобнаго человѣка образовался настоящій человѣкъ, обладающій способностью рѣчи“.

Геккель говоритъ далѣе, будто были найдены остатки, ясно показывающіе, что между человѣкомъ и обезьяной существовала промежуточная ступень, а именно: „Знаменитѣйшая и интереснѣйшая изъ ископаемыхъ находокъ это окаменѣлый обезьяноподобный человѣкъ съ острова Явы, открытый голландскимъ военнымъ врачомъ Евгеніемъ Дюбуа въ 1894 году. И дѣйствительно, этотъ, надѣлавшій столько шума *Pithecanthropus erectus* и есть давно искомый „Missing link“, такъ называемое, „недостающее звено“ въ цѣпи приматовъ, которая тянется непрерывно вверхъ, начиная отъ низшей обезьяны *Catarrhina* до высоко-развитого человѣка“.

„Благодаря находкѣ этого ископаемаго обезьяноподобнаго человѣка съ острова Явы, „происхожденіе человѣка отъ обезьяны“ также ясно и опредѣленно доказывается и палеонтологіей, какъ раньше оно доказывалось свидѣтельствами сравнительной анатоміи и онтогеніи“.

Геккель заключаетъ слѣдующимъ утвержденіемъ: „Мы фактически владѣемъ теперь всѣми существенными документами, касающимися исторіи нашего рода“.

Противъ этого надо возразить слѣдующее:

I. Сходству между тѣлеснымъ строеніемъ человѣка и обезьяны можно противопоставить существенныя различія. Я назову только нѣкоторыя:

1) Человѣкъ имѣетъ на переднихъ конечностяхъ кисти рукъ, на заднихъ—ступни ногъ, и нельзя доказать, что эти ноги развились изъ заднихъ рукъ обезьяны.

- 2) Человѣческій черепъ имѣеть иное устройство.
- 3) Объемъ черепа значительно больше.
- 4) Зубы человѣка меньше зубовъ обезьяны и расположены одинъ около другого безъ промежутковъ.
- 5) Человѣкъ ходить, выпрямившись, на заднихъ конечностяхъ, ступая подошвами.
- 6) Тѣло человѣка почти совсѣмъ лишено волосъ.
- 7) Руки—короче ногъ.
- 8) Мозгъ относительно больше, тяжелѣе и глубже изборозженъ, чѣмъ мозгъ обезьяны.

Изъ всего этого, то-есть, изъ прямой походки, изъ устройства ногъ, черепа и мозга, слѣдуетъ то, что человѣкъ долженъ быть выдѣленъ въ совершенно особый, независимый отъ животныхъ, классъ. Принимая во вниманіе эти различія значительная часть естествоиспытателей признаетъ немислимымъ, чтобы тѣло человѣка черезъ преобразование возникло изъ тѣла обезьяны.

II. Изъ этого перваго пункта выясняется, что и второй пунктъ, приводимый Геккелемъ, такъ-же шатокъ. Если человѣкъ, въ тѣлесномъ отношеніи, не происходитъ отъ обезьяны то и всѣ ряды развитія, которые исторически возводятся къ обезьянѣ, не принадлежать совсѣмъ къ родовому дереву людей; такимъ образомъ, нѣтъ на лицо родового дерева этихъ, найденныхъ въ землѣ, остатковъ.

III. Этотъ обезьяноподобный человѣкъ, будто-бы найденный на Явѣ и долженствующій изображать изъ себя промежуточное звено между человѣкомъ и обезьяной, не можетъ служить достовѣрнымъ естественно-научнымъ доказательствомъ для теоріи развитія.

Голландскій военный врачъ Евгеній Дюбуа нашель на Явѣ подъ землей: 1) зубъ, 2) мѣсяць спустя, на нѣкоторомъ разстояніи отъ этого зуба, черепную крышку, и наконецъ, цѣлый годъ спустя, на разстояніи 15-ти метровъ, бедро, а еще черезъ нѣкоторое время—опять зубъ. Вотъ и все. Эти скудные остатки, о которыхъ нельзя даже утверждать, что

они принадлежали одному тѣлу, ибо они найдены разбѣянными,—не доказываютъ ничего; потому что, даже въ случаѣ, если-бы они принадлежали одному тѣлу, изъ 24-хъ естествоиспытателей, изслѣдовавшихъ эти остатки, только 7—слѣдовательно $\frac{1}{3}$ —соглашаются съ тѣмъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ искомымъ промежуточнымъ звеномъ, съ человѣкоподобной обезьяной, служащей переходной ступенью между человѣкомъ и обезьяной. Поэтому утверждение, будто достоверно извѣстно, что промежуточное звено найдено,—ложно. Оно покоится исключительно на гипотетическомъ допущеніи, ибо только 7 естествоиспытателей, изъ числа изслѣдовавшихъ остатки, утверждаютъ это; $\frac{2}{3}$ -же этого не утверждаютъ. Къ этимъ послѣднимъ принадлежитъ также Берлинскій естествоиспытатель покойный Вирховъ.

Были найдены также и другіе остатки, долженствующіе служить доказательствомъ того, что человѣкъ происходитъ отъ обезьяны, какъ, напр., такъ называемый, неандертальскій человѣкъ. Но и онъ не можетъ служить, какъ доказано, промежуточнымъ звеномъ между человѣкомъ и обезьяной. Относительно этого промежуточнаго звена еще ничего не извѣстно. Еще не найденъ ни одинъ остатокъ, достоверно доказывающій, что человѣкъ развился изъ обезьяны.

Что же мы знаемъ достоверно? Достоверно то, что человѣкъ существовалъ въ глубокой древности, и что, поскольку мы имѣемъ несомнѣнные слѣды человѣка на протяженіи тысячелѣтій, изъ нихъ не можетъ быть доказано, что имѣется на-лицо приближеніе къ обезьянѣ въ Геккелевскомъ смыслѣ. Слѣдовательно, Геккель говоритъ неправду, утверждая, будто происхожденіе человѣка отъ обезьяны доказано. Онъ можетъ только говорить, что, по его мнѣнію, это доказано. Но этого онъ не хотѣлъ говорить, потому что онъ хотѣлъ писать популярно и импонировать, а народъ, о которомъ онъ въ это время думалъ, не могъ провѣрить его утвержденія. Въ своихъ научныхъ трудахъ по тому-же предмету онъ выражался гораздо осторожнѣе.

Можно-ли однако вывести отсюда заключеніе, что человекъ имѣеть совершенно особое происхожденіе на томъ основаніи, что мы не можемъ найти его животнаго начала въ рядѣ развитія? Въ отношеніи естествознанія, такого вывода сдѣлать нельзя, ибо естествознаніе говоритъ: хотя мы не знаемъ, какъ развился человекъ изъ животнаго, и не имѣемъ для этого доказательствъ, но сообразно съ ученіемъ о строеніи костей, сообразно съ ученіемъ о развитіи требуется, чтобы человекъ развился самъ собою изъ животнаго. При этомъ указываютъ еще на одно обстоятельство—на развитіе, которое человекъ совершаетъ до рожденія. Геккель трактуеть объ этомъ въ обширномъ отдѣлѣ, въ которомъ онъ говоритъ о такъ называемой способности къ зарожденію. Сообразно съ этой способностью къ зарожденію, человекъ долженъ былъ будто-бы произойти первоначально отъ воднаго животнаго, отъ рыбы, ибо доказано, что человекъ до своего рожденія проходитъ черезъ такъ называемую рыбную стадію, когда онъ имѣеть дугообразныя жаберныя щели, превращающіяся у него потомъ въ ротъ и въ слуховой проходъ, тогда какъ у рыбъ онѣ развиваются въ настоящія жабры.

Но всѣ эти изслѣдованія не могутъ ни къ чему большому привести, какъ только къ предположеніямъ. Изъ этихъ изслѣдованій нельзя также почерпнуть доказательствъ въ отношеніи способности къ зарожденію. Фактически доказано только то, что между тѣломъ человека и тѣломъ животнаго существуетъ сходство.

Это сходство предполагаетъ и Библия, ибо, по ея словамъ, тѣло человекъ возникло изъ земли, какъ и тѣло животнаго. Разница-же между Библией и естествознаніемъ заключается въ томъ, что Библия говоритъ: тѣло человекъ имѣеть особое происхожденіе, которымъ человекъ уже въ силу своихъ тѣлесныхъ свойствъ противопоставляется животному, тогда какъ естествознаніе утверждаетъ въ настоящее время, что это не такъ, что тѣло человекъ, пройдя долгіе періоды развитія, возникло само собою изъ животнаго организма. Итакъ,

здѣсь утвержденіе противопологается утвержденію-же. Того, кто хочетъ сохранить вѣру въ первобытное начало тѣла человѣческаго, которое дѣлаетъ его независимымъ отъ животнаго, того наука не можетъ своими доказательствами заставить усомниться въ этой вѣрѣ, потому что наука можетъ только требовать противоположнаго и вѣрить, въ концѣ концовъ, исключительно на основаніи гипотезъ. Но если мы примемъ, что человѣкъ, такой, какимъ онъ со своимъ тѣломъ является передъ нами уже въ готовомъ видѣ, со своей прямой походкой, со своимъ даромъ слова, своимъ, свойственнымъ только ему, большимъ мозгомъ,—что онъ былъ способенъ къ воспріятію Того Духа, Который предварительно сдѣлалъ его человѣкомъ, то въ этомъ принятіи все-же, повидимому, заключается нѣкоторое обоснованіе для нашей вѣры въ то, что это тѣло создано главнымъ образомъ для духа.

Перев. *Н. П. Селвановской.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 15-го февраля 1911 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Типографія Акионер. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Меринг. у.

ГОДЪ

III.

УКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 9

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1911-го года 27-го февраля.

Содержаніе: I. Литературно-житейскія замѣтки. С. А. В—ій.—II. Изъ Апостола. М. Скабаллановичъ.—III. Библия и естествознаніе (продолженіе). Перев. Н. П. Селивановской.—IV. Замѣтка. Къ вопросу о томъ, на чьей обязанности лежитъ починка проселочныхъ дорогъ и мостовъ, на церковныхъ земляхъ, находящихся въ пользованіи причтовъ.—

Литературно-житейскія замѣтки.

I.

Наша духовная журналистика съ нѣкоторыхъ поръ (приблизительно уже лѣтъ пять, а то и больше) проявляетъ рѣзко и устойчиво выступающую тенденцію сближенія со свѣтской журналистикой и литературой. Признакъ въ высшей степени отрадный и обѣщающій самыя благотворныя послѣдствія какъ въ смыслѣ оживленія и большаго вліянія на общество нашей журналистики, такъ и въ виду исправленія крайней односторонности и извращенности взглядовъ на духовно-религіозную и церковную жизнь, господствовавшихъ ранѣе въ ея свѣтской сестрѣ. Всякія средостѣнія и упорная, предвзятая разобщенность во всякомъ дѣлѣ, а тѣмъ болѣе въ литературной области жизни одного народа, несомнѣнно кромѣ взаимнаго

вреда и недорозумѣній ничего не могутъ принести. Поэтому намъ, духовенству, слѣдуетъ отъ чистаго сердца радоваться подобному явленію въ родной духовной періодической печати. и каждый органъ послѣдней тѣмъ вѣрнѣе достигнетъ намѣченныхъ цѣлей, чѣмъ жизненнѣе и правильнѣе будетъ относиться съ своей стороны къ назрѣвшей, видимо, задачѣ сближенія между двумя, казавшимися раньше не соединимыми и чуждыми другъ другу литературными лагерями—свѣтскимъ и духовнымъ.

Съ этой благой цѣлью рѣшаемся и мы, уювая на помощь Божию, вести съ наступившаго года, время отъ времени, литературно-житейскія замѣтки по поводу тѣхъ или иныхъ выдающихся явленій въ области свѣтской литературы и журналистики, въ особенности тѣхъ, которые касаются религіозно-нравственной жизни родной страны. Пусть только не сѣтуетъ на насъ собратъ-читатель, если не встрѣтитъ на первыхъ же порахъ фактическаго разбора или освѣщенія опредѣленнаго свѣтскаго литературнаго произведенія или журнальной статьи. Сначала будетъ цѣлесообразнѣе оговориться, установить хоть въ общихъ чертахъ предстоящую задачу, чтобы наши бесѣды не оказались безрезультатной сизифовой работой.

Дѣло въ томъ, что объ одномъ и томъ же предметѣ, явленіи можно судить не одинаково, смотря по тому, какъ на нихъ взглянемъ; съ другой стороны—и служба благой цѣли сближенія и даже объединенія двухъ половинъ—свѣтской и духовной—нашей журналистики, легко направиться по ложному пути. Особенно въ нашемъ данномъ случаѣ—подобная ошибка болѣе, чѣмъ возможна, и если мы указали на стремленіе духовной литературы къ сближенію со свѣтской, какъ на отрадное явленіе вообще, то это еще не значитъ, что здѣсь все благополучно и нормально. И сближеніе сближенію—рознь: иное, не смотря на честныя усилія сторонъ, не только не приводитъ къ взаимному пониманію и согласію, но, прямо можно сказать, „не пользуется ничтоже“.

Нѣчто въ этомъ именно родѣ можно прослѣдить на нашихъ попыткахъ сближенія со свѣтской журналистикой и литературой. Въ чемъ, въ самомъ дѣлѣ, проявлялось оно у насъ за всѣ эти годы? Прежде всего, — въ неловкомъ усилии съ нашей стороны обратить на себя и привлечь къ себѣ вниманіе нашей свѣтской сестры при полной, пока, безуспѣшности: и въ этомъ отношеніи духовный журналистъ игралъ все время роль жалкаго ухаживателя за свѣтской Дульциней, которая упорно отказывала ему въ заслуженномъ вниманіи. Въдѣ это же такъ: развѣ до сихъ поръ оцѣнила свѣтская журналистика духовную серьезно и внимательно, по достоянію? Развѣ въ свѣтскихъ журналахъ встрѣчали мы когда-нибудь безпристрастное отношеніе къ намъ и оцѣнку того содержанія, какое даетъ наша духовная повременная литература. скажемъ къ чести ея — и жизненная, и глубоко содержательная? Всякій скажетъ, что — нѣтъ. Правда, и церковно-религіозные вопросы, и наша жизнь трактуются теперь (можетъ быть, за недостаткомъ другихъ темъ) въ свѣтской печати съ большою охотой, но по ея собственному почину и безъ всякаго согласія или соотношенія съ тѣмъ, что высказывается у насъ по тѣмъ же предметамъ. Ясно, что со стороны свѣтской печати не настало еще время сознательнаго стремленія къ честному и плодотворному сближенію съ нами.

Но вотъ съ нашей стороны, какъ мы уже сказали вначалѣ, давно оказывается сознаннымъ дѣломъ необходимость такого сближенія, и мы готовы простирать братскія объятія къ противоположной сторонѣ, хотя въ нихъ и ловимъ часто одно пустое, холодное пространство, или еще нѣчто худшее.

Наша журналистика, въ сознаніи необходимости сближенія съ жизнію и умственнымъ складомъ родного образованнаго общества, старается, повидимому, знакомиться съ тою и другимъ по произведеніямъ свѣтской литературы и результаты своихъ усилій заносить на скрижали собственныхъ изданій. Но здѣсь-то и просвѣчиваетъ на каждомъ шагу наша личная односторонность и нѣкоторая узость пониманія поставленной

предъ собою цѣли. Въ нашихъ духовныхъ журналахъ отношеніе къ свѣтскимъ писателямъ и вообще къ свѣтской печати отличается крайне органичнымъ сословно-церковнымъ интересомъ. Мы любимъ „изучать“ даже современныхъ передовыхъ, лѣвыхъ нашихъ писателей, которые по мѣрѣ своихъ среднихъ талантовъ отражаютъ все же жизнь и настроеніе общества; но къ ихъ писаніямъ относимся своеобразно: все, что въ нихъ несогласно съ нашимъ міросозерцаніемъ, мы ставимъ имъ въ личную вину и готовы всехъ предать анаѹемъ. А что дадутъ они истинно жизненнаго въ своихъ твореніяхъ, что служить къ освѣщенію и уразумѣнію многихъ сторонъ современной жизни,—все это для насъ пока еще мало занимательно и оставляется безъ вниманія. Иные писатели, впрочемъ, пользуются и нашимъ сочувствіемъ, но опять же не за правдивое и глубокое изображеніе дѣйствительности, а за то лишь, что насъ, духовенство, или церковные обряды удоставляютъ снисходительнымъ и благодушнымъ вниманіемъ. И вотъ мы, копаясь въ твореніяхъ такихъ писателей, выбираемъ отдѣльныя фразы и мѣста, гдѣ касаются они архіереевъ, батюшекъ, дьяконовъ, дьячковъ, гдѣ описываютъ праздники и крестные ходы,—и, въ концѣ, съ умиленіемъ признаемъ, что есть же и среди писателей добрыя души, которыя насъ не обидятъ, и, если они померли, желаемъ имъ вѣчнаго упокоенія. Что дѣйствительно таково отношеніе нашихъ духовныхъ журналовъ къ современнымъ писателямъ, въ этомъ всякій убѣдится, кто прочтетъ хоть одну изъ многочисленныхъ статей, посвящаемыхъ такъ называемой „критикѣ“ современныхъ писателей, вродѣ Чехова, Андреева и другихъ, въ нашихъ ежемѣсячныхъ и нѣкоторыхъ недѣльныхъ изданіяхъ. Таково же отношеніе наше и къ голосамъ, мнѣніямъ, взглядамъ такъ называемой повременной печати, или „прессы“: мы слѣдимъ за нею очень внимательно и отмѣчаемъ въ своихъ изданіяхъ ея мнѣнія, если они непосредственно затрагиваютъ наши духовные и церковные интересы, не скупясь на суровую критику взглядовъ свѣтскихъ публицистовъ, если они

намъ не нравятся. Но мало намъ дѣла до того всесторонняго и фактическаго освѣщенія родной русской дѣйствительности, какое дается той же „прессой“. И въ общемъ результатъ успій и стремленій нашихъ къ сближенію со свѣтской печатью—журналистикой и литературой,—оказывается все еще мизернымъ и малоплоднымъ. Онъ сводится къ простой любознательности: что, молъ, такое говорить объ насъ „иностранцы“. А вѣдь по существу вся эта свѣтская литература и журналистика есть не что иное, какъ отраженное въ словесно-литературномъ и художественномъ зеркалѣ изображеніе жизни того народа и общества, тѣхъ самыхъ душъ, которыя подлежатъ нашему духовному водительству, попеченію и потому должна занимать насъ во всей ея многогранности, а не со стороны лишь непосредственныхъ соприкосновеній съ нашимъ духовнымъ міромъ.

Есть еще одна особенная черта, отличающая нѣкоторые духовные наши журналы за послѣдніе годы, которая также, повидному, служить показателемъ искренности и успѣха нашихъ стремленій къ общенію со свѣтской печатью. Это—вступленіе въ ряды работниковъ на духовно-журнальной нивѣ свѣтскихъ писателей: послѣдніе чаще и чаще украшаютъ своими твореніями наши духовные журналы. На первый взглядъ можетъ показаться, что наконецъ то, молъ, фактически осуществляется желательное единеніе, если свѣтскіе писатели не только перестали насъ чуждаться, но начинаютъ работать съ нами рука объ руку. Можетъ зародиться въ насъ свѣтлая надежда, что ихъ участіе въ нашей журналистикѣ внесетъ и оживленіе, и болѣе близкое, всестороннее освѣщеніе родной дѣйствительности. Не эта ли надежда заставляетъ отдѣльныя духовныя изданія усиленно вербовать „свѣтскаго писателя“ въ сотрудники и настойчиво объявлять ихъ имена передъ подпиской: не будемъ отрицать осуществимости подобныхъ надеждъ въ извѣстной мѣрѣ, но не можемъ все же признать за отмѣченной новой чертой дѣйствительной готовности свѣтской печати и настоящихъ „писателей“ ея

и корифеевъ идти навстрѣчу нашему стремленію къ общенію съ ними. Ничего подобнаго на самомъ дѣлѣ пока нѣтъ. Стоитъ только привести имена свѣтскихъ писателей, гастролирующихъ нынѣ въ духовной журналистикѣ, чтобы убѣдиться, что они не могутъ „сдѣлать погоды“, какъ не дѣлали ея и въ свѣтскихъ писательскихъ сферахъ никогда. По большей части все это—очень и очень незначительныя литературныя величины, притомъ же на закатѣ дней и угасанія таланта. Встрѣчая на страницахъ духовныхъ изданій имена различныхъ г.г. Погожевыхъ, Полиловыхъ, Никоновыхъ, Кругловыхъ, Коринфскихъ, какъ-то невольно думаешь: ужь не побудили ли ихъ смѣнять свой свѣтскій блимъ на нашу духовную скромную пиву просто разчеты—найти здѣсь „пристанище покоя и убѣжище суеты“ послѣ превратностей свѣтской литературной карьеры, не давшей имъ желанной славы? И притомъ же, суровыя требованія, предъявляемыя имъ руководителями духовной журналистики,—пѣть по иному камертону—писать беллетристику непременно на религіозныя и этическія темы и въ стихахъ воспѣвать обязательно религіозныя переживанія,—лишаютъ остальной надежды—получить отъ ихъ участія дѣйствительный подъемъ, оживленіе, или болѣе яркое освѣщеніе жизненныхъ явленій въ нашей духовной журналистикѣ. Что на самомъ дѣлѣ нѣтъ основаній видѣть въ появленіи у насъ „свѣтскаго писателя“ серіознаго признака къ сближенію свѣтской литературы и печати съ нами, это доказывается уже тѣмъ, что пока среди дѣйствующихъ у насъ гастролеровъ не находится еще ни одного литературнаго имени, пользующагося тамъ настоящимъ значеніемъ и славой. Къ тому же заключенію придемъ въ виду и того факта, что наши духовные писатели совсѣмъ не пользуются въ свѣтскихъ журнальныхъ сферахъ ни малѣйшимъ фаворомъ и рѣдки, какъ исключенія, случаи появленія трудовъ ихъ въ свѣтскихъ изданіяхъ, если не считать сотрудничества нѣкоторыхъ ренегатовъ и неудачниковъ изъ нашей

среды въ отѣлѣ фельетоновъ и на другихъ заворкахъ свѣтской печати...

Итакъ, ясно изъ всего, что говорили выше, какъ еще далеко нашему духовно-литературному стремленію къ братскому общенію съ широкой и жизненной областью свѣтской печати до полного осуществленія. Пока оно, — это стремленіе, — все еще остается во многихъ отношеніяхъ одностороннимъ, особенно въ смыслѣ равнодушія и неотзывчивости съ противоположной стороны; но оно, какъ говорили мы, все же необходимо для насъ самихъ и должно въ будущемъ дать непременно плодотворные результаты. Поэтому, не будемъ смущаться медленнымъ осуществленіемъ зародившейся въ нашей духовной журналистикѣ тенденціи, но посылно будемъ трудиться на пользу скорѣйшаго и широкаго осуществленія животворной идеи.

Условимся только, при началѣ же бесѣды, со снисходительнымъ и терпѣливымъ читателемъ въ одномъ: пусть онъ не ожидаетъ и не требуетъ отъ нашихъ будущихъ замѣтокъ какой-либо особенной всеобъемлемости и подробности въ истолкованіи явленій русской жизни, освѣщаемой свѣтской печатью. Жизнь современная слишкомъ многогранна и широка для этого, какъ, равно, безчисленны и калейдоскопически пестры ея словесно-литературныя отраженія въ печати. Хорошо уже было бы и то, еслибы удалось избѣжать отмѣченныхъ нами односторонностей въ этомъ дѣлѣ, препятствовавшихъ доселѣ дѣйствительному ознакомленію нашему со свѣтской журналистикой, а чрезъ то и прочному жизненно-плодотворному сближенію съ послѣдней. И этого, думается, можно въ извѣстной степени достигъ расширеніемъ интереса къ свѣтской печати за предѣлы узко-сословныхъ личныхъ и чисто-церковныхъ вопросовъ, а также болѣе объективнымъ отношеніемъ къ ея представителямъ. Итакъ, въ добрый часъ — попробуемъ начать свои замѣтки!

С. А. В - ѳ.

Изъ Апостола.

Едва ли не все чаще приходится слышать сѣтованія на малосодержательность и сухость церковной проповѣди. Причины этого явленія, какъ и всякаго, конечно, сложны. Но одна изъ нихъ и виднѣе всего, и наилегче устранима. Это — безконечная повторяемость темъ. Откровенно говоря, слышавъ отъ проповѣдника въ качествѣ начальнаго текста, напр., „Изыде сѣяй сѣяти сѣмене своего“, всегда незамѣтно подвигаешься къ выходнымъ дверямъ. На нѣкоторые тексты слѣдовало бы просто запретить проповѣди, — настолько они уже использованы, — запретить по крайней мѣрѣ до открытїя на нихъ новыхъ точекъ зрѣнїя.

Въ этомъ отношенїи прямо поразительно пренебреженіе проповѣдниковъ апостольскими чтенїями на литургїи. Положимъ Евангелїе и важнѣе, и понятнѣе, и ближе сердцу каждаго вѣрующаго. Но Православная Церковь не хочетъ, подобно лютеранской, чтобы почивали на одномъ Евангелїи. Она находитъ его слишкомъ возвышеннымъ для нашего пониманїя и подготавливаетъ къ слушанїю его чтенїемъ Апостола. И если бы проповѣдники удѣляли послѣднему столько же вниманїя, сколько первому, то въ храмахъ ежегодно преподавался бы кромѣ христіанской этики и полный курсъ христіанской догматики. Для воскресныхъ апостольскихъ чтенїй выбраны именно важнѣйшія богословскїя мѣста, притомъ исключительно изъ возвышенныхъ посланїй ап. Павла. И расположены они едва не въ самой строгой системѣ, начиная отъ посланїя къ Римлянамъ, этого „введенїя въ кругъ апостольскаго богословія“. Единственно, что извиняетъ проповѣдниковъ въ такомъ пренебреженїи — это сравнительная трудность этой части Новаго Завѣта. Какъ на зло, и семинарскїй учебникъ для посланїй значительно уступаетъ превосходной книгѣ Боголѣнова.

Настоящая замѣтка хочеть пролить свѣтъ при помощи лучшихъ западныхъ комментаріевъ ¹⁾ на три наиболѣе трудныя изъ наиболѣе употребительныхъ мѣстъ ап. Павла и тѣмъ содѣйствовать ознакомленію съ сокровищами его богословія, такъ какъ труднѣйшее въ Библии по большей части и важнѣйшее въ ней.

1 Кор. 6, 18.

Бѣгайте блудодѣянія; всякъ бо грѣхъ, егоже аще сотворитъ чело-
вѣкъ, кромѣ тѣла есть, а блудяй
во свое тѣло согрѣшаетъ.

Объ этомъ мѣстѣ бл. Августинъ (слово 152, 1) говорить: „не знаю, можно ли его вполнѣ объяснить, хотя при помощи Божіей можно кое-что предположительно сказать: такъ оно глубоко“. Болѣе вѣроятное объясненіе будетъ, кажется, такое: во всѣхъ рѣшительно грѣхахъ, какъ справедливо замѣчаетъ бл. Августинъ, человѣкъ пользуется своимъ тѣломъ, какъ орудіемъ, поскольку душа, пока она соединена съ тѣломъ, при всѣхъ своихъ актахъ нуждается въ тѣлесныхъ органахъ; въ этомъ смыслѣ никакой грѣхъ не можетъ быть *вне тѣла*. Но во всякомъ грѣхѣ, кромѣ блуда, человѣку необходимъ какой-нибудь предметъ внѣ его тѣла, предметъ, къ которому онъ имѣеть незаконное (безпорядочное) стремленіе, или которымъ недолжнымъ образомъ пользуется: прожорливый злоупотребляетъ пищею, скупой—деньгами, гордый стремится къ неподобающей ему славѣ, или незаконно ищетъ подобающей и пр. Посему можно сказать, что человѣкъ здѣсь или лишаетъ предметы того назначенія (цѣли), какая опредѣлена имъ Богомъ, или, вопреки воли Божественной, даетъ имъ другое назначеніе, и, слѣдовательно,

¹⁾ Напр. *Cornelius R. soc. Ies. Commentarius in 5. Pauli apostoli epistolam ad Corinthios 1. Par. 1890, и др.*

оскорбляетъ ихъ и „*ιρῶσιντὸς ἐν αὐτοῖς*“ (εἰς, „въ ня“—вин. п.). Совсѣмъ иначе въ блудѣ: здѣсь человѣку не нуженъ предметъ внѣ его тѣла, онъ пользуется (имѣетъ дѣло) только своимъ тѣломъ и пользуется для такой цѣли, какой Богъ не поставилъ тѣлу: такъ образомъ, какъ другіе оскорбляютъ предметы внѣ ихъ тѣла, такъ блудникъ оскорбляетъ свое тѣло и, слѣдовательно, *ἐν* (противъ) *свое тѣло ιρῶσιντὸς* (εἰς τὸ ἴδιον σῶμα ἀμαρτάνει). Если же кто возразилъ бы, что блудникъ злоупотребляетъ, вѣдь, тѣломъ блудницы, то Апостоль предупредилъ и это возраженіе словами: „или не вѣсте, яко прилѣпляйся сквернодѣйцѣ едино тѣло есть“ съ нею? (ст. 16).

„Последняя труба“ въ 1 Кор. 15, 52.

Словомъ „труба“, говоритъ бл. Августинъ (къ Говор. пис. 140, по друг. 120, 84), имѣетъ въ виду апостоль указать на какой-то очевиднѣйшій и знаменательнѣйшій знакъ (къ воскресенію); ее въ другомъ мѣстѣ апостоль называетъ: „гласомъ архангела и трубою Божіею“ (1 Сол. 4, 15); въ Евангеліи же она называется гласомъ самого Господа Иисуса Христа, который „услышать находящіеся во гробахъ и выйдуть“ (Іо. 5, 28). Большинство справедливо считаютъ названіе трубы метафорическимъ и полагаютъ, что метафора заимствована отъ употребленія трубъ по предписанію Исх. 20, 1 и сл. для созыванія всего народа и снятія лагеря; можетъ быть, апостолу при этомъ образѣ предносилась труба, которою собрали народъ для слушанія закона (Исх. 19, 13. 16). Какое именно очевиднѣйшее знаменіе здѣсь разумѣтся, трудно сказать; по однимъ (бл. Феодоритъ) нужно разумѣть самое повелѣніе Божіе (τὸ κελεύσμα τοῦ Θεοῦ ср. 1 Сол. 4, 16), по другимъ гласъ Христовъ (Θομα Акв.) или гласъ какого-нибудь архангела, по инымъ только явное для всего міра присутствіе Христа, по инымъ внезапное большое возбужденіе душъ и пр. Последнею же труба называется или потому,

что различаются разные звуки трубою и апостоль говорить о послѣднемъ изъ нихъ или потому, что эта труба будетъ послѣднимъ знакомъ, который данъ будетъ въ семь вѣкѣ, ибо съ пришествіемъ Христа этотъ вѣкъ кончится и начнется новый періодъ мессіанскаго царства на новой землѣ и на новомъ небѣ. Нѣкоторые отождествляютъ эту трубу съ седьмою и послѣднею Апокалиптической трубою (Апок. 11, 15 и слѣд.). Но видѣніе ап. Іоанна нельзя прилагать къ разсматриваемому мѣсту изъ посл. ап. Павла, пот. что къ послѣдней своей трубѣ Іоаннъ Богословъ не относитъ кончины міра и воскресенія мертвыхъ, а ап. Павелъ при описаніи кончины всегда говоритъ объ одной только трубѣ (ср. 1 Сол. 4, 15). Едва ли заслуживаютъ упоминанія гаданія позднѣйшихъ раввиновъ о семи трубахъ, изъ которыхъ каждая вызоветъ извѣстный актъ воскресенія ¹⁾.

1 Кор. 3, 13—15.

Когождѣ дѣло явлено будетъ, день бо явить, зане огнемъ открываается; и когождѣ дѣло, якоже есть, огнь вскуситъ; и егоже аще дѣло пребудеть, еже пазда, мзду приметъ; а егоже дѣло сгоритъ, отщетится, самъ же спасется, такожде, якоже огнемъ.

Странно, что столько высказано различныхъ мнѣній объ этомъ днѣ, хотя онъ такъ ясно описывается. Главнѣйшихъ три мнѣнія. Бл. Августинъ разумѣетъ здѣсь день вообще воздаянія, и ему слѣдуютъ нѣкоторые древніе западные толко-

¹⁾ „По первой трубѣ потрясется земля, по второй отдѣлится прахъ человѣка, по третьей соединятся кости, по 4-й согребутся члены, по 5-й голова покроется (волосами), по 6-ой души и духи войдутъ въ тѣла, по 7-ой ожившіе станутъ на вогу“ (Акиба).

ватели; другіе считаютъ его днемъ смерти и частнаго воздаянія; наконецъ съ св. Златоустомъ и другими восточными отцами многіе древнѣйшіе латиняне и почти всѣ новѣйшіе думаютъ, что здѣсь нужно разумѣть день второго пришествія Господня и всеобщаго суда, и это вѣрнѣе всего. Ибо одному тому дню отвѣчаетъ описаніе Апостола; одинъ онъ въ Писаніи называется „день“, „той день“ (ἡ ἡμέρα, ἐκεῖνη ἡ ἡμέρα) или „день Господень“ по преимуществу; одинъ онъ откроется во огнѣ (2 Сол. 1, 9; 2 Петр. 3, 7) и одинъ онъ обнаружитъ всякое дѣло. А здѣсь рѣчь не о какомъ бы то ни было обнаруженіи, но о такомъ, благодаря которому станетъ извѣстно ученіе учителей (т. е. Коринфской церкви) и плоды его, что не будетъ имѣть мѣста, „дондеже прійдетъ Господь, иже во свѣтѣ приведетъ тайная тьмы и объявитъ совѣты сердечныя“ (4, 5). Ибо хотя самъ учитель въ день частнаго суда узнаетъ свое положеніе и получить въ тотъ день воздаяніе, такъ что въ состояніи будетъ судить о своемъ положеніи, но для всѣхъ другихъ послѣднее останется неизвѣстнымъ. Далѣе—„во огнѣ“ не открывается день частнаго суда и воздаянія, если не разумѣть подъ огнемъ метафорически строгій судъ Божій или само воздаяніе; но нельзя оставлять собственный смыслъ и допускать переносный, если къ этому не вынуждаетъ уважительная причина, какой здѣсь, очевидно, нѣтъ, такъ какъ собственный смыслъ—самый подходящий. Огонь, о которомъ говоритъ ап. Павелъ, не есть огонь геенскій (св. Злат. и др.), ибо съ нимъ день Господень не откроется и имъ дѣла ни праведныхъ, ни нечестивыхъ не „искусятся“. Но, какъ показываетъ ясное описаніе апостола, это тотъ огонь, который латинскіе богословы называютъ „ignis conflagrationis“, (огонь сгорания т. е. міра); этимъ огнемъ откроется день Господень; это—тотъ огонь (τὸ πῦρ αὐτὸ δοκιμάσει), который обновитъ весь міръ (2 Петр. 3, 10 и сл.) и, какъ орудіе божественной правды, все, что тогда окажется на землѣ, такъ „искусить“ (испытаетъ, подвергнетъ испытанію), что одно оставитъ невредимымъ (злато,

сребро, каменіе честное), а другое сожжетъ (дрова, сѣно, тростіе), а иное охватитъ и будетъ мучить вѣчно. Апостоль не присоединяетъ въ этомъ мѣстѣ этого третьяго разряда, потому что онъ говоритъ о дѣлателяхъ, блюдущихъ основаніе, но въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ и объ этомъ послѣднемъ огнѣ (2 Сол. 1, 8) и въ стихахъ 16—17 намекаетъ на него („аще кто храмъ Божій растлитъ, растлитъ сего Богъ“). Ап. Павелъ нерѣдко такъ говоритъ о второмъ пришествіи Христовомъ и о днѣ послѣдняго суда, какъ если бы онъ и его современники имѣли дожить до того дня, вовсе, какъ ошибочно думаютъ нѣкоторые, не утверждая этого и не считая этого дѣломъ несомнѣннымъ или вѣроятнымъ, но предполагая его дѣломъ само по себѣ возможнымъ, о которомъ онъ не наученъ особымъ откровеніемъ (15, 52; 1 Сол. 4, 15; 2 Кор. 5, 3 и пр.). При такомъ же предположеніи онъ въ этомъ мѣстѣ говоритъ, какія слѣдствія будетъ имѣть то испытаніе огнемъ. Зданіе тѣхъ учителей, которые употребили въ дѣло прочный и цѣнный матеріаль, разумѣется—воздвигая зданіе на основаніи, которое есть Иисусъ Христосъ, которые выступали съ ученіемъ полезнымъ, во всѣхъ отношеніяхъ здравымъ, подходящимъ ко внутреннему состоянію Коринтской церкви, зданіе ихъ будетъ невредимо, не повредится огнемъ, и сами строители получаютъ свою награду: *„у кого дѣло, которое онъ строилъ, устоитъ, тотъ получитъ награду“*. Дѣло, которое испытывается огнемъ, не ученіе само по себѣ, но плоды, которые ученіе произвело въ церкви Коринтской и которые въ дѣйствительности нашель бы въ Церкви Господь, еслибъ Онъ пришелъ въ то время. Награда же, которая дана будетъ тѣмъ учителямъ, не есть лишь общая, какую получить всякій христіанинъ, котораго Господь, придя, найдетъ готовымъ, но нѣкая особая, которая отвѣчаетъ построенному зданію (и цѣннымъ матеріаламъ. А что здѣсь не объ общей наградѣ рѣчь, ясно изъ слѣдующаго стиха: учителя, которыхъ зданія, какъ воздвигнутыя изъ дерева, сѣна, соломы, не устоятъ отъ огня, не

получать этой особой награды, которая положена за зданія хорошо сооруженныя, но должны довольствоваться общей наградой, какая дается всѣмъ усерднымъ дѣлателямъ, хотя они достигнуть и ея не иначе, какъ тяжелымъ, суровымъ путемъ: „а у кого дѣло споритъ, тотъ потерпитъ убытокъ“. Какой убытокъ потерпитъ, ясно изъ предыдущаго стиха; онъ потеряетъ награду, положенную за строеніе; выраженіе апостола можно восполнить: потерпитъ лишеніе награды. Безполезною и пустою своею проповѣдью онъ не содѣйствовалъ истинному развитію Церкви, но далъ только съ виду плоды; красотою своихъ рѣчей и мнимою глубиною своего ученія онъ привлекъ много слушателей и овладѣлъ ихъ вниманіемъ. Но въ ихъ душу не проникъ и не подвинулъ ихъ къ добродѣтели, а произвелъ, можетъ быть, только пустое, бесплодное дѣйствіе и распространялъ любопытныя свѣдѣнія, а это уничтожится тѣмъ огнемъ, и значить, такой учитель недостоинъ особой награды учителямъ. Но апостоль пред-полагаетъ дѣлателя, который соблюлъ основаніе и даже усердно работалъ своему Господу, который, слѣдовательно, не долженъ лишиться награды, положенной всѣмъ дѣлателямъ: „самъ же спасется (σωθήσεται)“, получить вѣчное спасеніе, общее блаженство. Но такъ какъ онъ неправильно работалъ и вопреки волѣ своего Господина употреблялъ плохой матеріалъ на зданіе, то онъ заслуживаетъ нѣкотораго наказанія: „спасется такожде якоже огонь“ (ὅτως ὡς διὰ πῦρός). По изображенію ап. Павла разные работники застигнуты при возведеніи одного и того же зданія, когда вдругъ занимается пожаръ. Въ той части зданія, которую первые работники строятъ изъ золота, серебра, каменія честнаго, огонь не находитъ себѣ пищи, такъ что зданіе не портится и строители остаются невредимы; другую же часть, состоящую изъ дерева, сѣна, соломы, охватываетъ пламя и сожигаетъ; строители, застигнутые въ этой части, принуждены бѣжать и, пробѣгая чрезъ самый огонь (διὰ πῦρός), хотя избѣгнуть гибели, но выйдутъ не безъ непріятности. — и съ ожо-

гами. „Какъ бы изъ огня“ (ϕ;) также мало говорить противъ того, что здѣсь рѣчь о настоящемъ огнѣ, какъ такая же частица въ Ю. 1, 14 („славу яко Единороднаго отъ Отца“) говорить противъ того, что у воплощеннаго Слова была настоящая слава Единороднаго; ϕ; въ этихъ мѣстахъ, очевидно, соответствуетъ еврейскому *ke* (это какъ бы гебраизмъ), которое часто означаетъ не подобіе, а равенство, или даже тожество.

М. Скабаллановичъ.

Библия и естествознание.

(Продолженіе ¹⁾).

Перейдемъ ко второму: есть-ли то, о чемъ я говорилъ, что составляетъ сущность человѣка—его разумъ, его духъ,—нѣчто ему въ особенности присущее? Библия говоритъ: человѣкъ, въ отношеніи своего духа, имѣетъ особое происхожденіе, которое отличаетъ его, въ отношеніи всего его существа, отъ животнаго, и этотъ свой духъ онъ получилъ, благодаря особому творчеству Бога.

Геккель и многіе изъ его естественно-научныхъ и философскихъ послѣдователей говорятъ: нѣтъ, это не такъ; то, что мы называемъ въ человѣкѣ духомъ, разумомъ—это только лишь нѣчто, само сабою развившееся изъ животной способности.

Геккель ссылается при этомъ на трудъ нѣкоего Ромменса. Ромменсъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Геккель утверждаютъ, будто высшая духовная дѣятельность человѣка, т. е. разумъ, даръ слова и сознаніе, произошли отъ низшей предварительной ступени—отъ обязынь. „Человѣкъ“, говорятъ Геккель и Ромменсъ, „не обладаетъ единой „духовной дѣятельностью“, которая была-бы исключительно ему присуща; вся его душевная жизнь отличается отъ таковой наиболѣе близкихъ и род-

¹⁾ См. № 8-й за 1911 г.

ственныхъ ему млекопитающихъ только степенью, а не видомъ, только количественно, а не качественно“. И въ другомъ мѣстѣ: „Психологическія (то-есть душевныя) различія между человѣкомъ и человѣкоподобной обезьяной менѣе значительны, чѣмъ соответствующія различія между человѣкоподобной обезьяной и низшими видами обезьянъ“.

Это значить, что люди отличаются въ отношеніи мышленія отъ обезьянъ не болѣе, чѣмъ различныя породы обезьянъ между собою.

Можно задать вопросъ: откуда-же, собственно говоря, видно, что обезьяны настолько умны, чтобы нашъ разумъ долженъ былъ возникнуть изъ дѣятельности обезьяняго разума? Рассказывается случай, какъ путешественники, проѣзжавшіе въ мѣстности, гдѣ много водилось обезьянъ, развели въ холодную ночь костеръ, а сами удалились. Мерзнувшія обезьяны спустились внизъ, сѣли къ огню и стали грѣться; когда костеръ потухъ, онѣ разбѣжались. Но ни одной обезьянѣ не пришла въ голову мысль бросить въ огонь хоть кусочекъ сухого топлива, лежавшаго тутъ-же. Это характерно для природы обезьянъ: онѣ не имѣютъ силы дѣйствовать самостоятельно.

Геккель можетъ привести только два доказательства въ пользу своихъ обезьянъ: 1. материнскую любовь обезьяны, 2. ея говоръ.

Онѣ осмѣливается писать по этому поводу слѣдующее: „Особенно важно для этого высоко-развитого класса животныхъ это выдѣленіе грудными железами молока и особая форма ухода за дѣтенышами, состоящая въ питаніи дѣтенышей молокомъ матери. Такъ это кормленіе молокомъ оказываетъ чрезвычайно большое вниманіе и на всю жизненную дѣятельность, такъ какъ материнская любовь млекопитающихъ имѣетъ своимъ источникомъ нѣжную форму кормленія грудью. то названіе этого класса справедливо напоминаетъ намъ объ его высокомъ значеніи. На милліонахъ картинъ, главнымъ образомъ первоклассныхъ художниковъ, прославляется „Ма-

донна съ Христомъ-младенцемъ“, какъ чистѣйшій и возвышенѣйшій первообразъ материнской любви; это тотъ-же инстинктъ, крайнюю форму котораго представляетъ преувеличенная нѣжность обезьяны-матери“.

Итакъ, Марія съ Христомъ-младенцемъ кощунственно связывается Геккелемъ съ обезьяной-матерью и ея дѣтенышемъ! Что ни слово, то чепуха. Ибо, во-первыхъ, любовь къ дѣтенышамъ отнюдь не представляетъ особенности только обезьянъ. Кто знаетъ животныхъ, тому извѣстно, что бесчисленное количество животныхъ, не кормящихъ своихъ дѣтенышей молокомъ, готовы, тѣмъ не менѣе, пожертвовать ради нихъ жизнью.

Именно эта картина, которую развѣтываетъ передъ нашими глазами Геккель, доказываетъ яснѣе всего огромную разницу. Человѣкъ можетъ служить сюжетомъ возвышенной картины, какъ это намъ показываетъ Рафаэль, животное-же—никогда; для обозначенія противоположности съ одухотворенной любовью людей существуетъ даже выраженіе „обезьянья любовь“ (т. е. любовь безразсудная). Очень грустно, что подобная болтовня приводитъ въ восторгъ тысячи неспособныхъ къ критикѣ людей.

Какъ обстоитъ дѣло съ даромъ рѣчи? Геккель утверждаетъ: „Особенно интересенъ тотъ фактъ, что звуковой говоръ обезьянъ, при физиологическомъ сравненіи, является переходной ступенію къ членораздѣльной человѣческой рѣчи. Среди живущихъ еще и въ настоящее время человѣкоподобныхъ обезьянъ существуетъ одна индійская порода, съ высшей степени музыкальная: *Hylobates syndactylus* на Суматрѣ поетъ вполнѣ чистыми и звучными полутонами цѣлую октаву. Для непредубѣжденнаго филолога не можетъ быть въ настоящее время сомнѣній въ томъ, что наша высоко-развитая отвлоченная рѣчь развилась медленно и постепенно изъ несовершеннаго звукового говора нашихъ пліоценовыхъ предковъ—обезьянъ“.

Ни одинъ человѣкъ (это я заимствую изъ одного естественно-научнаго труда) не знаетъ этихъ пліоценовыхъ обезьянъ; только Геккель воображаетъ ихъ себѣ на основаніи гипотезы о промежуточныхъ членахъ.

Рѣчь обезьяны представляетъ собою не болѣе, какъ звуковой говоръ, который свойственъ и многимъ другимъ животнымъ. Кто наблюдалъ за міромъ животныхъ, тотъ знаетъ, что всѣ они имѣютъ свои звуки и образуютъ изъ этихъ звуковъ родъ говора. То-же мы наблюдаемъ и у обезьянъ. Кроме того, это неправда, что всѣ непредубѣжденные филологи принимаютъ и стараются доказать, будто обезьяны имѣютъ свой особенный языкъ. Максъ Мюллеръ говоритъ слѣдующее: „Не анатомическія (то-есть, тѣлесныя) пріянія мѣшаютъ животнымъ говорить. Животное могло-бы научиться говорить только при томъ условіи, если-бы оно могло предварительно возвыситься до мыслящаго существа; но тогда оно не было-бы только животнымъ, оно было-бы человѣкомъ. Человѣкъ говоритъ, но ни одно животное не произнесло никогда ни одного слова. Этотъ нашъ отвѣтъ, опирающійся на факты, мы даемъ тѣмъ, кто говоритъ о развитіи, кто вѣритъ въ то, что, по крайней мѣрѣ, всѣ первоначала всѣхъ человѣческихъ способностей открыты въ обезьянахъ... Рѣчь есть нѣчто болѣе очевидное, нежели борозда въ мозгу или устройство черепа“.

Подобнымъ образомъ выражается и знаменитый изслѣдователь исторіи Ранке въ своей книгѣ „Человѣкъ“.

Спрашивается, если Геккель ничего болѣе не можетъ привести въ доказательство разумности обезьянъ, кромѣ только что изложеннаго мною — почему-же все-таки онъ упорствуетъ на томъ, будто человѣческій разумъ образовался изъ несуществующаго, по моему мнѣнію, разума обезьянъ? Онъ стоитъ на своемъ потому, что свойства мозга у обезьянъ очень схожи со свойствами человѣческаго мозга, и Геккель именно полагаетъ сдѣлать изъ этого выводъ, что человѣческій разумъ образовался самъ собою, посредствомъ чисто механическаго тѣлеснаго развитія. Все то, что мы имѣемъ обыкновеніе обо-

значать именемъ разума—самосознаніе, воля и духовная дѣятельность.—все то, что разсматриваемое съ чисто внѣшней стороны, ставитъ насъ въ абсолютную противоположность съ совокупностью міра животныхъ, все это будто-бы возникло само собою изъ тѣла и тѣлесныхъ свойствъ обезьяны.

Это фактъ, что нашъ мозгъ очень схожъ съ мозгомъ обезьяны, но это совсѣмъ не фактъ, что мозгъ даетъ больше, нежели только возможность къ мышленію. Человѣкъ можетъ мыслить, ибо онъ имѣетъ мозгъ, но мозгъ, какъ таковой, не создаетъ мышленія. Вотъ въ этомъ-то все дѣло.

Геккель пытается доказать, что всѣ духовныя, разсудочныя функціи человѣка возникли сами собою въ развитіи тѣлеснаго начала. Но при этомъ съ нимъ каждый разъ случается одно и то-же,—когда онъ доходитъ до спорнаго пункта, гдѣ онъ долженъ доказать свои утвержденія, тутъ онъ подсовываетъ духовное, именно потому, что происхожденіе духовнаго изъ тѣлеснаго доказать невозможно. Онъ хочетъ, напр., доказать, что человѣческое самосознаніе есть не что иное, какъ функція мозга. Онъ объясняетъ, что самосознаніе возникаетъ на различныхъ ступеняхъ, и когда, наконецъ, ощущеніе достигаетъ нятой ступени, тогда отраженіе поступаетъ въ мозгъ, въ центральную часть нервной системы, которая превращаетъ то, что въ ней отражается, въ сознательное ощущеніе. Но вѣдь онъ, такимъ образомъ, предварительно предполагаетъ какъ разъ то, что хочетъ доказать. Какимъ образомъ происходитъ сознание по Геккелю? Оно происходитъ, такъ какъ существуетъ. Но я могу сто разъ отражать одинъ и тотъ-же образъ въ зеркаль, но никогда не наступитъ минута когда-бы зеркало сознало этотъ образъ? это могло-бы случиться только въ томъ случаѣ, если-бы зеркало уже обладало сознаниемъ.

Точно такъ-же Геккель хочетъ доказать, что воля есть не что иное, какъ тѣлесная функція, возникшая изъ волевыхъ ячеекъ. Но такихъ волевыхъ ячеекъ не существуетъ. Этого-то именно и невозможно доказать, что духъ возникаетъ изъ тѣла. Вслѣдствіе этого, Геккель насчитываетъ многихъ про-

тивниковъ въ средѣ естествоиспытателей и философовъ; тѣ-же, кто не хочетъ примириться съ тѣмъ, что духъ имѣетъ особое, независимое отъ матеріи, происхожденіе, съ которымъ насъ не можетъ ознакомить естествознаніе, говорить: духъ такъ-же, какъ и матерія, былъ изначала. Но это дѣло вѣры, ибо доказать этого нельзя.

Итакъ, я сдѣлалъ выводъ, что доказать возникновеніе разума изъ тѣлеснаго начала—невозможно. Но Геккель приводитъ еще и другія доказательства, утверждая, что онъ могъ-бы доказать и на дѣлѣ, черезъ наблюденіе надъ міромъ животныхъ, что животныя точно такъ-же обладаютъ разумомъ и разумомъ, какъ и люди.

Но это не согласуется, прежде всего, съ утвержденіемъ, будто мозгъ есть источникъ разума. Многія животныя дѣйствуютъ, повидимому, очень разумно сами собою, или, какъ, напр., собака и слонъ, совершаютъ, повидимому, очень разумныя дѣйствія при помощи воздѣйствія человѣка. Но какъ разъ эти животныя имѣютъ мозгъ, не похожій на мозгъ обезьянъ, а обезьяна, обладающая мозгомъ, наиболѣе схожимъ съ человѣческимъ, тѣмъ не менѣе не можетъ быть побуждена къ совершенію того, что дѣлаютъ другія умныя животныя, служа людямъ. Итакъ то, что совершаетъ какое либо животное, поскольку оно кажется разумнымъ, не можетъ зависѣть только отъ свойствъ мозга. Уже знаменитѣйшій естествоиспытатель Робертъ Майеръ (впервые открывшій законъ о сохраненіи энергіи) заявилъ самый рѣшительный протестъ противъ грубаго заблужденія, будто можно отождествить мозговую дѣятельность съ духовными отправлениями организма. Мозгъ у людей служитъ орудіемъ для дѣятельности разсудка, но онъ не тождественъ съ разумомъ.

Геккель говоритъ, что животныя, какъ муравьи, пчелы, пауки и т. п., дѣйствуютъ разумно. Подъ разумной дѣятельностью мы понимаемъ образъ дѣйствій, пронстекающій изъ размысленія. Но то, что дѣлаетъ пчела или муравей, они

дѣлають не на основаніи размышленія, а на основаніи свойственнаго имъ инстинкта. Они должны это дѣлать,—хотятъ они этого, или не хотятъ.

Совершенно другое представляетъ собою человѣкъ. Если человѣкъ что-либо создаетъ, то создаетъ это благодаря размышленію, благодаря изобрѣтенію, при измѣняющихся условіяхъ дѣятельности, и при этомъ онъ самъ себѣ ставитъ цѣль. Животное-же такъ не можетъ дѣйствовать. Цѣли животному ставитъ природа, и оно должно выполнить то, что оно выполняетъ. Человѣкъ ставитъ себѣ цѣль самъ и дѣлаетъ это на основаніи дѣйствующаго въ немъ разума. Вотъ гдѣ лежитъ коренная разница. Этотъ разумъ абсолютнымъ образомъ отличаетъ человѣка отъ животнаго; основываясь именно на этомъ мы и утверждаемъ, что невозможно доказать, будто разумъ человѣка возникъ самъ собою—изъ животнаго начала.

Какъ-же обстоитъ дѣло съ духовной жизнью? Мы не имѣемъ очень точныхъ свѣдѣній о внутренней жизни животнаго, мы можемъ судить о ней только по единичнымъ дѣйствіямъ. Мы находимъ въ ней какъ удовольствіе, такъ и неудовольствіе, привязанность, любовь, общительность, готовность помогать, но также и зависть, ненависть, нетерпимость и страхъ. Но всего этого очень мало сравнительно съ богатствомъ внутренней жизни человѣка, какою она проявляется въ его трудахъ и во всей его культурной исторіи. Животному прежде всего не достаетъ самаго существеннаго и рѣшающаго: животное, на основаніи своей внутренней жизни, не можетъ измѣнить свою личность. Можно обучить и выдрессировать животное, оно будетъ совершать извѣстныя дѣйствія изъ страха или въ ожиданіи награды, и то, что оно постепенно восприняло, оно будетъ продолжать дѣлать нѣкоторое время одинаковымъ образомъ. Но животное никогда не будетъ совершать то, чему его обучили, изъ сознанія, что то, что оно дѣлаетъ, хорошо и справедливо; оно будетъ совершать извѣстныя дѣйствія просто потому, что его такъ научили. Съ

исчезновеніемъ же этихъ впечатлѣній оно опять возвращается къ своей старой натурѣ.

Иное дѣло—человѣкъ. Онъ можетъ благодаря впечатлѣніямъ, дѣйствующимъ на него, измѣнить свою внутреннюю сущность, измѣнить свою личность и все это возможно на основаніи его самосознанія и самоопредѣленія. Тутъ мы имѣемъ дѣло со второй существенной разницей между человѣкомъ и животнымъ: человѣкъ обладаетъ самопознаніемъ и самоопредѣленіемъ, и отсюда вытекаетъ исторія всего человѣчества. Эти качества возвышаютъ его до личности. Человѣкъ, слѣдовательно, имѣетъ исторію, міръ животныхъ-же ея не имѣетъ.

Въ началѣ Библіи говорится, что Богъ сказалъ людямъ: „Владычествуйте надъ всякимъ скотомъ и надъ всею землею“, и это вполне правильно характеризуетъ отъ начала разницу между міромъ людей и міромъ животныхъ, какою она фактически и является. Человѣкъ, уже въ силу живущаго въ немъ разума, присущаго ему самоопредѣленія и самосознанія, господствуетъ надъ землею и надъ міромъ животныхъ.

Откуда онъ это имѣетъ?

Неправильно говорить, будто онъ пріобрѣлъ эти свойства путемъ развитія изъ животнаго, ибо животному какъ разъ недостаетъ того, что дѣлаетъ человѣка человѣкомъ. Откуда человѣкъ получилъ эти свойства, естествознаніемъ не можетъ быть доказано: точно также не можетъ быть доказано, что онъ имѣетъ это отъ Бога; тутъ надо только вѣрить. Библія говоритъ, что Богъ создалъ человѣка по подобию Своему и вдунулъ въ него дыханіе жизни. Этимъ Онъ далъ человѣку нѣчто, отличающее его отъ животнаго, а именно—духовное начало. Естествознаніе противится принятію того, что человѣку дано нѣчто, особеннымъ образомъ его отличающее, вслѣдствіе премірнаго воздѣйствія, ибо въ тотъ моментъ, когда естествознаніе съ этимъ согласится, оно должно будетъ признать чудо. Оно должно будетъ признать, что

мы имѣемъ внутри себя нѣчто, для чего не можетъ быть дано никакого естественнаго объясненія, ибо естествознаніе не можетъ доказать само возникновеніе духовнаго начала въ человѣкѣ. Принимая то, что духовное возникло само собою изъ животнаго, оно, именно, только принимаетъ это, то-есть, оно можетъ сдѣлать это догматомъ, но не болѣе. И какъ мы не можемъ воспрепятствовать естественной наукѣ вѣрить этому, точно также однако и насъ, если мы стоимъ на иной точкѣ зрѣнія, наука никакими доказательствами не можетъ заставить усомниться въ нашей вѣрѣ; и мы вѣримъ въ то, что Богъ вложилъ духъ въ специально для духа приготовленное тѣло человѣческое, и что духъ этотъ своею дѣятельностью создаетъ ему исключительное положеніе во вселенной, какою мы ее знаемъ, и переть всѣмъ животными.

Перев. *Н. Н. Селивановскій.*

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА.

Къ вопросу о томъ, на чьей обязанности лежитъ починка проселочныхъ дорогъ и мостовъ на церковныхъ земляхъ, находящихся въ пользованіи причтовъ.

Изъ-за ремонта дорогъ у священно-церковно-служителей постоянно возникаютъ съ своими прихожанами и ближайшею полицейскою властію непріятные конфликты и судебные процессы, такъ какъ чинить дороги никому нежелательно; бѣдныя церкви кромѣ того обременены налогами и не въ силахъ исправлять дороги, особенно растянувшіяся на нѣсколько верстъ, да еще при плохомъ грунтѣ, а причты—временные владѣльцы церковныхъ земель и земля не составляетъ ихъ собственности. Прихожане же отказываются ремонтировать дороги, ссылаясь на объявленное имъ волостными правленіями, по распоряженію Земскихъ Начальниковъ, распоряженіе Правит. Сената (изъ *Извѣстій земскаго отдѣла*—журналъ Мин. Внутреннихъ Дѣлъ за 1910 годъ Апрель № 4-й стр. 185), которое гласитъ: „согласно ст. 449 т. IX св. зак. церковныя земли состоятъ въ непосредственномъ распоряженіи наличныхъ при церкви состоящихъ священнослужителей и церковныхъ причетниковъ, и какъ разъяснилъ Прав. Сенатъ (рѣш. 1898 г. № 50), составляютъ личную принадлежность церковнаго причта, необходимую для поддержанія ихъ лич-

наго и семейнаго благосостоянія. Принимая же во вниманіе, что въ силу ст. 802 уст. пут. сообщ. и ст. 295 уст. зем. пов. проселочныя и полевыя дороги устраиваются и содержатся селеніями и владѣльцами, чрезъ дачи которыхъ они проходятъ, слѣдуетъ заключить, что означенная обязанность лежитъ и на причтъ, какъ владѣльцы церковной земли“. Читая рѣшенія Правительствующаго Сената, сличая его съ отвѣтами Редакціи Синодальнаго органа Церк. Вѣд. за 1904 г. № 30 стр. 1141, приходишь въ недоумѣніе, кому вѣрить. Конечно, и рѣшеніямъ Сената нельзя не подчиняться, какъ учрежденія издающаго законы... Если обязанность исправленія дорогъ и мостовъ по церковнымъ землямъ лежитъ на священно-церковно-служителяхъ, то она ставитъ духовенство въ самое трудное матеріальное положеніе, въ виду того, что значительная часть нашего сельскаго духовенства вовсе еще не получаетъ ничтожнаго казеннаго содержанія въ размѣрѣ максимумъ 300 руб. въ годъ, т. е. 25 р. ежемѣсячно и источникомъ существованія духовенства въ этихъ мѣстахъ доселѣ служатъ доходы церковныя и доходы отъ церковныхъ земель и ихъ угодій. Ясно, что, получая доходъ отъ церковныхъ земель, добрую половину ихъ нѣкоторые причты должны положить на ремонтировку дорогъ, пролегающихъ чрезъ церковныя земли. При существующихъ законоположеніяхъ священно-церковно-служителямъ придется совсѣмъ отказаться отъ пользованія землями и отдать ихъ въ собственность „прихода“, который-бы распорядился доходами отъ нихъ по своему усмотрѣнію.

Въ виду остроты затронутаго вопроса нахожу полезнымъ подѣлиться полученнымъ мною Сенатскимъ рѣшеніемъ его: обязанность причта чинить дороги и мосты на церковныхъ земляхъ относится лишь къ тѣмъ землямъ, которыя составляютъ особыя дачи, заключающія церковную собственность; но на земляхъ, къ церквамъ отмежеванныхъ, исправленіе дорогъ, мостовъ и затей лежитъ на прихожанамъ, хотя-бы земли сіи обрабатывались самими служителями церкви. (Прим. 1 къ ст. 775 устава пут. сообщ.) № 9-й за 1910 г. „Извѣстія земск. отдѣла за Сентябрь“ (Новг. епарх. вѣд.).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 23-го февраля 1911 года.

Цензоръ священникъ Николай Гроссу.

Типографія Акціонер. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринг. у.

ГОДЪ

Ц

РѢКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 10.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1911-го года марта 6-го дня.

Содержаніе: I. О смыслѣ жизни. Н. Гумилевскій.—II. Два типа приход-
скихъ священниковъ. Макарій, архіеп. Томскій.—III. Библия и
естествознаніе. (Окончаніе). Перев. П. П. Селивановской.—IV. Рѣд-
кая книга. Свят. А. Веселицкій.

О СМЫСЛѢ ЖИЗНИ.

(По поводу самоубійствъ).

Въ послѣднее время въ Россіи чрезвычайно умножилось количество самоубійствъ, такъ что, если лѣтъ 5 тому назадъ Россія въ этомъ отношеніи занимала послѣднее мѣсто среди европейскихъ государствъ, то теперь занимаетъ одно изъ первыхъ. Такое широкое распространеніе этого зла требуетъ борьбы съ нимъ, а для правильной постановки борьбы необходимо точно опредѣлить причины его. Часто причиной самоубійствъ считаютъ лишенія и бѣдствія, которыя дѣлаютъ жизнь человѣка невыносимой. Но эти лишенія и бѣдствія скорѣе слѣдуетъ считать поводомъ, или побужденіемъ къ самоубійству, а не причиной его, такъ какъ многіе люди

находятъ въ себѣ силы переносить такія же страданія и при такихъ же условіяхъ все-таки не лишаютъ себя жизни. Въ послѣднее время сами самоубійцы въ оставляемыхъ ими запискахъ большей частью иначе объясняютъ свой поступокъ: въ этихъ запискахъ чаще всего говорится, что жизнь наскучила, или что жизнь потеряла свой смыслъ и свою цѣнность. И въ тѣхъ случаяхъ, когда самоубійства вызываются страданіями и лишеніями, самоубійца, очевидно, недостаточно цѣнить жизнь свою, такъ какъ эта цѣнность не можетъ перевѣсить для него тяжести страданій.

Всему живому присуще неискоренимое стремленіе къ самосохраненію; всякое животное защищаетъ свою жизнь до послѣдней крайности. Какимъ же образомъ для человѣка жизнь можетъ потерять свой смыслъ, такъ что онъ самъ рѣшается прекратить ее? Очевидно, это ненормальное явленіе объясняется тѣми великими преимуществами, которыми человѣкъ отличается отъ животныхъ и которыми онъ можетъ злоупотреблять. Въ отличіе отъ животныхъ, человѣкъ обладаетъ разумомъ, свободой и стремленіемъ къ безконечному развитію. Животныя въ своей дѣятельности руководятся непреодолимымъ инстинктомъ самосохраненія и продолженія своего рода. Человѣкъ не можетъ удовлетвориться такой инстинктивной, животной жизнью: онъ долженъ сознательно ставить себѣ цѣли и свободно осуществлять ихъ; эта свободная дѣятельность для достиженія сознательно поставленныхъ цѣлей и придаетъ смыслъ и цѣнность жизни человѣка. Но человѣку свойственно ошибаться; поэтому онъ можетъ намѣчать цѣли или недостижимыя, или несоотвѣтствующія высокому достоинству человѣка; само собою понятно, что дѣятельность, направленная къ достиженію такихъ цѣлей, не можетъ вполне удовлетворить человѣка, сообщить его жизни полный и истинный смыслъ. И въ жизни мы видимъ, что большинство людей неправильно избираютъ себѣ цѣли.

Значительное большинство людей стремится, главнымъ образомъ, къ избѣжанію страданій и къ полученію возможно

большаго количества наслажденій, вызываемыхъ или удовлетвореніемъ чувственныхъ потребностей, или обладаніемъ богатствомъ, властью, почестями и т. п. Но такое стремленіе постояннаго и полнаго удовлетворенія человѣку дать не можетъ. Прежде всего, лишь очень немногіе изъ людей обладаютъ достаточными средствами для того, чтобы постоянно доставлять себѣ всѣ возможныя удовольствія; большинство же въ своей погонѣ за наслажденіями часто встрѣчаетъ непреодолимыя препятствія. И разъ другой, высшей цѣли у человѣка нѣтъ, то онъ, естественно, испытываетъ разочарованіе, жизнь теряетъ для него привлекательность и становится тяжкимъ бременемъ, которое онъ тянетъ лишь потому, что нѣтъ послѣдняго рѣзкаго толчка къ тому, чтобы сразу прекратить ее. Но и въ томъ случаѣ, когда человѣкъ имѣетъ возможность доставлять себѣ всѣ удовольствія, которыя выдумываетъ его прихотливое воображеніе, полнаго удовлетворенія онъ получить не можетъ. Въ силу присущаго ему стремленія къ безконечному, человѣкъ желаетъ все высшихъ и утонченнѣйшихъ наслажденій, тѣмъ болѣе, что, по известному психологическому закону, чувство удовольствія отъ частаго повторенія притупляется. Чувство это имѣетъ относительный характеръ: оно бываетъ тѣмъ напряженнѣе, чѣмъ сильнѣе предшествующее ему лишеніе или страданіе, и наоборотъ—предшествующее удовольствіе настолько ослабляетъ интенсивность послѣдующаго, что послѣдующее можетъ быть вызвано лишь средствами болѣе сильными или утонченными. Но способность чувствовать все болѣе напряженныя и утонченныя удовольствія не безконечна, и неизбѣжно наступаетъ время, когда въ человѣкѣ, пресыщенномъ наслажденіями, ничто уже не въ состояніи вызвать удовольствія. Такъ принципъ удовольствія, какъ высшей цѣли жизни, приходитъ къ самоотрицанію. Примѣръ такого пресыщенія удовольствіями представляютъ римскіе эпикурейцы, превосходный образецъ которыхъ выведенъ Ген. Сенькевичемъ въ его романѣ „Камо грядеши?“ въ лицѣ Петронія; испытавши всѣ доступные

человѣку виды наслажденія, Петроній въ концѣ концовъ лучшей выходъ для себя находить въ самоубійствѣ.

Въ подобномъ же положеніи оказывается и человѣкъ, главной цѣлью своей жизни поставившій служеніе красотѣ, идеѣ прекраснаго. Эстетическое наслажденіе безспорно возвышеннѣе и утонченнѣе указанныхъ выше видовъ удовольствій; но и оно подчинено тому-же психологическому закону относительности. Кромѣ того, служеніе красотѣ, и по самому существу дѣла, полного удовлетворенія человѣку доставить не можетъ, такъ какъ при этомъ служеніи еще болѣе выступаетъ присущее человѣку стремленіе къ безконечному. Чѣмъ болѣе развивается у человѣка художественный вкусъ, пониманіе прекраснаго, тѣмъ все болѣе прекрасные и недостижимые идеалы представляются его творческой фантазіи, и тѣмъ менѣе можетъ онъ удовлетворяться воплощеніемъ этихъ идеаловъ въ грубыхъ земныхъ формахъ. У величайшихъ поэтовъ нерѣдко встрѣчается выраженіе глубокой скорби, вызываемой сознаниемъ, что находящіяся въ ихъ распоряженія средства оказываются мало подходящими для выраженія предносящихся ихъ умственному взору идей. Прекрасно эта мысль выражена въ извѣстномъ стихотвореніи Лермонтова о душѣ, которой „звуковъ небесъ замѣнить не могли скучныя цѣсни земли“.

Еще выше по своему достоинству стоитъ служеніе человѣка идеѣ истины — научная и философская дѣятельность; однако сама по себѣ и эта дѣятельность придать полную содержательность и цѣнность жизни человѣческой не можетъ. И въ познаніи, какъ и въ другихъ областяхъ своей дѣятельности, человѣкъ стремится къ безконечному—въ данномъ случаѣ къ полной и безусловной истинѣ. Между тѣмъ, наука, какъ извѣстно, полного и безусловнаго знанія не даетъ. Только полу-образованный человѣкъ можетъ гордиться своимъ знаніемъ, какъ всеобъемлющимъ, но чѣмъ глубже проникаетъ человѣкъ въ тайники науки, чѣмъ больше онъ узнаетъ, тѣмъ шире раскрывается предъ нимъ область непознаннаго и не

могущаго быть познаннымъ. И къ области непознаваемаго опытнымъ, научнымъ путемъ относятся именно тѣ вопросы, которые для человѣка представляютъ наиболѣе глубокой интересъ, отъ такого или иного рѣшенія которыхъ зависитъ правильность или неправильность самого направленія жизни человѣка,—о происхожденіи міра и человѣка, о послѣдней судьбѣ и конечной цѣли того и другого. Правда, рѣшеніемъ этихъ вопросовъ занимается философія; но при всемъ разнообразіи и глубокомыслии философскихъ системъ нѣтъ ни одной изъ нихъ, которая была бы общепризнанна и не возбуждала бы противъ себя серьезнѣйшихъ возраженій, нѣтъ даже ни одного философскаго вопроса, рѣшеніе котораго было бы общепризнаннымъ и окончательнымъ.

Остается еще одна изъ высшихъ идей, присущихъ человѣку,—идея добра. Служеніе этой идеѣ также можетъ стать цѣлью жизни человѣка, прежде всего въ смыслѣ достиженія личнаго нравственнаго совершенства и далѣе—въ смыслѣ благотворенія людямъ, распространенія среди нихъ правды и добра. Но эта цѣль для естественнаго (выражаясь богословскимъ языкомъ) человѣка еще менѣе достижима, чѣмъ разсмотрѣнная выше. Только человѣкъ съ слабо развитымъ нравственнымъ сознаніемъ можетъ считать себя болѣе или менѣе удовлетворяющимъ требованіямъ нравственнаго закона. Но чѣмъ выше и чище представляетъ себѣ человѣкъ идеаль нравственнаго совершенства, тѣмъ строже онъ относится къ себѣ и тѣмъ больше замѣчаетъ въ себѣ недостатковъ и при томъ такихъ, которые не могутъ быть искоренены естественными силами человѣческими. Извѣстно, какъ изображаетъ состояніе естественнаго человѣка ап. Павелъ, самъ достигшій высокаго нравственнаго совершенства: „знаю, что не живеть во мнѣ, то-есть, въ плоти моей доброе; потому что желаніе добра есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать оное, того не нахожу. Добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, котораго не хочу, дѣлаю... Ибо во внутреннемъ человѣку нахожу удовольствіе въ законѣ Божию; но въ членахъ моихъ вижу иной законъ,

противоборствующій закону ума моего и дѣлающей меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ. Бѣдный я человѣкъ! кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти?“ (Рим. 7, 18—24.—Апостоль нашелъ выходъ изъ этого ужаснаго положенія въ вѣрѣ во Христа—25 ст.). Когда же человѣкъ отъ себя самого обращается къ внѣшнему міру, чтобы тамъ распространять начала правды и добра, то его безсиліе обнаруживается еще болѣе. Какими бы средствами нравственными и матеріальными человѣкъ ни обладалъ, онъ въ состояніи облагодѣтельствовать нѣсколько десятковъ, сотенъ, въ исключительныхъ случаяхъ—тысячъ людей; но всѣ эти благодѣянія—только капля въ необъятномъ морѣ человѣческаго горя и неправды. Вся исторія съ несомнѣнностью свидѣтельствуетъ, что въ данномъ отношеніи цѣль общества оказываются такъ же безсильными, какъ и отдѣльныя личности. Несмотря на всѣ усилія лучшихъ представителей человѣчества, до сихъ поръ въ мірѣ торжествуетъ и господствуетъ не добро и правда, а зло и неправда. Наибольшей возвышенности естественная нравственность достигла въ философіи стоиковъ, нравственныя воззрѣнія которыхъ во многихъ пунктахъ приближались къ христіанскимъ. Но, сознавая непобѣдимость господствующаго въ мірѣ зла, стоики пришли къ мысли, что высшимъ качествомъ мудреца должна быть невозмутимость, т. е. безучастное отношеніе ко всему, происходящему во внѣшнемъ мірѣ, отсутствіе пристрастія къ чему бы то ни было земному; въ такомъ міровоззрѣніи и самая жизнь теряетъ свою цѣнность, и дѣйствительно, многіе стоики не считали самоубійства ненормальнымъ явленіемъ.

Такимъ образомъ, всѣ присущія человѣку стремленія, оказываются неосуществимы вполнѣ. Такое, повидимому непонятное, обстоятельство объясняется тѣмъ, что въ самомъ желаніи придать полный смыслъ одной только земной жизни заключается противорѣчіе, такъ какъ человѣку свойственно стремленіе къ безконечному, а земная жизнь временна. Оче-

видно, что разрѣшеніе этого противорѣчія можетъ дать только самая идея безконечнаго. Человѣку присуще сознание безконечнаго, не какъ отвлеченнаго понятія, а какъ живого начала. Стремленіе къ общенію съ безконечнымъ началомъ— Богомъ, т. е. религія, разумѣется истинная, и можетъ дать истинный смыслъ жизни человѣка. Религія даетъ человѣку убѣжденіе въ загробномъ, уже безконечномъ продолженіи его существованія, гдѣ (разумѣется, если онъ окажется достойнымъ этого) онъ достигнетъ и полнаго знанія, и возможнаго для него нравственнаго совершенства, гдѣ, благодаря непосредственному блаженному общенію съ источникомъ всякихъ благъ Богомъ, онъ получитъ и полное удовлетвореніе своего стремленія къ счастью. Но этимъ значеніе и цѣнность земной жизни нисколько не умаляется. По ученію христіанскому, загробная участь человѣка опредѣляется тѣмъ нравственнымъ состояніемъ, какого достигнетъ человѣкъ въ своей земной жизни. Истинно-вѣрующій христіанинъ, проникнутый сознаниемъ безконечнаго величія нравственнаго идеала, никогда не можетъ признать себя вполне приготовленнымъ къ переходу въ безконечное царство Христово; поэтому каждый моментъ жизни онъ считаетъ цѣннымъ, какъ могущій приблизить или удалить его отъ достиженія намѣченной цѣли. Отсюда самоубійство въ глазахъ истиннаго христіанина является тягчайшимъ грѣхомъ, недопустимымъ поступкомъ. Дѣйствительно, на самоубійство рѣшаются только люди невѣрующіе или слабые въ вѣрѣ. Поэтому единственнымъ радикальнымъ средствомъ для борьбы противъ разочарованія въ жизни и вытекающихъ изъ него самоубійствъ является укрѣпленіе и распространеніе въ обществѣ истинной вѣры христіанской, которая одна только даетъ полное удовлетвореніе всѣмъ высшимъ стремленіямъ человѣка и потому соощаетъ подлинный смыслъ и цѣнность его жизни.

Н. Гумилевскій.

Два типа приходскихъ священниковъ ¹⁾.

Пользуюсь настоящимъ собраніемъ, чтобы побесѣдовать съ вами, питомцы семинаріи. Слово мое по преимуществу къ вамъ, оканчивающіе курсъ ученія.

Не взыщите, если буду говорить вамъ языкомъ не книжнымъ, и не изъ книгъ вычитанное, а то, что самъ видѣлъ или слышалъ.

Мы были то же, что и вы теперь; и вы теперь тоже, чѣмъ были и мы; поэтому мы легко можемъ понять другъ друга и повѣрить другъ другу. Вѣроятно у васъ есть готовые планы для предстоящей вамъ новой жизни, какъ составлялись таковыя и въ наши времена. И ваши планы, вѣроятно, не у всѣхъ одинаковы, какъ было и у насъ, Планы составлялись тогда, и теперь вѣроятно также составляются, подъ вліяніемъ того склада мыслей, расположеній сердца и направленія воли, какіе кто усвоилъ себѣ во время пребыванія подъ кровомъ матери—воспитательницы. А тотъ образъ мыслей, чувствъ и желаній или нравственный характеръ слагается тотъ или иной смотря по тому, какъ относится питомецъ къ тѣмъ правиламъ образованія и воспитанія, какими желаетъ руководить его „*alma mater*“.

Всѣ эти правила клонятся по преимуществу къ тому, чтобы приготовить воспитанниковъ къ высокому пастырскому служенію, къ которому они предназначаются. Кто искренно, добросовѣстно исполняетъ эти правила, тотъ не можетъ намѣтить для себя другой службы, кромѣ служенія Церкви въ званіи пастыря. Кто проникся духомъ этихъ правилъ, тотъ не можетъ составить для себя иного плана жизни кромѣ того, который болѣе всего подходитъ къ идеалу священника, начертанному въ сочиненіяхъ великихъ святителей и учителей Церкви. А тотъ, кто привыкъ нарушать уставы воспитательнаго заведенія или относиться къ совѣтамъ и распоряженіямъ во-

¹⁾ Бесѣда съ воспитанниками семинаріи.

спитателей своих неискренно, кто былъ не такимъ, какимъ казался, тотъ и вынесетъ съ собою характеръ двуличія, будетъ и на службѣ лицемѣрить: одно говорить, другое дѣлать. однимъ казаться, а другимъ быть по убѣжденію и по дѣламъ.

Итакъ, сообразно усвоенному въ семинаріи образу мыслей, чувствъ и желаній, питомецъ ея составляетъ и планъ для своей послѣдующей жизни.

Въ наше время возможны были только два плана: одинъ тотъ, который ближе подходилъ къ идеалу пастырскаго служенія; сущность его можно выразить такъ: жить не для себя, а для другихъ: отречься отъ себя и, повинуваясь призванію Божію, идти благодушно за Пастыреначальникомъ Христомъ, взявши на себя крестъ нищеты и трудовъ, скорбей и униженія. А другой планъ, по цѣли своей противоположный первому, можно выразить слѣдующими словами: знать только себя и жить для себя, а не для другихъ, или иначе: „будемъ пить, ѣсть, спать и наслаждаться“.

Считаю не излишнимъ, а для васъ не бесполезнымъ, ознакомить васъ съ тѣмъ, какъ приводился и теперь приводится въ исполненіе тотъ или другой планъ жизни по выходѣ изъ семинаріи.

Вотъ питомецъ семинаріи достигаетъ 18—20 лѣтъ. Въ послѣднихъ классахъ заведенія онъ—самый прилежный, самый благонравный, иногда нѣкоторыми изъ товарищей нелюбимый, какъ Иосифъ братьями, но предметъ любви и надеждъ начальниковъ, воспитателей и учителей. Насталъ послѣдній годъ его ученія. Онъ не можетъ не думать объ избраніи пути, какимъ онъ долженъ идти, и мысленно избираетъ тотъ, къ которому его готовили и къ которому онъ готовился. Онъ вѣритъ, что отъ *Господа пути челоѣвка исправляются*, и потому молится: *скажи ми, Господи, путь, въ онъ-же пойду*. Благочестиво настроенный, онъ думаетъ иногда: не уйти-ли въ какую нибудь благоустроенную обитель? Но другой голосъ говоритъ ему, что для жизни монастырской онъ не приготовленъ: она кажется ему страшною; думается ему, что тамъ ему и дѣлать

будетъ ничего; а безъ дѣла жить скучно. И онъ оставляетъ мысль о монастырѣ. Не поступитъ ли въ миссію? И это кажется ему труднымъ. Остается поступитъ на приходъ. Но съ чего начать? Принять священнической санъ? Но онъ такъ молодъ и неопытенъ, что быть священникомъ тотчасъ по выходѣ изъ семинаріи кажется для него дѣломъ непосильнымъ. Что же дѣлать? „Послужи сперва въ званіи псаломщика, говоритъ ему внутренній голосъ, здѣсь для тебя будетъ много дѣла: ты присмотришься ко всему, познакомишься съ святоотеческой и вообще духовной литературой, для чего у тебя было мало времени въ семинаріи. Запасешься опытностію, узнаешь жизнь псаломщика, ознакомишься съ причетническими обязанностями, а это для будущаго служенія твоего будетъ полезно; ты самъ будешь руководить псаломщиками, а не учиться у нихъ уставу церковному. Ты будешь обучать дѣтей въ церковно-приходской школѣ, займешься проповѣдничествомъ, для котораго у тебя много свободнаго времени“. Онъ внемлетъ этой мысли, будучи увѣренъ, что она отъ Бога, и рѣшается начать служеніе съ низшей степени клира.—Такъ начиналъ и св. Златоустъ.

Поступивши на приходъ псаломщикомъ, онъ скоро полюбилъ сельскую жизнь. Онъ полюбилъ простой народъ, и его полюбилъ этотъ народъ и относился къ нему съ искреннимъ уваженіемъ. Даже прихожане сосѣдняго села, отчасти зараженные расколомъ, отзывались о немъ съ похвалою: „вотъ изъ этого выйдетъ настоящій священникъ,—такого и мы съ радостію приняли бы и ни въ чемъ бы ему не отказывали“. Да и онъ не прочь теперь поступить къ нимъ священникомъ, хотя знаетъ, что этотъ приходъ не изъ богатыхъ, что въ немъ и работы много. И вотъ онъ опредѣляется въ этотъ приходъ. Теперь нужно избрать спутницу жизни. Сердце и умъ скѣзываютъ ему, что ему нужна такая помощница, которая была бы съ нимъ во всемъ единомысленна и что таковой онъ не найдетъ среди роскоши городской жизни, ни въ средѣ внѣшняго лоска, такъ именуемаго, образованнаго общества.

И онъ ищетъ и находитъ себѣ спутницу жизни въ той средѣ, изъ которой и самъ вышелъ, которая учениемъ и воспитаніемъ приготовляема была въ томъ же городѣ, гдѣ воспитывался и онъ. Не богата она имуществомъ, но за то не приучена къ изнѣженности, готова все сама дѣлать, не гнушается черной работой, не страшится тяжелаго труда и невзгоды житейской.

Послѣдуемъ за нашимъ питомцемъ далѣе. Вотъ онъ уже священникъ и мужъ, пастырь и семьянинъ. Онъ помнить идеаль священства, помнить планъ, давно созрѣвшій въ головѣ его, и не оставляетъ мысли привести его въ исполненіе.

Онъ предназначаетъ для себя образъ дѣятельности въ званіи священника. Помня наставленіе богоноснаго апостола, данное пресвитерамъ ефесскимъ: *внимайте себѣ и всему стаду*, онъ хочетъ исполнить его. Въ отношеніи къ себѣ онъ рѣшается вступить на путь самообразованія посредствомъ чтенія книгъ, соотвѣтствующихъ его новому служенію. Помня изреченіе Господне: *иже сотворитъ и научитъ, сей велии наречетъ*, онъ рѣшается самъ исполнять то, чему долженъ учить другихъ, и становится строгимъ къ самому себѣ. Прежде всего онъ обращаетъ вниманіе на свое внѣшнее поведеніе, чтобы въ чемъ нибудь не подать соблазна немощнымъ въ вѣрѣ. Зная, какъ соблазнительна для его прихожанъ небрежность въ изображеніи на себѣ крестнаго знаменія, онъ начинаетъ свое исправленіе съ этого внѣшняго дѣйствія молитвы, которое дѣйствительно, по привычкѣ, совершалось имъ неистово, иногда небрежно. Онъ приучаетъ себя къ благоговѣйному совершенію богослуженія, требуя того же и отъ клириковъ. Онъ строго соблюдаетъ уставъ Церкви о постѣ, о поклонахъ. Онъ внимательно относится даже и къ своей одеждѣ, не допуская въ ней ничего такого, что мнится быть для городской юности украшеніемъ, а для селянъ, особенно же любителей старины, соблазномъ. Тѣмъ паче онъ не допускаетъ ни излишества въ винѣ, ни сидѣнья за игорнымъ столомъ, ни бу-

ренія табаку, на что предосудительно смотрять самые снисходительные міряне.

По мѣрѣ пріученія себя къ благопристойному поведенію среди общества, онъ въ тоже время начинаетъ обращать вниманіе и на свою домашнюю, какъ внѣшнюю, такъ и внутреннюю, никому невѣдомую, духовную жизнь. Въ святомъ углѣ у него лежатъ Библія и молитвенникъ; изъ первой онъ ежедневно прочитываетъ по нѣскольку главъ, а по второму неопустительно совершаетъ утреннія и вечернія молитвы. Предъ святою иконою у него часто возжигается лампада. По временамъ и даже вседневно онъ читаетъ святоотеческія творенія и другія книги религіозно-нравственнаго содержанія, какъ руководства къ преуспѣянію въ духовной жизни, какъ средства къ возрастанію внутренняго челоуѣка.

Пастырю, долженствующему вести своихъ пасомыхъ къ совершенству, *дождеже придуть въ мѣру возраста исполненія Христова*, должно прежде самому опытомъ извѣдать путь, ведущій къ совершенству. Кто хочетъ съ успѣхомъ учить другихъ, тотъ долженъ имѣть въ сокровищницѣ души своей всегда готовый матеріалъ ученія, совѣта и утѣшенія. Для этаго пастырю нужно самому читать много, а это возможно лишь при существованіи библіотеки, которую онъ и начинаетъ составлять съ перваго же года своей церковно-приходской службы. Заботливый о себѣ, онъ внимаетъ и своему стаду. Онъ не пропускаетъ ни одного воскреснаго и праздничнаго дня безъ слова назиданія своей паствѣ. Замѣчая, что многіе изъ прихожанъ не приходятъ въ церковь, онъ посѣщаетъ ихъ и въ домахъ, особенно въ зимніе вечера, ведетъ бесѣды. И прихожане очень полюбили эти вечернія бесѣды, чтеніе житій святыхъ и другихъ назидательныхъ рассказовъ. Они теперь сами стали приглашать его къ себѣ, даже на перебой одинъ предъ другимъ. Этимъ онъ положилъ начало внѣбогослужебныхъ чтеній, которыя впоследствии развились, благоустроились и стали образцомъ для другихъ.

Говорить ли о томъ, что для духовныхъ требъ онъ является по первому призыву прихожанъ во всякую пору года, во всякій часъ дня и ночи? Нужно ли прибавлять, что у такого священника не можетъ быть мѣста и тѣни какого либо вымогательства?

Но у васъ рождается вопросъ: при такомъ образѣ жизни не придется ли этому идеальному священнику сидѣть голоднымъ? Правда, сперва можетъ быть и придется потерпѣть нужду. Но онъ и жена его легко перенесутъ ее; ибо они заранѣе въ мысляхъ приготовились къ этому. Семьи у нихъ пока нѣтъ. У священника теперь одна семья—паства его. Онъ твердо вѣритъ, что Господь не оставитъ его ни въ чемъ. Онъ убѣжденъ въ истинѣ словъ Господнихъ и внутреннее чувство его увѣрительно говоритъ ему, что если онъ будетъ искать прежде всего *царствія Божія и правды Его*, то и все нужное приложится ему. И упованіе его не посрамитъ его.

Но продолжимъ слово о вниманіи добраго пастыря къ паствѣ своей.

Видитъ онъ, что прихожане его не знаютъ молитвъ и не учатъ тому дѣтей, не знаютъ ученія вѣры православной и уклоняются въ расколь. За родителями слѣдуютъ и дѣти, и заботливый пастыръ принимается за обученіе дѣтей. Онъ открываетъ школу, сперва у себя на дому учить двухъ-трехъ дѣтей, которыхъ отдала ему нѣкоторые добрые прихожане, слушатели его пастырскихъ бесѣдъ по домамъ. Въ отсутствіе его, съ дѣтьми занимается жена его. Черезъ два, три года въ селѣ уже открыта церковно-приходская школа, съ десятками учащихся. Дѣти уже и въ церкви читаютъ и поютъ.

Черезъ 5—10 лѣтъ у этого пастыря уже открыто и приходское попечительство, стараніями котораго перестроенъ и благоуукрашенъ храмъ, выстроено большое помѣщеніе для школы, гдѣ совершаются по праздникамъ и внѣбогослужбныя чтенія. Церковное попечительство оказываетъ помощь особенно предъ великими праздниками сиротамъ, калѣкамъ, недужнымъ и вообще истинно нуждающимся; чрезъ это оно

привлекаетъ къ себѣ общую любовь прихожанъ и особенно учредитель его—батюшка.

Не можетъ градъ укрытися вверху горы стоя (Мѡ. 5, 14). Смиранный іерей призывается къ высшему служенію и не противится призванію Божію. Онъ перемѣщается волею начальства въ другое, лучшее мѣсто. Со слезами провожаетъ его горячо полюбившая его паства. На новомъ мѣстѣ, въ городѣ, онъ въ послѣдствіи становится во главѣ пастырей, дѣлается украшеніемъ клира церковнаго.

Еслибы кто усомнился въ томъ, что въ наше время возможны таковыя идеальныя пастыри, то я указалъ бы вамъ на одного такого, который теперь при помощи всесильной благодати Божіей сталъ едва ли не выше начертаннаго мною предъ вами образца. Это недавно почившій, всѣмъ извѣстный Кронштадскій пастырь.

И въ нашей епархіи я могъ бы указать лицъ, которые близко подходятъ къ начертанному мною образцу; да отчасти съ нихъ я и списывалъ сейчасъ нарисованный вамъ типъ добраго пастыря.

Теперь представлю образъ другаго пастыря. Полагаю, что этотъ и вамъ не понравится.

Онъ еще въ семинаріи начерталъ для себя планъ будущей своей дѣятельности въ священническомъ званіи, планъ совершенно противоположный сейчасъ нами представленному. Онъ заранѣе уже мечталъ, какъ можно поскорѣе и удобнѣе устроиться; во первыхъ, приходъ выбрать такой, въ которомъ было бы дѣла меньше, а доходовъ больше, во вторыхъ, найти жену и денегъ, или вѣрнѣе—найти денегъ и жену. Онъ заранѣе мечтаетъ, какъ онъ будетъ жить въ большомъ домѣ, съ меблированными комнатами, разведетъ садъ, обзаведется прислугой; заведетъ знакомство съ такими людьми, съ которыми нескучно было бы проводить время, и въ которыхъ онъ могъ бы имѣть для себя поддержку, въ случаѣ жалобъ на него прихожанъ. Чтобы прогонять скуку сельской жизни онъ будетъ убивать время чтеніемъ модныхъ журналовъ и газетъ.

Съ такимъ предназначеннымъ планомъ поступаетъ этотъ юноша въ приходъ, который онъ выбралъ по своему вкусу: тамъ, дѣйствительно, дѣла мало, а доходовъ много, ибо прихожане, пропитанные духомъ раскола, чуждаются церкви, платять причту не за исправленіе требъ, а за неисправленіе таковыхъ. Но молодому іерею сразу понадобилось денегъ много: явилось много капризовъ и запросовъ жены и собственныхъ прихотей, при томъ такихъ, которыя предосудительны и въ недуховномъ лицѣ. Начинаются притѣсненія прихожанъ, а со стороны послѣднихъ ропоть. Новый священникъ скоро оттолкнулъ отъ себя и отторгнулъ отъ церкви и тѣхъ немногихъ, которые дотолѣ бывали въ храмѣ. Они съ перваго разу замѣтили много недостатковъ въ модномъ іереѣ: ни перекреститься, ни поклониться, какъ слѣдуетъ и когда слѣдуетъ, онъ не умѣетъ; служить такъ, что ничего не разберешь у него; во всемъ видна небрежность, въ храмѣ запущенность, въ алтарѣ неряшливость. Соблазнительны для нихъ и модный покрой его одежды и присутствіе на немъ такихъ уборовъ, которые для нихъ кажутся и соблазнительными и къ лицу его неподходящими. Слышно стало, что въ поповскомъ домѣ и посты не соблюдаются, и такіе обычаи водятся, какихъ не подобаешь быть у духовнаго лица. Овцы отворачиваются отъ пастыря и бѣгутъ отъ него. Онъ—за ними, но не для того, чтобы возвратить ихъ голосомъ любви, а чтобы имѣть съ нихъ прибыль. Невоздержанная и соблазнительная жизнь его дѣлается извѣстною, кому слѣдуетъ; идутъ замѣчанія, выговоры и штрафы. Привыкшій еще въ семинаріи лицемѣрить предъ начальствомъ, онъ и здѣсь усиливается скрыть свое неблагоповеденіе, *но нѣтъ тайно, еже не явится* (Мрк. 4, 22). Покинутый всѣми, онъ предается суду за многіе проступки противъ должности и заключается въ монастырь. Но и это наказаніе не исправляетъ его, ибо онъ сталъ рабомъ своихъ страстей. Одно преступленіе влечетъ за собой другое. Онъ судится строгимъ судомъ, низводится на низшую степень клира и посылается

подъ строгій надзоръ. Бываютъ изъ среды сихъ и такіе, которые, будучи не въ силахъ бороться съ несчастною страстію, влачатъ послѣдніе дни свои съ нищенской сумой. Печальное зрѣлище! Начавшій непомѣрнымъ самомнѣніемъ кончить жалкимъ уничиженіемъ. А товарищъ его, надъ благочестіемъ и высокимъ идеаломъ котораго онъ смѣялся, начавъ служеніе свое въ смиренномъ званіи бѣднаго клирика, восходилъ отъ чести къ чести, отъ убожества къ довольству и даже изобилію и кончилъ дни свои взысканный Богомъ и благословляемый людьми.

Скажетъ ли кто: теперь намъ дверь отворена,—по выходѣ изъ семинаріи можно избирать каждому любой образъ жизни. Поэтому зачѣмъ идти въ духовное званіе тому, въ комъ нѣтъ къ тому расположенія. Лучше не быть священникомъ, чѣмъ, ставши таковымъ, позорить этотъ досточтимый санъ недостойнымъ его образомъ жизни. Руководясь такимъ сужденіемъ, многіе избираютъ себѣ другіе жизненные пути, кромѣ прямаго, ведущаго на служеніе Церкви. Что сказать объ этомъ? Правда, дана свобода питомцамъ по выходѣ изъ семинаріи избирать для себя любой образъ жизни, но съ нихъ не снятъ нравственный долгъ благодарности къ Церкви и служенія нуждамъ ея въ воздаяніе за воспитаніе, какое они получили въ семинаріи на средства и подъ покровомъ Церкви. Если дверь отворена идти изъ семинаріи въ любую сторону, то это допущено для того, чтобы на служеніе Церкви, какъ на служеніе Богу, юноши поступали по свободному выбору, а не по принужденію, и дабы таковое служеніе ихъ, какъ нравственно свободное, достойно было того великаго воздаянія, какое обѣтовано вѣрнымъ служителямъ Домовладыки Христа. Тѣмъ не менѣе выходъ въ другое званіе допускается, какъ меньшее зло, во избѣжаніе бѣльшаго. Задача семинаріи (какъ намѣреніе Церкви) выражена въ ея уставѣ такъ: «Духовныя семинаріи суть учебно-воспитательныя заведенія для приготовленія юношества къ служенію Православной Церкви». Слѣдовательно, поступленіе воспитанниковъ

семинаріи не на служеніе Церкви есть уклоненіе отъ цѣли, явленіе ненормальное.

Что же дѣлать, когда нѣтъ расположенія къ духовному званію? спросить иной изъ васъ. А кто въ этомъ виновать? Не самъ-ли ты, юноша, не восхотѣвшій воспитать въ себѣ это доброе расположеніе? Не отъ того-ли это произошло, что ты если не всегда, то въ послѣдніе годы семинарской жизни поступалъ не искренно предъ своей воспитательницей. Питая и поддерживая въ себѣ не тѣ мысли, чувства и желанія, какія внушала тебѣ *alma mater*, ты лицемерилъ предъ ней внутренно. Показывая себя предъ начальниками и воспитателями не такимъ, какимъ ты былъ дѣйствительно, ты лицемерилъ предъ воспитательницей и виѣшнимъ свимъ поведеніемъ. Желая казаться благонаправнымъ, точнымъ исполнителемъ правилъ благоповеденія, но не будучи таковымъ, ты вводилъ мать свою въ ошибку въ мнѣніи относительно твоей благонадежности: иначе, зная твою непригодность для намѣченной цѣли, она поспѣшила бы избавиться отъ тебя, чтобы на твое мѣсто принять другаго.

Итакъ, пусть всякій идетъ туда, куда влечетъ его сердце; но кто уклонится отъ служенія Церкви, пусть помнить, что онъ въ нравственномъ долгу предъ Церковію и долженъ постараться уплатить его глубокой преданностью св. Церкви, строгимъ исполненіемъ ея уставовъ, защитою ея чести противъ порицающихъ ее, охраненіемъ ея интересовъ отъ посягающихъ на нихъ. А на тѣхъ, кто восхоцетъ оправдать надежды воспитавшаго его заведенія, да пребудетъ благословеніе Церкви, да даруетъ имъ Господь достойно воспріять благодать священства, возгрѣтъ и умножить сію благодать, рано или поздно, болѣе или менѣе уподобленіемъ тѣмъ свѣтильникамъ Церкви, которые озаряли и озаряютъ каждый наставу свою лучами добротъ своихъ, а наипаче тому, память котораго изначала чтится въ этой семинаріи.

Макарій, Архіеп. Толскій.

Библия и естествознание.

(Окончаніе ¹⁾).

Тотъ выводъ, къ которому мы пришли, получаетъ громадное значеніе для нравственной дѣятельности человѣка. Ибо естествоиспытатель, принимающій, что человѣкъ не есть что-либо большее, какъ высоко-развитое животное, долженъ принять и дальше, что у человѣка нѣтъ личной свободы, нѣтъ воли, нѣтъ ответственности, а вслѣдствіе этого, конечно, нѣтъ и нравственности. Это именно и утверждаетъ Геккель. Онъ написалъ цѣлую книгу съ цѣлью доказать, что у человѣка, представляющаго собою только высоко-развитое животное, нѣтъ Бога, нѣтъ свободы воли, нѣтъ души, нѣтъ безсмертія. Онъ находитъ, что онъ рѣшилъ міровую загадку Дюбуа-Реймона, ту міровую загадку, которая гласитъ, что мы не знаемъ, откуда явилась въ человѣкѣ свобода воли. Геккель говоритъ, что человѣкъ не имѣетъ свободы воли, что онъ не болѣе, какъ животное, и что поэтому онъ абсолютно связанъ съ живущей въ немъ животной силой. Его желанья—это его долженствованіе: онъ долженъ дѣйствовать въ силу присущей ему принуждающей его природной способности, вслѣдствіе заложенной въ его природу первопричины, предрасположенія и т. д. Онъ говоритъ: „Только съ развитіемъ у высшихъ животныхъ сознанія, какъ субъективнаго отраженія объективныхъ внутреннихъ процессовъ въ нейроплазмѣ клѣтокъ души, достигаетъ и воля той высшей ступени, которая качественно стоитъ наравнѣ съ человѣческой волей, и для которой въ общепотребительной рѣчи примѣняется опредѣленіе „свободная“. Свободное развитіе и дѣйствіе воли кажется тѣмъ внушительнѣе, чѣмъ болѣе, вмѣстѣ со свободной и скорой перемѣной мѣста, развиваются мускульная система и органы чувствъ, а въ связи съ ними и мыслительные органы мозга“.

¹⁾ См. № 9-й за 1911 г.

Пусть читатель освободится отъ груды иностранныхъ словъ, и тогда ему станетъ ясно, что Геккель хочетъ сказать слѣдующее: то, что мы называемъ волей, есть отраженіе тѣлесныхъ процессовъ, то-есть, воля есть не что иное, какъ сознаваніе человѣкомъ того, къ чему его принуждаетъ природа. Но если нѣтъ воли, то нѣтъ и отвѣтственности, а слѣдовательно, нѣтъ и грѣха. Такъ обстоитъ дѣло у животнаго. Если-бы это была правда, то значить все, что до сихъ поръ было создано въ отношеніи отправления правосудія, воспитанія, поднятія рода человѣческаго, укрѣпленія и исправленія воли—все это было однимъ лишь воображеніемъ. И всѣ, кто въ настоящее время стоитъ на почвѣ такъ называемаго натурализма, или называющіе себя монистами, должны признать, что съ ихъ ученіемъ прекращается нравственность, ибо оно исключаетъ свободу человѣческой воли; съ того мгновенія, какъ духъ перестаетъ быть чѣмъ-то отличнымъ отъ тѣла человѣческаго или когда духъ перестаетъ опредѣлять человѣческія дѣйствія, для человѣка перестаетъ существовать самосознаніе и самоопредѣленіе, а вмѣстѣ съ этимъ исчезаетъ и его нравственная личность.

Можно однако сдѣлать и обратное умозаключеніе. Въ тотъ моментъ, когда человѣкъ почувствуетъ, что у него есть воля, самосознаніе и самоопредѣленіе, въ тотъ именно моментъ онъ долженъ также принять, что въ немъ живетъ нѣчто, независимое отъ матеріи. Но если въ человѣкѣ существуетъ нѣчто, независимое отъ матеріи, отъ тѣлеснаго, чисто животнаго существа, то значить человѣкъ не есть обыкновенное животное, значить онъ носить въ себѣ нѣчто: ведущее свое происхожденіе не отъ матеріальнаго бытія. Первоначало это можетъ быть отнесено только къ стоящей внѣ вселенной духовной сущности, называемой нами Богомъ.

Но вотъ въ чемъ вопросъ: чувствуетъ-ли это человѣкъ? чувствуемъ-ли мы, люди, силу самоопредѣленія? Здѣсь-то и лежитъ рѣшеніе. Мы допускаемъ, что человѣческая воля связана многими условіями; она связана длинной цѣпью воз-

дѣйствій въ своемъ предшествующемъ развитіи, она находится подъ вліяніемъ впечатлѣній и воздѣйствій окружающей обстановки. она зависитъ отъ всего внѣшняго міра, отъ того, что въ настоящее время получило названіе „среды“, которая, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ оказать на волю покоящее вліяніе; она чувствуетъ, что вся ея особая сущность, ея индивидуальность привязываетъ ее до извѣстной степени къ послѣдней первопричинѣ всѣхъ вещей, изъ которой она возникла. Она наконецъ, при религіозномъ мышленіи, связана тяготѣющимъ на ней грѣхомъ.

Но развѣ съ этой зависимостью дѣло обстоитъ такъ, какъ говоритъ Геккель, то-есть, что она исключаетъ всякую свободную волю? Геккель дѣлаетъ слѣдующій выводъ: „Мы знаемъ теперь, что каждый волевой актъ точно такъ же опредѣляется организаціей желающаго индивидуума и точно также зависитъ отъ временныхъ условій окружающаго внѣшняго міра, какъ и каждая другая душевная дѣятельность. Характеръ стремленія заранѣе уже обусловленъ наслѣдственностью отъ родителей и прародителей; рѣшеніе на каждое дѣйствіе состоитъ черезъ приспособленіе къ условіямъ момента, при чемъ рѣшаетъ сильнѣйшій мотивъ, сообразно съ законами, которые опредѣляютъ статику душевныхъ движеній“.

Это значить: человѣкъ долженъ поступать такъ, какъ заложено въ его сущности. Это иногда и бываетъ, но все-таки мы чувствуемъ, что вѣдь не все-же, что мы дѣлаемъ, совершается по принужденію. Мы чувствуемъ, что въ насъ живетъ еще нѣчто, какая-то личная сила, которая дѣлаетъ для насъ возможнымъ сопротивленіе подступающимъ къ намъ внѣшнимъ вліяніямъ. Мы чувствуемъ еще, что мы въ состояніи разобратся самостоятельно въ насъ самихъ, въ мысляхъ, которыя у насъ появляются, и что мы можемъ принимать рѣшенія на основаніи нашего самоанализа. На этихъ факторахъ покоится наша оцѣнка каждой единичной личности; всякое воспитаніе основывается на томъ, что человѣкъ имѣетъ въ себѣ силу сопротивляться противодѣй-

ствующимъ ему вліяніемъ и что онъ имѣеть силу свое нравственное сознаніе проявлять въ дѣйствіяхъ.

Мы до того убѣждены въ этомъ фактѣ, что называемъ больными всѣхъ тѣхъ людей, которымъ недостаетъ этой силы. Когда относительно какого-нибудь человѣка можно доказать, что онъ совершилъ проступокъ, не будучи въ состояніи разобратся въ немъ, не имѣя возможности совладать съ той силой, вслѣдствіе которой былъ совершенъ проступокъ, тогда его не наказываютъ за преступленіе, ибо онъ за него не отвѣтственъ; его помѣщаютъ въ сумашедшій домъ. Въ ту минуту, когда оправдается Геккелевская теорія, должно прекратиться всякое отправленіе правосудія, должны быть уничтожены тюрьмы, ибо человѣкъ, не отвѣтственный за свои поступки, не долженъ давать въ нихъ отчета, его нельзя за нихъ наказывать: самое бѣльшее, если онъ сдѣлается ужь очень опаснымъ, его надо заперать въ клѣтку, какъ дикаго звѣря.

Гдѣ нѣтъ никакой воли---а это должны о себѣ говорить всѣ защитники чистаго натурализма---тамъ нѣтъ для человѣчества, въ концѣ концовъ, никакой нравственности. Сущность всей морали составляетъ въ общихъ чертахъ слѣдующее: во-первыхъ, „самоотверженная любовь“. Но такая любовь покоится на сознательномъ, свободномъ самоопредѣленіи. Во-вторыхъ „долгъ“. Но долгъ покоится на свободной зависимости воли отъ высшаго закона.

Для всѣхъ приверженцевъ Геккеля и Дарвина существуетъ только борьба за существованіе, способствующая развитію человѣчества и опредѣляющая его дѣйствія. Въ этой борьбѣ за существованіе рѣшаетъ только право сильнѣйшаго и голое себялюбіе; цѣнность личности заключается единственно въ ея силѣ, съ которой она сама себя отстаиваетъ. Весь дарвинизмъ—а съ нимъ и Геккель—ничего не знаетъ о такъ называемыхъ правахъ человѣка, о свободѣ, равенствѣ и братствѣ, и если-бы народъ, читающій Геккеля, понималъ

его, онъ-бы скоро замѣтилъ, что Геккель и есть его величайшій противникъ.

Въ концѣ я скажу еще слѣдующее. Изъ всего сказаннаго мною вытекаетъ, что Геккелевское ученіе унижаетъ человѣка, отнимая у него сознание отвѣтственности. Въ этомъ-то и состоитъ его неизмѣримая опасность. Почему его привѣтствуютъ тысячи людей? Не потому, что они понимаютъ всѣ эти естественно-научныя разъясненія, ибо кто изъ тысячей, покупающихъ эту книгу, понимаетъ ее вполнѣ? Но одно они очень хорошо понимаютъ, то-есть, что имъ преподносится ученіе, освобождающее человѣка отъ всякой личной отвѣтственности, разрѣшающее ему смотрѣть на землю, какъ на арену своихъ страстей, позволяющее ему предаться удовольствіямъ. О такомъ ученіи можно будетъ со временемъ сказать: „Они узнаются по плодамъ“. Окончательно заблуждаясь въ томъ, что истинно, Геккель пишетъ далѣе: „Безграничное самопревозношеніе тщеславнаго чаловѣка соблазнило его разсматривать себя, какъ „подобіе Божіе“, требовать для своей брнной особы „вѣчной жизни“ и воображать себя, будто онъ обладаетъ неограниченной „свободой воли“. Смѣшная манія велчія Калигулы это одна изъ формъ высокоомѣрнаго самообоготворенія чаловѣка. Только отказавшись отъ этой безудержной маніи величія и принявъ природосообразную космологическую перспективу, мы можемъ достигнуть рѣшенія „Міровыхъ загадокъ“.

Библия также знаетъ, что чаловѣкъ ничтоженъ. И когда псалмопѣвецъ восклицаетъ: „что такое чаловѣкъ, что Ты о немъ помнишь?“, то онъ хочетъ именно сказать, что чаловѣкъ—это ничтожество, не имѣющее права требовать отъ Бога, чтобы Онъ о немъ помнилъ. Слова Библии, что Богъ создалъ чѣловѣка по подобію Своему, совершенно не даютъ ему повода для превозношенія и обоготворенія своей особы, какъ дѣлалъ Калигула. Кто такъ пишетъ, тотъ не понимаетъ Библии. Библия, говоря, что Богъ сотворилъ чаловѣка по образу и подобію Своему, хочетъ этимъ указать на великую

задачу, вынадающую на долю человѣка. Онъ не долженъ обращаться въ животное, онъ долженъ возвыситься до Божества; такъ какъ онъ получилъ отъ Бога способность стать выше животнаго, то Божество требуетъ отъ него поднятія въ высь.

Естествознаніе изслѣдуетъ землю, сравниваетъ кости и черепа, и никто не долженъ ему въ этомъ препятствовать; это его право и обязанность. До сихъ поръ, однако, оно не нашло ничего достовѣрнаго и безспорнаго относительно тѣлеснаго происхожденія человѣка, еще менѣе—относительно сущности и происхожденія человѣческаго духа. И потому богохульство то, когда, на основаніи такихъ шаткихъ утвержденій, человѣкъ осмѣливается говорить, будто уже доказано, что Бога нѣтъ, что нѣтъ свободы, нѣтъ души, нѣтъ безсмертія. Кто осмѣливается это утверждать, тотъ грѣшитъ противъ человѣчества, такъ какъ низводитъ его на степень животнаго. И это совершенно безъ всякаго основанія. Признавая-же, что мы „Божественнаго происхожденія“, мы не имѣемъ нужды бояться никакого естествознанія. Естествознаніе въ настоящій моментъ преклоняется предъ ученіемъ о развитіи, которое ставитъ человѣка наряду съ животными; единичные естествоиспытатели, не вѣрящіе въ это, едва осмѣливаются возвысить голосъ изъ опасенія подвергнуться опалѣ. При всемъ этомъ ученіе о развитіи есть не что иное, какъ только требованіе, опирающееся на гипотезу, недоказанное утвержденіе; ибо въ доказательствахъ ученія о развитіи недостаетъ цѣлыхъ звеньевъ, отсутствующихъ членовъ, и теперь все живѣе указывается на то, что существуютъ много важныхъ фактовъ, противорѣчащихъ въ корнѣ предпосылкамъ ученія о развитіи. Кто знаетъ, на какой точкѣ зрѣнія будетъ стоять естествознаніе черезъ 50 лѣтъ и каковъ будетъ тогда догматъ, которому будетъ поклоняться бѣльшая часть естествоиспытателей? Естествознаніе ищетъ истины; но оно не обладаетъ этой истиной въ отношеніи того, что касается человѣческаго духа. Духъ человѣка не можетъ быть постигнутъ изъ матеріи, и утвержденіе Геккеля, будто вся духов-

ная исторія человѣчества есть только прибавка къ естественно-историческому разсмотрѣнію животныхъ,—ничѣмъ не можетъ быть доказано.

Во всѣхъ этихъ пунктахъ имѣетъ значеніе не знаніе, а только лишь вѣра: также и для естествознанія. А наша вѣра въ происхожденіе рода человѣческаго отъ Бога и въ высокія требованія, поставленныя людямъ, наша вѣра въ свободу человѣческой воли, а, слѣдовательно, и въ сознаніе человѣкомъ долга, въ его личную отвѣтственность и любовь къ людямъ—эта вѣра согласуется съ нашимъ внутреннимъ голосомъ и съ сознаніемъ, что только ею все истинно хорошее и благородное, что существуетъ въ человѣчествѣ, пробуждается, поддерживается и направляется. Въ этомъ именно и заключается сущность нашей вѣры и все благодѣтельное значеніе ея.

Пер. *Н. И. Селивановской.*

Рѣдкая книга ¹⁾.

(Библиографическая замѣтка).

Новый годъ принесъ нашему православному русскому духовенству, въ числѣ быть можетъ и другихъ даровъ, одинъ весьма цѣнный, своевременный и пріятный духовный подарокъ, который легко и не замѣтитъ намъ и не воспользоваться имъ вслѣдствіе исключительно скромныхъ условій его появленія на свѣтъ Божій. Это—замѣчательная и наиболѣзнейшая для всѣхъ насъ, русскихъ священниковъ, книга съ очень не новымъ, какъ будто, заглавіемъ: „Толковый Тити-конъ“, рассылаемая нынѣ въ качествѣ приложенія къ одному

---

¹⁾ Съ чувствомъ полного удовлетворенія перепечатаваемъ мы замѣтку нашего сотрудника и подписчика свящ. А. Веселицкаго. Редакція имѣеть утѣшеніе видѣть, что ея тревоги, хлопоты и матеріальныя затраты по изданію книги не пропали даромъ.

скромному, хотя и почтенному по своимъ многолѣтнимъ заслугамъ предъ духовенствомъ, журналу „Руководство для сельскихъ пастырей“. Обѣщанная редакціей своимъ подписчикамъ еще въ позапрошломъ 1909 году, но задержанная выходомъ по цензурнымъ недоразумѣніямъ до сихъ поръ, книга эта не могла, конечно, будить въ читателяхъ журнала до своего появленія ни особеннаго интереса, ни радостныхъ надеждъ.

Ожидалось изданіе, однородное со многими уже существующими у насъ руководственными и объяснительными книжками по церковному уставу и богослуженію, которыя, говоря правду, въ большинствѣ „не пользуются ничтоже“. Но какова же пріятная неожиданность: лежащая предъ нами книга: „Толковый Типиконъ. Объяснительное изложеніе Типикона съ историческимъ введеніемъ“, профессора М. Скабаллановича, — является изданіемъ совершенно иного порядка по своей жизненности, широтѣ и научной обоснованности содержания.

Эти именно свойства новой книги и побудили насъ познакомить, хотя въ краткой замѣткѣ, съ нею обратитѣль—пастырей, чтобы дать возможность, не опуская времени, воспользоваться такимъ цѣннымъ духовно-литературнымъ даромъ при нашихъ отвѣтственныхъ и трудныхъ обязанностяхъ, въ особенности богослужебныхъ и законоучительскихъ. Каждый изъ насъ по личному опыту знаетъ, сколько требуется отъ пастыря, при современной претенціозности прихожанъ, особенно городскихъ, строгой сознательности, точности и освѣдомленности къ богослужебной практикѣ; сколько приходится ему рѣшать недоумѣнныхъ, а часто и „коварныхъ“ вопросовъ по поводу тѣхъ или другихъ богослужебныхъ чиновъ и обрядовъ. Большинство пастырей знакомо съ тѣми затрудненіями, какія встрѣчаются при школьномъ преподаваніи богослуженія вслѣдствіе сухости и неудовлетворительности существующихъ учебниковъ и пособій, изъ-за чего невольно лишается жизненности и интереса обученіе этой части Закона Божія. И вотъ, во всѣхъ подобныхъ обстоятельствахъ нашего

пастырскаго служенія новая разсматриваемая нами книга можетъ оказать намъ незамѣнимую руководственную помощь. не говоря уже о томъ, что и лично большинству изъ насъ она принесетъ не малую духовную пользу богатствомъ своего историко-литургическаго содержанія. А кто, въ самомъ дѣлѣ, можетъ изъ насъ похвалиться достаточною освѣдомленностію въ этой богословской области знаній?... Но перейдемъ къ содержанію самой книги.

Прежде всего, сочиненіе проф. М. Скабаллановича „Толковый Типиконъ“—не компилятивная популярная книжка, а серьезный трудъ ученаго, содержащій въ первомъ выпускѣ около 500 стран. убористой печати, причемъ обѣщается еще второй выпускъ (окончаніе) около 300 страницъ, который выйдетъ въ скоромъ времени. Однако, не взирая на такой солидный объемъ и научный характеръ, книга уважаемаго профессора полна жизненнаго интереса и по изложенію отличается полною общедоступностію. Самъ авторъ съ полной увѣренностію не напрасно заявляетъ въ предисловіи, что онъ „не боится, что научный характеръ книги затруднитъ пониманіе ея со стороны кого-либо, интересующагося церковнымъ Типикономъ и изучающаго его. Авторъ—врагъ популяризаціи, пренебрегающей учеными цѣлями, какъ и науки, не ищущей доступа въ широкія массы“. И эти слова автора вполне оправдываются изложеніемъ и богатымъ научными данными содержаніемъ его труда. Методъ, избранный имъ,—историческій, и благотворность его сказывается какъ на изложеніи, такъ и на группировкѣ литургическаго матеріала. Шагъ за шагомъ въ исторической послѣдовательности предстаетъ предъ читателемъ органической ростъ, расширеніе и осложненіе нашихъ богослужебныхъ формъ: здѣсь одно естественно происходитъ отъ другаго, одно другое поясняетъ и оправдываетъ, является необходимымъ, и, такимъ образомъ, весь строй современнаго православно-церковнаго богослуженія оказывается исторически оправданнымъ, необходимымъ проявленіемъ христіанства, и принимаетъ въ нашихъ глазахъ еще большую цѣлостность, глубину и плѣнительную духовно-поэтическую красоту. Уже данный въ первомъ выпускѣ научно обработанный и распределенный по вѣкамъ (до IX слѣдующихъ в.в.) матеріаль по исторіи возникновенія и развитія христіанскаго богослуженія даетъ читателю полную возможность, при нѣкоторой самостоятельности, постичь и истолковать для себя и для другихъ всю глубину смысла и необходимость существующихъ въ нашей Церкви многоразличныхъ формъ и чиновъ богослуженія. Несомнѣнно,

имѣющая вскорѣ выйти остальная часть сочиненія, преимущественно практическаго характера, поможетъ намъ еще болѣе въ пониманіи содержанія не одного Типикона, какъ практическаго руководства при исполненіи богослужебной практики, но, что еще главнѣе, въ постиженіи глубокаго единства и общаго смысла всего богатства содержанія нашего православнаго богослуженія. Здѣсь мы не считаемъ цѣлесообразнымъ приводить какія либо выдержки изъ труда почтеннаго профессора для подтвержденія высказанныхъ сужденій, потому что единичныя цитаты мало имѣютъ въ такихъ случаяхъ значенія, а давать изложеніе, хотя бы и краткое, всей книги,—это, при обиліи ея содержанія, вывело бы насъ за предѣлы библиографической замѣтки. Скажемъ одно, что на нашъ взглядъ авторъ далъ своему труду, принимая во вниманіе широту плана и всесторонность его разработки, слишкомъ скромное заглавіе „Толковый Типиконъ“,—его можно бы назвать даже „Исторіей, если не энциклопедіей, богослуженія“.

Поистинѣ, было бы жаль, если бы эта, во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательная и рѣдкостная по внутреннимъ достоинствамъ и практически-жизненному значенію, книга не получила самаго широкаго распространенія не только среди духовенства, но и въ православно-вѣрующихъ кругахъ нашего русскаго образованнаго общества. А вѣдь такіе круги, семьи есть еще у насъ и, будемъ вѣрить, не переведутся и, пока, еще не малочисленны. Есть еще на Руси святой и цѣлая семья, и отдѣльныя образованныя лица, которыя вѣрны уставамъ Церкви, которыя искренне любятъ и цѣнятъ всю духовную красоту, возвышенный смыслъ нашего обряда, нашего богослуженія. Для всѣхъ подобныхъ лицъ, истинныхъ сыновъ родной Православной Церкви, „Толковый Типиконъ“ окажется настоящею „манною небесною“, питающей ихъ души, расширяющей новыми зорями ихъ духовный, благочестивый, религіозный горизонтъ. Сколько недомыслимаго, тревожно-непонятнаго, а порой и смущающаго благоговѣйную настроенность искреннихъ любителей и читателей службы церковной будетъ освѣщено, истолковано и устранено чтеніемъ этой книги!.. Но это не все. Книга можетъ, несомнѣнно, привлечь и любовь, и расположеніе не только къ богослуженію, но и къ самой Церкви даже ея охладѣвшихъ членовъ, ложно, по незнанію, думавшихъ видѣть въ нашемъ современномъ богослуженіи однѣ устарѣвшія безжизненныя формы обрядности. И подобный благотворный поворотъ, какъ во взглядахъ на богослуженіе, такъ и въ отношеніяхъ къ

Церкви, долженъ. думается, необходимо произойти у тѣхъ нашихъ колеблющихся и маловѣрныхъ собратій по вѣрѣ, которые изъ чтенія этой книги убѣдятся воочию, что вся жизнь Церкви и ея внѣшнее выраженіе въ богослуженіи есть не нѣчто мертвое, а непрерывно развивающійся духовный ростъ Царства Божія на землѣ, воплощающійся въ церковно-богослужебныхъ формахъ.

О значеніи „Толковаго Типикона“ собственно для насъ, пастырей Церкви, мы уже говорили: книга—прямо сокровище и для законоучителя и для священника, равно—сельскаго и городского, въ его служебной практикѣ. Остается закончить нашу замѣтку повтореніемъ самаго искренняго пожеланія, чтобы „Типиконъ“ получилъ скорое и широкое распространеніе какъ среди насъ, духовенства, такъ и въ нашемъ православно-вѣрующемъ образованномъ обществѣ. Осуществленіе нашего благого пожеланія могло бы ослабить вліяніе и раціоналистическихъ сектъ, отвергающихъ, главнымъ образомъ, богослужебную обрядность нашей Церкви и ложно утверждающихъ ея, будто-бы, позднѣйшее возникновеніе, теперь, якобы, совсѣмъ не нужное. Книга прямо и неопровержимо разрушаетъ подобныя измышленія нашихъ сектантовъ.

Намъ кажется, что условіе приобрѣтенія ея, связанное пока съ подпиской на журналъ „Руководство для сельскихъ пастырей“, не можетъ препятствовать ея распространію. Журналъ и самъ по себѣ заслуживаетъ полнаго вниманія духовенства, какъ по скромной цѣнѣ, такъ и по цѣнности приложеній, а также и по содержанію. Было бы хорошо, если бы и другія духовныя изданія отмѣтили сочувственно появленіе „Толковаго Типикона“. (Таврич. ц.-общ. вѣстникъ).

Свящ. А. Васелицкій.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 28-го февраля 1911 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Типографія Акціонер. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мериинг. у.

ГОДЪ

III.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

№№ 11—12.

1911-го года 13—20-го марта.

Содержаніе: I. Дѣйствуетъ-ли проповѣдь? Свящ. В. П.—II. О поклоненіи кресту среди Великаго поста. Н. Пальмовъ.—III. Въ защиту церковно-славянскаго языка. В. П.—въ.

Дѣйствуетъ-ли проповѣдь?

Къ дѣйствию проповѣднаго слова на слушателей, къ производимому имъ впечатлѣнію на сердца людей отношеніе проповѣдниковъ бываетъ разное, объясняемое прежде всего характеромъ благовѣствующаго. Одинъ, проповѣдуя „благовременне и безвременне“, совершенно не задумывается надъ дѣйствіемъ и результатами своего слова въ полной увѣренности, что убѣжденное слово не остается тщетнымъ и принесетъ свой плодъ. Весьма рѣдкія, но все же возможныя и у такого сомнѣнія въ томъ, что, быть можетъ, безрезультатно и малодѣйственно его слово, скоро и легко изгоняются изъ души памятью апостольскаго предупрежденія всѣмъ пропо-

вѣдникамъ: „горе мнѣ, аще не благовѣствую“. Таковыхъ проповѣдниковъ меньшинство. Такъ относятся къ своему дѣлу только цѣлостныя рѣдкія натуры. Большинство людей, склонныхъ къ колебаніямъ и сомнѣніямъ, къ самоанализу и критикѣ, относится къ дѣлу по иному, хочетъ знать дѣйствіе своего слова, его результаты. Думаемъ, что не будетъ празднымъ вопросомъ или пустымъ любопытствомъ со стороны проповѣдника задуматься надъ тѣмъ, подѣйствовала-ли и вообще дѣйствуетъ-ли его проповѣдь. Необходимость задумываться надъ этимъ вопросомъ, почаще останавливаться на немъ вниманію проповѣдника, кажется, не требуетъ особыхъ доказательствъ. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ проповѣдникъ слова Божія найдетъ не одно нравственное удовлетвореніе, но и мотивъ къ усовершенствованію себя въ служеніи слову, къ восхожденію ихъ силы въ силу въ дѣлѣ проповѣдничества. Знаменитые проповѣдники, общепризнанные авторитеты въ дѣлѣ проповѣдничества, великіе отцы и учителя Церкви являютъ намъ примѣръ самаго внимательнаго отношенія къ настроенію слушателей и къ тому, какое дѣйствіе производить на нихъ слово.

Св. Іоаннъ Златоустъ замѣчалъ даже незначительныя внѣшнія проявленія со стороны слушателей вниманія къ его проповѣдямъ и по нимъ судилъ о дѣйствіи на сердца слушателей. „Я, видѣлъ, пишетъ онъ въ похвалѣ Максиму, какъ многіе, поникнувъ головою, ударили себя по лицу и не могли подняться; тогда я воззрѣлъ на небо и сказалъ: благословенъ Богъ, что мы проповѣдуемъ не мертвымъ душамъ, но слова наши достигаютъ души слушателей съ великою силою“¹⁾. Сочувствіе слушателей, по Златоусту, придаетъ проповѣднику особенную силу и бодрость. „Когда проповѣдникъ видитъ въ слушателяхъ усердіе, то укрѣпляется и самъ и приобрѣтаетъ великую силу“²⁾...

¹⁾ Творенія, III, 224.

²⁾ Ibid IV. 500.

Проповѣдь дѣйствуетъ на внутреннее существо человека, она касается сокровенныхъ глубинъ человѣческаго сердца, а посему и судить о томъ, дѣйствуетъ ли она, крайне трудно, но все же нѣкоторые признаки для такого сужденія есть. Если проповѣдь ведется систематически, а не есть дѣло случайное; если проповѣдникъ внимателенъ къ слушателямъ и къ своимъ собственнымъ переживаніямъ, то онъ можетъ навикнуть опредѣлять и угадывать дѣйствіе своего слова на слушателей. Всего легче, разумѣется, опредѣлить, если проповѣдь вовсе не производитъ на слушателей дѣйствія. Если одно появленіе проповѣдника на кафедрѣ заставляетъ слушателей поворачиваться къ нему спиной и если такое явленіе наблюдается систематически—это вѣрный признакъ того, что проповѣдь по тѣмъ или другимъ причинамъ не дѣйствуетъ на слушателей. Описанное нами явленіе наблюдается часто, на него часто жалуются, пишутся даже проповѣди въ обличеніе жестоковѣрныхъ слушателей, пренебрегающихъ учительнымъ словомъ, но если безпристрастно и спокойно посмотрѣть на дѣло, то здѣсь не столько виноваты слушатели, сколько самъ проповѣдникъ; и прежде чѣмъ обличать слушателей, необходимо проповѣднику задуматься надъ самимъ собою и своей работой. Можно ли вообще допустить въ православныхъ людяхъ, посѣщающихъ храмъ Божій, полное равнодушіе къ учительному слову, котораго (равнодушія) нельзя было-бы преодолѣть? Къ сухому, безжизненному, невнятному—можетъ быть, но не къ живому, горячему—на него голоденъ и его жаждетъ православный русскій народъ. Тому проповѣднику, который на себѣ испытываетъ невниманіе слушателей, можно рекомендовать одно простое средство: на нѣкоторое время поставить на свое мѣсто другого, болѣе опытнаго и воодушевленнаго проповѣдника и со стороны понаблюдать отношеніе къ новому проповѣднику слушателей: разбѣгутся-ли они или будутъ слушать до конца поученіе. Нежеланіе паствы слушать проповѣдника, бѣгство отъ проповѣди есть первый и существенный при-

знакъ того, что проповѣдь безжизненна, что она не дѣйствуетъ и не можетъ дѣйствовать, и невозможно, грѣшно успокоиться на мысли, что черствы и холодны сердца слушателей.

Высокопоучителенъ долженъ быть для проповѣдника въ этомъ случаѣ примѣръ Господа нашего Иисуса Христа: Его слово вызывало иногда въ жестоковѣрныхъ іудеяхъ, особенно въ книжникахъ и фарисеяхъ, вражду вмѣсто любви; не всѣ шли за Господомъ и не всѣ перерождались поль благодатнымъ дѣйствіемъ Его слова; но въ Евангеліи нѣтъ указаній на то, чтобы отъ Его глаголовъ отворачивались люди, равнодушно оставляли Учителя одного среди Его рѣчи, — ибо со властію было слово Его. По одному разошлись іудеи, когда Господь предложилъ бросить камень въ жену, ятую въ любодѣяніи, но именно потому, что дѣйственно было Его слово, коснулось окаменѣлыхъ сердець и застыцились люди. . . Признаки, по которымъ можно судить о дѣйствіи проповѣди, можно раздѣлить на объективные, заключающіеся въ слушателяхъ, и субъективные — въ самомъ проповѣдникѣ.

Если нелѣпный проповѣдникъ замѣчаетъ, что слушатели при его проповѣди спокойны, сосредоточены, слушаютъ его внимательно — это уже можетъ служить ему нѣкоторымъ утѣшеніемъ: это не выдержка только и не простой тактъ, — въ нашъ нервный вѣкъ, при отсутствіи церковной дисциплины, едва-ли люди стануть томить себя систематически, — но это уже нѣкоторый интересъ и вниманія къ слову, а это въ свою очередь первый шагъ, первое условіе для благотворнаго дѣйствія слова.

Болѣе дѣйственная проповѣдь необходимо вызоветъ нѣкоторый откликъ въ слушателяхъ и внѣшнія выраженія сочувствія и поддержки. Въ древней Церкви выдающихся проповѣдниковъ встрѣчали и провожали радостными восклицаніями, аплодисментами; теперь этого нѣтъ, но все же проповѣдника съ живымъ и дѣйственнымъ словомъ окружаютъ, тѣсняются, спѣшатъ впередъ, а не обратно къ выходу.

Усердному долготѣнному проповѣднику съ живымъ словомъ, близко стоящему къ своей паствѣ, представится всегда не мало случаевъ отъ самихъ же слушателей услышать, какое дѣйствіе производятъ его проповѣди; слово благодарности, какое приходится услышать, нравственная матеріальная поддержка предложенію, сдѣланному въ проповѣди,—все это можетъ быть учтено проповѣдникомъ не для самолюбованія или тщеславія, а для того, чтобы возблагодарить Господа, поддержать въ своей душѣ огонь ревности о Богѣ.

Сердце человѣческое, область чувства—есть преимущественная сфера дѣйствія проповѣдническаго слова, а въ этой сферѣ мы имѣемъ яркое наглядное обнаруженіе производимыхъ здѣсь впечатлѣній и воздѣйствій: разумѣемъ жемчужины человѣческаго сердца—слезы.

Въ отношеніи чувствительности русскій народъ представляетъ рѣдкое и для проповѣдника благодарное явленіе: онъ чуждъ какъ холодной безчувственности, когда рассудокъ подавляетъ всякое движеніе, такъ и другой крайности—легко возбудимой чувствительности, сантиментальности. Русскій человекъ рѣдко плачетъ, исторія и жизнь его закалили, но зато, если онъ заплачетъ, то это будутъ горячія искреннія слезы.¹⁾ И какъ счастливъ тотъ проповѣдникъ, который вызываетъ на глазахъ своихъ слушателей слезы, все равно—будутъ-ли то слезы счастья и радости или скорби и покаяннаго чувства. Такой проповѣдникъ можетъ быть увѣренъ, что его слово дѣйствуетъ, что онъ обладаетъ счастливымъ даромъ—глаголомъ жечь сердца людей. Чѣмъ чаще проповѣдникъ бу-

¹⁾ Говоря о слезахъ, какъ доказательствѣ дѣйственности проповѣди, мы разумѣемъ слезы искреннія, тѣ, какія можно видѣть на глазахъ неискалѣченнаго русскаго человѣка. У сектантовъ—евангеликовъ—слезы, или вѣрнѣе, всхлипываніе и хныканье необходимая принадлежность каждаго молитвеннаго собранія, плакальщики у нихъ, на манеръ древне-еврейскихъ плакальщиковъ и свирѣльщиковъ, состоятъ на содержаніи и на тѣхъ, кто умѣетъ разбираться въ чувствахъ, производятъ отталкивающее впечатлѣніе своей искусственностью и дѣланностью.

детъ видѣть слезы на глазахъ своихъ слушателей, тѣмъ больше онъ можетъ имѣть надежды на то, что его наставленія будутъ слушателями осуществлены въ жизни. Вотъ какъ разсуждаетъ о дѣйствии проповѣди блаженный Августинъ. Въ городѣ Кессаріи существовалъ варварскій обычай, называвшійся катервою. Въ извѣстное время собирались граждане всего города въ назначенное мѣсто, по жребіямъ дѣлились на двѣ стороны и въ теченіи нѣсколькихъ дней сряду производили битвы и поражали нерѣдко другъ друга до смерти.

„Мнѣ, пишетъ блаженный Августинъ, надлежало поученіями своими отклонить народъ отъ сего обычая и посему я употреблялъ сколько можно сильный и возвышенный тонъ рѣчи, чтобы исторгнуть и уничтожить въ сердцахъ и нравахъ моихъ слушателей столь жестокое и отъ давности глубокоукоренившееся зло. Но о надлежащемъ дѣйствии моихъ поученій узналъ я не тогда, когда слышалъ одобрительные крики народа, *а тогда, когда примѣтилъ на глазахъ его слезы.* Клики народные показывали, что мои слушатели понимаютъ меня и что я нравлюсь имъ; а слезы ихъ свидѣтельствовали, что они точно убѣждены мною. Какъ скоро увидѣлъ я эти искреннія слезы, тогда вполнѣ увѣрился, что я побѣдилъ этотъ варварскій обычай, переданный отъ отцовъ, отъ дѣловъ и даже отъ дальнѣйшихъ предковъ бѣднымъ потомкамъ.— обычай, злодѣйски осаждавшій, или лучше сказать, совершенно державшій въ плѣну сердца народа.

Тотчасъ, окончивши мое слово, я обратилъ сердце и очи къ небу, дабы возблагодарить Господа. И вотъ, по милосердію Христа Моего, протекли уже почти восемь или болѣе годовъ, какъ эта варварская забава не возобновляется. Много и другихъ опытовъ, которые научали меня, что полное дѣйствіе на слушателей, производимое словомъ, выражалось не хвалебными восклицаніями проповѣднику, а болѣе глубокими вздохами, слезами и, наконецъ, перемѣною образа мыслей“ .¹⁾

¹⁾ Воскресное чтеніе 1857 г. стр. 170.

Подъ переменною образа мыслей, какъ она ни важна сама по себѣ, блаженный Августинъ несомнѣнно разумѣлъ, какъ свидѣтельствуеть описанный имъ случай изъ проповѣднической практики, перемену въ жизни къ лучшему: переменна только однѣхъ мыслей не есть еще полный плодъ ученія и не доказываетъ еще полного и глубокаго дѣйствія проповѣдническаго слова. Какъ часто человѣкъ дѣлаеть и поступаетъ совсѣмъ обратно тому, какъ думаетъ—противно своимъ убѣжденіямъ и совѣсти! Слабость человѣческой природы превосходно охарактеризовалъ св. Апостоль Павелъ въ словахъ: „не еже бо хочу доброе сіе творю, но еже не хочу злое, сіе содѣваю“. И конечная цѣль проповѣдника—производить перемену не однѣхъ только мыслей, но и дѣйствій: это будетъ высшая награда проповѣдника. Чтобы убѣдиться въ томъ, что дѣйствительно проповѣдь оказываетъ дѣйствіе, проповѣднику и необходимо наблюдать за тѣмъ, какое дѣйствіе производить его слово въ жизни слушателей, исправляетъ-ли она, перерождаетъ ли наставляемыхъ. Достигаетъ этого только проповѣдникъ настойчивый, непрестанно памятующій апостольское наставленіе: „настой благовременне и безвременне, обличи, запрети, умоли“. Къ сожалѣнію, такой настойчивости въ достиженіи опредѣленной, разъ поставленной цѣли весьма часто и нѣтъ у нашихъ проповѣдниковъ. Послушайте подрядъ нѣсколько разъ одного и того-же приходскаго проповѣдника, почитайте сборники проповѣдей—всего чаще послѣдующая проповѣдь не стоитъ въ тѣсной связи съ предшествующей. Конечно, и такія проповѣди достигаютъ нѣкоторой цѣли, но трудно думать, чтобы они производили полное дѣйствіе на слушателей, имѣли бы реальные результаты, по которымъ можно было-бы судить о томъ, насколько дѣйствуеть проповѣдническое слово.

Кромѣ указанныхъ нами внѣшнихъ свидѣтельствъ и признаковъ, есть и внутренніе, по которымъ проповѣдникъ до нѣкоторой степени можетъ судить о дѣйствіи своей проповѣди. Проповѣдникъ, относящійся къ своему дѣлу не фор-

мально, а съ ревностью, во время проповѣди и послѣ нея переживаетъ цѣлую гамму чувствованій, испытываетъ душевный подъемъ, трепетъ и волненіе. На высшей ступени эти чувства можно-бы назвать проповѣдническимъ или ораторскимъ вдохновеніемъ. Особый душевный подъемъ и чувство внутренняго удовлетворенія (чуждое, конечно, самообольщенія) служить нѣкоторымъ показателемъ живой, а вмѣстѣ и дѣйственной проповѣди.

Можно указать и еще одинъ признакъ, а вмѣстѣ и условіе дѣйственности проповѣди. Если въ предварительномъ процессѣ составленія, предъ произнесеніемъ и во время произнесенія проповѣдь была растворена усердною и горячею молитвою, она не будетъ безплодною, ибо не ложно слово Господа: „просите и дастся вамъ“. (Мѡ. 7, 7).

Священникъ В. II.

О поклоненіи кресту среди Великаго поста.

На страницахъ „Р. д. с. п.“ намъ уже приходилось говорить о поклоненіи св. Кресту въ дни Великаго поста ¹⁾. Наши читатели, надѣмся, припомнятъ, что древняя Церковь имѣла обыкновеніе предлагать св. Крестъ поклоненію и чествованію вѣрующихъ два раза въ теченіе Великаго поста: въ Великій пятокъ и въ третью недѣлю, такъ называемую „средопостную“ или „средокрестную“ или, еще иначе, „крестопоклонную“. Въ Іерусалимѣ, въ Константинополѣ и въ другихъ мѣстахъ св. Крестъ въ эти дни износился изъ соудохранильницы на средину храма, и народъ съ благоговѣніемъ поклонялся святынь.

Если древній обычай, — теперь уже прекратившій существованіе, въ церкви — предлагать въ Великій пятокъ Крестъ

---

¹⁾ См. „Р. д. с. п.“ за 1907 г. т. I, с. 231 и дал., за 1908 г. т. I, с. 335 и дал.

благоговѣйному поклоненію народа не представляетъ особенныхъ затрудненій при рѣшеніи вопроса о времени происхожденія этого священнаго обычая, какъ и о мѣстѣ его первоначальнаго возникновенія, а затѣмъ и дальнѣйшаго распространенія по древнему христіанскому міру, не представляетъ. говоримъ, затрудненій, такъ какъ изслѣдователь располагаетъ, въ данномъ случаѣ, надежнымъ и довольно богатымъ научнымъ матеріаломъ, въ видѣ: а) свидѣтельствъ паломницы IV вѣка Сильвіи Аквитанской, описавшей видѣнное ею самою въ Іерусалимѣ чествованіе св. Древа животворящаго Креста Господня народомъ въ утро Великаго пятка, и въ видѣ: б) свидѣтельствъ древнихъ литургическихъ и иныхъ памятниковъ, содержащихъ въ себѣ запись обрядовъ при поклоненіи Кресту въ Іерусалимѣ, въ Константинополѣ и въ другихъ мѣстахъ православнаго Востока; то другой, тоже, — конечно, — древній обычай поклоненіе св. Кресту среди Великаго поста, въ третью недѣлю, требуетъ еще основательнаго и глубокаго изслѣдованія, такъ какъ христіанская древность даетъ мало матеріала для рѣшенія связанныхъ съ этимъ обрядомъ вопросовъ. Отсюда естественны, полагаемъ, пробѣлы, оказавшіеся въ нашей статьѣ о поклоненіи св. Кресту въ третью недѣлю Великаго поста, напечатанной въ „Р. д. с. п.“ за 1907 годъ. Нѣкоторымъ восполненіямъ ихъ и будутъ служить нижеслѣдующія строки.

Въ 1910 году профессоръ С.-Петербургской духовной Академіи И. Карабиновъ издалъ научное изслѣдованіе о Постной Тріоди. ¹⁾ Онъ работалъ надъ рукописнымъ матеріаломъ, собраннымъ имъ въ заграничныхъ и русскихъ книгохранилищахъ, отъ чего изслѣдованіе приобрѣло крупную цѣнность. Разработка греческаго и славянскаго рукописнаго матеріала, привлеченнаго въ выясненію плана, состава, редакціи славянскихъ переводовъ Постной Тріоди, убѣдила И. Карабинова,

¹⁾ И. Карабиновъ. Постная Тріодъ. Историческій обзоръ ея плана, состава, редакцій и славянскихъ переводовъ. СПб. 1910.

между прочимъ, въ томъ взглядѣ, что поклоненіе кресту на третьей недѣли Великаго поста обязано своимъ происхожденіемъ весьма замѣтному (вообще говоря) стремленію древнихъ устроителей богослужебнаго чина переносить выдающіяся церковныя памяти, прилучающіяся въ періодъ Великаго поста, съ будничныхъ дней, ради вящей торжественности, на дни субботніе и воскресные, когда, по соборному опредѣленію (Лаодик. 51), возможно совершеніе полной литургіи, безъ личности которой немислима торжественность праздничнаго богослуженія. Карабиновъ приводитъ свидѣтельство изъ греческой рукописи XIII в., что на средину Великаго поста падаетъ память перенесенія значительной части Древа животворящаго Креста Господня изъ Апамеи къ двору императора Іустина (неизвѣстно какого—перваго, или втораго; Іустинъ I былъ императоромъ византійскимъ съ 518 по 527 г., Іустинъ II—съ 565 г. по 578). Въ ознаменованіе этого событія и было учреждено поклоненіе Кресту въ третью недѣлю Великаго поста. „Третье поклоненіе св. Древу¹⁾“ бываетъ въ срединѣ поста въ память перенесенія его изъ Апомен при императорѣ Іустинѣ. Эта часть Древа представляетъ изъ себя подножіе Христа. Епископъ апамейскій Алфій принесъ ее въ свой городъ изъ Іерусалима, получивъ ее отъ своего брата, архіепископа іерусалимскаго. Другіе же сообщаютъ, что съ блаженной Еленой отправились (для отысканія Креста Господня) многіе епископы, въ томъ числѣ—и епископъ Апамеи. Онъ выпросилъ у царицы часть честнаго Древа для церкви, которую онъ намѣревался построить, и, получивъ, отнесъ ее въ Апамею. Когда она была открыта при Іустинѣ, то одна часть ея была оставлена на мѣстѣ, а другая отнесена въ церковь“.²⁾ Таково свидѣтельство XIII вѣка. Оно относитъ перенесеніе части Древа къ VI вѣку (къ царствованію Іустина I, или II) и къ тому же вѣку от-

¹⁾ Кромѣ 14 сентября и 1 августа.

²⁾ И. Карабиновъ—„Постная Тріодъ“, с. 33.

носить, слѣдовательно, и учрежденіе обычая поклонятся Древу Креста на третьей недѣлѣ Великаго поста.

Хотя у древнихъ церковныхъ историковъ: Феодорита († 457 г.), Сократа († около 440 г.) и Созомена (V в.), рассказывающихъ объ обстоятельствахъ обрѣтенія Креста Господня царицею Еленою и о томъ, какъ Елена поступила съ Древомъ Креста, нѣтъ указанія на передачу ею подножія Креста епископу Апамейскому, но на основаніи отсутствія такого указанія нельзя, конечно, отвергать всякое значеніе разсматриваемаго свидѣтельства XIII в.,—разъ потому, что показанія самихъ историковъ могутъ не отличаться полною и особою точностью, а во-вторыхъ, само же свидѣтельство предполагаетъ возможность полученія Апамейскимъ епископомъ части Древа отъ брата—іерусалимскаго архіепископа, которому, какъ указываютъ историки, царица Елена передала бѣольшую часть свящ. Древа ¹⁾ Значить, получить часть Древа апамейскій епископъ, тѣмъ или инымъ путемъ, могъ Далѣе, свидѣтельство говорить,—хотя, довольно, впрочемъ, глухо,—

¹⁾ Вотъ слова церковныхъ историковъ:

Феодорита: „Отъ креста же Спасителя невольную часть положила она (Елена) во дворѣ царскомъ, а все остальное, вложивъ въ серебрянный, сдѣланный по ея приказанію ковчегъ, отдала епископу города, заповѣдавъ ему хранить для грядущихъ поколѣній памятникъ нашего спасенія“ (Ц., II, I, 18; рус. перев. с. 80).

Сократа: „Что касается до креста, то одну часть его, положивъ въ серебрянное хранилище, оставила она (Елена) тамъ (въ Іерусалимѣ), какъ памятникъ для послѣдующихъ историковъ, а другую послала къ царю. Принявъ эту часть и совершенно вѣря, что городъ, въ которомъ будутъ хранить ее, спасется, царь скрылъ ее въ своей статуѣ. А его статуя, утвержденная на высокой порфировой колоннѣ, находилась въ Константинополѣ, среди такъ называемой Костантиновой площади. Это написалъ я“, прибавляетъ Сократъ, „хотя и по слуху, однако жъ о подлинности сего событія говорятъ почти все жители Константинополя“ (Ц. II, I, 17; рус. перев. 77).

Созомена: „Большая часть найденнаго Божественнаго древа и донынѣ хранится въ Іерусалимѣ, въ серебрянномъ ковчегѣ; а остальную царица (Елена) привезла сыну своему Константину“... (Ц. II, II, 1; рус. перев. с. 80.).

что часть⁵ Древа, перенесенная въ Апамею, была тамъ *открыта* при императорѣ Іустинѣ. Если—открыта, то, слѣдовательно, дотолѣ она, по какимъ то причинамъ, была въ Апамеѣ сокрываема. Открытіе безцѣнной святыни, очевидно, такъ обрадовало нашедшихъ ее, что они рѣшили подѣлиться своею радостью съ императоромъ и вотъ, отдѣливъ отъ животворящаго Древа часть для себя, другую отнесли къ императору—

Если такъ все это и было на самомъ дѣлѣ, какъ представляетъ свидѣтельство, то радостный праздникъ обрѣтенія подножія древа Креста въ Апамеѣ и перенесеніе части подножія къ двору императора долженъ былъ получить свое начало или на мѣстѣ обрѣтенія—въ Апамеѣ, или въ столицѣ Іустина—въ Константинополь, или же въ томъ и другомъ городѣ одновременно. Константинополь, сколько извѣстно изъ церковной исторіи, весьма сочувственно относился къ учрежденію у себя новыхъ праздниковъ и умѣлъ создавать для нихъ торжественную обстановку. Но почему же паломники Аркульфъ (около 670 г.) и Беда Достопочтенный (около 720 г.), весьма обстоятельно ознакомленные съ Константинопольскою Софіею и съ ея святынею—животворящимъ Крестомъ Господнимъ и давшіе обстоятельное изображеніе обрядовъ поклоненія Кресту въ послѣдніе дни страстной седмицы, ни словомъ не упомянули о торжествѣ поклоненія Кресту въ третью недѣлю Великаго поста? Беда прямо говоритъ, что деревянный ковчегъ съ Древомъ Креста выносятся въ теченіе года *только три раза*: въ Великій четвертокъ, въ Великую пятницу и въ Великую субботу.¹⁾ А Аркульфъ столь подробно описываетъ части Древа Креста, хранящіяся въ ризницѣ Софіи Константинопольской („тамъ“, въ деревянномъ ковчегѣ, поставленномъ въ большой и великолѣпный шкафъ,

¹⁾ См. А. А. Дмитриевскій—„Древнѣйшіе патріаршіе типиконы: Святробскій Іерусалимскій и Великой Константинопольской церкви“. Кіевъ 1907, с. 136. Д. О. Вьяльевъ—Βοξαντινῶν, кв. II. СПб. 1903, с. 239—240, примѣч. 4.

„не два, а три короткія древа Креста, т. е. поперечное древо и—длинное, разсѣченное и раздѣленное на двѣ равныя части“), что, пожалуй, могъ бы своимъ описаніемъ набросить тѣнь сомнѣнія на подлинность свидѣтельства о принесеніи въ Константинополь изъ Апаimei новой части Древа, если бы не было извѣстно, что Константинополь владѣлъ, кромѣ описанныхъ Аркульфомъ, и еще нѣсколькими частями животворящаго Древа, изъ которыхъ нѣкоторыя могли быть отдѣлены и отъ *подножія* Креста Христа. Но, во всякомъ случаѣ, удивительно, что у паломниковъ VII в. нѣтъ сообщенія о поклоненіи Кресту на третьей недѣлѣ Великаго поста въ Константинополь. Беда точно и опредѣленно называется дни, когда св. Древо износилось для поклоненія въ св. Софїи Константинопольской, и среди этихъ дней нѣтъ дня поклоненія Кресту среди поста. Между тѣмъ, естественно было бы ожидать со стороны паломниковъ указанія на этотъ день, коль скоро этотъ день ознаменовался въ Константинополь особымъ церковнымъ торжествомъ съ изнесеніемъ народу св. Древа для чествованія и поклоненія.

Архіепископъ черниговскій Филаретъ въ своемъ „Историческомъ ученіи объ Отцахъ Церкви“ приводитъ выдержку изъ втораго слова о Крестѣ Софронія, патриарха іерусалимскаго, доказывающую существованіе въ его время обряда изнесенія Древа честнаго Креста именно въ срединѣ Великаго поста: „Въ срединѣ поста“, говоритъ св. Софроній, „обыкновенно предлагается для поклоненія единственное Древо честнаго Креста“. ¹⁾ Софроній жилъ въ первой половинѣ VII вѣка и управлялъ іерусалимскою церковью съ 634 г. по 644 г. а ранѣе онъ подвизался вмѣстѣ съ Іоанномъ Мосхомъ (авто-

---

¹⁾ *Архіеп. Филаретъ*—„Историческое ученіе объ Отцахъ Церкви“, т. III, изд. 1859 г., с. 219. *К. Поповичъ* дѣлаетъ анализъ слова патр. Софрона въ недѣлю крестопоклонную, каковое слово посвящено выясненію пользы и значенія поста, въ своемъ изслѣдованіи о патр. Софроніи, печатавшемся на страницахъ „Трудовъ Кіевской Духовной Академіи“ за 1890 г. см. августъ, с. 522.

ромъ сочиненія „Лугъ Духовный“) въ Александріи, въ Римѣ, гдѣ Іоаннъ Мосхъ скончался около 622 г., и наконецъ въ Палестинѣ, въ киновіи проп. Θεодосія и въ обители св. Саввы, начавшей, вмѣстѣ съ другими полестинскими монастырями, возобновляться въ двадцатыхъ годахъ VII вѣка послѣ разоренія ея войсками персидскаго царя Хозроя въ 614 году. Въ промежуткѣ времени отъ 622 года, когда Софроній вмѣстѣ съ другими учениками Іоанна Мосха, перевезъ изъ Рима тѣло своего учителя, согласно его завѣщанію, въ Палестину для погребенія въ пещерѣ, гдѣ подвизался проп. Θεодосій киновіархъ, и до 634 г.—годъ избранія Софронія въ патріархи іерусалимскіе, Софроній, въ санѣ еще іеромонаха, написалъ уставъ церковнаго послѣдованія лавры святого и Богоноснаго отца нашего Саввы освященнаго. ¹⁾ Изъ этихъ свѣденій открывається то, что Софроній, говоря о поклоненіи *единственному* Древу честнаго Креста и указывая на это поклоненіе, какъ на нѣчто *обыкновенное* для христіанъ, разумѣетъ практику не какой либо иной церкви, но именно—іерусалимской. Удареніе на словѣ *единственное* показываетъ, что въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь не о всякомъ изображеніи Креста, но о животворящемъ Древѣ, хранимомъ въ Іерусалимѣ, на каковомъ Древѣ былъ распятъ Господь. Въ 614 году Древо Креста было увезено въ Персію, гдѣ пребывало до 627 года. Возникаетъ, такимъ образомъ, самъ собою вопросъ: какъ думать, поклоненіе животворящему Древу Креста среди Великаго поста—возникло ли до 614 года, или послѣ 627 годъ? Если бы оно возникло послѣ 627 года, то, полагаемъ, Софроній на могъ бы назвать это поклоненіе дѣломъ обыкновеннымъ, утвердившимся въ церковной практикѣ и, вслѣдствіе того, никого не поражающимъ своею новизною; онъ долженъ былъ бы считаться съ нимъ, какъ съ учрежденіемъ *новымъ*, чего, однако, не видно въ словахъ Софронія. Значить, изнесеніе Креста

¹⁾ *Ахріепископъ Сергій*—„Полный мѣсяцесловъ Востока“, т. I, изд. 1901 г. с. 173, т. II, с. 689.

среди Великаго поста было учреждено въ Иерусалимской церкви ранѣе 614 года. По какому же случаю и когда?

Не думается намъ, что Иерусалимская церковь приняла этотъ священный обычай отъ Константинополя, если даже признать, что въ Константинополѣ онъ установился при императорѣ Густинѣ I въ первой четверти VI вѣка, или при императорѣ Густинѣ II въ третьей четверти того же вѣка. Не говоря уже о томъ, что поклоненіе подножію Креста Господня среди Великаго поста въ Константинополѣ не находятъ себѣ подтвержденія у паломниковъ VII вѣка, когда это поклоненіе должно было бы, кажется, проявиться съ особенною интенсивностью въ виду горя отъ плѣненія іерусалимской части животворящаго Креста персами, а затѣмъ въ виду радости по случаю обратнаго возвращенія къ христіанамъ ихъ драгоценной святыни; не говоря еще и о томъ, что только подъ условіемъ особенной торжественности чествованія св. Креста въ Константинополѣ среди Великаго поста возможно допустить подчиненіе Иерусалима въ этомъ случаѣ вліянію Константинополя въ тотъ именно періодъ времени, когда вообще не Константинополь вліялъ, въ богослужебномъ отношеніи, на Иерусалимъ, но Иерусалимъ на Константинополь, а этой то особенной торжественности поклоненія подножію Креста или самому Кресту, такой торжественности, которая обращала бы на себя вниманіе, мы, во всякомъ случаѣ, не видимъ въ Константинополѣ въ третью недѣлю Великаго поста; не говоря обо всемъ этомъ, мы, должны обратить самое серьезное вниманіе на документально доказанное въ наукѣ исторіи православнаго восточнаго Богослуженія положеніе, что только *со второй половины VII вѣка* (по X—XI в.в.) Типиконъ константинопольскій возымѣлъ стремленіе подчинить своему вліянію богослужебную практику другихъ восточныхъ православныхъ церквей, въ томъ числѣ и практику Иерусалимской Церкви, „когда“, какъ говоритъ проф. А. А. Дмитриевскій, самъ „Типиконъ Великой константинопольской Церкви достигъ наивысшаго своего развитія и полноты, и

когда, въ силу благоприятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ для Великой Церкви обстоятельствъ и положеніе вселенскаго патріарха значительно возвысилось, сравнительно съ патріархами другихъ Православныхъ Церквей“ на Востокъ. 1) Какъ же послѣ этого можно было бы говорить о перенесеніи въ Іерусалимъ изъ Константинаополя разсматриваемаго обычая чествовать св. Крестъ въ срединѣ Великаго поста въ столь раннюю пору, каково, во всякомъ случаѣ, начало VI столѣтія, когда о вліяніи Константинаополя на богослужебныя порядки Іерусалима и вообще то не можетъ быть рѣчи?!...

Свидѣтельство патріарха іерусалимскаго Софронія о поклоненіи Древу Креста Господня въ срединѣ Великаго поста въ Іерусалимской Церкви, —свидѣтельство, замѣтимъ, кромѣ архіепископа черниговскаго Филарета приводимое и архіепископомъ Сергіемъ во II томѣ его „Полнаго мѣсяцеслова Востока“ въ богатой эрудиціей замѣткѣ на 14 число сентября мѣсяца, 2)—цѣнно для изслѣдователя въ томъ отношеніи, что утверждаетъ его въ мысли искать начало священнаго обряда поклоненія Кресту среди Великаго поста именно въ практикѣ Іерусалимской, частнѣе Сіонской Церкви, бывшей съ IV вѣка руководительницей всѣхъ прочихъ Православныхъ Церквей по части Богослужебныхъ порядковъ и благочестивыхъ установленій.

Въ 1907 году, трактуя о поводахъ къ учрежденію обряда поклоненія св. Кресту среди Великаго поста, мы проводили взглядъ, что, по всей вѣроятности, этотъ обрядъ обязанъ своимъ возникновеніемъ стремленію предстоятелей древней Церкви вызвать въ христіанахъ бѣльшее уваженіе къ посту „душеполезной четьредесятницы“, значеніе которой, какъ и всякаго вообще поста, умаляли различные лжеучители и, между прочимъ, съ конца VII вѣка—иконоборцы. Къ концу

1) А. А. Дмитріевскій—„Древнѣйшіе патріаршіе Типиконы“, с. 115

2) Архіепископъ Сергій—„Полный мѣсяцесловъ Востока“, т. II, с. 373—576.

VII вѣка (или началу VIII в.) мы и относили установленіе обряда поклоненія св. Кресту среди Великаго поста.¹⁾ Теперь открывается возможность начало поклоненія Кресту отнести и къ болѣе ранней эпохѣ, но поводъ къ установленію этого поклоненія долженъ быть отыскиваемъ все таки въ намѣреніи предстоятелей іерусалимской Церкви создать въ религіозномъ настроеніи православныхъ христіанъ уваженіе къ спасительному посту четырехдесятницы. По новѣйшимъ историческимъ изслѣдованіямъ открывается, что въ IV вѣкѣ постъ четырехдесятницы сталъ общезвѣстнымъ и общеупотребительнымъ въ христіанскомъ мірѣ, при чемъ—въ исчисленіи четырехдесятницы было тогда два способа: одинъ—палестинскій, а другой антїохійскій. Очевидно, Палестина и Сирія имѣли на этотъ счетъ долговременную практику, утвердившую за ними авторитетъ въ глазахъ христіанъ. Сильвія аквитанская сообщаетъ, какъ въ Іерусалимѣ исчислялись 8 недѣль предпасхальнаго поста, и какъ проводились христіанами эти недѣли поста четырехдесятницы.²⁾ Высочій авторитетъ Іерусалима — матери

¹⁾ „Р. д. с. и. за 1907 г. т. I, с. 285—286.

²⁾ Вотъ слова *Сильвіи*: „Обычай же поста въ четырехдесятницу, здѣсь (въ Іерусалимѣ) таковъ, что иныя, вкусивъ пищу въ воскресный день послѣ литургіи, то есть въ пятомъ или шестомъ часу, уже не вкушаютъ цѣлую недѣлю до наступленія субботы, послѣ литургіи въ Воскресеніе: это тѣ, которые постятся недѣлю. Въ субботу же, когда вкусятъ утромъ, вечеромъ уже не вкушаютъ, но на другой день, то есть въ воскресенье, вкушаютъ послѣ литургіи въ церкви, въ часъ пятый или позже, и потомъ уже не вкушаютъ ранѣ наступленія субботы... Здѣсь такой обычай, что] всѣ, называемые здѣсь апотактитовъ, мужи и жены, не только въ дни четырехдесятницы, но и весь годъ, когда вкушаютъ, вкушаютъ разъ въ день; тѣ же изъ этихъ апотактитовъ, которые не могутъ провести въ постѣ цѣлую недѣлю.. вкушаютъ въ срединѣ, въ четвергъ кто не можетъ и этого, постится по два дня во всю четырехдесятницу, а кто не можетъ и этого, вкушаетъ отъ вечера до вечера. И никто не требуетъ, сколько каждый долженъ дѣлать, но всякій дѣлаетъ, какъ можетъ: не хвалятъ того, кто дѣлаетъ много, и не порицаютъ того, кто дѣлаетъ мало. Таковъ здѣсь обычай. Пища же въ эти дни четырехдесятницы такова, что они не вкушаютъ ни крошки хлѣба, ни масла, ни плодовъ древесныхъ, но только воду и немного мучной похлебки“. Прав. Палест. Сборникъ, 20 вып. Спб. 1889 г., с. 150—151.

Церквей въ глазахъ христіанскаго міра требовалъ не только отъ жителей Іерусалима особенной заботливости относительно достоюжнаго провозженія ими поста (и дѣйствительно, какой строгій постъ соблюдали жители Палестины, по описанію Сильвіи!), но вызывалъ и церковную іерархію въ Іерусалимѣ на употребленіе особыхъ мѣръ къ утвержденію христіанъ, приходившихъ на поклоненіе святынямъ Іерусалима со всѣхъ странъ тогдашняго свѣта, въ вѣрованіи относительно спасительности сорокадневнаго предпасхальнаго поста. Сильвія описываетъ, какія продолжительныя и трогательныя богослуженія бывали въ Іерусалимѣ Великимъ постомъ и на страстной седмицѣ, и отмѣчаетъ, что, въ большинствѣ случаевъ, на богослуженіяхъ присутствовалъ епископъ и, помимо пресвитеровъ, самъ не переставалъ назидать богомольцевъ поученіями. Въ утро Великаго пятка, когда религіозное воодушевленіе христіанъ, послѣ ночнаго Богослуженія на мѣстахъ, ознаменованныхъ воспоминаніями послѣднихъ дней страданій Господа, достигало высшей степени напряженности, епископъ износилъ народу для поклоненія животворящее Древо Креста Господня, чѣмъ, съ одной стороны, успокаивалъ взволнованное чувство богомольцевъ, а съ другой стороны—какъ бы вдохновлялъ въ нихъ бодрость къ перенесенію послѣдующихъ молитвенныхъ трудовъ и подвиговъ. О выносѣ животворящаго Древа Креста Господня въ срединѣ Великаго поста Сильвія не говоритъ. А такъ какъ она весьма внимательно относилась ко всему, что происходило въ храмахъ Іерусалима въ знаменательныя для христіанъ дни, то молчаніе Сильвіи объ интересующемъ насъ предметѣ должно понимать такъ, что въ ея время, т. е. въ IV вѣкѣ, и именно во второй половинѣ его, изнесенія Креста въ срединѣ Великаго поста въ Іерусалимѣ не было. Когда же оно возникло?

Въ синаксарѣ, положенномъ на всенощномъ бдѣніи въ третью недѣлю Великаго поста, проводится мысль, что изнесеніе Креста въ этотъ день имѣетъ цѣлью подкрѣпить бодрость христіанъ въ срединѣ ихъ постныхъ подвиговъ. Крестъ сравни-

вается съ древомъ, усладившимъ горькія воды Мерры, и съ благосѣбнолиственнымъ древомъ, подъ пріятною тѣнью котораго находятъ прохладу и отдохновеніе утомленные отъ зноя путники... Если мы возьмемъ эту, проводимую въ синаксарѣ мысль о значеніи изнесенія Креста въ третью недѣлю Великаго поста и, руководясь этою мыслью, станемъ отыскивать первоначальную эпоху установленія въ древней Церкви этого обряда, то мы должны будемъ признать, что разсматриваемый обрядъ возникъ тогда, когда стало замѣчаться ослабленіе въ подвигахъ пощенія у христіанъ, и надо было употреблять средства, чтобы поднять угасающую ревность къ такого рода подвигамъ. Конечно, это могло случиться не въ IV вѣкѣ, когда постъ сдѣлался въ христіанскомъ мірѣ общераспространеннымъ и общепочитаемымъ, а въ Іерусалимѣ соблюдался весьма строго, но когда то послѣ IV вѣка.

Не разставаясь съ убѣжденіемъ, что обрядъ поклоненія Древу креста возникъ въ Іерусалимской церкви, мы думаемъ, что начало его нужно искать въ эпохѣ такъ называемыхъ оригенистическихъ волненій, охватившихъ Палестину къ концу V вѣка. Антицерковныя идеи Оригена, а въ особенности его взглядъ, будто мученія грѣшниковъ и діавола не вѣчны, но будутъ имѣть конецъ, и всѣ люди, такимъ образомъ, возвратятся въ первобытное блаженное состояніе, нашли себѣ горячихъ послѣдователей въ Палестинѣ и среди мірянъ, и среди духовенства, и среди монаховъ. Слѣдствіемъ усвоенія оригеновскихъ воззрѣній было замѣтное пониженіе общаго уровня нравственной жизни: И неудивительно, почему. Лжеучители, отвергавшіе вѣчность мученій для грѣшниковъ,—приведемъ мысли императора Юстиніана въ его „словѣ“ къ патріарху константинопольскому Минѣ „противъ нечестиваго Оригена и его непотребныхъ взглядовъ“ (отъ 543 г.),—давали людямъ поводъ быть нерадивыми относительно исполненія заповѣдей Божіихъ, отвлекали ихъ отъ тѣснаго и узкаго пути и заставляли блуждать по пути широкому и пространному. Если и мученіе, и блаженство имѣютъ конецъ, то для чего, въ самомъ

дѣлѣ, вочеловѣченіе Господа нашего Иисуса Христа? Для чего и распятіе, и смерть, и гробъ, и воскресеніе Господа? Какая выгода тѣмъ, которые подвигомъ добрымъ подвизались и подверглись мученію за Христа, если и демоны нечестивые, чрезъ возстановленіе, достигнуть такого же состоянія, что и святые. 1) Отверженіе, такимъ образомъ, надобности въ усовершенствованіи личной жизни для спасенія ведетъ и къ отричанію нужды въ такихъ подвигахъ благочестія, къ которымъ принадлежитъ, между прочимъ, постъ. Если въ жизни палестинскихъ монаховъ VI вѣка, подѣ влияніемъ оригеновскихъ идей, замѣчается умаленіе, а нерѣдко даже и совершенное исчезновеніе аскетическихъ подвиговъ, то не менѣе, разумѣется, тлетворное воздѣйствіе въ томъ же отношеніи должны были оказать,—и, безъ сомнѣнія, оказали,—воззрѣнія свободомыслящаго древняго богослова на мірянъ въ Палестинѣ 2).

Хотя патріархи іерусалимскіе Іоаннъ III (517—524 гг.) и Петръ (524—544 гг.) 3) съ духовенствомъ ревностно бо-

1) *Архимандритъ (нынѣ епископъ) Θεодосій—„Палестинское монашество въ IV—VI вв.“. Кіевъ 1899 г. с. 284 и с. 292.*

2) Нельзя не согласиться съ предположеніемъ г. Карабинова, что въ словахъ Оригена: „Иудеи постятся, потому что потеряли жениха (Мѡ. 9, 15), мы же, имѣя Его при себѣ, не можемъ поститься; но я говорю это не къ тому, чтобы ослабить узду христіанскаго, ибо у насъ есть дни Четырдесятницы, посвященные посту, есть среда и пятница, въ которыя мы ежедневно торжественно постимся (10 гомилія на кв. Левитъ)“, чувствуется интерполяція переводчика Руфина („Постная Трїодъ“, с. 8). Оригену, вѣроятно, принадлежитъ только первая мысль—о ненужности поста для христіанъ.

3) Годы—по „Полн. мѣсяц. Востока“ *архіеп. Сергія*, т. II, с. 689. Надо замѣтить, что въ хронологіи этихъ патріарховъ, равно какъ и въ (хронологіи слѣдующихъ: оригениста Макарія (сверженнаго) и Евстохія наблюдается у архіеп. Сергія разнорѣчіе съ *еп. Θεодосіемъ*. Такъ, по Сергію, патр. Петръ управлялъ церковью до 544 г., по Θεодосію же—въ 550 г. Петръ умеръ и на патріархій престолю вступилъ оригенистъ Макарій („Палест. монашество“, с. 290); патр. Іоаннъ III вступилъ на престолъ не въ 517 г. какъ указываетъ Сергіій, а въ 516 („Пал. мон.“ с. 277). Въ какомъ году

ролись противъ послѣдователей Оригена, и хотя соборъ въ Антиохіи въ 542 г. предалъ анафемѣ догматы Оригеновскаго лжеученія, осудилъ ихъ и помѣстный соборъ въ Константинополѣ въ 543 г., но послѣдователи Оригена столь крѣпко держались за идеи учителя, что для торжества православныхъ взглядовъ на спасеніе человѣка, равно какъ и на условія и средства къ спасенію, нуженъ былъ авторитетный голосъ вселенскаго собора. Пятый вселенскій соборъ въ Константинополѣ въ 553 году и произнесъ окончательный приговоръ объ Оригенѣ и его лжеученіи, ясно выразивъ православное ученіе о спасеніи человѣка. Послѣ вселенскаго собора за нѣсколько лѣтъ прель тѣмъ избранный въ Константинополѣ въ іерусалимскіе патріархи Евстохій (изъ Александріи), приложилъ все пастырскія мѣры къ искорененію плевелъ Оригеновскаго лжеученія. Вотъ при этомъ то ревностнѣйшемъ борцѣ противъ оригенистовъ и могъ получить начало въ богослужебной практикѣ іерусалимской церкви обрядъ изнесенія „единственнаго“, какъ послѣ, въ VII вѣкѣ, выразился іерусалимскій же патріархъ Софроній, „Древа Честнаго Креста Господня“ въ срединѣ четырехдесятицы, съ цѣлю подать духовное утѣшеніе, ободреніе и подкрѣпленіе православнымъ христіанамъ, взявшимъ на себя нелегкій, но за то и спасительный, подвигъ сорокадневнаго поста, а съ другой стороны показать,

---

былъ избранъ въ іерусалимскіе патріархи оригенистъ Макарій II, сколько времени онъ управлялъ Іерусалимскою церковью по смерти Петра и когда былъ низложенъ, у еп. Феодосія указаній нѣтъ (на 290 страницъ его труда). По Сергію, Макарій II, заслужившій мѣсто Петра въ 544 г., въ этомъ же году былъ и низложенъ, и съ 544 года іерусалимскою церковью сталъ управлять Евстохій, Хронологія у архіеи. Сергія составлена по весьма цѣнному, въ научномъ отношеніи, трехтомному сочиненію доминиканца Лекеня: „Oriens christianus“—о четырехъ восточныхъ патріархатахъ изд. въ 1740 г., въ Парижѣ (объ этомъ сочиненіи библиографическія свѣдѣнія сообщаются, между прочимъ, у Ф. А. Терновскаго въ его „Русской и иностранной библиографіи по исторіи Византійской Церкви IV—IX вв.“ Кіевъ, 1885 г. с. 766), и по Исторіи Іерусалима Григорія Паламы, изд. 1864 года.

какъ сама Церковь высоко цѣнитъ значеніе поста, если для поддержанія его и, такъ сказать, для охраны его обращается къ особой, экстраординарной мѣрѣ: износить народу драгоцѣнную святыню—Древо животворящаго Креста, которое народъ могъ прежде зрѣть только въ Великій пятокъ.

Н. Пальмовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ защиту церковно-славянскаго языка.

(Противъ современныхъ нареканій на него, какъ на языкъ богослуженія и самостоятельный школьный предметъ).

I.

Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ начали раздаваться голоса, враждебно настроенные противъ церковно-славянскаго языка. Такъ, въ 1906 году Мариупольское земство (въ собраніи Екатеринославскаго губ. земства) заявило, что въ школахъ „желательно возможное сокращеніе славянскаго языка—до минимума“¹⁾. Бахмутское земство *необходимо* исключитъ изъ программы начальной школы славянскій языкъ въ „виду его *непрактичности* и трудности изученія въ народной школѣ“.²⁾ „Лига образованія Московскаго областного отдѣла“, выясняя въ своей „Запискѣ объ организаціи школы на новыхъ началахъ“, изданной въ 1907 г., задачи и цѣли народнаго учительства и призывая учителей къ борьбѣ за новую, лучшую школу, говоритъ: „Славянскій языкъ *исключается* изъ программы начальной школы

¹⁾ См. рѣчь І. А. Соколова „Въ защиту церк.-сл. языка“, произнесенную въ Астрахани, и при открытіи учительскихъ курсовъ 13 іюля 1908 г.

²⁾ Тамъ-же.

Такія сокращенія нынѣ дѣйствующей программы дадутъ возможность болѣе продуктивно использовать остающееся время въ интересахъ общаго развитія учащихся“¹⁾.—Наконецъ, Новиковъ въ своей извѣстной книгѣ: „Записки о сельской школѣ“ говоритъ, что въ школахъ на изученіе ц.-славянскаго языка тратится цѣлая масса времени и притомъ совершенно бесполезно, даже со вредомъ для дѣла,—именно, ц.-славянская грамота портитъ правильный русскій выговоръ. Вообще ц.-славянскому языку *не должно быть мѣста въ народной школѣ*. Не останавливаясь на томъ, Новиковъ продолжаетъ, что не только въ школѣ, но и въ богослуженіи ц.-славянскій языкъ *необходимо замѣнить языкомъ русскимъ*, и что эта замѣна вполнѣ цѣлесообразна и законна: „переходъ отъ славянскаго языка къ русскому не имѣлъ бы въ себѣ, говорить, онъ ничего антиканоническаго. Отвыкнуть отъ славянскаго языка и перейти къ русскому—дѣло одного поколѣнія“. Основаніемъ къ такой замѣнѣ Новиковъ представляетъ крайнюю трудность славянскаго языка для пониманія не только простаго народа, а даже и людей образованныхъ: „все остальное (кромя самыхъ легкихъ историческихъ мѣстъ Ветхаго Заветъа) мы понимаемъ, какъ понимали бы греческое чтеніе“ (!?)—говоритъ онъ.—„Если читаются житія святыхъ, то ихъ еще можно понять, но чтеніе часослова, псалтири и другихъ богослужебныхъ книгъ для народа непонятно и послѣ прохожденія народной хотя бы и церковной школы... Если же старики иногда при такомъ чтеніи и вздыхаютъ, то дѣлаютъ это они не потому, чтобы проникались читаемымъ, а потому что на нихъ умилительно дѣйствуетъ обстановка“.²⁾

И вотъ къ настоящему времени это волна движенія противъ ц.-славянскаго языка, мало встрѣчая себѣ серьезныхъ возраженій, растетъ все болѣе и болѣе, привлекая все большее и большее сочувствіе среди образованныхъ классовъ об-

¹⁾ См. его „Записки“ стр. 157—160.

²⁾ Тамъ-же.

щества и даже среди нашего духовенства ¹⁾). Мало того, настоящее или ближайшее будущее готовить ц.-славянского языку ту или другую участь. Если вопросъ о ц.-славянскомъ языкѣ, какъ самостоятельномъ школьномъ предметѣ, нашель себѣ противниковъ въ средѣ нашихъ земскихъ дѣятелей, то тѣмъ болѣе онъ долженъ встрѣтить возраженія и въ нашей Государственной Думѣ, какъ вопросъ, подлежащій обсужденію въ связи съ вопросомъ о новой программѣ начальной школы ²⁾. Поэтому намъ и особенно намъ—пастырямъ Церкви—нельзя безучастно относиться къ этому вопросу, нельзя обойти его молчаніемъ, нельзя оставаться въ качествѣ стороннихъ зрителей и пѣрыхъ свидѣтелей совершающагося. Тѣмъ болѣе, что уже изъ приведенныхъ разсужденій (хотя бы г. Повнекова) ясно, что вопросъ о ц.-славянскомъ яз. не есть вопросъ только школы,—нѣтъ, онъ болѣе широкъ. Въдъ вопросъ о ц.-славянскомъ языкѣ въ школѣ тѣсно связанъ съ вопросомъ о преподаваніи Закона Божія и главное—съ вопросомъ о языкѣ Церкви, о языкѣ нашего богослуженія. Этотъ вопросъ, такимъ образомъ, обнимаетъ собою всю религіозно-нравственную жизнь человѣка, касается не ума только (на чемъ настаиваютъ противники), а главнымъ образомъ сердца всякаго вѣрующаго православнаго христіанина..

Въ настоящемъ очеркѣ мы не будемъ дѣлать возраженій нашимъ противникамъ, не будемъ полемизировать съ ними, а укажемъ на то великое значеніе, какое имѣетъ въ нашей жизни ц.-славянскій языкъ. Укажемъ неотъемлемость ц.-славянского языка отъ всей Русской исторіи, какъ одного изъ главнѣйшихъ факторовъ духовнаго развитія и роста народнаго; ука-

¹⁾ Въ журналѣ Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ—„Народное Образование“ есть сообщеніе, что „не только учителя, но и многіе священники стоятъ за то, чтобы ц.-славянскій языкъ *былъ изгнанъ изъ школы*“ (іюль-августъ 1906 г. стр. 33.).

²⁾ Вопросъ этотъ уже обсуждался во второй Гос. Думѣ и обсуждался именно въ отрицательномъ направленіи, но не получилъ своего officialнаго рѣшенія.

жемъ ту органическую связь души народной съ славянской рѣчью, которая въ силу законовъ жизни настолько окрѣпла, что разрывъ кажется невозможнымъ. Вѣдь ц.-славянскій языкъ—языкъ нашей религіи; онъ сроднился, слился съ вѣрою православною и чрезъ то слился съ жизнью Россіи, съ духомъ народнымъ, съ душою всякаго православнаго христіанина, такъ что отдѣлить ц.-славянскій языкъ отъ религіи, насильственно вырвать изъ души народной, это все равно, что отнять у народа то драгоцѣнное сокровище, которымъ жила русская душа уже многіе и многіе вѣка, которымъ живетъ она и теперь; по крайней мѣрѣ, этотъ насильственный разрывъ невозможенъ безъ новыхъ религіозныхъ катастрофъ, безъ новыхъ расколовъ и раздѣленій.—Наши противники, говоря объ уничтоженіи ц.-славянскаго языка и въ Церкви, и въ школѣ, какъ будто совершенно не понимаютъ ни внутреннихъ запросовъ нашего народа, ни склада народной души, народной мысли и жизни, не понимаютъ и законовъ историческаго развитія вообще.

II.

Чтобы яснѣе показать, какъ выросло то великое значеніе славянской книги на Руси, чѣмъ она стала, почему такъ сроднилась съ душою русскаго человѣка, мы приведемъ слова извѣстнаго изслѣдователя русской старины Барсова. Вотъ что онъ пишетъ: „Книга въ то время была своего рода чудомъ, болѣе изумительнымъ, чѣмъ новѣйшія открытія въ области наукъ въ наши дни. Глядитъ человѣкъ въ книгу и узнаетъ, что было въ минушіе вѣка, какъ долженъ человѣкъ смотрѣть на самаго себя, какъ онъ долженъ жить и дѣйствовать, и что послѣ будетъ за его гробомъ. Книга явилась внезапнымъ свѣтомъ, который разомъ далъ почувствовать обществу его нравственную слѣпоту, и съ этой минуты неграмотный человѣкъ сталъ на Руси человѣкомъ темнымъ. Книга—это была мудрость, передъ которою казались ничтожными всѣ хитрости волхвовъ и мудрецовъ. Книга—это были глаголы Самого Бога,

и кто ее читалъ, тотъ бесѣдовалъ съ Самимъ Богомъ. Если мы наглядно представимъ себѣ этическое сознаніе тогдашняго Кіевскаго общества, тогда для насъ станетъ ясно, почему христіанство въ тогдашнюю эпоху сказалось въ образѣ Софіи, въ образѣ мудрости. Безъ сомнѣнія, подъ воздѣйствіемъ этого образа въ Кіевѣ и Новгородѣ создаются соборные храмы въ честь св. Софіи. Эти храмы, какъ и святыя книги, давали язычникамъ видѣть, гдѣ является истинная, Божественная мудрость. Понятнымъ для насъ становится и то, почему сама Софія въ древнѣйшемъ образѣ писалась въ формѣ *книги*, лежащей на престолѣ. Книга и Божественная мудрость отождествались въ сознаніи. Въ этомъ то образѣ книги кроется первый возбудитель русскаго духа къ свѣту и образованію. Онъ—этотъ образъ увлекаетъ любознательную мысль къ списыванію и переписыванію святой и понятной для всякаго книги въ первые годы христіанства“¹⁾.—Высшая мудрость, мудрость боговѣденія, мудрость высшей нравственной жизни и книга и притомъ книга именно славянская, это въ сознаніи русскаго человѣка—синонимы, нѣчто единое и неразрывное. На протяженіи многихъ вѣковъ душа русскаго народа настроилась и приспособилась къ воспріятію живого христіанскаго ученія—именно въ формѣ славянской рѣчи, которая не только строемъ и духомъ, ее одушевляющимъ, но даже и самымъ видомъ письменъ, влечетъ душу въ высшій міръ возвышенныхъ созерцаній и настроеній, христіанскаго подвига и нравственнаго совершенства.

Творенія свв. Отецъ и главнымъ образомъ житія святыхъ, повѣствующія о великихъ христіанскихъ подвижникахъ, изстари, по свидѣтельству лѣтописныхъ сказаній, составляли любимое чтеніе русскаго человѣка. Этими чтеніями и питалось его религіозно-нравственное чувство, на нихъ складывалось и выросло его міросозерцаніе,—взгляды на вещи и отношенія къ нимъ. Какъ бы продолжая и подтверждая эту

¹⁾ Барсовъ. Собраніе сочиненій.

мысль, А. Ст. Хомяковъ говорить: „Какъ бы ни было совершенно человѣческое общество и его гражданское устройство, оно не выходитъ изъ области случайности исторической и человѣческаго несовершенства: оно само совершенствуется или падаетъ, во всякое время оставаясь *ниже* недосыгаемой высоты неизмѣнной и Богоправимой Церкви“... Какъ же долженъ человѣкъ относиться къ Церкви и государству?— „Въ себѣ, говорить Хомяковъ, совмѣщаетъ онъ обязанности двухъ областей, неразрывно въ немъ соединенныхъ, и при правильной внутренней и духовной жизни переноситъ безпрестанно уроки высшей въ низшую... Онъ по совѣсти своей, очищенной уроками Церкви, неусынно наблюдаетъ за каждымъ своимъ поступкомъ и допрашиваетъ себя объ употребленіи данной ему силы и права, дабы усмотрѣть, не оставляетъ-ли пользование ими какого нибудь пятна или сомнѣнія въ его душѣ“¹⁾. Вотъ въ чемъ сущность религіи, ея жизненное значеніе, то, чѣмъ должна быть религія для человѣка, чѣмъ она была и есть для русскаго народа. И русскій человѣкъ всегда былъ религіозенъ. Онъ органически свѣлся съ богослуженіемъ и священными книгами, привыкъ постоянно читать ихъ, прибѣгать къ нимъ, какъ къ одному изъ средствъ духовнаго умиротворенія, какъ къ источнику, изъ котораго почерпаются силы къ перенесенію скорбей и лишеній жизни, привыкъ смотрѣть на нихъ, какъ на живые уроки вѣры и благочестивой христіанской жизни, вызывающіе въ немъ чисто-христіанскія настроенія умиленія и радости духовной. И всѣ эти священныя повѣствованія народъ привыкъ видѣть и читать именно на славянскомъ языкѣ, языкѣ священномъ, языкѣ религіи, которымъ написаны наши богослужебныя книги и житія святыхъ—Четьи-Миней. Въ этихъ чтеніяхъ славянская грамота, славянскій языкъ, всѣ выраженія и формы этого языка являются какъ-бы неотдѣлимыми отъ смысла читаемаго, какъ-

¹⁾ Соч. Хомякова т. I, стр. 239—240.

бы впитавшими въ себя тѣ свойства, какія принадлежать самому тексту. И никогда русскій человѣкъ не жаловался на трудное пониманіе читаемаго, а напротивъ, чѣмъ больше его читалъ, тѣмъ больше увлекался, тѣмъ больше его влекло опять и опять читать или слушать эти дивныя повѣствованія. Русскій человѣкъ прозрѣвалъ въ смыслъ читаемыхъ богослужебныхъ книгъ и чувствовалъ все великое значеніе ихъ для своей жизни; это онъ непосредственно воспринималъ и съ особенною силою чувствовалъ, когда измученный своей тяжелой жизнью входилъ въ праздники въ храмъ и тамъ вступалъ въ общеніе съ Богомъ, слушалъ утѣшительное чтеніе псалмовъ, молитвъ церковныхъ, кляросное пѣніе и успокаивался отъ своихъ страданій, укрѣпляясь на предстоящій трудъ и страданья. Онъ чувствовалъ въ своей душѣ потребность излить свое настроеніе словами псаломъѣвца и укрѣпить свои силы и все это находилъ въ храмѣ. И не только въ храмѣ, но и дома русскій человѣкъ очень часто читалъ священныя книги. С. А. Рачинскій говоритъ: „Перечитываніе этихъ книгъ (Псалтыря, Часослова и др.) многимъ кажется безсмысленнымъ, едва-ли не суевѣрнымъ,—занятіемъ механическимъ и безплоднымъ. Но для того, чтобы понять это пристрастіе, стоитъ только вспомнить содержаніе этихъ книгъ, оцѣнить практическое значеніе ихъ ежедневнаго употребленія. Псалтырь—высочайшій памятникъ лирической поэзіи всѣхъ вѣковъ и народовъ. Содержаніе его цѣльное и вѣчное. Для читателя и малокнижнаго Псалтырь *на всю жизнь остается источникомъ* новыхъ откровеній... Часословъ—почти сплошь состоитъ изъ псалмовъ и изъ молитвъ, вдохновляемыхъ Псалтырью, собранныхъ и расположенныхъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они постоянно употребляются въ службахъ дневного круга“¹⁾.

Все это говоритъ за то, что нѣтъ стимула къ добру и правдѣ болѣе сильнаго, какъ ученіе религіи, и что особенно

¹⁾ См. его сочин. „Сельская школа“ стр. 231—233.

трогаетъ оно душу, когда выражено тѣмъ языкомъ и строемъ той рѣчи, которая отличаются отъ рѣчи обычной своей красотой и благородствомъ и уводитъ человѣка отъ житейскихъ настроеній въ область высшихъ духовныхъ интересовъ. Именно только языкъ ц.-славянскій, уже много вѣковъ имѣя своею единственною задачей—выражать Божественное ученіе, ученіе о домостроительствѣ Божиемъ о спасеніи людей, такъ сроднился съ тѣмъ, для выраженія чего онъ служить, что воспитанный по немъ народъ особенно воспріимчивъ къ тому именно, что онъ выражаетъ, и въ самомъ звуковомъ составѣ, въ движеніи рѣчи, чуетъ этотъ высшій смыслъ, слышитъ голосъ Бога, самъ къ Нему на этомъ языкѣ обращается и вѣками усвоилъ то убѣжденіе, что славянская рѣчь есть орудіе, средство общенія съ Богомъ. Проникнутый духомъ славянскаго языка и чувствующій его силу, самъ народъ въ минуты торжественнаго настроенія, когда возбуждаются его высшія чувства, не только пользуется изъ него словами и выраженіями, но переходитъ даже и къ торжественному складу и тону церковной рѣчи. Вотъ почему нашъ простой народъ и ставитъ выше ту школу, гдѣ хорошо изучается славянская грамота, гдѣ научаютъ читать и понимать Евангеліе, Псалтирь, Часословъ и пр., чтобы, и сами читая и въ церкви слушая читаемое, дѣти сознательно воспринимали высокія, святія мысли и чувства.

Наконецъ, ц.-славянскій языкъ есть языкъ нашего богослуженія, а несомнѣнно, что храмъ съ его богослуженіемъ сроднился съ народной душой, и языкъ Церкви дорогъ и миль русскому человѣку. Потребность быть въ храмѣ, слышать церковное чтеніе и пѣніе, участвовать въ богослуженіи пустила глубіе корни въ душѣ нашего народа; она сдѣлалась органической его потребностью; привитая вмѣстѣ съ молокомъ матери, она вошла въ плоть и кровь русскаго человѣка и стала его главнымъ достояніемъ. А отрицатели ц.-славянскаго языка не хотятъ на это обратить своего вниманія; стараясь уничтожить старое, они не обращаютъ вниманія на

то, почему оно такъ привилось, почему такъ слилось съ народною жизнью, какое имѣеть значеніе въ этой жизни и можетъ ли новое во всей силѣ и полнотѣ замѣнить то, что хотятъ уничтожить. Нѣтъ, исторія и жизнь намъ говорятъ, что ц.-славянскій языкъ—это сокровище, которое нужно хранить и которымъ нужно дорожить.—Вотъ что справедливо говорить о нашемъ богослужебномъ языкѣ К. Д. Ушинскій: „Есть что-то чудное, недоступное прихоти времени въ томъ необыкновенно богатомъ, звучномъ и выразительномъ языкѣ, которымъ оглашаются наши русскіе храмы и происхождение котораго укрывается отъ самыхъ пытливыхъ взоровъ, вооруженныхъ всѣми средствами европейской науки... Всякій, получившій чисто русское воспитаніе, непременно отыщетъ въ душѣ своей глубокія, неизгладимыя впечатлѣнія, множество церковныхъ пѣсень и священнодѣйствій, службы Великаго поста и Страстной недѣли, встрѣчи Свѣтлаго праздника, Рождества, Крещенія и всѣхъ тѣхъ годовичныхъ церковныхъ торжествъ и службъ, которыя составляютъ эпохи въ годовой жизни каждаго чисто русскаго семейства... Если эти формы созданы во время высочайшаго христіанскаго воодушевленія, то понятно, что онѣ не могутъ остаться безъ нравственнаго вліянія на душу человѣка“¹⁾.

III.

Чтобы лучше понять, какъ слагалось вліяніе богослуженія и языка Церкви на народъ, какъ создавалась органическая связь богослуженія и языка съ душою нашего народа, въ чемъ ея сущность и почему она такъ сильна, необходимо оглянуться на историческое прошлое нашей Родины. „Когда, говорить Барсовъ, явилась сила вражья, сила несмѣтная, сила татарская, подъ нею погибла горделивая, Кіевская Русь, богатырская. Тяжелая настала година; среди нѣкоторой истомы и лютыхъ мученій хлѣбъ не шель на уста, и самая земля

¹⁾ Собр. соч. „О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи“, стр. 267 и 276.

возстонала; отцы и матери плакали, зря своихъ чадъ разби-
ваемыхъ и умерщвляемыхъ; рыдали и чада о разлученіи съ
родителями и не бысть помилующаго, ни избавляющаго, ни
помогающаго... Со страхомъ и трепетомъ заносилъ въ свои
хартіи лѣтописецъ описанія этихъ страшныхъ событій, и въ
отчаяніи воскликнулъ: „о, Господи, помилуй“... Горе уси-
лилось сознаниемъ, что все сіе бысть за грѣхи наши, и гроза,
и страхъ, и трепеть бысть за беззаконія наши... Жестокость
и грубость враговъ, тяготѣвшія надъ Русью цѣлые вѣка,
готовы были исказить самую нравственную природу русскаго
человѣка... И если Русь спаслась и не погибла подъ гнетомъ
этихъ ужасовъ и отчаянія, если русскій народъ не совер-
шенно загрубѣлъ подъ гнетомъ повсюднаго варварства, то
этимъ обязанъ церковнымъ пѣснопѣніямъ, которыя, раздаваясь
на понятномъ для него словѣ, прямо падали на душу и
смягчали его чувства упованіемъ на силу Божию, наполняли
его сердце милосердіемъ Христа и направляли его къ любви
сострадающей и сочувствующей своимъ ближнимъ. Вотъ по-
чему въ монгольскій періодъ у насъ появилось такъ много
храмовъ. Благодаря богослуженію на родномъ славянскомъ
языкѣ, народъ скоро понялъ, что для той скорби, которой
не въ силахъ онъ разсѣять ни въ лѣсахъ темныхъ, ни въ
поляхъ чистыхъ, онъ встрѣтитъ утѣшеніе лишь въ своемъ
храмѣ, въ моленіяхъ Церкви и ея пѣснопѣніяхъ, которыя то
возводятъ его на небо, то низводятъ его въ глубину его
собственной совѣсти“¹.—Это давнее свидѣтельство есть въ
то же время и современное: и теперь, о чемъ краснорѣчиво
говоритъ сама жизнь, въ народѣ живо то же религиозное
чувство, та же любовь къ храму и службамъ церковнымъ и
къ ихъ выразителю славянскому языку, и теперь этотъ языкъ
имѣетъ то же великое значеніе.—Вѣдь ученіе вѣры и нрав-
ственности, отлившись въ формы славянской рѣчи, слилось
съ этими формами, такъ что формы эти явились необходимымъ
условіемъ воспріятія того и другого. Народъ нашъ воспитался

¹) См. его „Собраніе его сочиненій“.

на этихъ формахъ: съ ними освоилась и сроднилась вся народная мысль: онѣ стали для него необходимымъ условіемъ его укрѣпленія въ религіозно-нравственной жизни. Значить, прочно засѣло въ душѣ христіанское ученіе именно въ формѣ славянской рѣчи, если народъ, руководимый учителями старой вѣры, такъ широко и глубоко всколыхнулся, при исправленіи книгъ славянскихъ, и развилъ то явленіе, которое существуетъ и теперь подъ названіемъ старообрядчества. Кто здѣсь виновать?—Патріархъ Никонъ говорилъ: „я вѣры греческой“. Аввакумъ говорилъ: „я вѣры отцовъ нашихъ, вѣры старообрядческой, русской“. Споръ возникъ на одной почвѣ, на почвѣ текста священныхъ книгъ, и ясное дѣло, что форма, выборъ и особенности словъ, складъ рѣчи были дороги и для той и другой стороны; въ этомъ сказался инстинктъ религіознаго самосохраненія, движущій народомъ въ защитѣ старинныхъ славянскихъ текстовъ. Поэтому и мы должны крайне бережно относиться къ этой привязанности народной, къ привязанности къ старинѣ,—хотя бы и къ формѣ, къ буквѣ, къ обряду, въ коихъ выражается его религіозное вѣдѣніе и религіозное чувство. Обращая взоръ на прошлые вѣка—со времени крещенія Россіи, нельзя не придти къ тому выводу, что пока есть религія православная со всѣми особенностями ея обнаруженій, ея строемъ и характеромъ, до тѣхъ поръ нельзя и отдѣлить ее отъ свойственнаго ей способа словеснаго обнаруженія, именно въ формахъ славянской рѣчи.

Объясняя силу религіозныхъ обрядовъ и текстовъ, силу, лежащую въ основѣ стремленія сохранить святую старину, профессоръ Ключевскій говоритъ: „Религіозное пониманіе, какъ и художественное, отличается отъ логическаго и математическаго тою особенностію, что въ немъ *идея* или мотивъ неразрывно связаны съ *формою*, ихъ выражающей... Какое угодно великолѣпное стихотвореніе переложите въ прозу, и его обаяніе исчезнетъ. Священные тексты и богослужебные обряды складывались исторически и не имѣютъ характера

неизмѣнности и неприкосновенности. Можно придумать тексты и обряды лучше, совершеннѣе тѣхъ, которые воспитали въ насъ религиозное чувство, но они не замѣнятъ нашихъ худшихъ. Когда православный русскій священникъ восклицаетъ въ алтарѣ: *Гортъ имѣемъ сердца*, въ православномъ вѣрующемъ совершается привычный ему подъемъ религиознаго настроенія, помогающій ему отложить всякое житейское попеченіе. Но пусть тотъ же священникъ сдѣлаетъ возгласъ католическаго патера—*Sursum corda*, тотъ же вѣрующій, какъ бы хорошо онъ ни зналъ, что это тотъ же самый возгласъ, только на латинскомъ языкѣ и въ стилистическомъ отношеніи даже энергичнѣе, вѣрующій не поднимается духомъ отъ этого возгласа, потому что не привыкъ къ нему. Такъ религиозное міросозерцаніе и настроеніе каждаго общества неразрывно связаны съ текстами и обрядами, ихъ воспитавшими¹⁾.

И намъ не отрицать славянскій языкъ нужно, а какъ можно крѣпче держаться за него и благодарить Бога за то, что наше богослуженіе совершается именно на языкѣ славянскомъ, родномъ и понятномъ для насъ. Въ этомъ именно наше преимущество предъ другими народами, что признаютъ даже и противники православія. Знаменитый нѣкогда польскій историкъ Длугошъ (70-хъ годовъ XV вѣка) въ своей *Historia Polonica* говоритъ: „Вѣковѣчной памяти заслуживаетъ милость Искупителя, Который *превознесъ родъ славянскій* и чудесно его возвеличилъ дарованіемъ особенной благодати—*совершатъ на своемъ собственномъ языкѣ* всѣ священнодѣйствія и службы, какъ дневныя, такъ и ночныя, со включеніемъ литургіи, чего нѣтъ ни на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ греческаго, латинскаго и еврейскаго. Благодать Божія поставила славянскій языкъ на ряду съ этими тремя превосходнѣйшими языками“²⁾.

1) „Курсъ русской исторіи“. часть 3-я, стр. 371—372.

2) Смотри „Общеславянскій языкъ“ проф. А. Будиловича, т. II, стр. 132.

Да неужели, наконецъ, всѣ, кто смотрѣлъ съ уваженіемъ на п.-славянскій языкъ, признавая его великую важность, его непреходящее значеніе для русскаго народа,—нашъ знаменитый историкъ С. Соловьевъ, или профессоръ Буслаевъ, профессоръ Ор. Миллеръ, профессоръ В. Ключевскій или педагоги—Ушинскій, Ильминскій, Рачинскій и многіе другіе—неужели не видѣли того, въ чемъ благо Россіи, не понимали, чему они служатъ и за что ратуютъ?—Нѣтъ, они ясно видѣли всѣ достоинства п.-славянскаго языка, видѣли его полнѣйшее соотвѣтствіе цѣлямъ, которымъ онъ служить. Какъ-бы отвѣчая на эти вопросы профессоръ Будиловичъ говорить: „Нѣкоторая отдѣльность языка литургическаго отъ говоровъ, нѣкоторая оторванность его отъ жизни, составляетъ главное достоинство торжественной молитвенной рѣчи. Не будь въ человѣческой душѣ этой потребности говорить съ Богомъ иначе, чѣмъ „съ другомъ или врагомъ“, по выраженію Карла V-го, не находили бы мы въ исторіи всѣхъ главныхъ народовъ болѣе или менѣе значительной разницы между языками „іеротическими“ и „демоническими“, по терминологіи египетскихъ грековъ¹⁾... Вотъ достоинство п.-славянскаго языка, какъ языка Церкви. Именно, онъ не языкъ разговорный, не языкъ обыденнаго употребленія, а языкъ только религіи, и въ то же время языкъ простой, понятный, торжественный и величественный, способный пастроить и поднять душу человѣка изъ сферы обыденной въ сферу интересовъ высшихъ и вѣчныхъ;—а это такъ важно для насъ, людей, поглощенныхъ мелочными заботами и житейскими попеченіями. И если заглянемъ во всемірную исторію, то увидимъ, что потребность отрѣшиться на время молитвы отъ жизни и ея выраженія—обыденнаго языка и всецѣло перенестись въ другую область, въ область высшую, наблюдается одинаково у всѣхъ народовъ. „Обратимъ вниманіе, говорить Ильминскій, на религіозную практику у разныхъ народовъ, чтобы имѣть твердое фактическое основаніе къ разсужденію по предложенному вопросу. Индусы держатъ Веды на древнемъ санскритскомъ языкѣ; Евреи читаютъ Библію на древнемъ еврейскомъ языкѣ; Магометане, къ какому бы народу и языку не относились, а Коранъ и свои молитвословія непремѣнно читаютъ на арабскомъ языкѣ; Копты совершаютъ богослуженіе на коптскомъ языкѣ, хотя они его давно забыли и теперь не понимаютъ; Несторіане и Марониты богослуженіе

¹⁾ Тамъ же стр. 137.

ныя свои книги имѣють на сирскомъ языкѣ и проч. и проч. Греки, которыхъ нынѣшній языкъ отошелъ отъ древняго языка Библии и свв. Отцевъ, хранятъ священныя и богослужебныя книги въ томъ самомъ видѣ, какъ унаслѣдовали ихъ отъ первыхъ временъ... Итальянцы, которыхъ языкъ есть не болѣе, какъ видоизмѣненіе латинскаго, тоже не дѣлали попытки приноровить Вульгату къ своему нынѣшнему языку итальянскому...—Есть, стало быть, въ природѣ человѣка такой законъ, по которому, *пока народъ твердою мыслию и усерднымъ сердцемъ держитъ свою вѣру, дотола любитъ свои религіозныя книги сохранять въ ихъ первоначальномъ видѣ*, и благоговѣнно хранить эту древность, какъ святыню. И посмотримъ, какою вообще религіозною твердостью и національною недоступностью ознаменовались тѣ именно народы, которые свято сохраняютъ свои древнія книги: Евреи. Магометане, Индусы и Ламайцы, Копты и Сирійцы, Греки и Армяне и пр.—Нужно, произойти коренному перевороту въ вѣрѣ, т. е. нужно, чтобы народъ оставилъ свою прежнюю вѣру и вмѣсто нея принялъ другую, тогда *вмѣстѣ съ вѣрою остаются и прежнія, древнія религіозныя книги*... Исключеніе составляютъ Германцы. Лютеръ, переведши священныя книги на современный ему саксонскій языкъ, тѣмъ самымъ отсѣкъ немецкій народъ отъ римскихъ догматовъ и обрядовъ и положилъ начало новому ученію и устройству церковному. Но уже религіозный нѣмецкій консерватизмъ сказывается въ томъ, что, хотя въ послѣднее время тамъ явилось много новыхъ переводовъ св. Писанія, но нѣмцы неизмѣнно остаются вѣрны переводу Лютера, значительно уже устарѣвшему... Это и естественно. Какъ первыя дѣтскія впечатлѣнія кладутъ самыя глубокія основы нравственной и душевной жизни человѣка и остаются на всю жизнь милы и дороги, такъ и первоначальные священныя и богослужебныя тексты навсегда остаются дороги и священны для народа, такъ какъ отъ ихъ впечатлѣній и вліяній возникли первыя начала самой живой, именно религіозной стороны духовной жизни народа¹⁾.—Все это говоритъ за то, какое высокое и важное значеніе имѣетъ богослужебный текстъ для человѣка, богослужебный языкъ,—какъ онъ ему близокъ, милъ и дорогъ.—Вспомнимъ, какія волненія вызвала въ Греціи даже только попытка перевести священныя книги съ древне-греческаго языка, на языкъ новый—разговорный. Греки увидѣли въ этомъ вульгаризацію и профанацію

¹⁾ См. его „Размышленія о сравнительномъ достоинствѣ, въ отношеніи языка, равноименныхъ редакцій п-славянскаго перевода Псалтири и Евангелія“, стр. 79—81.

священныхъ идей. И нигдѣ еще не возникало желанія замѣнить богослужебный языкъ языкомъ разговорнымъ; и только у насъ на Руси православной стали раздаваться голоса противъ славянскаго языка, языка религіи, языка богослуженія, языка такъ-же родного и близкаго душѣ русскаго человѣка, какъ и языкъ народный разговорный.

И у насъ на Руси есть подобные примѣры, когда для цѣлей религіозныхъ, вмѣсто славянскаго, употребляется русскій языкъ,—это практикуется въ нашихъ сектахъ, гдѣ на собраніяхъ, имѣющихъ характеръ богослуженій, читаютъ и поютъ по русски. Но что-же мы видимъ?—Мы видимъ, что здѣсь уже нѣтъ православія. Здѣсь уже явилось отпаденіе отъ вѣры отцовъ,—извращеніе этой вѣры,—религіозная аномалія;—подъ вліяніемъ новыхъ ученій измѣнилось настроеніе, прекратилась воспримчивость къ живымъ и непосредственнымъ воздѣйствіямъ славянской рѣчи и чрезъ это славянское православное богослуженіе и обряды потеряли для нихъ свое значеніе.

Православные же, пока они православные, не могутъ и не должны желать этой перемѣны уже по самому складу своей духовной природы,—и чѣмъ тверже, искреннѣе и глубже вѣра ихъ, тѣмъ дальше они отъ этихъ желаній. Они непосредственно чувствуютъ, что перемѣна языка богослуженія была бы связана съ перемѣною самого духа православной вѣры, въ ея національныхъ особенностяхъ, въ отпечаткѣ родной старины; въ славянской рѣчи они слышатъ молитвенный голосъ своихъ отцовъ и дѣдовъ и сливаются съ ними въ единствѣ многовѣковой жизни, въ единствѣ молитвы всей Россіи.—Конечно, и Православная Церковь въ лицѣ своихъ учителей и руководителей не можетъ желать такой перемѣны ц.-славянскаго языка, какъ языка Церкви и школы (въ смыслѣ самостоятельнаго предмета преподаванія), на языкъ русскій—разговорный. Богослужебный языкъ долженъ быть настолько же постояннымъ и неизмѣннымъ, насколько неизмѣнна и устойчива и сама вѣра наша православная.

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. II—67.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 9-го марта 1911 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Типографія Акціонер. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринг. у.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 13.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1911-го года марта 27-го дня.

Содержаніе: I. Каста ли русское духовенство? Свящ. В. Пестряковъ.—II. О поклоненіи кресту среди Великаго поста. (Продолженіе). Н. Пальмовъ.—III. Въ защиту ц.-славянскаго языка. (Продолженіе). В. П—въ.—IV. Замѣтка. О пастырскихъ дневникахъ.—

Каста ли русское духовенство?

Есть обидныя слова, вошедшія въ общее употребленіе, получившія права гражданства, однако не совсѣмъ ясныя и не для всѣхъ одинаково понятныя. Такія слова часто бросаютъ на вѣтеръ, не задумываясь надъ ихъ смысломъ, съ единственной цѣлью уколоть того, къ кому ихъ относятъ или прилагаютъ. Духовенству, привыкшему на многовѣковомъ тернистомъ пути къ разнымъ обидамъ и оскорбленіямъ, такихъ словъ приходилось выслушивать не мало; на одно изъ нихъ намъ и хочется сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

Справедливо говорить, что ничто не ново подъ луною. Еще въ 60-хъ годахъ однимъ изъ ходкихъ обвиненій и нареканій на русское православное духовенство со стороны журналистики и газетъ было обвиненіе въ кастичности, въ

кастовой замкнутости. Писаль, напримѣрь, объ этомъ знаменитый въ свое время М. Н. Катковъ и другіе публицисты. Строго говоря, русское духовенство кастою никогда не было, такъ какъ во все время существованія Русской Православной Церкви былъ открытъ какъ выходъ изъ духовенства, такъ и притокъ въ него свѣжихъ новыхъ силъ со стороны. Къ чести публицистовъ 60-хъ годовъ нужно сказать, что они не бросали только обидныя слова на вѣтеръ, но и доказывали свои мысли нѣкоторыми ненормальными явленіями въ жизни духовенства, напримѣрь—обычаемъ передавать приходы отъ отца къ сыну, иногда даже въ приданое за дочерями, причемъ порою приходы цуствовали по годамъ, ожидая возраста наслѣдниковъ. Преувеличенія въ статьяхъ того времени объяснялись отчасти какъ горячкою преобразовательной эпохи, такъ и особымъ литературнымъ подъемомъ¹⁾.

За 50 лѣтъ много воды утекло; многое въ жизни духовенства радикально измѣнилось къ лучшему. Въ частности, въ вопросѣ о замкнутости духовенства огромное вліяніе оказалъ законъ 26-го мая 1869 года, которымъ упразднено было духовное званіе, какъ наслѣдственное состояніе.

Къ сожалѣнію, старые укоры духовенству повторяются и теперь, но не съ цѣлью улучшить жизнь духовенства, а съ цѣлью унижить, лишній разъ лягнуть его. И что особенно прискорбно: обиды эти слышатся не только слѣва, гдѣ отношеніе къ духовенству разъ навсегда опредѣленное, но и отъ тѣхъ группъ и лицъ, отъ которыхъ можно было-бы ожидать ббльшаго безпристрастія. За примѣрами ходить недалеко. На общедворянскомъ Съѣздѣ въ СПб. въ февралѣ настоящаго года казанскій дворянинъ князь Ухтомскій (родственникъ строителя буддійской кумирни въ столицѣ) доказывалъ, что нѣтъ надобности отстаивать церковныя школы, такъ какъ надежды, возлагаемыя на наше духовенство, едва-ли оправдаются. „Духовенство наше представляетъ касту, и кото-

¹⁾ М. Н. Катковъ. О Церкви. Москва 1905 г.

рой хорошаго очень мало". Предсѣдатель Съѣзда, — великое ему спасибо, — дважды останавливалъ сіятельнаго оратора, заявивъ, что не позволить оскорблять православное духовенство въ собраніи дворянства. Горячую рѣчь въ защиту духовенства сказалъ затѣмъ извѣстный адвокатъ и энергичный дѣятель патріотическаго лагеря г. Шмаковъ ¹⁾.

Мнѣніе князя Ухтомскаго, хотя оно и не выражаетъ голоса всего дворянства, показательно въ томъ отношеніи, что свидѣтельствуеть, какъ старые предрассудки крѣпко сидятъ въ иныхъ головахъ.

Насколько же справедливо старое нареканіе и упрекъ духовенству въ кастичности?

Кастовое устройство, существовавшее въ древнемъ Египтѣ и Индіи, сохранилось и понынѣ въ Полинезій и Остъ-Индіи. Каста представляетъ собою замкнутое сословіе, изъ котораго нельзя перейти въ другое сословіе и представители котораго не могутъ соединяться съ представителями другихъ сословій. Если мы безпристрастно посмотримъ на жизнь современнаго русскаго духовенства, то увидимъ, что въ немъ вовсе нѣтъ тѣхъ признаковъ, какими характеризуется каста, какъ таковая.

Принадлежность къ кастѣ опредѣляется исключительно происхожденіемъ, кровью: членъ касты становится таковымъ вслѣдствіе своего рожденія въ кастѣ. Ничего подобнаго нѣтъ въ духовенствѣ: въ составъ его можетъ быть принятъ тотъ, кто имѣеть требующійся для этого нравственный и образовательный цензъ (пусть даже минимальный — въ видѣ практической подготовки) и затѣмъ освященіе или рукоположеніе отъ епископа. Такимъ образомъ, опредѣляющій моментъ въ кастѣ и въ русскомъ духовенствѣ различенъ какъ по времени, такъ и по значенію.

Притокъ свѣжей крови и новыхъ силъ въ русское духовенство изъ другихъ сословій совершается непрестанно и въ значительной мѣрѣ. Прежде всего бракъ лицъ, принадле-

¹⁾ Колоколь № 1464.

жащихъ къ клиру, въ настоящее время совершенно не стѣсненъ, какъ это отчасти было въ старину. Трудно судить, не имѣя на то статистическихъ данныхъ, какъ часты браки лицъ духовнаго званія со свѣтскими, но *de jure* такіе браки могутъ быть, чего не бываетъ при кастовомъ устройствѣ¹⁾.

Вступленіе на служеніе Церкви обусловливается образовательнымъ цензомъ, получаемымъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, но съ одной стороны,—изъ этого правила часто дѣлаются исключенія, когда на служеніе Церкви поставляются лица со свѣтскимъ образованіемъ, лично извѣстныя рукополагающимъ ихъ епископамъ, съ другой—и самое это образованіе вполне доступно лицамъ изъ иныхъ сословій. Эти образовательныя права могутъ быть получены какъ школьнымъ, такъ и вѣтшкольнымъ путемъ черезъ особый (притомъ упрощенный, сравнительно со школьными требованіями) экзамень при духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Такіе упрощенные экзамены для лицъ, ищущихъ церковныхъ степеней, теперь существуютъ во многихъ епархіяхъ. Широкой дверью въ духовное сословіе для элементовъ иносословныхъ являются низшія церковныя степени: при небольшихъ сравнительно требованіяхъ отъ псаломщиковъ, всякій грамотный человекъ, имѣющій практическую богослужебную подготовку, можетъ вступить въ составъ клира, а дѣти такихъ неофитовъ, поступаая въ духовную школу, получая здѣсь, при успѣхахъ, самую широкую поддержку въ видѣ казеннаго или полуказеннаго содержанія, могутъ въ послѣдствіи достигать и высшихъ церковныхъ степеней. Вообще нужно сказать, что личнымъ дарованіямъ и талантамъ въ Русской Церкви и іерархіи—широкій и полный просторъ, такъ какъ аристократизмъ происхождения и связи значенія въ ней не имѣютъ. Кто знаетъ

¹⁾ Въ силу единства воспитанія и настроенія духовенство чаще беретъ себѣ невѣсть въ своемъ же сословіи, что имѣетъ свое значеніе и приноситъ значительную нравственную и практическую пользу, но не потому, чтобы таковъ былъ церковный законъ или законъ жизни.

жизнь духовенства, тотъ свободно можетъ указать въ немъ не мало лицъ свѣтскаго происхожденія и воспитанія, занимающихъ въ Церкви разныя положенія—отъ скромнаго сельскаго дьячка до епископа и митрополита.

Если духовенство наше обвиняютъ въ худосочіи (духовномъ, разумѣется, такъ какъ матеріальное наше благополучіе рисуется многимъ, какъ сплошная „масляница“), если намъ указываютъ на то, что среди духовенства не видно ярко горящихъ свѣтильниковъ, то объяснять это слѣдуетъ не тѣмъ, будто духовенство не принимаетъ въ свои ряды лицъ другихъ сословій, само оскудѣвши, а тѣмъ, что яркіе свѣтильнички и всегда были рѣдки и тѣмъ, что оскудѣваетъ религіозность въ народѣ и обществѣ (притомъ и свѣтильниками иные теперь считаютъ не ярко горящихъ огнемъ вѣры и благочестія людей, а шумливыхъ обновленцевъ во вкусъ Петровыхъ и Михайловъ).

Кастовое устройство предполагаетъ для отдѣльныхъ, особенно высшихъ кастъ государственныя и общественныя привилегіи и преимущества. Особыхъ преимуществъ, сравнительно съ другими сословіями, русское духовенство не имѣетъ. Не считать же за особую привилегію, напримѣръ, способъ содержанія духовенства добротными подаваніями, собираемыми чуть не съ протянутой рукой. Этой привилегіей пользуются представители всѣхъ сословій, имѣвшіе несчастье попасть въ разрядъ нищихъ. (Иные такъ и называютъ духовенство—привилегированные нищіе)...

Преимущества касты создаютъ извѣстныя традиціи, воспитываютъ кастовую гордость, исключительность и пренебреженіе ко всему тому, что находится внѣ ея. Ничего подобнаго нѣтъ въ духовенствѣ русскомъ. Сословныхъ традицій у насъ нѣтъ, мы далеки отъ соловной гордости и самомнѣнія, и справедливо русское духовенство считается смиреннѣйшимъ въ мірѣ.

Каста не только не принимаетъ никого въ себя, но и крѣпко держитъ въ себѣ своихъ членовъ, не позволяя имъ

распыляться и растворяться въ другихъ сословіяхъ: она прикрѣпляется къ себѣ своихъ членовъ. И въ этомъ отношеніи духовенство трудно упрекнуть, скорѣе наоборотъ. Нѣтъ ни одного званія или состоянія на Руси, гдѣ бы не было выходцевъ изъ духовнаго сословія. Духовенство не отказывается отъ свѣтской школы; городское, напримѣръ, какъ болѣе обезпеченное, ближе стоящее къ свѣтскимъ учебнымъ заведеніямъ, почти сплошь воспитываетъ въ нихъ своихъ дѣтей. А изъ тѣхъ, кто учился въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, какая масса идетъ во всевозможные роды службы и дѣятельности. Отъ службы скромнаго сельскаго учителя и писаря до высшихъ государственныхъ учреждений—вездѣ были и есть новички; и духовенство вовсе не питаетъ къ нимъ какой-либо сословной вражды или предубѣжденія, напротивъ, привѣтствуетъ ихъ честный трудъ и успѣхи на жизненномъ поприщѣ и, если осуждаетъ, то лишь тѣхъ изъ нихъ, которые забываютъ свое происхожденіе и бросаютъ камни во вскормившую и воспитавшую ихъ Церковь.

Сословной замкнутости въ духовенствѣ въ настоящее время не больше, чѣмъ въ другихъ сословіяхъ. Въ военномъ вѣдомствѣ, въ чиновничествѣ, въ свободныхъ профессіяхъ нерѣдко занятіе и трудъ отца переходятъ къ сыну и внуку: вполне понятно и естественно, что отецъ, любящій свой трудъ, хочетъ видѣть въ дѣтяхъ продолжателей своего дѣла, располагаетъ ихъ къ своему труду, соответственнымъ образомъ воспитываетъ. Однако въ отношеніи этихъ сословій не дѣлаютъ же упрековъ въ кастичности: только въ отношеніи духовенства раздается это обидное и давно уже устарѣлое обвиненіе. Не пора ли его оставить и забыть, а къ духовенству отнести болѣе справедливо и гуманно?

Священникъ *В. Пестряковъ.*

О поклоненіи кресту среди Великаго поста.

(Продолженіе ¹⁾).

Послѣ того, какъ въ Иерусалимской церкви вошелъ въ практику обычай поклоняться животворящему Древу Креста Господня среди Великаго поста, прежній обычай—поклоненія св. Древу въ Великій пятокъ долженъ былъ или прекратитъ существованіе, уступая мѣсто обычаю новому, или же долженъ былъ подвергнуться крупному видоизмѣненію, чтобы существовать совместно съ нимъ въ церковной практикѣ. Такъ должно было произойти потому, что новоучрежденный обрядъ поклоненія св. Древу среди Великаго поста, естественно, сталъ сосредоточивать къ себѣ религіозное чувство вѣрующихъ въ той же мѣрѣ, въ какой прежде сосредоточивалъ къ себѣ обрядъ поклоненія животворящему Древу въ Великій пятокъ.

Кажется, по введеніи въ церковную практику новаго священнаго обряда, Иерусалимская церковь не уничтожила сразу и совершенно прежній обрядъ чествованія животворящаго Древа въ Великій пятокъ, но подвергла этотъ обрядъ замѣтному видоизмѣненію. Вѣрующіе созерцали св. Крестъ и поклонялись ему, но уже при иной религіозной обстановкѣ, чѣмъ какая представлялась глазамъ, напр., Сильвіи аквитанской. Въ послѣдованіи страстей Христовыхъ, какъ оно совершалось въ Иерусалимской церкви въ ночь на Великій пятокъ въ IX—X в.в., ночная служба оканчивается *заключеніемъ патріарха въ темницу*, и этотъ обрядъ приходится на тотъ именно моментъ службы, когда, по описанію Сильвіи, износилось въ ея время для поклоненія вѣрующихъ св. Древо. Вотъ что читаемъ въ послѣдованіи страстей Христовыхъ отъ IX—X в.в. Послѣ всѣхъ евангелій произносится: „Благо есть исповѣдаться Господеви“ и трисвятое. Затѣмъ

¹⁾ См. № 11—12 за 1911 г.

діаконъ возглашаетъ ектенію, „и тогда патріархъ съ архидакономъ входитъ въ *Анисьевское побѣдное*, сзади Краніева мѣста, беретъ честный Крестъ оттуда и несетъ его привязаннымъ на плечахъ своихъ. Архидаконъ обвязываетъ ораремъ выю его и влечетъ его въ святую темницу, и остается въ ней патріархъ. Сюда, т. е. въ святую темницу, совершается литія, при пѣніи: *Господи, осудиши Тя іудеи на смерть*, и гл. 6: *Днесь Владыка и Господь предстоитъ Пилату*. Мы предъ патріархомъ поемъ тропарь, гл. 1: *Распещиися Тебѣ, Христе*; прокимень, гл. 4: *Боже, въ помощь мою возми, Господи, помози ми потщися*, стихъ: *Да постыдятся и посрамятся ищущи души мою*. Пророчества Захаріина чтеніе. *Тако глаголетъ Господь: прииму яезель мой добрый*. Конецъ: *и вложитъ ихъ въ гробъ Господень въ горило, якоже заповѣда ми Господь*. Прокимень, гл. 5: *Ты, Господи, сохраниши ны и соблюдеши ны отъ рода сего*; стихъ: *Спаси мя, Господи, яко оскудѣ претодобный*. Діаконъ произноситъ ектенію, и потомъ—отнусть. По совершеніи обряда въ св. темницѣ,—каковой обрядъ, очевидно, имѣлъ пѣлью живо представить предъ взорами народа страданія Христа въ темницѣ іудейской и на пути отъ нея къ Голгоѣ, съ тяжелымъ на раменахъ крестомъ, оказавшимся скоро непосильнымъ для измученнаго Спасителя,—патріархъ приготовляетъ въ пещерѣ святаго Гроба *тѣсто*, освящаетъ его и дѣлаетъ изъ него „крестовидно на святомъ камнѣ подобіе тѣхъ печатей, которыя положилъ Пилать на камнѣ святаго Гроба“. Потомъ св. Гробъ запирается, и патріархъ идетъ съ клиромъ къ Краніеву мѣсту на службу часовъ. Въ концѣ девятаго часа, патріархъ снова возвращается къ св. камню въ пещерѣ Гроба Господня, „освящаетъ и помазываетъ миромъ святое тѣсто поскору, по причинѣ вечерни, а послѣ вечерни раздаетъ его (св. тѣсто) всему народу“¹⁾. Такимъ образомъ, въ IX—X в.в. богомольцы созер-

¹⁾ А. А. Дмитриевскій—„Богослуженіе Страстной и Пасхальной седмиць во св. Іерусалимѣ IX—X вв.“ Казань, 1894 г., с. 145—157.

пали въ Іерусалимѣ св. Крестъ привязаннымъ на плечахъ патріарха и какъ бы издали поклонялись Кресту. Парочитаго обряда поклоненія Кресту мы не видимъ въ цитируемомъ памятникѣ, да для этого обряда въ IX—X в.в. не оказывалось, пожалуй, и времени, и мѣста за ночной и дневной службой Великаго пятка, вѣдствие появленія новыхъ, неизвѣстныхъ Сильвіи, обрядовъ заключенія патріарха въ св. темницу и освященія имъ тѣста, какъ для печатей на камень у св. Гроба, такъ и для раздачи богомольцамъ, пріемлющимъ освященное и помазанное муромъ тѣсто съ вѣрою въ его цѣлительныя свойства ¹⁾).

Сильвія, рассказывающая весьма подробно о томъ, какъ богомольцы въ утро Великаго пятка поклонялись св. Древу Креста Господня и лобызали его, не говоритъ объ исполненіи при этомъ пѣвцами, или самимъ же народомъ какихъ либо пѣснопѣній въ честь Креста и въ славу распятаго на крестѣ Господа. Имѣя въ виду то, что Сильвія съ большою точностью отмѣчаетъ чтенія и пѣніе, положенныя за службами страстной седмицы, мы вправѣ предположить, что утомленные почти сплошнымъ пѣніемъ на службѣ въ предшествующую ночь и, такъ сказать, духовно насытившіеся этого рода назиданіемъ, богомольцы поклонялись Древу Креста Господня въ сосредоточенномъ молчаніи, прерываемомъ развѣ только вздохами сокрушенія и сокровенной сердечной молитвы. „Проходитъ весь народъ“, одно говоритъ Сильвія, „по одиночѣ, всѣ преклоняясь и касаясь крестомъ и написаніемъ сперва чела, потомъ очей; затѣмъ, облобызавъ Крестъ, проходятъ... Весь народъ проходитъ, входя въ одну дверь и выходя въ другую“ ²⁾).

Въ V вѣкѣ, св. Романъ Сладкопѣвецъ, родомъ изъ Сиріи и по національности еврей, но жившій въ Константинополѣ

¹⁾ Jbid. с. 396, примѣч. 88 (къ стр. 146).

²⁾ Прав. Палест. Сборникъ, вып. 20, с. 159.

при одномъ изъ тамошнихъ храмовъ въ честь пресв. Богородицы, составилъ пѣснь въ честь и славу Креста Господня. Хотя начальная строфа этой пѣсни: „Уже пламенное оружіе“ и теперь находится въ числѣ пѣснопѣвнѣй *недѣли крестопоклонной*,¹⁾ но у кардинала Питры, издавшаго въ своемъ „Сборникѣ“ пѣснь св. Романа въ цѣльномъ ея обѣмѣ, представлено такое надписаніе пѣсни: „На третью недѣлю Великаго поста и въ пятницу страстной седмицы“. Проф. И. Д. Мансветовъ не рѣшается опредѣлить, на какой собственно день было написано произведеніе св. Романа²⁾. Исходя изъ того положенія, что въ вѣкъ Романа Сладкопѣвца въ Константинополь не было еще поклоненія св. Кресту среди Великаго поста, какъ не было такого поклоненія и въ Іерусалимѣ, и что въ обоихъ церквахъ: Константинопольской и Іерусалимской чествовался св. Крестъ только въ Великій пятокъ, необходимо признать, что пѣснь св. Романа была написана имъ для Великаго пятка, и ее первоначально исполняли въ храмахъ при поклоненіи св. Кресту въ Великій пятокъ. Затѣмъ уже, по перенесеніи поклоненія Кресту съ Великаго пятка на середину поста, пѣснь св. Романа стала исполняться въ Крестопоклонную недѣлю. Въ этомъ случаѣ произошло нѣчто подобное тому, что произошло съ стихирами на поклоненіе Кресту, принадлежащими: первая („Прїидите вѣрніи“) — св. Іоанну Дамаскину VIII в., вторая („Днесъ Владыка твари“) — императору Константину Порфирородному X в. и третья („Днесъ неприкосновенный существомъ“) — императору Льву Мудрому IX—X в.³⁾ Написанныя каждая для одного дня, онѣ стали исполняться при поклоненіи Кресту и на Воздвиженіе, и на Крестопоклонную недѣлю, и 1 августа.

Думается намъ, что весьма древняго происхожденія пѣснь: „Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресе-

¹⁾ Ковдакъ 7 гласа на утреѣ въ крестопоклонную недѣлю.

²⁾ См. „Церковный Уставъ“, м. 1885 г., с. 372.

³⁾ И. Карабичевъ—„Постная Тріодь“, с. 108—109.

ніе Твое славимъ“. Эта краткая пѣснь, представляющая умственному взору вѣрующаго одновременно и Крестъ, и воскресеніе должна была получить свое начало если не въ ту отдаленнѣйшую эпоху, когда этою священной пѣснью услаждались вѣрующіе въ праздникъ Воздвиженія Креста Господня въ одинъ изъ пасхальныхъ дней, можетъ быть—и на второй день Пасхи ¹⁾ или въ одинъ изъ дней послѣпасхальнаго періода до Пятидесятницы. ²⁾ то, во всякомъ случаѣ, она должна была получить начало при установленіи обычая поклоняться Кресту среди поста въ *воскресенье*, т. е. на Крестопоклонную недѣлю.

Что касается до евангельскаго чтенія, положеннаго нынѣ въ недѣлю Крестопоклонную,—о крестѣ и о слѣдованіи съ нимъ за Христомъ—Спасителемъ, то, по изслѣдованію г. Карабинова, установленіе такого евангельскаго чтенія принадлежитъ не Іерусалимской, а Константинопольской церкви. Евангелистарія Іерусалимской церкви IX—X вѣка указываютъ въ четвертую, Крестопоклонную недѣлю чтеніе изъ евангелиста Луки—о милосердномъ самарянинѣ (Лук. X, 25--37), тогда какъ въ памятникахъ богослуженія Константинопольской церкви отъ этой же эпохи указывается на литургіи евангеліе отъ Марка: *Аще кто хочетъ послѣдовати Мнѣ*. ³⁾ Конечно возможно, что Іерусалимская церковь долго не измѣняла положеннаго издревле евангельскаго чтенія въ четвертую недѣлю Великаго поста послѣ перенесенія съ Великаго пятка на эту недѣлю обряда поклоненія животворящему Древу Креста Господня и только съ X вѣка, подъ вліяніемъ Константинопольской церкви, ввела обычай читать евангеліе отъ Марка (хотя г. Карабиновъ, въ сущности, приводитъ въ доказа-

¹⁾ *Протоіерей Г. С. Дебольскій*—Дни Богослуженія Православной католической Восточной Церкви“, т. I, СПб. 1894 г., с. 88, примѣч.

²⁾ *Архіеп. Сергій*—„Полный мѣсяцесловъ Востока“, т. III, с. 375.

³⁾ *И. Карабиновъ*—„Постная Трїодъ“, с. 26. *А. А. Дмитріевскій*—„Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ бібліотекахъ Востока“, т. I, Кіевъ, 1895 г., с. 120.

тельство этого одинъ только памятникъ—іерусалимскій евангелистарій IX – X в. Синайской бібліотеки), но, во всякомъ случаѣ, и по Карабинову, съ X вѣка въ евангельскихъ чтеніяхъ Великаго поста между Іерусалимскою и Константинопольскою церковью нѣтъ различія.

Когда же въ Константинопольской церкви вышло въ обычай читать на крестопоклонную недѣлю евангеліе отъ Марка о крестѣ?—Намъ думается, что гораздо раньше IX вѣка, къ которому относятся памятники Константинопольскаго богослуженія, указывающіе это евангеліе. Оно вошло въ константинопольскую практику вмѣстѣ съ учрежденіемъ самаго обычая поклоняться св. Кресту среди Великаго поста. Когда же утвердился въ Константинополѣ обычай поклоненія св. Кресту среди Великаго поста?

Изъ свидѣтельствъ VII вѣка, связанныхъ съ именами Беды Достопочтеннаго и Аркульфа, видно, что въ VII вѣкѣ Константинопольская церковь поклонялась сохранявшимся въ св. Софіи частямъ животворящаго Древа Господня въ послѣдніе три дня страстной седмицы. „Только три дня въ году“, пишетъ Беда, ковчегъ съ животворящимъ Древомъ „износится народу для поклоненія: въ вечерю Господню (т. е. Великій четвергъ), въ пятницу и въ святую субботу“.¹⁾ Слѣдовательно, въ Константинополѣ не было обряда поклоненія Кресту среди Великаго поста даже въ VII вѣкѣ, когда въ Іерусалимской церкви онъ сталъ уже, по свидѣтельству патріарха Софронія, *обычнымъ*. Очевидно, въ Константинопольской церкви не заявляли о себѣ съ настойчивостью тѣ обстоятельства, которыя заставили церковную власть въ Іерусалимѣ перенести священный обрядъ поклоненія Древу Креста съ Великаго пятка на средину поста. Дѣйствительно, волненія, вызванныя въ V и VI вѣкахъ въ Церкви идеями Оригена, не столь глубоко захватили Константинополь, какъ захватили они Пале-

¹⁾ А. А. Дмитриевскій — „Древнѣйшіе патріаршіе тициконы“, с. 136.

стину и сосѣдную съ нею Сирію. Константинополю не было, такимъ образомъ, надобности перенесеніемъ съ Великаго пятка на средину поста поклоненія св. Кресту подчеркивать значеніе отвергаемаго оригенистами поста, какъ подчеркнула его Іерусалимская церковь. Древнѣйшій обычай поклоняться Кресту въ Великій пятокъ Константинопольская церковь удержала у себя до тѣхъ поръ, пока мѣстныя обстоятельства, аналогичныя съ іерусалимскими, не заставили ее послѣдовать примѣру Іерусалимской церкви. Разумѣемъ возникновеніе въ нѣдрахъ Константинопольской церкви иконоборческаго движенія, ставшаго заявлять о себѣ враждебнымъ отношеніемъ къ уставамъ и порядкамъ Православной Церкви съ конца VII или начала VIII вѣка.

Не ревности ли по сохраненію вообще уставовъ Православной Церкви и, въ частности,—по соблюденію въ чистотѣ и неизмѣнности четыредесятницы великаго и спасительнаго поста кого либо изъ святыхъ патріарховъ, возсѣдавшихъ на Константинопольскомъ престолѣ въ концѣ VII и въ началѣ VIII вѣка, каковыми были: св. Каллиникъ I (693—705 г.г.), св. Киръ (705—711 г.г.), св. (?) Іоаннь VI (711—715 г.г.) и св. Германъ I (715—730 г.г.)¹⁾, Константинопольская церковь обязана введеніемъ и у нея обычая поклоняться св. Кресту Господню среди Великаго поста? По крайней мѣрѣ, преп. Ѳеодоръ Студитъ, самоотверженный и великій борецъ за почитаніе иконъ, церковная дѣятельность котораго падаетъ на послѣднюю четверть VIII вѣка и первую четверть IX вѣка, въ особомъ словѣ въ похвалу св. Креста, произнесенномъ, какъ видно изъ надписанія и содержанія слова, въ недѣлю Крестопоклонную, предполагаетъ обычай износить св. Крестъ для поклоненія на средину храма уже прочно установившимся въ Константинополь²⁾. Это обсто-

¹⁾ Хронологія по *архiep. Сергію*—„Полный мѣсяцесловъ Востока“ т. II, с. 681.

²⁾ „Р. д. с. н.“ за 1907 г., т. I, с. 285.

ительство, равно какъ и то, что слово въ похвалу Креста на недѣлю Крестопоклонную могло быть написано преп. Θεодоромъ на рубежѣ VIII и IX вв., заставляеть думать, что учредителемъ обычая поклоняться Кресту среди Великаго поста былъ въ Константинополѣ именно одинъ изъ вышеуказанныхъ патріарховъ, за послѣднимъ изъ которыхъ—св. Германомъ, съ 730 г. по 780 г., идетъ уже рядъ патріарховъ—иконоборцевъ, вплоть до св. Павла (780—784 гг.).

И. Пальмовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Въ защиту ц.-славянскаго языка.

(Продолженіе ¹⁾).

IV.

Защищая въ своемъ очеркѣ русскій народъ отъ насилія и отстаивая право народа идти своимъ (органическимъ) путемъ, необходимо разсмотрѣть намъ тѣ причины и побужденія, которыми руководятся наши противники, противники ц.-славянскаго языка.—Мы видимъ, что протесты эти идутъ со стороны нашей интеллигенціи, но никакъ не со стороны народа. Онъ молчитъ, а интеллигенція насильственно старается ему привить свое міровоззрѣніе, совершенно не понимая того, какъ оно чуждо народу, какъ ему несвойственно. Рознь между интеллигенціей и народомъ—фактъ общепризнанный. Явленіе это отмѣчено и западной и русской литературой. Т. Дарлингтонъ -- англичанинъ, бывшій въ Россіи и изучавшій ее и наше школьное дѣло, въ своей книгѣ „Education in Russia“, пишетъ: „Нельзя отрицать того факта, что образованные и полуобразованные классы въ Россіи, хотя внѣшне

¹⁾ См. № 11—12 за 1911 г.

и соблюдаютъ формы религій, но стремятся болѣе и болѣе къ индиферентизму въ дѣлахъ вѣры. Это одинъ изъ показателей того разлада между интеллигенціей и народными массами, который является такимъ поражающимъ фактомъ въ розни современной Россіи“¹⁾. П. Милюковъ признаетъ эту рознь настолько несомнѣннымъ фактомъ, что принимаетъ ее основной темой своей книги: „Очерки по исторіи русской культуры“;—онъ указываетъ и причину этой розни: „Всякому извѣстно, говоритъ онъ, что образованный русскій въ большинствѣ случаевъ относится къ своей вѣрѣ совершенно безразлично“²⁾,—а народъ вѣрой только и живетъ, ею только и дышетъ;—отнимите у него вѣру, что останется ему?—безъ вѣры нѣтъ жизни,—нѣтъ и Россіи... Вотъ двѣ совершенно различныя точки зрѣнія, два противоположныхъ теченія. Эта рознь между интеллигенціей и народомъ началась со времени реформъ Петра I, когда народъ остался при прежнемъ міропониманіи, а люди образованные мало-по-малу усвоили рационалистическія воззрѣнія Запада; рознь эта на протяженіи двухъ вѣковъ росла все болѣе и болѣе. Народъ, не понимая духовныхъ стремленій интеллигенціи, чуждался ея;—а интеллигенція всегда смотрѣла, да и теперь еще продолжаетъ смотрѣть съ презрѣніемъ на „мужика“, на его духовный міръ и на тѣ средства, какими онъ пользуется для удовлетворенія своихъ религіозныхъ запросовъ. Конечно, много и среди интеллигенціи есть исключеній, но все-же общее правило этимъ не нарушается. Въ шестидесятые годы прошлаго вѣка—Толстой, Достоевскій, въ семидесятые—Рачинскій, Успенскій, потомъ Вл. Соловьевъ и другіе заговорили объ уваженіи къ народу и его воззрѣніямъ и стремились слиться съ нимъ въ единствѣ „жизни“. Опредѣляя потребности народной жизни, они шли отъ народа, а не отъ себя;—они знали и понимали народъ. Наша же интеллигенція въ своемъ цѣломъ,

¹⁾ Издана въ Англіи въ августѣ 1909 г.

²⁾ Часть 2-я, особенно стр. 392—396. Изд. 5—1905 г.

стремясь руководить народомъ, не хочеть, да и не можетъ удовлетворять его духовнымъ потребностямъ и стремится подмѣнить ихъ своимъ господствующимъ мотивомъ духовной жизни.

Эта общая характеристика современныхъ настроеній достаточно ярко выражается въ отношеніи къ славянскому языку. Стремясь работать для народа, отрицатели славянскаго языка, не справляются съ народными взглядами и рѣшаютъ вопросъ не только *безъ народа*, но и *вопреки народу*. Они не хотятъ знать, какъ самъ народъ относится къ ц.-славянскому языку;—они не хотятъ видѣть, что этотъ языкъ дорогъ народу; онъ, чрезъ вѣка своего вліянія, сталъ роднымъ и близкимъ народному сердцу, какъ языкъ, дававшій и дающій ясные, понятные и непосредственные отвѣты на все вопросы бытія; и говорятъ не о томъ, чтобы это орудіе религіозно-нравственнаго воздѣйствія еще болѣе сдѣлать доступнымъ для ума и сердца народа, чего онъ, конечно, весьма желаетъ, но о томъ, чтобы изъять этотъ языкъ изъ церковнаго употребленія и перестать изучать его въ школахъ. На какомъ же основаніи интеллигенція, которая сама не можетъ отрѣшиться отъ своихъ взглядовъ, настроеній, чувствъ и потребностей, допускаетъ, что народъ, въ силу чуждыхъ ему до сихъ поръ теоретическихъ соображеній и вопреки своимъ чувствамъ и потребностямъ, своему душевному складу, можетъ произвести въ своей душѣ коренную ломку и поставить себя въ новыя отношенія къ религіи и церковному языку?—И это коренная ошибка нашей интеллигенціи.

Главную причину отрицанія ц.-славянскаго языка и признанія, что народъ такъ же легко отнесется къ его уничтоженію, какъ отнеслись бы и они ¹⁾, является, конечно, отчужденность нашей интеллигенціи отъ народа, непониманіе самыхъ главныхъ основъ народной жизни, основъ нравственно-

¹⁾ Какъ, на примѣръ, пишетъ г. Новиковъ въ своихъ „Запискахъ о сельской школѣ“.

религіозныхъ. Они оцѣниваютъ ц.-славянскій языкъ примѣнительно къ себѣ, а выводы дѣлаютъ по отношенію къ народу и т. о. что признаютъ ненужнымъ для себя, то и для народа считаютъ бесполезнымъ. Какое самомнѣніе: стоять вѣдъ народа, но увѣрены, что всегда и во всѣхъ случаяхъ стоять выше народа и опредѣляютъ, не справляясь съ нимъ, какими интересами онъ долженъ жить и какими путями онъ долженъ идти въ развитіи своихъ духовныхъ силъ.— Не нужно *мнѣ* ц.-славянскаго языка и славянскаго богослуженія (а чаще, вѣриѣ было бы сказать—никакого богослуженія), значить его не нужно *и народу*. А необходимо прежде подумать о томъ:—если мнѣ не нуженъ ц.-славянскій языкъ—значить ли это, что онъ и народу не нуженъ?—Имѣю ли я право народъ отождествлять съ собою? Такое отношеніе къ религіи и ц.-славянскому языку, такое насиліе надъ духовной жизнью народа основано на полномъ непониманіи жизни народной, на фальшивомъ представленіи народа дикаремъ, лишеннымъ внутреннихъ основъ своей духовной жизни, какъ будто съ его взглядами и не нужно вовсе считаться и, какъ малымъ дѣтямъ, можно дѣлать добро по своему усмотрѣнію, не справляясь съ его потребностями. Но здѣсь-то и ошибка: идеалы и вѣра интеллигенціи (въ дѣйствительности) не тамъ, гдѣ вѣра и религіозные идеалы народа, слѣдовательно и выводы изъ однихъ началъ жизни не могутъ быть примѣнимы къ другимъ началамъ жизни—жизни народной;—и языкъ славянскій это только частный случай и, такъ сказать, пробный камень для этихъ чуждыхъ народу идеаловъ и стремленій.

Кирѣевскій говоритъ ¹⁾, что славянофилы твердо помнили то, что мы такъ часто забываемъ;—именно—что нашъ народъ—не только ребенокъ, но и старикъ, ребенокъ по знаніямъ, но старикъ по жизненному опыту и основанному на немъ міровоззрѣнію... У народа есть, и по существу вещей не можетъ не быть, извѣстная совокупность неизблемыхъ

¹⁾ См. „Вѣстн. Европы“ октябрь 1908 г. стр. 794—798.

идей, вѣрованій, симпатій, и это въ первой линіи—идей и вѣрованія религиозно-метафизическія, т. е. тѣ, которыя, развѣ сложившись, опредѣляютъ все мышленіе и всю дѣятельность человѣка. Въ этой именно точкѣ—корень нашего расхожденія съ народомъ, такъ какъ *наше* (курс. авт.) просвѣщеніе основано на метафизикѣ совершенно иного рода, на метафизикѣ позитивной, атеистической. Такимъ же образомъ расколъ между нашей интеллигенціей и народомъ происходитъ не отъ различія степеней образованности, а отъ разнородности самыхъ основъ мышленія... Интеллигенція изъ кожи лезетъ, чтобы просвѣтить народъ, она засыпаетъ его милліонами экземпляровъ популярно-научныхъ книжекъ, учреждаетъ читальни и библіотеки, издаетъ для народа журналы и все безъ толку, потому что она забываетъ главное, именно то, чтобы приноровить весь этотъ матеріаль къ готовымъ народнымъ понятіямъ и, объясняя частные вопросы знанія, она беретъ ихъ внѣ отношенія къ его центральнымъ убѣжденіямъ, которыя она не только не знаетъ, но даже и не предполагаетъ въ немъ;—а „замѣнить литературными понятіями коренныя убѣжденія народа, говоритъ Кирѣевскій, такъ-же легко, какъ отвлеченной мыслью перемѣнить кости развившагося организма“¹⁾...—Всѣ съ вниманіемъ и любовью приглядывавшіеся къ нашему народу, единогласно свидѣтельствуютъ, что нашъ народъ ищетъ знанія исключительно практическаго;—знанія двухъ родовъ:—низшаго, техническаго, включая сюда и грамоту, и — высшаго, метафизическаго, уясняющаго смыслъ жизни и дающаго силу жить (этой-то высокой цѣли и служить ц.-славянскій языкъ). А этого послѣдняго знанія мы не даемъ народу (отчасти потому, что сами не имѣемъ его). Но за то мы въ огромномъ количествѣ стараемся дать народу другое знаніе,—знаніе отвлеченное, научное, далекое отъ жизни народной, лишненное нравственныхъ элементовъ и пропитанное опредѣленнымъ раціоналистическимъ духомъ. Но

¹⁾ Тамъ же стр. 796.

и принять этого знания народъ не можетъ, не можетъ потому, что оно идетъ со стороны, что самъ народъ еще въ себѣ самомъ не ощутилъ потребности къ такому знанію, оно не мирится съ его міропониманіемъ и противно его установившимся центральнымъ убѣжденіямъ. — Еще крѣпки въ нашемъ народѣ „преданія“ старины, еще жива въ немъ вѣра отцовъ и дѣдовъ, еще сильна любовь къ Богу и храму Божию, сильно еще желаніе жить „по правдѣ“, — жить „по Божески“, и нужны какія-нибудь необыкновенныя и потрясающія событія, чтобы повернуть народную жизнь по другому пути, заставить отказаться отъ „своего“ и начать жить по новому.

Если и раздаются протесты противъ ц.-славянскаго языка и въ печати, и въ земскихъ собраніяхъ, то они раздаются потому именно, что въ ц.-славянскомъ языкѣ видятъ нѣчто мистическое, неземное, отвлекающее отъ заботъ улучшенія матеріальной жизни, пріучающее къ терпѣнію и выносливости, а не къ борьбѣ; — къ тому благочестиво-христіанскому настроенію, какое всегда характеризовало и характеризуетъ русскаго человѣка. Сообразно съ своею жизнію и своимъ міросозерцаніемъ хотятъ и жизнь народную передвинуть на чуждую ей почву, дать ей тѣ-же стремленія и потребности, основанныя на рациональномъ пониманіи дѣйствительности, которыми живетъ наша интеллигенція и которыя должны повести только къ новой, лучшей, но внѣшней культурѣ, къ инымъ условіямъ соціально-экономическаго строя. Эта тенденція безусловно лежитъ въ основѣ антицерковнаго движенія, хотя и не выражается еще открыто. Съ ц.-славянскимъ языкомъ потому и не могутъ мириться, что не могутъ мириться съ тѣмъ содержаніемъ, какое въ немъ заключается, и съ тѣмъ настроеніемъ, какое онъ возбуждаетъ. Вотъ если-бы ц.-славянскій языкъ по своему содержанію могъ служить тѣмъ цѣлямъ, какія теперь преслѣдуются нашей интеллигенціей, то за изученіе его принялись-бы съ большою ревностію и всюду стали-бы доказывать его великое значеніе и превосходство надъ другими языками, менѣе сильно

выражающими тѣ настроенія и стремленія, какія имъ въ данномъ случаѣ пужны. Такимъ образомъ, въ этомъ движеніи *субъективность* интеллигенціи въ отношеніи къ народу очевидна. Желая провести въ народную жизнь свои идеи и стремленія и уничтожая для этого все, что такъ или иначе препятствуетъ ихъ дѣлу, они не хотятъ обращать вниманія на то, какое значеніе для народа имѣетъ то, что они стремятся уничтожить. Такъ, они не хотятъ знать, что нашъ многомилліонный народъ привыкъ часто (иногда ежедневно) слушать славянское слово, что это именно слово въ той или другой степени, мало-по-малу незамѣтно воспитываетъ народъ и теперь, какъ оно воспитывало сотни предыдущихъ поколѣній, что оно является лучшимъ достояніемъ, самымъ дорогимъ сокровищемъ народнымъ;—и что вырвать это слово у русскаго человѣка не такъ легко, какъ это кажется.—Подумали-ли объ этомъ отрицатели ц.-славянскаго языка, навели-ли справки въ прошломъ и настоящемъ народной жизни?—Конечно нѣтъ; а если нѣтъ, то и стремленія и сужденія ихъ по этому предмету являются не жизненными—чисто теоретичными—ничего не имѣющими общаго съ жизнью нашего народа.

И напрасно думаютъ противники ц.-славянскаго языка, что легко измѣнить народъ, предлагая вмѣсто пріемимаго ему религіозно-нравственнаго міровоззрѣнія міровоззрѣніе научное,—научный, отвлеченный взглядъ на міръ и на себя,—научный въ смыслѣ позитивномъ?—Можно-ли нашъ народъ перевести отъ мистики и вѣры къ отрицанію всего таинственнаго и духовнаго, отъ признанія Бога-Промыслителя—къ признанію въ мірѣ только математически точныхъ законовъ матеріальной природы, за которою ничего иного нѣтъ?—Всякій, кто знаетъ душу нашего народа, его жизненные уклады, его вѣрованія и стремленія, тотъ пойметъ и почувствуетъ, что это невозможно. Если подъ вліяніемъ воспитанія, литературы, среды, такой переходъ и можно допустить по отношенію къ какой-нибудь отдѣльной личности, то это

далеко не значить, что онъ возможенъ и по отношенію ко всему многомилліонному русскому народу. Невозможенъ уже потому, что не въ подготовленномъ матеріалѣ, не въ душѣ народной ищутъ почвы, на которой только и можно строить зданіе дальнѣйшаго развитія, а хотятъ прямо дать нѣчто новое и чуждое, не имѣя въ народѣ того, на чемъ можно бы было укрѣпить это новое. Вѣдь психическій міръ требуетъ особенныхъ способовъ воздѣйствія;—это не то же, что заставить сбрить бороду, обрѣзать фалды кафтана и пр.,—нѣтъ, здѣсь должна быть другая область воздѣйствія—воздѣйствіе внутреннее, а не внѣшнее. Подобно тому, какъ мы не можемъ допустить, чтобы холодная и чуждая рука рвала изъ нашей души то, что близко и дорого ей, что насъ поддерживаетъ, свѣтитъ намъ и согреваетъ насъ, такъ и изъ народной души мы не должны вырывать то, что дорого ей, а напротивъ, должны охранять это народное богатство, это святая святыхъ его души. Такимъ образомъ, мы можемъ теперь уяснить себѣ создавшееся отношеніе къ ц.-славянскому языку интеллигенціи и народа и рѣшить какое изъ этихъ отношеній болѣе правильно, болѣе соответствуетъ требованіямъ дѣйствительности и серьезной мысли. Кто болѣе правъ—интеллигенція-ли, отрицающая самыя основы народной жизни: ц.-славянскій языкъ, православную вѣру, личнаго Бога, безсмертную душу, или вѣрующій народъ, живущій глубочайшими инстинктами и потребностями своего духа?

Мы видѣли, что интеллигенція наша, стремясь благодѣтельствовать народу и не зная его, хочетъ посягнуть на его драгоцѣннѣйшее сокровище... Но оказывается, что *желать* народу добра, еще мало: *знать* народъ и *уважать* его—вотъ что прежде всего нужно, когда посвящаешь себя дѣятельности для него. Слова Достоевскаго: „Смирись, гордый человѣкъ“,—съ которыми онъ не напрасно обратился къ русскому обществу, имѣютъ глубокой смыслъ, не усвоенный, къ сожалѣнію, нашей интеллигенціей.

В. П—въ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА.

О пастырскихъ дневникахъ.

Люди, больше другихъ приемотривавшіеся къ окружающей ихъ жизни и обладавшіе возможностью знать и видѣть больше другихъ, большею частью вели свои мемуары, келейныя записки, дневники и т. п. изображенія какъ своей собственной жизни, такъ и современныхъ имъ обстоятельствъ общей жизни. Съ признательностью къ памяти такихъ личностей читаются ихъ записки, не всегда, можетъ быть, даже предназначавшіеся для любознательнаго потомства, и читающіе научаются мудрости жизни. Юнѣйшее поколѣніе пастырей вправѣ также ожидать отъ стараго поколѣнія пастырей нелицемѣрнаго изображенія ихъ жизни, чтобы въ свою очередь поучаться отъ нихъ и устроить свою жизнь, не повторяя ихъ ошибокъ и заблужденій и пользуясь ихъ опытами къ благоустроению собственной жизни. И если не богата фактами исторія нашего пастырства, и если сама наука объ исполненіи обязанностей пастырскихъ пробавляется у насъ общими мѣстами, то виною этому отчасти то обстоятельство, что далеко не всѣ прежде служившіе пастыри заботились снабдить своихъ потомковъ нажитою ими мудростью, не указали имъ тѣхъ путей, какими они шли, тѣхъ претыканій и преградъ, какія встрѣчали они, и не объяснили, какъ имъ удавалось преоблѣждать все враждебное и противившееся вѣрному исполненію ими своего долга. У насъ есть древніе роды и замѣчательныя фамиліи, гдѣ семейныя преданія о жизни предковъ, переходящія изъ рода въ родъ, налагаютъ особенныя типическія черты на характеръ и поведеніе въ жизни каждаго изъ членовъ этого рода и фамиліи. Не безслѣдно проходятъ для юнаго члена такой фамиліи рассказы о томъ, какъ поступалъ въ томъ или другомъ случаѣ его предокъ, гдѣ ему приходилось больше всего быть осторожнымъ, при какихъ обстоятельствахъ случались преимущественно неудачи и какъ

удобнѣе избѣгать такихъ неудачъ. Можно быть увѣреннымъ, что въ житейскихъ столкновеніяхъ ему припомнится житейское благоразуміе его предковъ, о которомъ онъ слышался съ юныхъ лѣтъ, и онъ, не задумываясь, пойдетъ ихъ дорогою. Не отсюда ли и происходитъ, между прочимъ, то явленіе, что поступки членовъ одного рода всегда отличаются, напримѣръ, великодушіемъ, другого — осторожностью, третьяго — навязчивою искательностью и т. п. А кому неизвѣстно, какъ школьныя преданія, переходящія отъ одного поколѣнія воспитанниковъ къ другому, всегда даютъ извѣстный характеръ дѣятельности воспитанниковъ этихъ школъ. Желательно, чтобы и въ средѣ нашихъ пастырей были и сохранились преданія пастырскія, чтобы необытный, но молодой, пастырь могъ всегда пользоваться опытомъ бывшихъ прежде него собратій его, чтобы пути, ближе и усѣбнѣе всего приводящіе къ цѣлямъ пастырства, проложенные однимъ пастыремъ, немедленно указывались идущимъ позади его и чтобы позади идущіе напередъ уже имѣли свѣдѣнія о томъ, что имъ встрѣтятся на этомъ пути и какъ имъ быть при той или другой встрѣчѣ. Старый воинъ, совершающій не мало походовъ, опытный въ бояхъ, правдиво и съ увлеченіемъ передающій рассказы о своей боевой жизни, всегда находитъ вокругъ себя въ числѣ своихъ слушателей и такихъ воиновъ, которые изучили уже достаточно науку военную. Опытный пастырь, не одно десятилѣтіе прослужившій дѣлу Божию и переиспытавшій какъ радости, такъ и горечи пастырскаго служенія, не останется безъ внимательныхъ слушателей, если бы сталъ рассказывать молодымъ пастырямъ пастырскія событія изъ своей жизни, не останется и безъ читателей, если бы передалъ эти событія на бумагѣ. Какой великій запасъ разнообразныхъ пастырскихъ наблюденій представилъ бы такой, непрерывно и разумно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ веденный дневникъ! Сколько пользы отъ прочтенія его могъ бы получить всякій другой пастырь, а также и самъ пишущій его, сколько наставленій получилъ-бы, просматривая нѣсколько лѣтъ назадъ исписанныя имъ страницы! Какое знаніе себя самого онъ почерпнулъ бы отъ такого веденія дневника! Сколько удобства онъ имѣлъ бы при этомъ видѣть и понимать причины успѣховъ и неуспѣховъ своей пастырской дѣятельности! Ничто лучше не помогло бы также ему изучить надлежащимъ образомъ и потребности своей паствы. Нечего уже и говорить о томъ, какъ веденіе собственнаго дневника, способствуя саморазвитію пастыря, направляло бы всегда мысль его къ изслѣдованію путей промысла Божія, все на-

правляющаго ко благу нашему. Иногда иное событіе горько отозвалось на жизни пастыря, но вотъ, спустя нѣсколько времени, онъ припоминаетъ это событіе, размышляетъ о немъ и находитъ, что прежнее горе имѣлось въ виду какъ условіе, необходимое для достиженія радости, и что вообще все, что Богъ ни посылаетъ, дѣлается къ лучшему.

Итакъ, серьезная для пастырей и для пастырства польза правильного веденія пастырями своихъ дневниковъ несомнѣнна. Безъ сомнѣнія, не у всякаго пастыря можетъ выйти прекрасный дневникъ, не всякій будетъ и предлагать свой дневникъ для печати. Но хочется думать, что веденіе пастырями своихъ дневниковъ, наводя ихъ постоянно на рѣшеніе многоразличныхъ вопросовъ пастырской жизни и служенія и заставляя ихъ ежедневно вдумываться въ эти вопросы, будетъ очень нерѣдко многихъ побуждать и къ спеціальному самостоятельному рѣшенію того или другого вопроса изъ широкой области пастырства. Отсюда на страницахъ мѣстныхъ епархіальныхъ органовъ легко можетъ возникнуть литература въ собственномъ смыслѣ слова пастырская, весьма инересная, какъ написанная людьми живого дѣла, а это въ огромной степени содѣйствовало бы оживленію епархіальныхъ органовъ („Оренб. Еп. В.“).

При семь №-рѣ разсылается всѣмъ подписчикамъ бесплатное приложеніе къ ж. „Руководство для сельскихъ пастырей за 1911 годъ“ **Избранныя духовно-музыкальныя сочиненія А. Л. ВЕДЕЛЯ.** Вып. 1-й.

Выпускъ второй будетъ разсланъ во второй половинѣ сего года.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 16-го марта 1911 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Типографія Аквіонер. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринг. у.

ГОДЪ

III.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 14.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1911-го года апрѣля 3-го дня.

Содержаніе: I. Къ вопросу о приходской реформѣ. Кир. Тихоміровъ.—II. О поклоненіи кресту среди Великаго поста (окончаніе). Н. Пальмовъ.—III. Въ защиту д.-славянскаго языка (окончаніе). В. П-въ.—

Къ вопросу о приходской реформѣ.

Въ общемъ собраніи Государственной Думы, при обсужденіи смѣты Св. Синода, г. Оберъ-Прокуроръ въ своей рѣчи 23 февраля с. г. объявилъ благоую вѣсть, что приходская реформа близка къ своему завершенію, по крайней мѣрѣ въ стадіи предварительныхъ работъ, и что проектъ положенія о православномъ приходѣ, вмѣстѣ съ мнѣніемъ Св. Синода, внесенъ 2-го декабря пр. года въ Совѣтъ Министровъ. Слава Богу, могутъ сказать всѣ, кто видитъ, какъ необходима теперь для обновленія церковной жизни приходская реформа.

Къ сожалѣнію, у насъ сейчасъ нѣтъ подъ руками необходимыхъ данныхъ для подробнаго разсмотрѣнія синодальнаго положенія о православномъ приходѣ и потому мы укажемъ только лишь на его общіе тезисы: 1) „прихожане привлека-

ются къ дѣятельному участию въ приходской жизни, въ формѣ приходскихъ собраній и приходскихъ совѣтовъ; 2) различнымъ приходскимъ учрежденіемъ, благотворительнымъ, просвѣтительнымъ и инымъ, какъ порожденнымъ въ приходѣ приходомъ же, предоставляется возможность развивать свою дѣятельность независимо отъ учреждений, порожденныхъ въ предѣлахъ прихода неприходомъ; 3) руководящая роль въ приходѣ, какъ въ учрежденіи православно-церковномъ, усваивается приходскому священнику, при общемъ подчиненіи его и прихожанъ, въ соотвѣтствіи съ каноническими требованіями, епископу епархіи; 4) организациіи прихода сообщается возможная простота и гибкость, въ тѣхъ видахъ, чтобы проектированное положеніе могло примѣняться, какъ обязательная норма, въ разныхъ мѣстностяхъ и уголкахъ православной Россіи; 5) приходу указываются способы и источники къ приобрѣтенію собственнаго движимаго и недвижимаго имущества, съ предоставленіемъ ему права судебной защиты и вообще всѣхъ функцій юридическаго лица. Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что при составленіи положенія старательно обходилось все то, что могло бы потребовать ненужной ломки установившихся отношеній, лежащихъ внѣ круга ближайшихъ задачъ настоящаго проекта¹⁾.

Такимъ образомъ общая картина преобразованнаго прихода представляется въ отрадномъ видѣ, — кисть художника коснулась серьезныхъ бытовыхъ и юридическихъ сторонъ жизни нашего православнаго народа, остается только пожелать, чтобы эта приходская реформа была осуществлена возможно скорѣе въ нашей церковной жизни. Пора, давно пора ее завершить. Необходимо для нашей церковной жизни что нибудь определенное; нужно священнику и всѣмъ наличнымъ дѣятелямъ знать, что, наконецъ, установился определенный порядокъ.

Настоящее положеніе какой-то неувѣренности и ожиданія у однихъ отнимаетъ всякую энергію и отбиваетъ охоту

¹⁾ См. стенограф. отчетъ 1911. г. № 1616, стр. 2148, при газ. „Россія“.

работать, у другихъ возбуждаетъ претензіи и будить недовольство. Иной священникъ и радъ бы начать работу по организаціи приходскаго совѣта, настоящаго, дѣятельнаго, а не существующаго только на бумагѣ, но знаетъ, что не нынѣ, такъ на будущій годъ измѣнятся условія работы, права и взаимныя обязанности участниковъ. И вотъ онъ, какъ говорится, „сидитъ у моря и ждетъ погоды“, а пока дѣлаетъ только кое-что, и работа, разумѣется, идетъ вяло, безъ воодушевленія. Во всякой коллективной работѣ возможны и неизбежны нѣкоторыя разногласія и шероховатости. Когда порядокъ прочно установленъ, хотя бы и не отличался идеальнымъ совершенствомъ, съ нимъ волей—неволей мирятся и это является сдерживающей силой. Когда же люди живутъ подъ временными правилами и отлично сознаютъ это, то вмѣсто этой сдерживающей силы являются и развиваются разныя претензіи. Развиваются онѣ, разумѣется, въ направленіи расширенія правъ и ограниченія обязанностей; и вотъ копится недовольство, рождается понемногу бурливое настроеніе. И когда явится, наконецъ, прочный порядокъ, то многіе останутся неудовлетворенными, обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ. Вотъ почему всякое временное состояніе подъ закономъ на часъ должно быть всѣми мѣрами сокращаемо.

Приходскую реформу давно пора закончить и по соображеніямъ и по обстоятельствамъ другого порядка. Сектанство и религіозный скептицизмъ, по свидѣтельству печати, во многихъ мѣстахъ въ послѣднее время находятъ такую удобную и воспріимчивую почву въ народѣ, что рѣшительно приходится страшиться за будущее. Возьмите въ руки хотя-бы послѣднюю книжку „Миссіонерскаго обозрѣнія“ за минувшій годъ, прочтите замѣтку „Сектанство въ Тамбовской губерніи“. Вы убѣдитесь, что на пространствѣ одной только губерніи распространяются: молоканство стараго типа, новомолоканство, баптизмъ, пашковщина, субботничество, секта „новый израиль“ и даже „скопчество“. И все это растеть, плодится, ширится на почвѣ полнаго религіознаго невѣжества и темноты

нашего народа. Пора принять рѣшительныя мѣры борьбы съ этимъ вопіющимъ зломъ, и если этого не сдѣлаемъ теперь, то черезъ какихъ либо 5—6 лѣтъ будетъ уже поздно,—всюду рыскающіе сектантскіе „проповѣдники“—пропагандисты имѣютъ громаднѣйшій успѣхъ. Доступъ недобрымъ сѣменамъ тѣмъ легче въ народную среду, что сѣмена ложатся на свободную, ничѣмъ не засѣянную почву, что у сѣрой массы нашего народа не достаетъ устойчивости и ясности религіозныхъ воззрѣній,—легко сбить съ толку нашихъ крестьянъ. Необходима широкая катехизація истинами вѣры православнаго населенія, необходимо распространеніе такихъ изданій народныхъ, изъ которыхъ бы грамотный крестьянинъ могъ самъ научиться основнымъ начаткамъ вѣры. Кажется, благовременно уже было-бы подумать о тѣхъ мѣрахъ, которыми только и можно достигнуть полнаго возрожденія православія на нашей родинѣ,—объ организаціи *въ каждомъ приходѣ* на дѣлѣ, а не на бумагѣ, не въ отпискахъ только благочинныхъ,—миссіонерскихъ братствъ для подготовки—и опять *каждымъ священникомъ*, а не двумя-тремя изъ всей епархіи, изъ лучшихъ учениковъ, кончающихъ народныя школы, помощниковъ себѣ въ дѣлѣ приходской миссіи. Пусть эти юноши будутъ въ состояніи прочесть своимъ односельчанамъ и объяснить по книжкѣ основныя начатки вѣры православной и нравственности, пусть они въ каждый воскресный день прочтутъ имъ что либо изъ Священнаго Писанія, изъ церковной исторіи и житій святыхъ по указанію самаго пастыря. Вѣдь какъ много значить это для нашей деревни! А объ этомъ почему то такъ рѣдко и какъ бы только мимоходомъ говорятъ и пишутъ въ нашихъ духовныхъ кругахъ и въ духовной печати. Пробуждается народъ, пора пробудиться и посмотрѣть, что дѣлается кругомъ—и намъ.

Въ деревнѣ не тихо, по крайней мѣрѣ не тихо во многихъ мѣстахъ, нравственное одичаніе растетъ и никому до этого какъ будто нѣтъ и дѣла. Озорство и распущенность деревенской молодежи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перешло уже

ту черту, когда съ ними можно было управиться одними пастырскими увѣщаніями. Многія пагубныя привычки и скверныя традиціи успѣли по мѣстамъ настолько укорениться, что необходимо уже настойчивое и дружное общественное воздѣйствіе, чтобы съ ними бороться успѣшно. А бороться нужно теперь, сейчасъ, а не черезъ 3—4 года, потому что зло растетъ съ ужасающей быстротой. Новый приходскій укладъ долженъ расширить настоящія рамки пастырскаго вліянія воздѣйствіемъ общественнымъ. Это совершенно необходимо по обстоятельствамъ настоящаго состоянія деревни.

Правда, въ отвѣтъ на это иногда слышатся указанія изъ лѣваго лагеря, что ничего особеннаго въ деревнѣ не совершается. Все идетъ, какъ нужно; а что касается жалобъ на время, то вѣдь еще Сенека подмѣтилъ вѣковой психологической законъ, что потомки всегда склонны хвалить время предковъ, а старики хулить настоящій вѣкъ. Но кто видѣлъ деревню до 1904 года и кто ее знаетъ теперь, для того эти историческія справки не могутъ быть убѣдительными. Свѣжо преданіе о томъ, что было всего пять лѣтъ назадъ, а вѣрится, дѣйствительно, съ трудомъ. Была одна деревня, теперь стала другая.

Необходима приходская реформа и какъ можно скорѣе и для города. Для города можетъ быть еще больше, чѣмъ для деревни. Тамъ кое-какъ и кое-гдѣ приходъ существуетъ и въ немъ числится и не ускользаетъ отъ глазъ ни одинъ прихожанинъ: не то въ городѣ. Здѣсь прихода, можно сказать, нѣтъ. Приливающіе въ города изъ деревни элементы живутъ подъ какимъ угодно, но только не церковнымъ воздѣйствіемъ. Правда, они приходятъ иногда въ церковь послушать пѣніе, поставитъ свѣчку, приходятъ подъ вліяніемъ просыпающихся воспоминаній о воскресномъ днѣ въ деревнѣ. Но опредѣленнаго пастыря они не знаютъ, да и ихъ никто не знаетъ. Худо живетъ человѣкъ, отбивается отъ рукъ парень, никто этого не видитъ, не знаетъ, никому до этого нѣтъ дѣла. Въ деревнѣ священникъ предупредитъ отца, скажетъ на исповѣди самому свихнув-

шемуся, а въ городѣ развѣ только случайный добрый товарищ образумить, а часто ли такого встрѣтишь? А вѣдь эти отравленные ядомъ, испорченные элементы изъ города направятся опять въ деревню, разнося ядъ по ея тихимъ и до того времени мирнымъ поселкамъ. Можно ждаты, что если гдѣ, то въ дѣлѣ организациі прихода при городскихъ церквахъ приходская реформа дастъ новую почву для дѣятельности.

Замедленіе съ приходской реформой неминуемо должно отразиться на всѣхъ мѣропріятіяхъ по устройству церковной жизни. Пока не устроена основная ячейка этой жизни— приходъ, нельзя съ увѣренностью двигаться дальше. Возьмемъ для примѣра существующія узаконенія относительно окружныхъ и епархіальныхъ съѣздовъ духовенства; эти узаконенія давно нуждаются въ коренномъ пересмотрѣ; жизнь и ея потребности давно переросли въ данномъ случаѣ указанія правилами рамки и условія дѣятельности. Епархіальные съѣзды вышли изъ узкихъ предѣловъ обсужденія матеріальныхъ нуждъ епархіи и тѣмъ болѣе нуждъ однихъ только учебныхъ заведеній, — они обсуждаютъ часто самые разнообразные вопросы пастырской практики. Въ настоящее время, какъ можно убѣдиться изъ печатаемыхъ въ епархіальныхъ органахъ протоколовъ и постановленій епархіальныхъ съѣздовъ, послѣдніе представляютъ своего рода соборики бѣлаго духовенства, которые судятъ о всѣхъ нуждахъ епархіи, принимаютъ необходимыя мѣры для устроенія пастырскаго дѣла и упорядоченія церковнаго имущества; только окружные съѣзды остаются по прежнему въ узкихъ предѣлахъ вѣдѣнія дѣлъ, касающихся хозяйственной части духовно-учебныхъ заведеній.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что дѣятельность епархіальныхъ съѣздовъ духовенства принесла много пользы Церкви, — въ тяжелые годы смуты многіе съѣзды оказали существенную пользу, сообщая выработавъ извѣстную тактику противодѣйствія революціонному движенію, ободряя своихъ товарищей. Несомнѣнно, что и какъ средство единенія и взаимной под-

держки съѣзды имѣютъ большое значеніе. Особенно важно, при правильной постановкѣ дѣла, должно быть ихъ значеніе въ преобразованномъ приходѣ, когда въ дѣятельности духовенства волей—неволей долженъ совершиться переломъ. Если прежде оно могло спокойно плыть по теченію, довольствуясь исправнымъ требоисправленіемъ и изрѣдка прочтеніемъ въ церкви печатной проповѣди, то съ введеніемъ въ жизнь приходской реформы для русскаго священника наступаетъ критическій моментъ, когда дремлюшему около стада пастырю пора стать на защиту его отъ окружающихъ это стадо волковъ и показать свою готовность „положить душу свою за овцы“. Въ такую критическую минуту взаимообщеніе и тѣсная организація могутъ избавить священника отъ многихъ бѣдъ и неудачъ.

Но тѣмъ досаднѣе и обиднѣе, что вопросъ объ организаціи епархіальныхъ съѣздовъ остается въ томъ зачаточномъ состояніи, въ которомъ онъ былъ сорокъ лѣтъ тому назадъ. Если на этихъ съѣздахъ что и дѣлается, то по большей части дѣлается захватнымъ путемъ, путемъ мѣстнаго почина. Пора упорядочить дѣло епархіальныхъ съѣздовъ, необходимо принять всѣ мѣры къ тому, чтобы обставить дѣятельность ихъ такими условіями, при которыхъ были бы возможными серьезное и вдумчивое отношеніе къ дѣлу. Тѣ немногія подготовительныя къ съѣздамъ комиссіи, которыя теперь существуютъ въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, облегчая работу съѣздовъ епархіальнаго духовенства, должны быть—въ виду приходской реформы—узаконены. Вообще же необходимы опредѣленные инструкціи и для дѣятельности самыхъ съѣздовъ, чтобы епархіальное духовенство имѣло точныя руководящія правила для возможно болѣе свободы въ инициативѣ благихъ мѣропріятій. Полезно было-бы, если-бы, не гоняясь за особою многочисленностью членовъ съѣзда, преосвященные позаботились о томъ, чтобы самая продолжительность съѣздовъ сообразовалась съ важностью и серьезностью предлагаемыхъ къ обсужденію дѣлъ, чтобы съѣздъ не старался въ

нѣсколько дней покончить всѣ вопросы, торопливо коснувшись всего и ничего не разсмотрѣвъ, какъ слѣдуетъ. Наконецъ, совершенно необходимо установить нѣкоторую преемственность работы, для этого въ высшей степени желательно, чтобы, закончивъ свою работу, члены съѣзда сами намѣчали необходимые вопросы для работы будущаго съѣзда, которые, разумѣется, могутъ быть дополнены по указанію преосвященныхъ и въ зависимости отъ выяснившихся новыхъ нуждъ разныхъ учреждений и заведеній епархіи. Въ такомъ случаѣ будетъ прямая связь между работами преемственно собирающихся епархіальныхъ съѣздовъ, и не будетъ такихъ рѣзкихъ противорѣчій въ ихъ дѣятельности, какія иногда наблюдаются теперь.

Цѣлесообразно ли послѣ этого и окружные съѣзды держать въ узкихъ рамкахъ заботъ объ изысканіи средствъ для мѣстнаго духовнаго училища? Конечно, это вопросъ, на который можно дать только отрицательный отвѣтъ.

Итакъ, остается пожелать, чтобы святая наша родная Православная Церковь, воспитавшая православный русскій народъ, не отступая ни на одинъ шагъ, ни на одну іоту отъ своихъ каноническихъ правилъ, создала такую приходскую реформу, при которой церковная жизнь забила бы живымъ и дѣятельнымъ ключемъ и протекала-бы при полномъ взаимномъ довѣрїи и пониманїи пастырей и паствы. Дай Богъ, чтобы это время скорѣе наступило!

Кир. Тихоміровъ.

О поклоненіи кресту среди Великаго поста.

(Окончаніе ¹⁾).

Въ словѣ преп. Теодора обращаетъ на себя вниманіе то мѣсто, гдѣ проповѣдникъ разрѣшаетъ вопросъ: имѣетъ ли чудотворную силу *образъ* креста? „Христоподобный образъ“,

---

¹⁾ См. № 13-й за 1911 годъ.

говорить проповѣдникъ, „представленъ ли онъ въ бездушныхъ или въ одушевленныхъ (въ прообразахъ) предметахъ, обыкновенно чудодѣйствуетъ, какъ заключающій въ себѣ образъ и видъ прототипа, и поскольку тождественъ съ нимъ въ чести и поклоненіи, постольку и въ названіи тождественъ“. Проф. о. Н. С. Гроссу, въ своемъ изслѣдованіи о преп. Ѳеодорѣ Студитѣ, по поводу разсужденій Ѳеодора Студита въ разсматриваемомъ словѣ о почитаніи креста, какъ прототипа и какъ иконы, замѣчаетъ, что эти разсужденія производятъ впечатлѣніе искусственной вставки, нарушающей стройность общаго плана проповѣди ¹⁾. Но если это и такъ, то самая идея о равночестности поклоненія животворящему Древу Креста и образу его, внѣ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ преп. Ѳеодору и проводится имъ, между прочимъ, еще во второй т. н. состязательной рѣчи ²⁾. Ѳеодору Студиту *надо было* говорить о равночестности животворящаго Древа Креста Господня и образа Креста въ виду, очевидно, того, что въ Константинополѣ были лица, которыя возставали противъ почитанія образа Креста Господня, допуская, однако, поклоненіе и почитаніе самаго животворящаго Древа Христова, частицы котораго износились для поклоненія народу въ св. Софіи.

Въ монастырѣ преп. Ѳеодора на Крестопоклонную недѣлю износился образъ Креста Господня. Но что предлагала благоговѣйному поклоненію молящихся св. Софія въ дни Крестопоклонной седмицы въ вѣкъ Ѳеодора Студита: самое ли животворящее Древо Креста Господня, или тоже образъ Креста, не знаемъ. Правда, съ начала VIII в., или съ конца VII, въ Софіи является въ Великій пятокъ новый обрядъ поклоненія св. Копью, и этотъ обрядъ удерживается въ Типиконѣ Великой церкви даже въ XI вѣкѣ ³⁾. Правда и

¹⁾ *Священникъ Н. Гроссу.*—„Преподобный Ѳеодоръ Студитъ, его время, жизнь и творенія“. Кіевъ. 1907 г., с. 227—228.

²⁾ *Ibid.* с. 183.

³⁾ См. „Р. д. с. н.“ за 1903 г., т. I, с. 340.

то, что въ X и XI вѣкахъ въ св. Софїи выносили на Крестопоклонной недѣлѣ три, намащенные благовонїями, обычные креста, но не изъ частицъ животворящаго Древа, которое, само по себѣ, обладало, по словамъ древнихъ паломниковъ (напр. Аркульфа), такимъ удивительно прїятнымъ ароматомъ, какой могъ бы получиться развѣ только отъ собранїя вмѣстѣ всѣхъ существующихъ на землѣ цвѣтовъ¹⁾, и кресты изъ животворящаго Древа не нуждались бы, такимъ образомъ, въ нарочитомъ намащенїи ихъ благовонїями. Но, повторяемъ, документально намъ неизвѣстно, износилось ли въ недѣлю Крестопоклонную въ VIII и IX вв. само животворящее Древо въ константинопольской Софїи, какъ износилось оно въ Іерусалимѣ, или же—только образъ Креста. Прекращенїе въ св. Софїи обычая износить въ Великій пятокъ животворящее Древо въ началѣ VIII в. (послѣ паломничества Беды, около

---

¹⁾ „Р. д. с. п.“ за 1907 г., т. I, с. 287. Объ ароматѣ отъ Древа Креста Господня см. у Д. Θ. Бѣляева—„Возвращенїе“, кн. II, с. 240, въ примѣчанїи. Объ удивительномъ благоуханїи отъ частицъ животворящаго Древа Креста Господня разсказываютъ и новѣйшіе паломники, напр., *преосв. епископъ Порфирій*, имѣвшій возможность поклоняться частицамъ св. Древа на Аѳонѣ. Вотъ, напр., что пишетъ преосв. Порфирій о частицѣ животворящаго Древа, хранящейся въ Святонавловскомъ монастырѣ на Аѳонѣ. Она—„длинною вершка въ четыре, шириною съ верхній суставъ мизинца, измѣряемый не сирава на лѣво, а отъ низу къ верху, толщиною въ персть, положенный плашмя, съ двумя поперечниками, въ серебряно-позлащенной оправѣ, подъ стекломъ“... Когда, по просьбѣ Порфирія, игумень монастыря принесъ ему этотъ крестъ вечеромъ въ келлію и, развинтивъ его оправу, снялъ стекло,—„вдругъ вся келлія наполнилась благоуханїемъ, какого я не ощущалъ никогда и нгдѣ. Эта нечаянность сначала поразила, а потомъ утѣшила меня. И какъ было не утѣшаться такимъ райскимъ благоуханїемъ! Обрадованный имъ, я еще разъ благоговѣнно приложился къ животворящему Древу истинному (неистинное не благоухало бы)“! См. Первое путешествїе въ Аѳонскїе монастыри и скиты въ 1845 году“, ч. I, отд. второе. Кїевъ, 1877 г., с. 68—69. То же „особенное, неизрѣченное благоуханїе“ преосв. Порфирій ощутилъ и при поклоненїи частицамъ Древа Господня въ Хиландарской обители. См. „Первое путешествїе въ Аѳонскїе монастыри и скиты въ 1846 г.“, ч. II, отд. первое. Кїевъ, 1877 г., с. 12.

720 г.) еще не доказываетъ съ полною убѣдительною, что обычай поклоненія Древу Креста въ послѣдніе дни Страстной седмицы прекратился ввиду возникновенія новаго обычая—поклоняться Древу Креста Господня среди Великаго поста. Могло быть и такъ, но могло быть и иначе. Въ Константинополѣ поклоненіе святынѣ Креста Господня могли приурочить къ празднику Воздвиженія, на усугубленіе торжественности котораго въ Константинополѣ сначала повліяло прибытіе въ 627 г. императора Ираклія въ Константинополь съ животворящимъ Древомъ Креста послѣ пораженія войсками Ираклія персовъ, въ плѣну у которыхъ съ 614 года находилось животворящее Древо¹⁾, а затѣмъ—усилившееся, по отзывамъ историковъ, почитаніе Креста въ эпоху иконоборчества²⁾.

Препод. Ѳеодоръ Студитъ написалъ канонъ въ недѣлю Крестопоклонную. Содержаніемъ канона является прославленіе Креста Христова и изображеніе радости поклоненія Кресту, особенно—въ виду грядущаго воспоминанія Страстей Христовыхъ предъ Пасхою³⁾. Проф. о. Н. С. Гроссу отмѣчаетъ, что, при обиліи поэтическихъ образовъ, канонъ написанъ въ подлинникѣ легкими стихами и мало уступаетъ въ художественномъ отношеніи пасхальному канону св. Іоанна Дамаскина: „Воскресенія день“, по образцу котораго написанъ преп. Ѳеодоромъ Студитомъ⁴⁾. Проф. И. Карабиновъ, имѣвшій своею задачею прослѣдить, между прочимъ, исторію текста этого канона, говоритъ, что въ древнѣйшихъ редак-

¹⁾ Въ 629 г. животворящее Древо было отвезено Иракліемъ изъ Константинополя въ Іерусалимъ и поставлено на прежнемъ мѣстѣ. См. *Бьясса*—„*Византия*“, т. II, с. 240, примѣчаніе.

²⁾ *Ф. А. и С. А. Терновскіе*—„Грековосточная Церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ“. Кіевъ, 1883 г., с. 441.

³⁾ Напр. п. IV, тр. 2: Живоноснаго Твоего Креста поклонную радость двесь, Христе, срѣтающе, предерѣтеніе творимъ всесвятя страсти Твоя, юже во спасеніе міра содѣлалъ еси, Спасе.

⁴⁾ „Препод. Ѳеодоръ Студитъ“. с. 254.

ціяхъ канонъ преп. Θεοδора дышетъ еще большею радостностью, чѣмъ теперь. Въ канонѣ тогда было еще больше тропарей, воспѣвающихъ воскресеніе Христова (напр. была вторая пѣснь изъ четырехъ тропарей). Тропари были опущены, въ виду, вѣроятно, взгляда, что особенно радостный и свѣтлый характеръ ихъ не гармонируетъ со временемъ поста. Подъ вліяніемъ того же взгляда и вмѣсто пасхальныхъ ирмосовъ: „Воскресенія день“ къ канону была поставлена едва ли принадлежащая преп. Θεοδору катавасія: *Божественнѣйшій прообрази древле Моисей* ¹⁾.

Къ словамъ г. Карабинова можно добавить еще то, что хотя начальныя строки пѣсней ирмоса: „Воскресенія день“ находятъ себѣ мѣсто въ современныхъ намъ греческихъ и славянскихъ изданіяхъ Трїоди Постной ²⁾, но въ рукописныхъ греческихъ и славянскихъ Типиконахъ эти строки нерѣдко сопровождаются замѣчаніями: *πρὸς τὸ* (т. е. *подобно* ирмосу „Воскресенія день“ изъ пасхальнаго канона, *какъ ирмосъ*: „Воскресенія день“) ³⁾ и „подобенъ—Воскресенія день“ ⁴⁾ Такого рода замѣчанія имѣли цѣлью указать пѣвцамъ, что при пѣніи канона Θεοδора Студита слѣдуетъ воспользоваться лишь мелодіей ирмосовъ канона „Воскресенія день“, но самыхъ ирмосовъ не слѣдуетъ пѣть. Вотъ, напр., интересное замѣчаніе въ Типиконѣ XVI в. изъ библіотеки Кіево-Михайловскаго монастыря № 424 (1667): *Κανὼν̄ κ̄ς̄κρ̄ις̄ на̄ ḱ. н̄ Б̄ѣн̄ на̄ к̄. н̄ κ̄ρ̄ᾱ на̄ η̄. творен̄е̄е̄ Студитово̄ гл̄ ḱ. П̄ѡ̄ К̄ς̄κρ̄ις̄ д̄ѣ*

¹⁾ „Постная Трїодь“, с. 134—135.

²⁾ Напр. въ греческой Трїоди Венеціанскаго изданія 1886 г., с. 202: *Κανὼν τοῦ Σταυροῦ εἰς ἡ, ποιήμα τοῦ ἁγίου Θεοδοῦρου Στουδίτου. Ὁδὴ ἁ. ἡχ. ἁ. Αναστάσεως ἡμέρα.* Подобное же указаніе на ирмосы пасхальнаго канона можно находить и въ славянскихъ Трїодяхъ.

³⁾ Напр. въ Пандократорскомъ Типиконѣ: *Κανόνες γ'... καὶ ὁ τοῦ Σταυροῦ εἰς ε'. ἡχορ ἁ πρὸς τὸ Ἀναστάσεως ἡμέρα.* А. А. Дмитриевскій—„Описаніе“, т. I, с. 527.

⁴⁾ Ркп. Типиконъ библ. Кіево-Михайловскаго монастыря № 424 (1667). л. 173 об.

просвѣтнмса. Ёрмоѣ не постыжеса того ёрмоса. но токмо по-
добенъ ёмоу ктавлѣ: Бѣтвенныи прообразуи дрекле Моисей, обл-
анка капно (л. 173 об.).

Радостный характеръ канона преп. Θεодора Студита, составленнаго къ прмосамъ пасхальнаго канона, которые въ древности несомнѣнно пѣлись вмѣстѣ съ тропарями Студитова канона, и имѣющаго какъ бы нарочитою цѣлью напомнить вѣрующимъ о пасхѣ Господней, объясняется,—по нашему мнѣнію,—тѣмъ положеніемъ въ древнѣйшемъ богослужебномъ кругѣ, какое заняла средняя недѣля Великаго поста, когда на нее было перенесено поклоненіе Кресту съ Великаго пятка. Она стала такою же *пасхою крестною*, какою былъ въ глубокой древности Великій пятокъ. Но при томъ еще, сдѣлавшись пасхою крестною или, вѣрнѣе сказать, перенеся къ себѣ воспоминаніе пасхи крестной, средняя недѣля Великаго поста соединила съ пасхою крестною воспоминаніе и о пасхѣ воскресной, потому что день поклоненія Кресту среди Великаго поста палъ, прежде всего, на воскресенье. Оттого то въ канонѣ преп. Θεодора и слышатся торжествующіе звуки радостныхъ пѣсней не только въ честь Креста, на которомъ былъ пропять Спаситель нашъ Господь, но и въ прославленіе воскресшаго Господа, даровавшаго намъ смертію Своею вѣчный животъ и нетлѣніе.

Когда написалъ преп. Θεодоръ свой канонъ, съ точностью неизвѣстно. Основываясь на томъ, что въ канонѣ нѣтъ никакихъ ни указаній, ни намековъ на иконоборчество, г. Карабиновъ думаетъ, что канонъ написанъ въ сравнительно спокойный періодъ жизни преп. Θεодора, между 794 г. и 815 г. ¹⁾ Дѣйствительно, намековъ на иконоборчество въ канонѣ преп. Θεодора не замѣтно, но, можетъ быть, это слѣдуетъ объяснить не тѣмъ, что во время написанія канона преп. Θεодоръ былъ свободенъ отъ мыслей о борьбѣ съ

¹⁾ „Тріодъ Постная“, с. 131.

иконоборцами, но тѣмъ, что не желалъ растравлять и безъ того тяжкія раны въ душѣ явившихся поклониться св. Бресту, наносимыя иконоборцами, и потому, составляя свой дивно-вдохновенный гимнъ Кресту и Пасхѣ, намѣренно умолчалъ объ иконоборцахъ. Внимая этому гимну, молящіеся отрывались на время отъ скорбныхъ думъ и чувствъ, вызываемыхъ неприглядною наличною дѣйствительностью.

Во всякомъ случаѣ, кажется, надо признать за несомнѣнное, что при составленіи канона преп. Θεодоръ отъ начала до конца руководился той идеей, что поклоненіе Кресту среди Великаго поста—своего рода пасха для христіанъ, пасха крестная и воскресная. Это—идея древнецерковная, и преп. Θεодору мы обязаны, такимъ образомъ, сохраненіемъ ея отъ забвенія. Конечно, идея эта всего естественнѣе должна была выдвинуться въ умѣ преп. Θεодора и овладѣть его творчествомъ подъ вліяніемъ тѣхъ нападокъ на благочестивые обычаи и установленія церковныя и, въ ихъ числѣ, на постъ, какими заявила себя иконоборческая эпоха. Поэтому то, и введенный Церковью въ богослужебное употребленіе канонъ преп. Θεодора необходимо разсматривать, какъ одно изъ средствъ къ сообщенію постящемуся христіанину духовной бодрости, которая помогала бы ему довести до конца свой подвигъ, не взирая на искушеніе склонной къ лѣности и разслабленію природы и не поддаваясь соблазнамъ, изобрѣтаемымъ врагами поста на погибель слабыхъ душъ.

Итакъ, къ защитѣ спасительнаго поста Четырдесятницы и къ борьбѣ съ врагами поста призываетъ насъ св. Церковь устами преп. Θεодора въ крестопоклонные дни!

Воспринявшая православную вѣру отъ Византіи, Россія на первыхъ порахъ своей христіанской жизни подчинилась въ богослужебномъ отношеніи, какъ предполагаютъ, вліянію практики константинопольской Софіи¹⁾. Къ сожалѣнію, богослу-

¹⁾ Аргументы въ пользу такого предположенія см. въ изданіи проф. А. А. Дмитріевскаго—„Чинъ пещнаго дѣйства“. СПб. 1895 г., с. 3 и дал.

жебныхъ памятниковъ русской церкви отъ начала на Руси христіанства не сохранилось, такъ что по интересующему насъ вопросу о поклоненіи св. Кресту, какъ и по другимъ литургическимъ вопросамъ изъ начальной эпохи христіанства на Руси, можно говорить лишь гадательно.

Существовали ли на Руси въ X и XI вѣкахъ обычай какого либо особеннаго поклоненія святынь въ Великій пятокъ?—Думаемъ, что—нѣтъ. Съ одной стороны, въ древнюю Русь не могли быть привезены изъ Константинополя съ первыхъ же поръ такія святыни, которыя были дороги для самой Византіи, какъ, на примѣръ, частицы Древа Креста Господня,¹⁾ а съ другой стороны—въ самомъ Константинополѣ къ XI вѣку поклоненіе Кресту Господню въ Великій пятокъ уже отошло, надо думать, въ область преданія. Жители Константинополя тогда поклонялись св. Кресту Великимъ постомъ, въ недѣлю Крестопоклонную. Торжественность этого поклоненія, которой способствовалъ преп. Θεодоръ Студитъ произведеніями своего религіозно-художественнаго поэтическаго творчества, внесенными въ богослужебный чинъ третьей недѣли Великаго поста, заставляетъ предполагать, что греки, просвѣтившіе Русь христіанствомъ, познакомили нашихъ предковъ съ священнымъ обрядомъ поклоненія Кресту не въ Великій пятокъ, а въ недѣлю Крестопоклонную.

Славянскій Типиконъ XII в., хранящійся въ Московской Синодальной библиотекѣ подъ № 380 (330), при изображеніи состава и порядка службъ въ Великій пятокъ (л. л. 32—33) ни словомъ не отзывается о поклоненіи Кресту, или какой либо другой святынь, въ этотъ день. Точно также и славянскій Типиконъ того же XII вѣка, хранящійся въ Московской Синодальной Типографской библиотекѣ подъ № 142. По окон-

¹⁾ Во всякомъ случаѣ, свѣдѣній о томъ не сохранилось. *Е. Е. Голубинскій*—„Исторія Русской Церкви“, т. I, вторая половина тома. М. 1904 г., с. 417 и дал. Обильный притокъ святынь изъ Греціи въ Россію начался съ XVI в., *ibid.*

чаніи утрени въ Великій пятокъ, по обѣимъ Типиконамъ, полагаются часы: первый, третій, шестой и девятый. Въ составъ *перваго* часа входятъ ¹⁾: одинъ псаломъ безъ каѳизмы; вмѣсто прокимна „Заутра услыши гласъ мой“, пѣвецъ поетъ на 2 гласъ тропарь: „Кто не плачетъ Іудина окаянства“, пѣвцы повторяютъ этотъ тропарь. На „слава и нынѣ“ поется сначала однимъ пѣвцомъ, а затѣмъ всѣми пѣвцами, опять этотъ же самый тропарь. Затѣмъ: „И о сподобится“, и евангеліе отъ Матѳея: „Во время оно, утру же бывшу“. По евангеліи: „Святой Боже“, „Господи помилуй“ 30 и отпустъ. На *третьемъ* часѣ полагается великопостное пѣніе псалтири; вмѣсто обычнаго прокимна—тропарь, гл. 3: „На кипарисѣ, и певгѣ, и кедрѣ“, таковой тропарь поется также, какъ тропарь на первомъ часѣ. Евангеліе отъ Марка: „Во время оно, воины, поемше Іисуса“; „Святой Боже“, „Господи помилуй“ 30 и отпустъ. На *шестомъ* часѣ—псалтирь и, вмѣсто обычнаго прокимна, тропарь, гл. 6: „Господи, осудиша Тя Іудей“ въ такомъ же исполненіи, какъ на часахъ первомъ и третьемъ. Послѣ тропаря—паремія, и за нею—евангеліе отъ Луки: „Во время оно, собращася старѣйшины“, „Святой Боже“, „Господи помилуй“ 30 и отпустъ. На *девятомъ* часѣ положенъ одинъ псаломъ, безъ каѳизмы; тропарь, гл. 4: „Воздвиге руцѣ Моисей“,—тропарь поется также, какъ и на предыдущихъ часахъ. Евангеліе отъ Іоанна: „Во время оно, ведоша Іисуса“; „Святой Боже“, Блаженны, „Господи помилуй“ 30 и отпустъ (л. 32 и об.). По окончаніи службы часовъ, Типиконы излагаютъ порядокъ *вечерней* службы, предваряя ее замѣчаніемъ— № 380 (330) л. 32 об : Кеуеримъ поются къ цѣвни стѣ Георгія помѣвнина рѣди цѣвни, № 142, л. 8: Кеуеримъ поють къ цѣвни ²⁾ помѣвнина рѣди цѣвни. На обычай совершать, въ древнія времена, послѣдованіе вечерни въ Великій пятокъ *не въ главномъ*

¹⁾ Излагаемъ по Типикону № 380 (330).

²⁾ Очевидно, въ рукописи пропущенно названіе церкви, въ которой служится вечерня.

храмъ, въ виду предпраздничной уборки въ немъ, мы уже указывали ¹⁾). Поэтому, прямо перейдемъ къ изложенію состава вечерней службы въ Великій пятокъ. „Пѣніе псалтири не бываетъ“, говоритъ Типиконъ № 380 (330). На „Господи воззвахъ“ поставляется 6 стиховъ, и поются слѣдующіе 6 тропарей изъ числа 12 тропарей св. страстей Великаго пятка (Ѡ дѣвоюидесѣ. треревъ. стѣхъ стрѣ. того дне, л. 32 об.): гл. 8. „Страха ради Іудей“, „Прежде честнаго Ти Креста“, гл. 5—„Влекомъ къ Кресту“, „Приидите Христоносніи людіе“, гл. 2—„Егда на крестѣ“, гл. 7—„Ужась бѣ видѣти“. Слава. гл. 8—„Яко овча на заклѣніе“, и нынѣ, гл. 6—„Днесъ виситъ на дровѣ“. Входъ, „Свѣте тихій“, три дневныя пареміи. Прокимень, гл. 6: „Положиша мя въ ровѣ“, со стихомъ: „Господи Боже спасенія моего“, и апостоль къ Коринѣяномъ (№ 142, л. 8): „Братіе, слово крестное“. Аллилуія. гл. 5, со стихами: „Спаси мя, Боже, яко внидоша воды“, „Поношеніе чаяше (принѣма) душа моя“, „Да помрачатся (помраунтѣса) очи ихъ“. Евангеліе отъ Матѣя: „Во время оно, совѣтъ сотвориша“, конецъ: „прямо гроба“. Нѣнтѣрѣ. поѣма. Причастенъ: „Вкусите и видите“, гл. 8 (л. 32). О совершеніи преждеосвященной литургіи въ Великій пятокъ мы уже говорили довольно подробно въ статьѣ: *Поклоненіе святынь въ Великій пятокъ и церковныя службы этого дня* („Р. д. с. п.“ за 1908 г., т. I, с. 340—342). Къ сказанному слѣдуетъ прибавить лишь то, что въ разсматриваемыхъ Типиконахъ послѣ устава о литургіи читается такого рода краткое замѣчаніе о повечерній (павечерницѣ—по № 380 (330) л. 33, мѣонмонъ—по № 142, л. 8 об.): оно поется малое, отъ—„Съ нами Богъ“, и этимъ замѣчаніемъ заканчивается рѣчь о службахъ Великаго пятка въ обоихъ Типиконахъ.

Очевидно, въ Великій пятокъ поклоненія особой какой либо святыней въ XII вѣкѣ не полагалось. Но въ тѣхъ

¹⁾ „Р. д. с. п.“ за 1908 г. т. I, с. 342, примѣч. I.

№ 14. Рув. для сельск. паст., т. I, 1911 г.

же Типиконахъ, по которымъ мы познакомились съ службами Великаго пятка, содержится уставъ поклоненія Кресту Господню въ третью недѣлю Великаго поста. Онъ уже изложенъ нами на стр. 310—311 „Р. д. с. п.“ за 1907 г. т. I. Къ сказанному тамъ надо прибавить, что Типиконъ № 380 (330) опредѣленно указываетъ на пѣніе пасхальныхъ ирмосовъ съ канономъ преп. Θεодора: **По еѡмѣ. поѡтѣ. кѣ. ѳ. Вѣскрѣ** **на-** **ставшѣ глѣ. и крѣтѣ. глѣ ѡ. Вѣскрѣннхъ дѣй. твореннѣ сѣго оѡд¹⁾.** **Поютъѣ** **прѣмѣ. иже на пасхоѣ: на конѣ пѣсннѣ** (л. 14), т. е. пасхальные ирмосы поются въ концѣ пѣсней канона преп. Θεодора Студита. Можемъ привести и еще выдержку, изъ рукописной Трїоди XII—XIII в., хранящейся въ Московской Типографской библиотекѣ подъ № 137, которая тоже подтверждаетъ пѣніе съ канономъ преп. Θεодора пасхальныхъ ирмосовъ: **Кнѣѡ. въ нѣ. сѣѣ. крѣстнхъ. Пѣ. ѡ. глѣ. ѡ. ѳрмѣ.** **Вѣскрѣсннѣ дѣй просѣтннѣсѣ. Поклонннѣ дѣйс...** и прочіе тропари канона (л. 96 и дал.)²⁾.

Въ заключеніе, для пополненія исторической картины, скажемъ нѣсколько словъ о порядкѣ изнесенія Креста и о поклоненіи ему въ третью недѣлю поста по уставу Большого Успенскаго Собора въ Москвѣ, въ эпоху всероссійскихъ патріарховъ. Памятники богослуженія Московскаго Успенскаго собора эпохи патріарховъ изданы въ недавнее время проф. А. П. Голубцовымъ³⁾.

Въ недѣлю Крестопоклонную, предъ вечерней, соборные ключари готовятъ большой Крестъ съ частицею животворящаго Древа въ немъ. Крестъ украшается васильками и съ пеленой („по черной землѣ—бѣлые кресты мелкіе“)

¹⁾ Въ рукописи пропущено имя св. отца.

²⁾ Обряда поклоненія Кресту въ этой рукописи вѣтъ. *И. Карабиновъ* относитъ памятникъ къ XII в., см. „Постн. Тр.“ с. 6.

³⁾ См. „Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ“ за 1907 г. кн. 4: *Чинovníки Московскаго Успенскаго собора*. Есть и отдѣльное изданіе.

полагается на жертвенникъ на серебрянномъ блюдѣ ¹⁾. Затѣмъ, въ порядкѣ устава на Воздвижене, „недѣльный попъ“ съ дьякономъ совершаютъ переносъ Креста съ жертвенника на престоль, при чемъ возжигаютъ свѣчу на всю ночь. Вечерня служится по обычаю, но на входъ и на литію облачается протопопъ съ прочею соборною братією; протопопъ же и отпускаетъ вечерню.

За четыре часа до дня (въ 2 ч. ночи) начинается благовѣсть въ большой колоколь къ заутренѣ. Когда соберутся въ соборъ „власти“ ²⁾, и придетъ „господинъ патріархъ“, недѣльный попъ съ дьякономъ приступаютъ къ служенію полунощницы. Попъ и дьяконъ облачены въ „постыныя ризы“. По отпустѣ полунощницы, звонятъ на утреню. Тотъ же недѣльный попъ съ дьякономъ служитъ утреню и онъ же читаетъ, въ свое время, Евангеліе въ алтарѣ. Когда начнутъ пѣти послѣ канона „на сходѣ“ Достоинно, патріархъ входитъ съ властями въ алтарь и облачается въ черныя ризы. Облечившись, патріархъ становится у престола, на которомъ возлежитъ на блюдѣ Крестъ, и начинаетъ раздавать сослужащимъ съ нимъ властямъ и священникамъ витыя свѣчи. Между тѣмъ, ключари ставятъ среди собора аналой съ паволокою и подсвѣчникъ у аналая; поддьяки разстилаютъ коверъ и приносятъ стулъ съ подушкою, „а мѣста (патріаршаго) не ставятъ“. Великое славословіе поютъ поддьяки „строками“. Послѣ славословія, пѣвчіе начинаютъ пѣть „Святый Боже“. Патріархъ кадитъ престоль со всѣхъ сторонъ и властей. „И по каженіи, ключарь благословится звонити, и бываетъ звонъ съ большимъ“ (колоколомъ). При торжественномъ звонѣ колоколовъ, патріархъ вѣзываетъ Крестъ съ васильками на главу и съверными вратами медленно выходитъ изъ алтаря на средину собора. Предъ патріархомъ идутъ поддьяки съ свѣчами

¹⁾ Или даже—на золотомъ. Въ *Чинovníкъ* къ словамъ о блюдѣ сдѣлана замѣтка: „161-го (т. 7161=1653 г.)... про дискось патріархъ кручинился, и вѣредъ крестъ класть на золотомъ блюдѣ“.

²⁾ „Власти“=архіереи.

и съ лампадою, діаконъ съ патріаршею шапкою и съ четырьмя рипидами, архидіаконъ и протодіаконъ. Послѣдніе кадятъ въ два кадила. Патріарха, несущаго на своей главѣ Крестъ, поддерживаютъ подъ руки два митрополита или архіепископъ. Всѣ священнослужители, не исключая и властей, шествуютъ съ непокрытыми главами.

По приходѣ на средину собора, Крестъ съ васильками и пеленой поставляется на аналоѣ, на блюде. „И патріархъ станеть на своемъ мѣстѣ, и архидіаконъ принесеть (патріарху) кадило. Поклонившись на оба лика властямъ, патріархъ кадитъ крестообразно аналою, „идѣже стоитъ честный Крестъ“, затѣмъ— всю церковь, властей, священниковъ и клириковъ. Звонъ въ колокола продолжается и не умолкаетъ до тѣхъ поръ, пока, совершивъ кажденіе, патріархъ станеть на свое мѣсто. Тогда архидіаконъ возглашаетъ: Премудрость. „Протопопъ трижды соборомъ проговорятъ: Спаси, Господи, люди Своя, а концовъ не поютъ. А 136-го году и 137-го году¹⁾ велѣлъ патріархъ пѣти весь тропарь“; прежде тропарь договаривали по клиросамъ. „Потомъ патріархъ самъ начнетъ пѣти: Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, 3-жды, а власти и священницы вкупѣ съ нимъ же поютъ во единъ гласъ“. Затѣмъ патріархъ и все духовенство прикладываются ко Кресту.²⁾

Въ то время, какъ патріархъ съ властями и священниками прикладывается ко Кресту, пѣвчіе на клиросахъ поютъ стихиры; „сказываетъ“ стихиры подъякъ.

По цѣлованіи Креста, патріархъ съ духовенствомъ входитъ въ алтарь и разоблачается, а недѣльный попъ съ діако-

¹⁾ Т. е. 7136 и 7137 г.г. отъ сотворенія міра, или 1628 и 1629 г.г. отъ Рождества Христова.

²⁾ На Востокѣ, напр. въ Константинополь, патріархъ одѣляетъ цвѣтами архіереевъ и чиновное духовенство по цѣлованіи Креста. См. *И. Д. Мансветовъ*—„Церковный Уставъ“, с. 262. Въ Болгарской церкви такой обычай практикуется, кажется, только на Воздвиженіе. Тишиковъ Терновск. изд. 1890 г. с. 40.

номъ заканчиваетъ утреню. Ключари переставляютъ аналой съ Крестомъ съ середины собора къ патриаршему мѣсту, и здѣсь Крестъ находится всю недѣлю, до пятницы.

Въ три часа дня (т. е. по нашему — въ 9 утра) въ воскресенье благовѣстятъ къ молебну предъ литургіей. Его служить патриархъ съ властями и съ соборомъ священниковъ. Окончивъ молебенъ, „литоргисаютъ“. Послѣ обѣдни, „хлѣба ѣдятъ всѣмъ соборомъ у патриарха“¹⁾.

Торжественность патриаршаго богослуженія въ Успенскомъ соборѣ являлась идеаломъ для епархіальныхъ владыкъ въ старой Россіи, и они, съ бѣльшимъ или меньшимъ успѣхомъ, подражали ей. Въ статьѣ: *О поклоненіи Кресту*, напечатанной въ „Р. д. с. п.“ за 1907 г. т. I, мы познакомили читателей съ обрядами выноса Креста въ старомъ Новгородскомъ соборѣ (см. с. 314—318). Сопоставленіе обрядовъ при выносѣ Креста въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ и въ Новгородской Софіи, какъ и вообще всего порядка богослуженія въ недѣлю Крестопоклонную, показываетъ близкое сходство между ними и увѣряетъ въ мысли, что обряды Новгородскаго собора при выносѣ креста создались подъ сильнымъ вліяніемъ Большаго Успенскаго собора въ Москвѣ. Да и не только въ Новгородѣ, но и повсюду въ Россіи въ XVII в., а отчасти въ XVIII, въ каѳедральныхъ соборахъ наблюдалось большая торжественность въ обрядахъ при выносѣ Креста на Крестопоклонной недѣлѣ. Только съ сокращеніемъ штатовъ соборнаго духовенства и вслѣдствіе нѣкоторыхъ другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, эта торжественность стала потомъ умяляться, какъ и вообще стало умяляться прежнее благолѣпіе соборной архіерейской службы.

Н. Пальмовъ.

¹⁾ *Чиновники Московскаго Успенскаго собора*, с. 95—96.

Въ защиту ц.-славянскаго языка.

(Окончаніе ¹⁾).

V.

Говоря о ц.-славянскомъ языкѣ, необходимо сказать о немъ, и какъ о „самостоятельномъ предметѣ“ нашей школы. Какое онъ здѣсь занимаетъ мѣсто и насколько выполняетъ то назначеніе, выполнять какое онъ призванъ?—„Въ нашъ практическій вѣкъ, говоритъ А. Италинскій, отдають предпочтеніе и окружають особеннымъ вниманіемъ только тѣ предметы въ школѣ, которые имѣють утилитарное и прикладное значеніе въ жизни, чтеніе-же ц.-славянское почти чуждо этого, а посему въ пренебреженіи и отодвигается на задній планъ... Не безъ того, чтобы въ отношеніи къ славянскому чтенію не отражалось то равнодушіе ко всему церковному, котораго не чуждо современное свѣтское общество, принявшее и принимающее преобладающее участіе въ дѣлѣ устройства и развитія нашего народнаго образованія. Такъ или иначе, но славянскій языкъ у насъ въ загонѣ“ ²⁾). И это фактъ жизни,—жизненная правда. Чѣмъ настойчивѣе заявляетъ свои экономическія, общественныя и государственныя требованія жизнь, тѣмъ все дальше и дальше отодвигаются въ нашихъ школахъ запросы религіозно-нравственнаго воспитанія; вмѣстѣ съ тѣмъ и ц.-славянскій языкъ, языкъ Церкви и религіозной письменности въ программѣ новой школы все больше и больше теряеть и теряетъ свое значеніе;—и вотъ дѣло дошло до того, что начали ратовать за то, чтобы совершенно исключить ц.-славянскій языкъ изъ школы, причеиъ ссылаются на трудность его изученія и пониманія,—на его нецѣлесообразность и т. д.

¹⁾ См. № 13 за 1911 г.

²⁾ См. его соч. „Церковно-Славянскій языкъ въ народной школѣ“. Методическій очеркъ. Москва 1909 г. стр. 3—4.

Чтобы раскрыть значеніе ц.-славянскаго языка и причины его неудовлетворительной постановки въ нашихъ школахъ, мы прослѣдимъ жизнь школы съ исторической точки зрѣнія и посмотримъ, чѣмъ является и какую службу несетъ этотъ языкъ въ нашихъ школахъ.

Въ старину у насъ были школы, такъ называемыя, псалтирныя. Это значить, что главнымъ предметомъ школьнаго изученія была Псалтирь и другія священныя славянскія книги.—Старинный учитель по своему міровоззрѣнію не выдѣлялся изъ народа. Онъ, какъ и народъ, въ Псалтири и вообще въ священныя книги видѣлъ присутствіе высшей правды, какой искали и какой удовлетворялась его душа. Онъ не зналъ мірской науки и искалъ свѣта и утѣшенія только въ Божественномъ словѣ;—охотно посѣщаль храмъ, принимая участіе въ богослуженіяхъ своимъ чтеніемъ и пѣніемъ. Отсюда вытекало сознаніе непреложной важности изученія славянскаго языка и славянскихъ священныя книгъ, особенное къ нимъ расположеніе и признаніе ихъ единственнымъ источникомъ Божественной мудрости. И народъ съ уваженіемъ относился къ школѣ, видѣлъ всю пользу ея для себя, ея жизненное значеніе. Школа и жизнь гармонировали, учитель и народъ соотвѣтствовали другъ другу. Эти отношенія и этотъ взглядъ на школу укрѣплялся вѣками и они въ народномъ сознаніи получили характеръ училища благочестія. Старинное изученіе ц.-славянскаго языка, основанное на продолжительномъ, тяжеломъ и механическомъ усвоеніи его, было очень прочнымъ и никогда не забывалось. Учитель уважалъ и цѣнилъ свой предметъ, одухотворялъ его, серьезно смотрѣлъ на свое дѣло, какъ смотрѣлъ на это и народъ, какъ привыкали смотрѣть и дѣти. „Учитель церковной грамоты, говоритъ Л. Н. Толстой, если вы ему скажете, что по его способу продолжительно и съ трудомъ учатся дѣти читать и писать, отвѣтитъ вамъ, что дѣло не въ чтеніи и письмѣ, а въ Божественномъ ученіи, подъ которымъ подра-

зумѣвается изученіе церковныхъ книгъ“¹⁾. Объясняя, почему народъ такъ полюбилъ и привязался къ такой псалтирной школѣ, извѣстный знатокъ народной жизни Гл. Успенскій замѣчаетъ: „Тенденція превратить эгоистическое сердце въ сердце всескорбящее была положена въ основаніе народной школы, училища, основаннаго на Псалтири... Всякій зналъ, что изъ этихъ рыданій псаломѣвца „не сошьешь себѣ шубы“, а долбили и плакали, и наказывали за неумѣнье выдолбить, потому что видѣли нравственную необходимость глядѣть на себя и на окружающихъ не съ одной только точки дремучаго лѣса. Божественное знакоило съ нравственными обязательствами и задачами человѣка... Худо ли, хорошо ли знакоило, а знакомство давало. Вотъ эту то Божескую правду народъ и считалъ важною въ старинной псалтирной и часословной школѣ“²⁾.

Слово назиданія, слышимое въ храмѣ и внѣ его, раздаваясь на славянскомъ языкѣ, сроднилось съ внушаемымъ народу христіанскимъ міровоззрѣніемъ, какъ неотъемлемая оболочка послѣдняго, такъ что разорвать эту связь между религіозными и нравственными стремленіями и славянскимъ языкомъ не значило ли бы колебать и тѣ основы народныхъ духовныхъ стремленій, какія вѣками заложены въ немъ?—Отвергая ц.-славянскій языкъ не коснемся ли мы самыхъ глубокихъ устоевъ народной души?

Но времена измѣнились. Со второй половины прошлаго вѣка народная школа выдвинула на первое мѣсто, вмѣсто славянской грамоты и чтенія Псалтири и Часослова, грамоту русскую, письмо и счетъ. Такимъ переустройствомъ наша школа, главнымъ образомъ, обязана тому, что руководство ею отъ учителей-грамотеевъ, ведущихъ дѣло по традиціи, перешло къ земству.—людямъ, воспитаннымъ на новыхъ на-

¹⁾ См. его сочин. ч. IV, изъ V стр. 414.

²⁾ „Крестьянинъ и крестьянскій трудъ“, изъ главы: „Школа и строгость“.

чалахъ. Это увлеченіе со стороны земства было понятно, т. к. сама жизнь измѣнилась и предъявила новые запросы и требованія. Но самъ-ли народъ пришелъ къ этому выводу и пожелалъ измѣненія школы? Послѣдовательно-ли и постепенно выросла школа эта изъ потребностей раздвинувшихся рамокъ жизни народной?—Нѣтъ, эта школа, была срисована съ образцовъ Запада, поэтому въ ней и не нашлось мѣста для ц.-славянскаго языка, какъ самостоятельнаго предмета (вѣдь на Западѣ ни у Французовъ, ни у Нѣмцевъ его не было въ школахъ);—ему дано лишь нѣсколько минутъ, раза два въ недѣлю и то въ концѣ уроковъ по русскому языку. И уже позже, подъ вліяніемъ церковной школы, ему было отведено по одному часу для каждой группы (3 часа на 3 отдѣленія). Теперь говорятъ, что и этого времени много для него, что онъ бесполезно только занимаетъ время и даже служить тормазомъ въ общемъ ходѣ школьныхъ занятій.—Справедливо объ этомъ говоритъ А. Италинскій: „Мы, какъ извѣстно, съ охотою перенимаемъ и увлекаемся, особенно въ дѣлѣ учебномъ, только тѣмъ, чѣмъ занимаются и что изучаютъ въ Западной Европѣ, объ этомъ мы трактуемъ, это прививаемъ и осуществляемъ иногда съ упорствомъ, достойнымъ гораздо лучшей участи; славянскій же языкъ есть достояніе наше, чисто-русское и самобытное, имъ приходится заниматься самостоятельно, безъ образцовъ и помощи иностранцевъ, а посему мы къ нему равнодушны и готовы лишить его права гражданства“¹⁾.

Правда, лѣтъ 20—30 спустя, какъ явилась земская школа, явились уже и задатки народной литературы, проникавшей въ народъ;—народъ самъ почувствовалъ нужду и въ русской грамотѣ, и въ письмѣ, и въ счетѣ и самъ пошелъ къ школѣ съ новыми запросами. Но, признавши это новое, отказался-ли народъ отъ прежняго? да и могъ ли отказаться? Пробудившееся стремленіе къ мірскому знанію, отнюдь не

¹⁾ См. его соч. „Церковно-славянскій языкъ“, стр. 3—4.

подавило въ немъ жажды пищи духовной, жажды удовлетворенія запросовъ религіознаго и нравственнаго порядковъ:— онъ не отказался и не могъ отказаться отъ роднаго ему языка и.-славянскаго и тѣхъ славянскихъ книгъ, которыя возвышали его душу и сердце въ область высшихъ духовныхъ идеаловъ. Славянское чтеніе такъ же влечетъ его къ себѣ, какъ влекло и прежде,— оно такъ же назидаетъ, трогаетъ и поучаетъ его. И можно-ли утверждать, что этому святому языку нѣтъ больше мѣста въ школѣ, что онъ, послѣ вѣковъ своего признаннаго значенія, сталъ вдругъ совершенно не нуженъ народу?—

Обще настроеніе современнаго общества, подчиняя себѣ учителя, опредѣляетъ и его отношеніе къ и.-славянскому языку и приводитъ къ такой постановкѣ дѣла, которая нерѣдко даетъ только отрицательные результаты. Учитель самъ смотритъ на и.-славянскій языкъ „спустя рукава“, и мертвое преподаваніе лишаетъ жизни живой предметъ. А новый земскій учитель, не воспитанный на и.-славянской рѣчи и не чувствующій ея обаянія, если и употребитъ славянское выраженіе, то почти всегда въ шутку; ему этотъ языкъ кажется и чуждымъ, и малопонятнымъ, а иногда и просто смѣшнымъ. Поэтому и понятно, что наше преподаваніе и.-славянскаго языка нерѣдко приноситъ неудовлетворительные результаты. При подобной постановкѣ дѣла оно не пойдетъ дальше простого навыка въ чтеніи и холоднаго пересказа повѣствовательнаго содержанія статей. Не будетъ того, на что указываетъ Н. П. Ильминскій: „правильнаго пониманія, живого, нагляднаго и картиннаго представленія изложенныхъ на этомъ языкѣ событій, мыслей и чувствъ“, не будетъ усвоенія учащимися „живого духа вѣры и любви къ Богу и ближнимъ“. Да и можетъ-ли дать это учитель, если самъ онъ относится къ и.-славянскому языку, какъ къ языку мертвому, и къ истинамъ, изложеннымъ на немъ, какъ далекимъ отъ жизни?— „Нужно, говорить о чтеніи Евангелія тотъ же педагогъ, чтобы дѣти проникались самымъ живымъ чувствомъ, къ ка-

кому способна дѣтская душа, умиленія, любви къ Спасителю⁴. Но можетъ-ли дать дѣтямъ учитель то, чего самъ не имѣетъ?— Вотъ почему и мысль и чувство дѣтей при чтеніи остаются незаинтересованными; они не навикаютъ смотрѣть на славянскую книгу, какъ на живой источникъ нравственныхъ поученій, какъ на руководство къ духовному возвышенію и лучшей жизни. И въ силу этого ц.-славянскій языкъ, какъ предметъ школы, дѣйствительно оставляетъ желать много и много лучшаго. Но нѣкоторые, опираясь на такую постановку преподаванія, видятъ причины неуспѣшности не въ постановкѣ, а въ самомъ предметѣ, въ самой природѣ ц.-славянскаго языка и дѣлаютъ такой выводъ: онъ не даетъ хорошихъ результатовъ для умственнаго развитія дѣтей, значить—лишенъ образовательнаго значенія по самой природѣ своей. И умозаключаютъ: если онъ не можетъ имѣть такого значенія—его нужно совсѣмъ изъять изъ школы.

Нѣкоторые думаютъ, что ц.-славянскій языкъ для того и введенъ въ школьную программу, чтобы туманить мозгъ учащихся, отнимать у нихъ отзывчивость и интересъ къ окружающимъ явленіямъ, и особенно къ жизни общественной. Отсюда, конечно, и является враждебное отношеніе къ этому предмету. Но оправдывается-ли этотъ взглядъ дѣйствительностью? Если мы говоримъ, что ц.-славянскій языкъ долженъ быть однимъ изъ самостоятельныхъ предметовъ народной школы, то этимъ мы нисколько не отрицаемъ и не умаляемъ значенія другихъ предметовъ школьнаго курса. Въ этомъ случаѣ мы вполне согласны съ взглядомъ на это дѣло Вл. С. Соловьева: „Недостаетъ народу, конечно, не православнаго благочестія, которымъ онъ несомнѣнно обладаетъ, а культуры, безъ которой ему грозитъ матеріальное разрушеніе и гибель. Пусть истинная религія есть фундаментъ для всего прочаго, и никакое зданіе безъ фундамента не устоитъ, но разъ уже онъ заложенъ—при немъ одномъ, безъ стѣнъ и крыши, можно наконецъ и замерзнуть“¹⁾. Итакъ фундаментомъ народнаго блага является истин-

¹⁾ Собраніе сочиненій, т. V, стр. 398.

ная религія, религіозно-нравственная дѣятельность, но при ней могутъ быть и другія знанія. Доказательствомъ и примѣромъ въ этомъ случаѣ можетъ служить для насъ Рачинскій: онъ одинаково хорошо поставилъ въ своей школѣ и русскій и церковно-славянскій языки и ариметику и во всѣхъ случаяхъ достигалъ значительныхъ успѣховъ. Даже Л. Н. Толстой признавалъ важное значеніе въ народной школѣ ц.-славянскаго языка и религіознаго ученія. Онъ писалъ: „Народъ, какъ будто чувствуя тотъ ложный пріемъ, съ которымъ къ нему относятся, когда ему предлагаютъ неправильные, несвязные отрывки разныхъ знаній, отталкиваетъ отъ себя эту ложь и говоритъ: „Мнѣ одно нужно знать—*церковный* и свой языкъ и законы чисель, а тѣ знанія, если понадобятся мнѣ, я самъ возьму“... Итакъ, если допустимъ критеріумомъ того, чему учить,—свободу, то программа народныхъ училищъ до тѣхъ поръ, пока народъ не заявилъ новыхъ требованій, ясно и твердо опредѣляется. Славянскій, русскій языкъ и ариметика—до высшей возможной степени и ничего кромѣ этого“.

Да и самъ народъ чувствуетъ это и всегда съ большимъ уваженіемъ и любовью относится къ ц.-славянскому языку. „На Бога надѣйся, говоритъ народная пословица, а самъ не плошай:“—молись, прибѣгай къ Богу, какъ своему Отцу, Промыслителю и Спасителю, но въ то-же время и самъ работай, стремись узнать, что нужно для твоей жизни и поступи сообразно съ этимъ. Слѣдовательно, самъ народъ намѣчаетъ себѣ школьный путь и этотъ путь самый вѣрный, жизненный и цѣлесообразный;—именно: съ одной стороны—Боговѣдѣніе и, съ другой—міровѣдѣніе;—вотъ двѣ области, потребныя нашему народу. Первой служитъ Законъ Божій и ц.-славянскій языкъ, второй служитъ русскій языкъ и ариметика. Вотъ почему и Толстой и Рачинскій и другіе признаютъ необходимымъ въ народной школѣ совмѣщеніе этихъ двухъ областей знанія, но совмѣщеніе такое, чтобы обѣ эти области не противорѣчили другъ другу, а находились-бы въ

полной гармоніи и соответствіи между собою, чтобы ученикъ не выходилъ изъ школы смущенный противорѣчіями, чтобы не чувствовалъ разлада въ духѣ своемъ, а создавалъ бы себѣ, при помощи школьнаго воспитанія, полное и неразрывно-цѣлое міросозерцаніе,— простой и правильный взглядъ на вещи.

Сравнивая преподаваніе ц.-славянскаго языка теперь и лѣтъ 45—60, а тѣмъ болѣе—лѣтъ 100—200 тому назадъ, мы яснѣе замѣчаемъ, въ чемъ регрессъ новой школы, чѣмъ она стоитъ ниже школы старинной;—методы преподаванія, конечно, улучшились и упростились, но зато пало въ ней это преподаваніе со своей *внутренней* стороны;—нѣтъ уваженія къ церковно-славянскому языку, нѣтъ одушевленія въ его изученіи. И это является крупнымъ недостаткомъ нашей школы, ибо здѣсь подрывается самый фундаментъ ея, умалывается просвѣтительное и жизненное значеніе предмета. Если бы потребовалось, можно-бы было привести цѣлый рядъ цитатъ, начиная съ Владиміра Мономаха, даже еще ранѣе, и кончая книжными людьми XVIII. XIX вѣковъ, съ указаніемъ—какое важное значеніе имѣла и имѣетъ въ жизни нашего народа ц.-славянская грамота;—она всегда съ любовью и благоговѣніемъ читалась умѣющими читать, а неграмотные поучались въ немъ, слушая другихъ; эта любовь къ славянскому чтенію и теперь еще сильна въ нашемъ народѣ и мы имѣемъ множество фактовъ и примѣровъ, чтобы доказать это. Очень правдиво и картинно эту народную любовь къ славянскому чтенію подмѣтилъ и изобразилъ въ своей повѣсти „Мужики“ нашъ писатель А. П. Чеховъ. Въ этой повѣсти онъ говоритъ о крестьянахъ того села, гдѣ происходило дѣйствіе: „Всѣ любили Священное Писаніе, любили нѣжно, благоговѣнно, но не было книгъ, не было кому читать и объяснять, и за то, что Ольга (одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ произведеніи) иногда читала Евангеліе, ее уважали и всѣ говорили ей и Сонѣ: вы“¹⁾. О самой Ольгѣ Чеховъ говоритъ,

¹⁾ См. его сочиненія, изд. Суворина V, 55 стр.

что „она каждый день читала Евангеліе вслухъ по дьячковски, и многого не понимала, но святыя слова трогали ее до слезъ, и такія слова, какъ „аще“ и „дондеже“, она произносила съ сладкимъ замираніемъ сердца“¹⁾. Благодаря этому чтенію „она вѣрила въ Бога, въ Божию Матерь, въ угодниковъ, вѣрила, что нельзя обижать никого на свѣтѣ—ни простыхъ людей, ни нѣмцевъ, ни евреевъ, и что горе даже тѣмъ, кто не жалѣетъ животныхъ; вѣрила, что такъ написано въ святыхъ книгахъ, и потому, когда она произносила слова изъ Писанія, даже непонятныя, то лицо у нея становилось жалостливымъ, умленнымъ и свѣтлымъ“.—Мы обратились къ Чехову потому, что его способность вѣрно и живо воспроизводить жизнь признается всѣми; и въ данномъ случаѣ онъ даетъ намъ картинное изображеніе того, что представляетъ собою въ народной жизни обыденное явленіе—чтеніе Слова Божія. Въ этомъ очеркѣ Чехова Ольга олицетворяетъ собою весь русскій народъ;—въ ней воплощена любовь народная къ Божественному Слову—именно къ слову славянскому²⁾, воспитавшему его въ чувствѣ любви, вниманія и снисхожденія къ ближнимъ. Ольга, какъ и народъ, воплотила это святое ученіе и въ жизни своей;—она относится ко всѣмъ съ самымъ живымъ участіемъ, всѣмъ помогаетъ, чѣмъ можетъ, забываетъ нанесенныя ей оскорбленія и обиды, жалѣетъ несчастныхъ, дѣлаетъ добро врагамъ своимъ.—Вотъ воспитательное значеніе Слова Божія, примѣръ его воздѣйствія на душу человѣка, обновленія и возвышенія человѣческой личности.

Даже такой писатель, какъ Максимъ Герькій, нерѣдко говоритъ въ своихъ произведеніяхъ о могущественномъ влія-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 54.

²⁾ Легкомысленно было бы смѣяться надъ тѣмъ, что отдѣльныя слова и выраженія славянской рѣчи (какъ на примѣръ „аще“ или „дондеже“ въ данной повѣсти для Ольги) способны волновать религіозную душу;—это такъ просто и понятно, хотя многіе и не могутъ понять это.

ни на душу человѣка Слова Божія. Въ сочиненіи „Дѣло съ застѣжками“, онъ передаетъ разсказъ одного босяка, безработнаго пьяницы, какъ онъ съ двумя своими товарищами нанялся разбирать старую баню у одной старушки; когда они работали, старушка съѣла недалеко отъ нихъ въ саду и начала читать Библию. Герои, увидѣвши эту Священную книгу, не выдержали и заговорили о своей любви къ слову Божію: „Люблю я послушать книгу... священную ежели... У насъ въ деревнѣ былъ солдатъ Африканъ, такъ тотъ, какъ начнетъ бывало Псалтирь честь... ловко читаль!“ — „Хорошо больно... хоть оно непонятно... а всетаки слово этакое... на улицѣ ты его не услышишь... непонятно оно, а всетаки чувствуешь, что это слово для души“... „Въ церкви мы, по неприличности и грязнотѣ нашей, не ходимъ... а душа у насъ тоже... какъ слѣдуетъ... на своемъ мѣстѣ“.—Черезъ минуту одинъ изъ нихъ уже сидѣлъ у ногъ старушки „лицо его стало степенно и спокойно“... „Черезъ двѣ—три минуты и мы съ Семкой тоже сидѣли на землѣ по оба бока нашего товарища.—„Павель, рабъ Іисусъ Христовъ...“—раздался голосъ старушки. Онъ старчески дребезжалъ и переливался, но былъ полонъ благочестія и суровой важности. При первыхъ звукахъ его Мишка истоиво перекрестился, Семка заерзалъ по землѣ, выскивая болѣе удобную позу. Старушка продолжала“...¹⁾

Дѣло кончилось тѣмъ, что Семка—„истый язычникъ“—украсть серебрянныя застѣжки отъ этой Библии, но товарищъ его, когда узналъ объ этомъ, то сразу почувствовалъ, что сдѣлано преступное дѣло;—и онъ самъ часто воровалъ, и былъ спокоенъ всегда, но здѣсь не выдержалъ, выкупилъ у Семки эти застѣжки, самъ рискуя на нѣсколько дней остаться голоднымъ, и отнесъ ихъ владѣльцѣ.

¹⁾ См. его сочин. т. I. стр. 232—237;—изданіе товарищ. „Знаніе“ 1901 годъ.

Эта жажда религіознаго удовлетворенія, это стремленіе нашего народа къ слову Божію, къ священнымъ славянскимъ книгамъ широко раскрыто во всей нашей литературѣ. Почитайте журналы и газеты, станьте ближе къ народной жизни, всмотритесь въ нее и вы убѣдитесь въ великомъ и непреходящемъ значеніи для народа славянской грамоты.

Естественно, что, дорожа славянскимъ чтеніемъ, народъ дорожитъ и тою школою, которая научаетъ дѣтей читать по-славянски; народу дорого именно то, чтобы школа служила цѣлямъ религіозно-нравственнаго воспитанія, однимъ изъ главныхъ факторовъ котораго, въ чемъ народъ убѣдился многолѣтнимъ опытомъ, является ц.-славянскій языкъ.

Видя холодное удивленіе людей мертвыхъ для живого славянскаго слова, или смѣхъ людей, прошедшихъ даже высшую школу, но неспособныхъ понять это умиленіе и волненіе людей малограмотныхъ подъ вліяніемъ непосредственныхъ воспріятій духа читаемаго, настроенія, въ немъ вложеннаго, ясно представляешь, какъ далеки они отъ истиннаго пониманія того, что доступно имъ лишь по внѣшнему значенію словъ, а не по существу рѣчи. Они не способны стать въ живое отношеніе къ славянскому слову и подняться на высоту, на которой стоитъ простой народъ, подходящий до нѣкоторой степени къ тому, что испытывалъ и переживалъ самъ писавшій это глубокое слово. И было бы большимъ легкомысліемъ изъ-за предполагаемыхъ трудностей преподаванія пренебречь тѣмъ средствомъ, которое вѣками воспитало въ народѣ отзывчивость къ своему вліянію, легко возбуждаетъ соответствующія чувства и настроенія и является такимъ плодотворнымъ для его духовнаго возвышенія.

Такимъ образомъ, ц.-славянскій языкъ, соответственно своей высокой важности и своему жизненному значенію, необходимо долженъ стоять въ нашей народной школѣ на подобающей высотѣ и занимать въ школьной программѣ второе мѣсто послѣ Закона Божія;—и намъ нужно говорить не объ уничтоженіи этого языка, а о восстановленіи его,—о способахъ болѣе совершенной и цѣлесообразной постановки его въ нашихъ народныхъ школахъ.

В. П.—67.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 26-го марта 1911 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Аки. Общ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул., д. № 6.

ГОДЪ

III

УКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

№№ 15—16.

1911-го года 10—17-го апрѣля.

Содержаніе: I. Юноша. Разсказъ. Н. Колосовъ.—II. Святые дни въ селѣ при Волгѣ. Свящ. В. Бажановъ.—III. Первый день Пасхи въ старой Москвѣ, во времена патріарховъ. Н. Пальмовъ.—IV. Замѣтка. Документъ, удостовѣряющій несомнѣнность жизни и смерти Иисуса Христа.

Юноша.

(Пасхальный разсказъ).

(Посвящается моему отцу).

Пріймите силу, нашедшу Свя-
тому Духу на вы. (Изъ пасхаль-
наго апостола).

Миша Борисовъ чувствовалъ, что во всемъ этомъ на-
шемъ движеніи, общерусскомъ и семинарскомъ, не все,—о,
какъ не все,—правда, что много тутъ недомыслія, лжи, даже
грубаго обмана. Самъ онъ къ движенію не примыкалъ и лишь
издали наблюдалъ за ходомъ событій. Однако, вѣра въ Еван-

геліе, въ Церковь потеряла для него прежнюю обаятельность. Казалось ему, что въ вѣрѣ нѣтъ уже прежней силы, что со-всѣмъ уже расшатана она тѣми бурями, какія носятя теперь надъ землей, что подъ кровомъ вѣры трудно уже теперь укрыться, какъ подъ вѣтвями оголеннаго осенней непогодой дерева... И потому, когда, по окончаніи экзаменовъ въ VI классѣ, за молебномъ читали въ Псалтири слова:

— Скажи мнѣ, Господи, путь, въ оный же пойду,—Миша Борисовъ убѣжденно думалъ:

— Въ священники не пойду. Шаткій путь, ненадежный. Богъ вѣдаетъ, сколько времени просуществуетъ еще Церковь въ прежнемъ своемъ величіи. Можетъ быть, она доживаетъ послѣдніе свои дни. Чтò я могъ бы сдѣлать для Церкви, при своихъ слабыхъ силахъ, даже если бы хотѣлъ чтò сдѣлать? А хочу ли я? Кажется, нѣтъ...

Но куда же идти?

И передъ мысленнымъ взоромъ Миши проходили различныя профессіи: бухгалтеровъ, чиновниковъ акцизныхъ, полицейскихъ, ветеринаровъ, адвокатовъ, судей, но нѣтъ,— не лежитъ сердце къ этимъ профессіямъ! Въ однихъ нѣтъ ничего, кромѣ формы, буквы и цифры, въ другихъ одна матерія, для третьихъ необходима слишкомъ эластическая нравственность. Нѣтъ, не то, не то все это, чего хочетъ душа...

Миша Борисовъ поступилъ въ учителя земской школы, въ деревню, въ глушь уѣзда.

Жена у него оказалась такая же чуткая душой, такая же нищущая, алчущая и жаждущая правды, но такъ же, какъ и онъ, запуганная смятеніемъ жизни и лучшіе, святыя свои порывы затаившая далеко въ душевной глуби.

Сокрывъ подлинныя лица свои, ушли они въ деревенскую глушь дѣлать дѣло, менѣе всего вызывающее возраженія, нападки, споры... Стали учить грамотѣ.

Эта работа лицомъ къ лицу столкнула ихъ съ народомъ, со всѣмъ его душевнымъ складомъ, съ запросами, думами, со всей жизнью.

Ахъ, какая это ужасная была жизнь!

Грубость, пьянство, пьянство безшабашное, дикое и безпросвѣтное, пьянство безъ конца, воровство, развратъ, побоища, расправы кровавыя, злоба первобытная, — вотъ тѣ грязныя краски, какими то тамъ, то здѣсь было запачкано полотно народной жизни. Утѣшительно было лишь то, что не весь народъ былъ такъ убійственно плохъ. Разлагалась молодежь, которая не имѣла никакихъ принциповъ, не имѣла вѣры, плохо ходила въ церковь, не хотѣла признавать ни праздниковъ, ни уставовъ, ругала духовенство, проповѣдывала насилія и грабежи и заслушивалась, зачитывалась всеми такими рѣчами и статьями, которыя дышали „борьбы отчаянной отвагой“. Старики же были не таковы. Они глубоко возмущались всею, что творила молодежь, тяжело скорбѣли, вразумляли, но ничего не могли подѣлать и только терпѣливо ожидали, что „образумятся“ эти расходившіеся юнцы въ красныхъ рубахахъ, въ сапогахъ бутылками, съ гармониками въ рукахъ и съ нахальствомъ въ лицахъ. И молились старики о своихъ дѣтяхъ и внукахъ, а объясняя причину происшедшей въ деревнѣ сумятицы, повторяли:

— Бога, Бога въ нихъ иѣтъ... Бога забыли...

И молились, чтобы воскресъ въ нихъ Богъ, чтобы пробудился ихъ разумъ, прояснилась совѣсть.

Учитель, видя, что молодежь деревенская дичаетъ, въ ужасѣ хватался за голову и упорно, мучительно думалъ:

— Чтò же это будетъ? И чтò же, чтò же дѣлать? Какая разница между ними... между старыми и молодыми. Въ старой деревнѣ было такъ много положительнаго, свѣтлаго. Тамъ была доброта, трудолюбіе, смиреніе, вѣра, простота, сердечность, былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и достатокъ, былъ семейный миръ, были свои тихія и высокія радости. Литература справедливо считается зеркаломъ жизни. И вотъ лѣтъ 60—70 тому назадъ, даже меньше того, Тургеневы, Григоровичи, Толстые безъ труда находили въ деревнѣ, чуть ли не на каждомъ шагу, умныхъ Хорей, восторженныхъ, чуткихъ серд-

цемъ Калинычей и Касьяновъ, религіозныхъ Лукерій, вѣрныхъ долгу Бирюковъ, степенныхъ и набожныхъ Глѣбовъ, любвеобильныхъ Платоновъ Каратаевыхъ и т. д. и т. д.. Раньше народъ былъ такъ хорошъ, что его охотно провозглашали учителемъ жизни для всѣхъ другихъ классовъ общества, больше того—на него готовы были смотрѣть, какъ на проводника для всѣхъ народовъ къ высшимъ задачамъ. Въ народѣ нашемъ такъ еще недавно видѣли „богоносца“ и ждали отъ него откровеній... А теперь?... Вѣдь эти мрачныя картины народнаго разврата не воображеніе мое, не фикція и не гипербола. Вѣдь объ этомъ развратѣ кричатъ газеты, даже и тѣ, въ интересахъ которыхъ было бы въ данномъ случаѣ помолчать, объ этомъ стонетъ статистика, это же отображаетъ и литература. Уже у Григоровича молодое поколѣніе крестьянъ хуже стараго: о начинавшейся порчѣ сердца народнаго не могли не говорить и такіе народолюбы, какъ Н. Успенскій, Рѣшетниковъ и др., а теперь у Чехова мужики пьянствуютъ, обманываютъ другъ друга и развратничаютъ, у Горькаго—тоже, у Андрева еще хуже, а у Родіонова въ его „Нашемъ преступленіи“ великій когда-то народъ—богоносецъ грозитъ выродиться въ народъ буйный и преступный...

Да вѣдь это кошмаръ!..

Учитель вскрикивалъ и хотѣлъ думать о чемъ-нибудь другомъ, но черныя мысли гвоздями вбивались ему въ голову и не давали ему покоя.

— Что же это значитъ?—спрашивалъ онъ. Раньше Русь была святая, она вѣрила, и душа народная была прекрасна, теперь падаетъ вѣра и вотъ... плоды...

— Бога забыли,—вспоминалась ему фраза самихъ мужиковъ.

— И это, конечно, правда,—думалъ онъ;—въ этомъ корень зла. Правда, правда... Вотъ, и Толстой говорилъ: „Бога забыли“. А если это правда, если въ этомъ источникъ развала народнаго, если до сихъ поръ вѣра, Церковь держала въ цѣпяхъ народный грѣхъ, то какъ же нападать на вѣру,

какъ уходить отъ Церкви, какъ отказываться отъ служенія ей? Церковь—высшая школа жизни нравственной, трудовой, чистой, счастливой! Церковь высшее училище благочестія, это совершеннѣйшій и никогда незамѣнимый народный Университетъ! Какъ же нападать на Церковь?

Шло время. Зима смѣнялась весной, проходило лѣто, опять начинались занятія въ школѣ, таяли опять снѣга, опять солнце ласкало землю, опять нѣга разливалась въ воздухѣ, а у Миши Борисова все еще не рѣшенъ былъ вопросъ, по какому же пути идти?

— Отдаться ли всецѣло Христу и Его Церкви?—вотъ вопросъ, который преслѣдовалъ его всюду, нѣлъ ли онъ съ учениками на клиросѣ обѣдню, мечталъ ли о будущемъ со своей женой, бродилъ ли въ раздумѣ по окрестностямъ села, былъ ли въ гостяхъ у кого изъ сосѣдей, священниковъ или учителей, и слушалъ разговоры о народѣ, о Богѣ, о политикѣ, о Государственной Думѣ, о томъ, что ожидаетъ нашу страну.

— Говорять, что придетъ царство знанія и свободы,—думалъ иногда юноша,—когда не будетъ ничего запретнаго, ничего страшнаго, когда все будетъ легко, будетъ одно только счастье. Но это не то же ли счастье, какое діаволь обѣщаль первымъ людямъ:

— Будете, какъ боги?

— Если будущее царство—царство діавола, то не будетъ оно счастьемъ, ибо оно калѣчило бы душу человѣческую, терзало бы совѣсть, которая знаетъ, чувствуетъ, что человѣкъ не долженъ быть богомъ въ мірѣ, что есть Богъ Высшій, Вѣчный, Богъ Творецъ, и совѣсть человѣческая—голосъ Бога въ нашей груди... И Христось отвергъ счастье діавола... Итакъ, что же: Христось или діаволь? Но что это за сопоставленіе?—пугался юноша:—за Христа исторія, вся жизнь, душа наша, наша совѣсть. Въ томъ лишь бѣда, что мы признаемъ безспорными доводы мысли, но мало цѣнимъ аксіомы совѣсти. А эти аксіомы за Христа, за Его личность,

за Его ученіе любви. Впрочемъ, и мысль наша за Христа. Мы это ясно видѣли бы, если бы больше думали. Но вообще мы мыслимъ плохо, думать серьезно не умѣемъ. Вотъ, великіе люди, великіе мыслители, философы, ученые, художники, поэты,—они умѣли думать, у нихъ были большія, чуткія души, и почти всѣ они вѣрили въ Христа, любили Его, преклонялись передъ Нимъ, въ Немъ видѣли высшій смыслъ своей жизни, освященіе своей творческой работы, Ему посвящали лучшія свои произведенія. Великіе люди не чуждались Христа, а вотъ мы, маленькіе... Какъ это странно!..

И мысль, которая раньше не проникала глубоко въ душу, теперь поразила сознаніе, и острый стыдъ объялъ юношу.

— Ньютонъ, Коперникъ, Фарадэй, Амперъ, Рафаэль, Микель-Анджело и многіе, многіе другіе считали Христа выше всего міра, а я... я...

— Да и что можетъ быть выше Христа?—роились въ головѣ юноши новыя мысли:—безъ принциповъ жить нельзя. Нужна философія, на которой можно было бы построить жизнь. Но какая же философія болѣе всего пригодна для этого? Животная философія матеріалистовъ? Коммерческая философія Лассалья? Маркса? Философія Канта, Шопенгауэра? Но вѣдь во всѣхъ этихъ философіяхъ такъ мало для души, а иногда даже и для ума. Питая человѣческое любопытство, эти философіи не зажигаютъ насъ высшимъ горѣніемъ, не пробуждаютъ въ насъ жажды святого и великаго подвига. Кантъ есть Кантъ. Онъ хорошій философъ, но отдать ему всего себя, за его ученіе пострадать и умереть—не странно ли это? Но Христосъ! О, за Христа уже миллионы людей беззавѣтно отдали себя!..

— Когда же въ священники-то?—спросилъ какъ то учителя одинъ изъ мужичковъ.

— А вотъ по веснѣ!—неожиданно для самого себя сказалъ учитель и сейчасъ же подумалъ:

— Почему я такъ сказалъ? Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ по веснѣ.

А весна была уже не за горами. Въ 7 часовъ утра становилось свѣтло. О былыхъ крѣпкихъ морозахъ, съ инеемъ, съ трескомъ, съ бѣлой мглой въ воздухѣ, оставалось уже только вспоминать. На улицѣ появлялись еще мужики въ тулупахъ, иногда снимали даже шапку и уже шурились слегка отъ яркаго солнышка. Снѣгъ былъ еще на поляхъ, но не сухой и крупчатый, какъ раньше, а мокрый, на глазахъ обращающійся въ воду, которая фонтаномъ выступала изъ подъ него, стоило только воткнуть въ него ломъ или лопату.

— Весна, весна идетъ!—говорили, улыбаясь мужики.

Солнце становилось все щедрѣе и щедрѣе. Оно было героемъ момента. При всякомъ взглядѣ на улицу, на крыши избышекъ, на поля, на рошу, на рѣку,—всюду прежде всего бросалось въ глаза это весеннее солнце, его мягкіе, золотистые лучи, которые на всемъ, чего они касались своей лаской, оставляли свой красноватый, радостный, праздничный отблескъ. Къ страстной недѣлѣ изъ подъ снѣга уже вездѣ почти выступила черная, глянцевадая земля. Въ воздухѣ почувствовались новые пряные запахи, слышались новые звуки: просыпалась земля, и, казалось, слышно было и „неба содроганье“ и „дольней лозы прозябанье“.

Занятія въ школѣ окончились. Ученики говѣли, а вмѣстѣ съ ними и учитель. Вмѣстѣ съ этимъ, онъ работалъ по дому, помогалъ женѣ въ порядокъ приводить несложное хозяйство, спѣшилъ къ празднику окончить свои письменныя занятія, просмотрѣть ученическія тетради и проч.

— Нужно, чтобы праздникъ былъ въ праздникъ.

Приготовленія къ Пасхѣ шли у учителя и по церкви. Вечерами онъ устраивалъ спѣвки со школьниками, днемъ помогалъ иногда крестьянамъ убирать къ празднику церковь.

— Люблю поработать для Пасхи,—говорилъ учитель священнику:—нужно, чтобы Пасхѣ была устроена торжественная встрѣча. О, Церковь—это великій психологъ! Чтобы хорошо встрѣтить Пасху нужно именно подвижнически пройти „пучину поста“. Миѣ раньше почему то казалось, что постъ

Великій слишкомъ длиненъ, что службъ и молитвъ покаянныхъ слишкомъ много, что звонъ великопостный слишкомъ заунывенъ. Но теперь я вижу, что Церковь не устанавливаетъ ничего лишняго. Душа человѣческая слишкомъ грѣховна, фальшива и увертлива въ грѣхѣ. Безъ такого настойчиваго напоминанія о лживости ея, какъ великій постъ, она могла бы совсѣмъ зарости корой эгоизма. Но великій постъ на 40 дней измѣняетъ весь укладъ нашей жизни и даже совершенно омірщившемуся человѣку напоминаетъ:

— Полно! Такъ ли живешь? Загляни-ка въ себя.

А заглянетъ человѣкъ, увидитъ пошлость и порочность своей жизни, и какую сладость найдетъ онъ въ долгихъ покаянныхъ молитвахъ, въ которыхъ выплачетъ свой грѣхъ, которыми омоетъ загрязнившуюся душу. И когда подвигъ будетъ совершенъ, какой наградой послужитъ человѣку всесвѣтлая Пасха!

И учитель, и священникъ, и весь причтъ, и вся почти деревня, даже молодежь, которая въ своихъ дикихъ мечтаніяхъ была разбита на голову и видѣла теперь свою душевную голь, усиленно готовились къ Пасхѣ. И, дѣйствительно, къ великой полуночной минутѣ уготованъ былъ для Пасхи красный путь. Вымытая, вычищенная, унизанная цвѣтами и горящая сотнями огней церковка смотрѣла привѣтливо и нарядно, какъ невѣста. Прихожане съ довольными лицами огромной массой тѣснились въ церкви и вокругъ нея. Торопливо тянулись къ храму и запоздавшія хозяйки, приготовлявшіяся столъ для розговѣнья, всѣ эти куличи, пасхи, разноцвѣтныя яйца и т. д. На колокольнѣ звонили въ тотъ колоколь, въ какой звонили и въ другіе большіе праздники, но казалось теперь, что этотъ колоколь новый, лучшій, болѣе звонкій. Колоколу за рѣкой звучно отдавалось эхо, а тамъ дальше, въ лѣсу, слышался высокій, пѣвучій сплошной звукъ колокола въ сосѣднемъ селѣ.

— Въ Богородскомъ звонять, — говорили мужички.

— Теперь вездѣ звонять, по всей Руси святой!—говорили имъ другіе.

Когда, при мерцаніи звѣздъ и при блескѣ огней, разставленныхъ вокругъ церкви, вышли изъ храма на площадь съ крестнымъ ходомъ, то казалось, что душа въ груди ширится, растеть, что ей тѣсно въ груди, и она рвется вонъ изъ нея, рвется въ міръ безпредѣльнаго, къ Вѣчному, сокрытому тьмой нашего невѣдѣнія Богу.

— Христось... воскресе... изъ мертвыхъ...—пѣли неровными голосами въ притворѣ храма. Пѣніе было сдержанное, гораздо болѣе тихое, чѣмъ можно было ожидать. Радость въ груди колебалась слишкомъ большими волнами, она захватывала духъ, голосъ не подчинялся бурнымъ усиліямъ воли.

— Христось воскресе!—въ восторгѣ воскликнулъ священникъ, одѣтый во все бѣлое, блистающее, когда распахнулись двери въ церковь.

— Воис... Воистину воскресе!—грязнуло въ отвѣтъ, и чудилось, что не одно село собралось сюда, въ эту церковь, а это весь міръ, вся вселенная говоритъ:

— Воистину воскресе!

Скоро запѣли канонъ.

Радость выражалась все живѣе, несдержаннѣе, восторженнѣе. Пѣть умѣреннымъ темпомъ и сдерживать голоса было уже трудно. Техника пѣнія забывалась, и хотѣлось пѣть отъ всей души. Пѣли на правомъ клиросѣ, но не успѣвали окончить пѣнія на правомъ, какъ уже начинали на лѣвомъ, катавасію начинало духовенство въ алтарѣ, а продолжали оба хора и весь народъ.

— Христось воскресе!—говорилъ священникъ во время кажденія.

— Воистину, воистину!—возвышался надъ пѣніемъ гулъ голосовъ, а тамъ опять звенѣли пасхальные гимны:

— Утреннеемъ утреннюю глубоку!.. начиналъ правый хоръ:—и Христа узримъ... веѣмъ жизнь...

— Утреннююемъ утреннюю... въ увлеченіи полхватаывалъ лѣвый хоръ, но вдругъ по храму прокатывалась волна народнаго гула:

— Воистину, воистину воскресе!

А тамъ опять слышались святыя слова:

— Правды Солнце, всѣмъ жизнь возсіяюща.

— Какая красота, какое счастье!—обрывками мыслей думалъ учитель въ перерывахъ между пѣніемъ:—это пѣчто единственное. Это ни съ чѣмъ несравнимо. Я помню свои бывше восторги отъ хорошей пьесы въ театрѣ, отъ хорошей музыки, отъ картины, отъ житейской удачи, но вѣдь тамъ какъ то все это неполно, коротко, узко, эгоистично, а здѣсь!.. Душа чувствуетъ, что она всегда будетъ жить, что она бессмертна, какъ Воскресшій Христосъ. Въ Пасхѣ душа чуетъ подтвержденіе своей, иногда смутной, вѣры въ свое высшее назначеніе къ новой невѣдомой жизни, и потому-то радостно откликается на пасхальное богослуженіе. Не даромъ даже невѣры не могутъ оставаться къ этому богослуженію равнодушными. Вѣрующій же можетъ представить себѣ самыя формы будущей жизни. Какъ теперь мы не хотимъ, чтобы прекратилась эта „священная и всепрасудственная“ ночь, чтобы замолкли эти дивныя пѣсни, чтобы догорѣли эти огни, такъ же ненасытимо мы будемъ блаженствовать тамъ, въ небесахъ, въ созерцаніи вѣчной Божіей славы, въ славословіи— вмѣстѣ съ ангелами—Его любви къ намъ, въ упоеніи близостью къ Нему, Источнику жизни...

— О, Пасха велія и священнѣйшая Христе...—пѣли на клиросѣ:—подавай намъ... Тебе причащаются въ невечернемъ дни царствія Твоего...

Утренняя кончалась.

Всѣ пѣвчіе стали посреди церкви поредъ ярко освѣщеннымъ иконостасомъ и вмѣстѣ съ народомъ пѣли стихиры Пасхи:

— Пасха красная, Пасха, Господня Пасха, Пасха всечестная намъ возсія... О, Пасха, избавленіе скорби, ибо изъ гроба днесь... возсіявъ Христосъ...

И казалось учителю, что Духъ Божій вѣетъ надъ собраніемъ вѣрующихъ, что здѣсь среди всецѣло отдавшейся Христу народной толпы, забывшей ради Него всѣ свои заботы, ссоры, счеты, присутствуетъ Самъ Христосъ Воскресшій. Въ бѣлыхъ ризахъ, съ мягкими русыми волосами, съ кроткимъ ласковымъ взоромъ, со слѣдами гвоздей на рукахъ и ногахъ,—вотъ Онъ, въ этой деревенской церковкѣ, простираетъ къ намъ Свои руки, благословляетъ насъ, прощаетъ насъ, общаетъ вѣчную Пасху, вѣчное счастье за любовь къ Нему, Единому Достойному любви, Единому Истинному Учителю жизни.

— Просвѣтимся торжествомъ,—умиленно пѣли пѣвчіе, и другъ друга обнимаемъ. Рцемъ: братіе...

И опять раздались мощные, захватывающіе аккорды:

— Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ.

Началось христосованье. По всему храму раздавались звуки поцѣлуевъ. Дарили другъ другу яйца, говорили теплыя, любовныя слова; на глазахъ у многихъ стояли слезы.

А хоры не хотѣли умолкать и въ сотый разъ, такъ же какъ и въ первый, восхищенно пѣли:

— Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ...

И колокола продолжали благовѣствовать „радость велию“, и благовѣсту ихъ отвѣчали горы за рѣкой, лѣсъ и колокола въ сосѣднихъ церквахъ. По всему міру звучала радость, и говорили мужики, что когда, въ концѣ заутрени, изъ за розовыхъ облаковъ выглянуло солнышко, то заиграло.

. . . . .

— Рѣшилъ!—весело говорилъ учитель женѣ за вечернимъ чаемъ, когда черезъ дверь на балконъ врывались еще солнце и колокольный звонъ, и видно было, какъ разодрѣтые въ яркіе наряды дѣвушки и парни гуляли по селу.

— Какъ? Рѣшилъ?—обрадовалась жена:—рѣшилъ поступить въ священники?

— И прошеніе уже написалъ...

— Это интересно. Ну же, прочитай...

Учитель досталъ тщательно сложенный листъ съ прошеніемъ Архіерею. Оно было кратко и говорило только о желаніи послужить священникомъ. Рядомъ съ подписью стояла приписка:

— ... апрѣля, Свѣтлое Христово Воскресеніе.

— Этого не пишутъ въ прошеніяхъ,—замѣтила жена.

— Ничего,—съ улыбкой говорилъ мужъ:—это у меня само собой какъ то вышло. Отъ избытка сердца. Ничего. Архіерей эту вольность простить...

— Рѣшилъ, рѣшилъ!—говорила жена, —пытливо глядя мужу въ глаза:—наконецъ то... Милый!

Послѣ вечерни, когда на землю надвигались влажные сумерки и село стало стихать, учитель съ женой шли по высохшей тропинкѣ вдоль широко разлившейся рѣки. Въ сыромъ воздухѣ пахло распускающимися почками тополей. Тихо было. Въ блѣдно-розовый цвѣтъ было окрашено все лучами багровѣющаго солнца, и такъ красиво было тамъ, вдали, гдѣ розовая полоска воздуха сливалась съ синей стѣной молодѣющаго лѣса.

— Звонить перестали,—говорилъ учитель,—а у меня въ ухахъ все еще звонъ стоитъ.

— И у меня тоже,—отвѣчала жена.

— Когда я былъ маленькимъ,—продолжалъ учитель,—мнѣ казалось, что этотъ звонъ въ ухахъ—отзвукъ небснаго звона. Я тогда думалъ, что на землѣ у насъ Пасха бываетъ разъ въ году, а на небѣ—всегда, и вотъ иногда мы слышимъ оттуда праздничный звонъ, а по ночамъ видимъ праздничные огни—звѣзды... Нашъ звонъ смолкаетъ, наши огни догораютъ, а на небѣ—вѣчный праздникъ, вѣчные огни и...

— А вѣдь это такъ и есть!—убѣжденно сказала жена.

— Такъ и есть? Ахъ, дорогая!.. Съ тобой легко идти къ этимъ вѣчнымъ огнямъ...

Они шли впередъ по узкой тропинкѣ вдоль широко разлившейся рѣки и задумчиво смотрѣли передъ собою вдаль.

По небу одна за другой вспыхивали яркія звѣзды...

Николай Колосовъ.

Святые дни въ селѣ при Волгѣ.

(Изъ воспоминаній о наводненіи, бывшемъ въ 1908 году).

„Волга тронулась“!

Съ быстротою молніи пробѣжала эта магическая вѣсть, радостная и тревожная, по всему прибрежному селенію. Дѣти и взрослые бросились на берегъ: одни—ловить рыбу и такимъ образомъ что-либо заготовить къ своему скудному столу въ приближающіеся дни Пасхальнаго праздника, другіе—чтобы только посмотрѣть на разливъ царственной рѣки. Старожилы набожно крестятся, произнося слова напутствія и благожеланія начавшемуся великому движенію великихъ водъ: „пронеси ее Боже, только-бы безъ заторовъ, остановки и несчастій людскихъ“.

Скучная и однообразная жизнь села съ указаннаго момента чрезвычайно оживилась: „и старъ и младъ“ высыпали на улицу; всюду замѣчается необыкновенное движеніе. Какъ-то сами собой образовались агенты или развѣдчики, которые каждый часъ приносили извѣстія, сообщающія о состояніи Волги; то и дѣло раздаются голоса: „вылилась въ ручей, бѣжитъ въ залуку (заливной лугъ), ледъ идетъ стямши, т. е. сплошною стѣной“. Вечеромъ говоръ и шумъ слышатся не умолкая, и въ торжественной тишинѣ ночи гулъ, трескъ и глухіе удары разбивающихся льдинъ съ особенною силою отдаются въ сердцахъ готовящихся встрѣтить шаловливую и непостоянную гостью въ свои дома и убогія хаты. „На за-

валянкахъ“ то здѣсь, то тамъ идутъ оживленные разговоры и переключки, несутся остроты, вспоминаются прошлые годы, и частные эпизоды изъ жизни приволжскихъ сосѣдей въ устахъ какого-либо занимательнаго разсказчика приковываютъ къ себѣ особенное вниманіе слушателей. Предъ умственнымъ взоромъ послѣднихъ проходятъ „дѣла давно минувшихъ дней“. Вотъ грандіозный разливъ 1888 года. Живыя картины половеда воскресаютъ въ памяти крестьянъ, бывшихъ его свидѣтелями и очевидцами. Въ этотъ годъ рѣка вышла изъ береговъ съ такою непостижимой быстротой, что многіе рыболовы, увлеченные своимъ дѣломъ на берегу Волги, мгновенно оказались отрѣзанными отъ села, потому-что прилегающая къ послѣднему низина сразу была залита водой, хлынувшей изъ ручьевъ въ разныя стороны. Это случилось, какъ говорили потомъ, вслѣдствіе остановки ледохода, получившейся верстахъ въ десяти отъ даннаго мѣста ниже по Волгѣ. Въ результатѣ погибло много скота, а люди находились въ страшной опасности, отъ которой они избавились только благодаря тому, что вода такъ же скоро оставила залитую ею поверхность, какъ и заняла ее. Тысячу первый разъ, и всегда съ новыми отгѣнками, передаются событія, всемъ извѣстныя, но въ настоящее время приобретающія какую-то особенную важность и значеніе. Съ большимъ интересомъ слушается разсказъ про одного старичка-крестьянина, чуть было не погибшаго въ собственномъ домѣ въ тотъ памятный годъ. Живя одиноко на краю села, онъ находился на печи въ то время, когда такъ неожиданно пришла Волга. Разбуженный шумомъ волнъ, бушевавшихъ кругомъ избы, бѣдняга рѣшилъ узнать, въ чемъ дѣло: „кто тотъ злодѣй, который въ неурочный часъ, дерзко такъ и смѣло, вздумалъ нарушить старчества болѣзненный покой“. Но каково-же было его изумленіе, когда, поднявшись со своего теплаго ложа, онъ опустилъ ноги прямо въ воду. Послѣдняя была уже въ избѣ и грозила придти къ старичку на самую печь. Что дѣлать, куда дѣваться? Спасенія не видно ни

откуда. Вода застигла всѣхъ врасплохъ, и каждый спѣшилъ скорѣе убѣжать отъ столь коварнаго врага, думая лишь о себѣ и своей скотинѣ. Къ тому-же на улицѣ—темная ночь... Горячо помолившись Богу, злополучный домохозяинъ сообразилъ, что есть выходъ крещенному человѣку и въ эту критическую минуту: собравъ всѣ свои силы, онъ началъ поднимать „потолочину“, кое-какъ пробрался къ окошечку „подъ князькомъ“ и сталъ кричать о помощи, сколько хватило духу: услышали православные, и благодѣтельная лодка спасла его.—Въ такихъ воспоминаніяхъ незамѣтно проходитъ вечеръ перваго дня разлива. Кучки людей начинаютъ постепенно рѣдѣть. Оставшіеся крѣпко озабочены рѣшеніемъ самаго животрешущаго отнынѣ вопроса: „какъ-то успѣемъ, въ случаѣ заторной воды, выбраться изъ дома, отвести въ безопасное мѣсто скотину“. Наконецъ, и они мирно кончаютъ день поселанина и, условившись при первой тревогѣ оказать помощь другъ другу, расходятся по домамъ. Здѣсь многіе, взявъ Евангеліе или какую-либо другую семейную, по большей части церковно-славянскую, книгу, до „помянника“ включительно, считаютъ долгомъ записать на первомъ или послѣднемъ листѣ такую замѣтку—на память потомству: „въ 1908 году Волга тронулась 9 апрѣля“...

Ночью Волга поднялась выше береговъ, и начавшійся сильный вѣтеръ погналъ воду рѣки прямо на село, а на утро взорамъ сельчанъ сразу представилось двѣ Волги: одна, это главная и подлинная Волга, по которой сплошною массой шелъ ледъ, и другая—это та, которая шла параллельно первой по всей низкой плоскости между селомъ и берегомъ, по своей ширинѣ равная нормальной—лѣтней Волгѣ. Въ этотъ день—Великій четвергъ, и въ сельскомъ храмѣ были послѣдніе причастники, изъ которыхъ живущіе въ деревняхъ—на разстояніи 3—4 верстъ отъ села—немедленно-же послѣ службы спѣшили скорѣе возвратиться къ своимъ домамъ, справедливо опасаясь, что Волга можетъ отрѣзать имъ всякое сообщеніе со своими деревнями: еще сегодня рано утромъ

маленькіе ручейки сдѣлались многоводными; за отсутствіемъ мостовъ переправа черезъ нихъ становилась трудной и даже рискованной; многіе предпочли сдѣять обходъ лѣсомъ, прибавивъ лишнихъ пять—шесть верстъ, чтобы не оказаться гдѣ-либо жертвой водной пучины. При томъ-же еще только другой день отъ начала ледохода, а Волга уже „удвоилась“. На-завтра—Великая пятница, и многимъ не придется въ этотъ великій день быть въ своей родной церкви. По крайней мѣрѣ, женщины и дѣти будутъ лишены возможности пробраться изъ деревень по глубокимъ болотамъ, канавамъ и рытвинамъ—„колдобинамъ“, и на этотъ разъ должны будутъ предоставить полную свободу своимъ мужьямъ и отцамъ сходить въ храмъ и поклониться „насъ ради Распятому“.

Въ ожиданіи всевозможныхъ осложненій съ разливомъ, по причинѣ которыхъ въ храмъ можетъ быть затрудненъ доступъ со стороны Волги (западной), сельская администрація распорядилась разобрать рѣшетку на церковной оградѣ съ сѣвера и устроила импровизованный ходъ для богомольцевъ черезъ ограду. Важность наступающихъ великихъ дней вытѣснила изъ сознанія крестьянъ обычные—жизнейскіе интересы: весь день прошелъ въ размышленіяхъ о томъ, какъ-то Господь приведетъ встрѣтить грядущіе дни Святой Пасхи Креста и Воскресенія. Сельскіе рыболовы покинули свое кратковременное вчерашнее занятіе, потому-что, за невозможностію попасть на самый берегъ, виднѣющійся издали на подобіе длинной, но очень узенькой—черной полоски,—ловить рыбу было негдѣ. Нѣкоторые жители низкой части села уже выбрались на пригорку, куда постепенно—съ годами—выселялись ихъ сосѣди, образовавъ совершенно новую улицу. Но были люди, которые и теперь, послѣ многихъ уроковъ прошлаго, понадѣялись на русское „авось“, самообольщаясь тѣмъ, что Волга, „дойдя до двора, не взойдетъ во дворъ, взойдя во дворъ, не пойдетъ на крыльцо, придя на крыльцо, не откроетъ дверь въ избу, не сядетъ на лавку, не ляжетъ на печь“. Наконецъ, и эти послѣдніе, съ приближеніемъ

сумерекъ, начали совершать свое подневольное и нежелательное переселеніе на гористую мѣстность. Шумъ волнъ и вѣтра, ревъ и крики испуганной скотины, влекомой изъ насиженнаго мѣста, большею частію воднымъ путемъ, то тутъ—то тамъ мелькающіе фонари, отражающіеся въ водѣ, какъ-бы тонушіе и вновь загорающіеся,—все это въ цѣломъ оставляетъ тревожное и какое-то гнетущее впечатлѣніе. Чувствуется, что борьба со стихіей невозможна, что и для человѣка есть непредотвратимыя вещи и явленія, которыя господствуютъ надъ нимъ и которымъ онъ—парь природы—долженъ подчиняться. Находящіеся внѣ опасности и увѣренные, что она ихъ минуетъ, въ качествѣ простыхъ зрителей многозначительно смотрятъ на движущихся по водѣ людей и животныхъ, время отъ времени вставляя свое замѣчаніе по поводу нашей русской неподвижности,—подходятъ ближе къ самой водѣ, уже захватившей главную сельскую улицу,—ставятъ самодѣльные водомѣрчики, которыми опредѣляется степень прибыли на каждый часъ. Иногда, по окончаніи изслѣдованія, глубокомысленно и серьезно произносится: „Волга играетъ“, когда данными наблюденія показывается, что вода или поднимается выше намѣченнаго пункта или снова отступаетъ, т. е. какъ будто идетъ на убыль. Вторые сутки всколыхнутая жизнь крестьянъ понемногу затихаетъ къ ночи, и только часто повторяющіеся удары сторожевого колокола заставляютъ тревожно прислушиваться къ нимъ и спрашивать себя: „все-ли благополучно, ужь не набать-ли“?!

Прошло нѣсколько томительныхъ часовъ. Чуть замѣтные отблески свѣта на востокѣ говорили, что наступаетъ глубокое утро. Но вотъ раздался съ колокольни благовѣсть, необыкновенно звучный и плѣнительный въ это время,—благовѣсть, призывающій всѣхъ вѣрующихъ въ храмъ, чтобы поклониться Божественнымъ Страстямъ Господа.

Раннее утро. Небо, распростертое темнымъ ковромъ и усѣянное мириадами угасающихъ звѣздъ, Волга туманно-безбрежная, а среди нихъ громко и торжественно несущіеся

побѣденосные звуки благовѣста, — эта дивная картина глубоко волнуетъ душу.

Проснувшійся крестьянскій людъ спѣшитъ идти въ храмъ, группируясь около изготовленнаго наканунѣ новаго пути съ сѣверной стороны его. Многіе съ большимъ искусствомъ и ловкостію пробираются къ церковной оградѣ черезъ тонкія и длинныя „жерди“, на подобіе воздушныхъ мостиковъ наскоро перекинутыя черезъ канаву, замѣтно полнѣющую съ каждой минутой. Другіе пріѣхали верхомъ на лошадахъ, вводя послѣднихъ „по-водя“ въ церковную ограду и привязывая ихъ къ деревьямъ на время службы.

Въ храмѣ кругомъ еще темно. Какая-то грустная пелена подернула собою все его своды и уголки. Самые лики святыхъ какъ-бы закрылись отъ взора людей, сошедшихся „на Голгофскій позоръ, чтобы видѣти кончину Творца всяческихъ“. Только здѣсь, въ центрѣ храма около громаднаго Распятія, — цѣлый потокъ свѣта. Посильными приношеніями тружениковъ земли украшенный Животворящій Крестъ Христовъ, весь въ цвѣтахъ и лентахъ, высоко поднимается къ небу, и кажется, что Ликъ Неземного Страдальца ниспосылаетъ миръ и благословеніе всемъ, съ любовью почитающимъ Его Божественныя Страсти. Началась служба, единственная въ году, исполненная необыкновенныхъ благодатныхъ ощущеній. Умильно запѣлъ крестьянскій хоръ незабвенный тропарь: „Егда славнии ученицы“... Весь народъ подпѣваетъ хору, не нарушая гармоническаго единства въ исполненіи... Читаются Евангелія... Храмъ обливается свѣтомъ отъ множества свѣчей богомольцевъ, который, въ промежуткахъ между чтеніями, опять сосредоточивается на Распятіи, какъ-бы въ знакъ того, что человекъ не можетъ вмѣщать въ себѣ всего Евангельскаго свѣта; наша жизнь являетъ смѣну дней радости и горя, свѣтлыхъ дней праздника и дней грѣха, паденія и покаянія: этими двумя противоположностями невидимо и таинственно отображается въ жизни людей Крестъ Христовъ. Но вотъ уже прочитано и послѣднее Евангеліе о запечатаніи Гроба Жив-

нодавца. Надъ душою присутствующихъ прозвучаль послѣдній напѣвъ свѣтоносной стихирѣ: „Искупилъ ны еси отъ клятвы законныя...“, прозвучаль и слился съ торжественнымъ „краснымъ“ звономъ, знаменующимъ собою конецъ службы, посвященной трогательному воспоминанію всего того униженія и позора, на который „подвигся человѣкъ къ своему Богу, воздвигнувъ на Него пята свою“.

Кончилась служба. Народъ началъ выходить изъ храма. Но, Боже, что сдѣлала Волга! Выхода съ церковной паперти нѣтъ во всѣ стороны. Храмъ, построенный въ видѣ корабля, въ настоящую минуту оправдываль свое назначеніе не только въ мистическомъ, но и въ реальномъ смыслѣ этого слова. Церковь — корабль казалась плавающей по Волгѣ. Необозримая водная ширь открывалась взору вышедшихъ изъ храма. На западѣ небосклона творилось что-то необычайное. Оттуда надвигалась сплошная стѣна тучъ: она грозно застилала горизонтъ изъ края въ край и медленно приближалась къ зениту. Эта воздушная гора безмолвно и всею своею массою росла въ высоту и ширину. Эти надвигающіяся тучи, еле замѣтныя въ своемъ поступательномъ движеніи, производили грозное и зловѣщее впечатлѣніе. Блѣдное солнце—безъ лучей—болѣзненно выглядывало изъ полупрозрачнаго тумана. Туча заволокла половину небснаго свода. Какъ будто наступало торжество мрака. Казалось, будетъ ночь среди бѣлаго дня. Въ самой природѣ находила себѣ отраженіе Великая пятница, и слова церковнаго пѣснопѣнія: „Да молчитъ всякая плоть человѣка...“, — какъ нельзя болѣе гармонировали съ окружающей дѣйствительностію. Къ церковной паперти подавались плоты и лодки наскоро организованной дружиной гребцовъ и перевозчиковъ. Всѣ говорили, что разливъ принялъ огромные размѣры,—незапамятные. Въ самомъ дѣлѣ, прошло какихъ-нибудь два часа отъ начала службы, а воды прибыло настолько, что храмъ оказался совершенно отрѣзаннымъ отъ села, вдоль котораго могли свободно совершать рейсы большая лодка и грандіозный плотъ. Когда всѣ бо-

гомольцы благополучно были переправлены къ своимъ домамъ, немногіе, оставшіеся въ храмѣ, занялись приготовленіемъ къ Великой вечернѣ. Поднявшійся вѣтеръ быстро разсѣялъ гнетущій мракъ, и часамъ къ девяти утра небо, походившее до сихъ поръ на аспидную доску, приняло постепенно сѣрый, бѣлый и, наконецъ, голубой цвѣтъ. Проглянуло солнце, и свѣтлые—животворные лучи его, проникнувъ въ домъ Божій, наполнили сердца присутствующихъ трепетнымъ предчувствіемъ наступающихъ великихъ минутъ искупительнаго плача о грѣхахъ своихъ предъ Животнымъ гробомъ; сознание говорило, что здѣсь—предъ Святою Плащаницею—все соединится въ братской молитвѣ за грѣшный міръ, и свѣтъ отъ Востока всехъ озаритъ своею благодатною силой, возрождающей насъ въ грядущую, духовно-радостную жизнь. Въ это время въ храмѣ совершались Царскіе Часы; за трудностями переправы было мало богомольцевъ.

Но вѣсть незамѣтно приблизилась минута, когда святою Церковью воспоминается снятіе со Креста Пречистаго Тѣла Господа для погребенія. Снова послышался призывный благовѣстъ колокола къ Великой вечернѣ. Сосѣднія села отвѣтили тѣмъ-же, и понеслись надъ многоводной рѣкой торжественно-печальные, мелодическіе звуки. Къ этой Великой вечернѣ крестьяне имѣютъ обычай приводить и приносить своихъ дѣтей для поклоненія предъ Плащаницей. И вотъ къ церковному входу стали приплывать цѣлыя семейства. Въ воздухѣ царили радость и оживленіе дѣтей, крайне заинтересованныхъ оригинальнымъ путешествіемъ; имъ вторили утопающіе въ синевѣ небесъ и громко поющіе жаворонки. Весеннее ослѣпительное солнце, казалось, пристально глядѣло на всю эту картину, какъ-бы оберегая своею теплотой такія существа, для которыхъ достаточно малѣйшаго холоднаго дуновенія вѣтра, чтобы прервать ихъ столь недавнее существованіе. Тянувшійся съ Волги вѣтерокъ былъ теплымъ и живительнымъ дыханіемъ весны. Плывшее по прозрачной синевѣ неба солнце бросало отвѣсные лучи. Теплота свѣта

проникла въ храмъ и передалась всѣмъ присутствующимъ. Началась Великая вечерня. Множество дѣтей дѣйствовало умиротворяющимъ образомъ на души взрослыхъ богомольцевъ,—вселяло увѣренность, что искупительная жертва, однажды принесенная за насъ на Крестѣ, примиряетъ всѣхъ съ Богомъ не по заслугамъ нашимъ, а ради „воздыханія этихъ невинныхъ младенцевъ“. Послѣ чтенія Апостола и Евангелія о страданіяхъ, смерти и погребеніи Иисуса Христа и ектеніи со стихирами, изъ алтаря выносятся на средину храма Св. Плащаница... Вотъ запѣли трогательный канонъ Сумеона Логофета, такъ называемый „на плачь Пресвятой Богородицы“, въ святыхъ тропаряхъ котораго Церковь влагаетъ въ Ея Пречистыя уста скорбныя слова, могущія исходить только изъ глубины уязвленнаго материнскаго сердца, при видѣ Сына Своего и Бога „мертва и бездыханна“. Души вѣрующихъ охватываетъ глубокое волненіе: многіе не въ состояніи удержаться отъ слезъ. Сердца вѣрныхъ слились съ плачемъ Церкви и Пречистой Матери, зовущей всѣхъ присоединиться къ Ея скорби такими словами: „срыдайте Ми и сплачитесь горько: се бо Свѣтъ Мой сладкій и Учитель вашъ гробу предается“...

Исполненъ христіанскій долгъ. Матери и дѣти возвращаются тѣмъ-же способомъ изъ храма. Опять та-же Волга, то-же солнце! Въ то время, какъ послѣднее продолжало расточать свои жгучія ласки,—первая выражала тихій ропоть, который въ данную минуту хочется сравнить съ колыбельною пѣснью матери, убаюкивающей свое дитя... Чѣмъ ближе къ вечеру, тѣмъ становится свѣжѣе: сырость начинаетъ ощущаться больше и больше. Въ виду трудностей сообщенія съ храмомъ, на приходскомъ совѣтѣ послѣдовало такое рѣшеніе: „завтра, въ Великую субботу, утреню совершать не въ часъ по-полуночи, а часа въ три—четыре утра, т. е. съ разсвѣтомъ, что дастъ возможность свободнѣе обращаться со всѣми препятствіями, которыя можетъ сдѣлать Волга, продолжающая идти на прибыль въ среднемъ на олинѣ

вершокъ въ часъ, по точному наблюденію“. „Кто знаетъ: можетъ случиться такой подъемъ воды, что она проникнетъ въ храмъ и о томъ, чтобы войти въ него, нельзя будетъ и думать“. Съ этою мыслію всё печально возвратились въ дома свои послѣ Великой вечерни.

Утро Великой Субботы.

Темная ночь спустилась на землю. Взволнованная впечатлѣніями минувшаго дня душа долго не можетъ успокоиться. Въ легкой дремотѣ проходитъ часъ—другой наканунѣ того Великаго Дня, въ который „Единородный Сынъ Божій смортѣніемъ еже на смерть плотію субботствовалъ“. Но чу!.. послышался благовѣсть изъ сосѣдняго села, расположеннаго на высококомъ правомъ берегу рѣки. Согласно нашему рѣшенію съ прихожанами, мы должны дожидаться разсвѣта. Между тѣмъ время показываетъ еще только одинъ часъ по-полуночи и, слѣдовательно, наступило самое глубокое—раннее утро. Въ селѣ многіе не спятъ, что замѣтно по тѣмъ огонькамъ въ домахъ, которые мелькаютъ и вздрагиваютъ при каждомъ движеніи обитателей послѣднихъ. Небольшой вѣтерокъ, едва замѣтная зыбь на черной—водной поверхности—не нарушаютъ величаваго спокойствія Волги, и отливъ уже давалъ себѣ предчувствовать. Въ началѣ третьяго часа утра къ церкви проплылъ первый плотъ. Съ сознаниемъ глубокой важности переживаемыхъ святѣйшихъ событій приблизились мы къ святынѣ народнаго сердца—храму. У дверей его, на паперти, уже дожидалась кучка богомольцевъ. Тихо вошли первые христоклѣбцы въ свою родную церковь, въ ея примракѣ вспоминая Іерусалимъ, Голгофу, Геѣсиманію. Вокругъ Плащаницы на уготованныхъ мѣстахъ тотчасъ-же зажглось нѣсколько свѣчей, къ которымъ вновь прибывающіе спѣшили добавить свои, выражая этимъ любовь къ „Умершему насъ ради“. Усердные простецы, приближаясь къ Св. Плащаницѣ, съ поучительнымъ благоговѣніемъ молятся и съ любовію лобизаютъ Пречистыя Язвы Господа. Послышался погребаль-

ный благовѣсть колокола. Когда храмъ уже достаточно наполнился людьми, имѣвшими возможность преодолѣть всѣ препятствія сообщенія, началась незабвенная Божественная Утреня. Вотъ окончилось шестопсалміе. Произнесена великая эктенія. Раздалось умиленное пѣніе хора: „...Благообразный Іосифъ“... Отверзлись царскія врата. Совершается каждое, а хоръ поетъ: „Егда снизшелъ еси къ смерти Животе Безсмертный“... „Мироносицамъ женамъ при гробѣ представъ Ангелъ вопіяше“... Весь храмъ освѣтился огнями. Благоговѣнною мыслию вѣрующіе углубляются въ пѣніе и чтеніе „непорочныхъ съ похвалами“ Умершему и Погребенному. Дивныя „статіи“ окончились; запѣли тропари: „Ангельскій соборъ удивися, зря Тебе въ мертвыхъ вмѣнившася“... „Волною морскою“... зазвучалъ хоръ. Душа приходитъ въ возбужденіе. Пѣснопѣвцы приводятъ намъ на память древнія событія. Вотъ дѣти—потомки Израильтянь, спасенныхъ отъ ига фараонова, сокрыли нынѣ подъ землею Того, Кто волною морскою покрылъ въ древности преслѣдовавшаго мучителя. Но мы, какъ отроковицы, воспоемъ Господу, ибо Онъ торжественно прославился... Родныя, радостотворныя, священнѣйшія пѣснопѣнія! Сколько мысли, мира и чувства въ каждомъ звукѣ вашемъ! Кто изъ вѣрующихъ забудетъ эти чудныя пѣснопѣнія: сь ранняго дѣтства въ памяти глубоко запечатлѣвается ихъ Божественная мелодія! „Слава въ вышнихъ Богу“..., славословитъ хоръ. Припадая ницъ, молятся всѣ, повторяя текстъ „великаго славословія“. Сь захватывающимъ чувствомъ поется: „Святыи Боже“. Погребальныи звонъ колоколовъ наполнилъ своды храма. Люди предстоящіе и молятся, и плачутъ, прося у Господа всяческихъ „оставленія прегрѣшеній всѣмъ почитающимъ Его Божественныя Страсти“... За невозможностію совершить крестный ходъ вокругъ храма Св. Плащаница была обнесена вокругъ Св. Престола и возложена на прежнее мѣсто. Такъ закончилась эта дивная, достолюбезная утренняя.

Вечеръ Великой Субботы.

Часовъ въ девять утра послышалось радостное слово: „Волга убываетъ“! „Слава Богу—мы спасены“! Невольно передается эта счастливая вѣсть изъ усть въ уста. Всѣ энергично слѣдятъ за каждымъ отступательнымъ движеніемъ рѣки. Къ полудню убыло на три вершка. И только жестокой вѣтеръ нѣсколько нарушалъ гармонію всѣхъ охватившаго радостнаго чувства. Но и вода, безпредѣльная и какъ-бы раздраженная, еще набѣгала на дома, заливала закоулки, проникала внутрь жилого помѣщенія и снова выливалась назадъ, унося съ собою то, что, по непредусмотрительности какого-либо хозяина, „плохо лежало“ въ его дворѣ или даже и въ самой избѣ. Комки пѣны мелькаютъ въ воздухѣ, словно клочья бѣлой шерсти, раздуваемой вѣтромъ. Чѣмъ ближе къ вечеру, тѣмъ болѣе грозитъ разыгратъ буря на Волгѣ. Мысль стремится угадать тѣ драматическія картины, которыя, вѣроятно, происходятъ въ большомъ количествѣ и разнообразнѣйшихъ формахъ на всемъ протяженіи разлива этой многоводной рѣки. Сколько бѣдъ и горя несетъ она людямъ во время половодья, сколько жертвъ на днѣ ея погребено!

Вечеръ, отъ окончанія литургіи до полуночи, по церковному Уставу, вѣрующіе должны проводить въ храмѣ, не расходясь по домамъ, въ постѣ и слушаніи Слова Божія (89 пр. VI Всел. Собора). И вотъ, какъ-бы въ соотвѣтствіе съ этимъ правиломъ, побуждаемый мѣстными критическими обстоятельствами, народъ заблаговременно сталъ направляться къ церкви, готовясь къ встрѣчѣ спасительнаго Христова Воскресенія. Живущіе въ деревняхъ крестьяне еще засвѣтло приплывали на лодкахъ въ село. Одѣтые по праздничному, съ яркими красками нарядовъ, представляющихъ собою смѣсь вкусовъ города и деревни,—люди всякаго пола и возраста трогательно направлялись къ храму, имѣя лодки нагруженными всевозможными яствами: подъ разноцвѣтными платками скрывались куличи, творожныя пасхи, яйца и другіе сырные

продукты. Отъ церкви то и дѣло приплывали въ село плоты и лодки, возвращаясь обратно съ богомольцами, направляющимися въ храмъ же изъ сельскихъ домовъ. Съ наступленіемъ темноты картина движенія вокругъ храма пріобрѣтала особенную прелесть: многочисленные и разноцвѣтные огоньки мелькали во всѣхъ направленіяхъ. Нѣтъ сна, нѣтъ скорби въ эту „спасительную, всепраздненственную и свѣтозарную ночь“, „ибо возсталъ Христось—веселіе вѣчное“!

Въ половинѣ 12-го часа началась полунощница... Гдѣ-то далеко-далеко слышались удары въ колоколь... Проходить нѣсколько выжидательныхъ минутъ... Но вотъ благовѣсть начала и на мѣстной колокольнѣ. Вздогнула вся церковь, народъ мгновенно оживился: всѣ крестятся... Крестный ходъ вышелъ на паперть. Немногіе счастливыцы могли видѣть первую минуту церковнаго—пасхальнаго „начала“: выхода на замлю еще не было. Съ плотовъ и лодокъ ярко и красиво освѣщена была группа людей съ иконами и хоругвями въ рукахъ.

„Христось воскрес!“—раздалось въ притворѣ, пронеслось надъ великой рѣкой, принесено было въ храмъ... „Христось воскрес!“—говорятъ роднымъ своимъ, лежащимъ въ могилкахъ, теперь залитыхъ водою, возвращающіеся усердные богомольцы, плывя мимо церковнаго погоста. „Христось воскрес!“—всѣ шлютъ привѣтъ не бывшимъ у Свѣтлой Утрени по старости, по болѣзни или по другой како-либо нуждѣ.

„Христось воскрес!“—Привѣтъ и Вамъ, дорогой нашъ читатель.

Священникъ *Василій Бажановъ*.

Первый день Пасхи въ старой Москвѣ во времена патріарховъ¹⁾.

Литургія въ Великую субботу, соединяемая съ вечернею, оканчивалась въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ въ старину, въ эпоху патріарховъ, поздно, да и начиналась она въ 1 часть и даже въ 2 по-полудни. По окончаніи литургіи, въ распоряженіи патріарха было, однако, нѣкоторое время для отдыха до повечерія.

Въ 5 часовъ вечера („за часъ до ночи“) раздавался на колокольнѣ Ивана Великаго благовѣстъ къ *повечерію*, въ одинъ изъ большихъ соборныхъ колоколовъ (въ „лебедь“, или въ „новгородскій“). Когда патріархъ приходилъ въ соборъ, на колокольнѣ звонили въ два колокола, и очередной іерей („недѣльный пощъ“), не дожидаясь прихода въ церковь царя, благословлялъ начало повечерія. На повечеріи пѣли канонъ съ ирмосомъ, на 6. По отпустѣ повечерія, соборный протопопъ начиналъ чтеніе *Дъяній*. За протопопомъ читалъ протодіаконъ, потомъ соборные священники и діаконы. „А патріархъ сидитъ на своемъ мѣстѣ, и власти²⁾ сидятъ же по мѣстамъ“.

По прочтеніи Дъяній, очередной іерей облачался съ діакonomъ въ бѣлыя ризы и начиналъ *полунощницу*. Особого звона на полунощницу не полагалось. По третьей и шестой

¹⁾ Настоящая статья представляетъ описаніе службъ церковныхъ и другихъ обрядовъ на Пасху, какъ тѣ и другіе изображены въ изданныхъ въ 1907 г. проф. А. П. Голубцовымъ „Чиновникахъ Московскаго Успенскаго Собора“ (см. „Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ“ 1907 г. кн. 4 и отдѣльной книгой: „Чиновники Московскаго Успенскаго Собора и выходы патріарха Никона“, М. 1908 г., с. 123—130), и служить дополненіемъ къ раиѣ напечатаннымъ въ „Р. д. с. п.“ статьямъ: „Пасхальная заутреня“—1905 г. т. I, с. 402—422, „Литургія въ первый день Пасхи“—1906 г. т. I, с. 375—386 и „Вечерня въ первый день Пасхи“—1908 г., т. I, с. 363—373.

²⁾ „Власти“—архіерей.

пѣсни канона Великой субботы, поемаго на 12, читались положенныя въ уставѣ чтенія. По девятой пѣсни—трисвятое, Отче нашъ, тропарь: „Егда свиде“, ектенья и отпустъ субботній.

Тогда выходять на средину храма къ „гробу Господню“, покрытому плащаницею, соборный протопопъ и соборное духовенство въ бѣлыхъ ризахъ съ кадилами, съ витыми свѣчамп, съ рипидами и крестами. Приближаются патріархъ и съ нимъ власти въ мантияхъ, и „подъемлютъ съ патріархомъ власти гробъ Господень на главы“. При кажденіи оиміама, патріархъ относитъ гробъ Господень на обычное его мѣсто и, покрывъ покровомъ, отходить въ свою келлію, или въ церкви ожидаетъ благовѣста къ заутренѣ.

До благовѣста, соборные ключари дѣлаютъ необходимыя приготовленія къ пасхальной службѣ: приказываютъ сторожамъ поставить на свое мѣсто, противъ царскихъ вратъ, амвонъ, сами ставятъ аналой для иконы Воскресенія Христова, находящейся въ покояхъ патріарха и на Пасху приносимой оттуда въ соборъ ¹⁾, и для евангелія. Аналой покрываются цвѣтными пеленами съ вышитыми на нихъ серебромъ крестами. Всю церковь ключари приказываютъ сторожамъ вымести, предварительно „попрыскавъ“, вѣроятно—душистою „Гуляфною водкою“, которая употреблялась въ подобныхъ случаяхъ въ Успенскомъ соборѣ ²⁾.

¹⁾ Икона имѣла „окладъ чекашный, съ жемчуги“.

²⁾ Эта „Гуляфная водка“, при разбрызгиваніи и испареніи освѣжающая воздухъ и вообще, по своему составу, благотворно вліяющая на дыхательные органы, приготовлялась въ аптекѣ, и туда, въ случаѣ надобности, соборные ключари посылали за нею, какъ и за душистыми курительными травами и другими благовонными веществами. Наканунѣ, напр., Троицына дня въ соборномъ „Чиновникѣ“ сдѣлана замѣтка: „въ субботу поутру послать въ аптеку по гуляфную водку и травы взять, сколько дадутъ (и бывають сборы)“, с. 226—227; наканунѣ 1 августа: „послать сторожа въ аптеку взять гуляфной водки стеклянца, да травъ и цвѣтовъ всякихъ“, с. 230; наканунѣ Успенія: „послать въ аптеку взять гуляфной водки стекляница, да свѣчь благовонныхъ, да травъ и духовъ всякихъ“, с. 231.

Въ одиннадцатомъ или въ двѣнадцатомъ часу ночи ударили въ самый большой соборный колоколъ къ *заутренѣ*. Благовѣстили „довольно“, до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ царскій выходъ изъ дворца въ соборъ. Ранѣе прихода царя, въ соборъ приходилъ патріархъ съ властями и облачался въ алтарь. Когда все оказывалось готово къ началу службы, патріархъ посылалъ вѣсть о томъ въ дворецъ чрезъ крестоваго дьяка. А тѣмъ временемъ, ключари приготавливали ризу Господню и отдавали приказаніе зажигать свѣчи по всей церкви.

Въ сопровожденіи придворной свиты и бояръ, царь шествовалъ въ соборъ къ заутренѣ при колокольномъ, иногда, звонѣ. Войдя въ соборъ, царь прикладывался къ иконамъ и къ ризѣ Господней и становился у патріаршаго мѣста. Патріархъ выходилъ изъ алтаря и преподавалъ царю благословеніе.

При торжественномъ звонѣ всѣхъ колоколовъ начинался, затѣмъ, *крестный ходъ*. Впереди несли хоругвь, четыре рипиды, крестъ хрустальный, крестъ „писмянный“ и, иногда, запрестольный образъ Богородицы. Два священника несли на пеленахъ святыни: одинъ евангеліе, а другой—икону Воскресенія Христова изъ келліи патріарха. Подьяки шли съ витыми свѣчами, съ подсвѣщниками и съ лампадою. Пѣвчіе „государевы царевы и патріаршіе“ пѣли: „Воскресеніе Твое, Христе Спасе“. Патріархъ съ властями и со всѣмъ духовенствомъ выходитъ изъ собора въ сѣверныя двери и направлялся къ западнымъ, идя, такимъ образомъ, „по единой странѣ церкви“. Царь не сопровождалъ процессію, но выходилъ изъ собора, съ боярами и съ народомъ, въ западныя и, въ ожиданіи прихода сюда духовенства, становился у дверей съ правой стороны. Тѣмъ временемъ, соборные ключари „церковныя двери затворяютъ и людей всѣхъ (изъ церкви) вонъ вышлютъ“. Патріархъ во главѣ крестнаго хода подходилъ къ затвореннымъ западнымъ дверямъ собора и останавливался здѣсь. Духовенство съ образами, крестами и

риндами размѣщалось въ порядкѣ, „хребтомъ къ дверемъ“. Ключари давали знакъ („свѣчею велятъ ключари замахати“), и звонъ на колокольнѣ прекращался. Тогда патріархъ бралъ возженные свѣчи и начиналъ раздавать ихъ государю, боярамъ и властямъ. По раздачѣ свѣчей, патріархъ принималъ крестъ съ кадиломъ и кадилъ иконы, государя, бояръ, властей и весь народъ. Потомъ, обратясь лицомъ къ востоку, патріархъ возглашалъ: „Слава святѣй единосущнѣй животворящей и нераздѣлимѣй Тройцѣ всегда, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ“. Клирики отвѣчали: „аминь“, и начиналась пасхальная *заупрениа*.

Между тѣмъ, одинъ изъ ключарей ставилъ у западнаго угла собора или у Грановитой палаты сторожа съ биломъ, а самъ, со свѣчею въ рукѣ, становился у западныхъ дверей собора, съ правой стороны, возлѣ столба. Такія приготовленія дѣлались для того, чтобы своевременно можно было подавать знаки на колокольню относительно начала и прекращенія звона при патріаршихъ возгласахъ.

Другой ключарь внутри собора приготовлялъ аналон и пелены для евангелія и образовъ.

Когда клирики на начальный возгласъ патріарха отвѣтятъ: „аминь“, патріархъ поетъ: „Христось Воскресе“. Патріархъ поетъ этотъ пасхальный тропарь дважды весь до конца, а третій разъ поетъ его до половины; правоклиросные пѣвчіе оканчиваютъ тропарь и послѣ этого на оба клироса начинаютъ пѣть: „Христось Воскресе“ 18 разъ. Патріархъ произноситъ стихи къ тропарю, и тутъ то ключарь машетъ, по числу стиховъ, свѣчею, а сторожъ, соотвѣтственно этому, ударяетъ въ доску. На колокольнѣ отвѣчаютъ ударами въ колоколь. Когда патріархъ пропоетъ половину тропаря въ послѣдній разъ, и пѣвчіе закончатъ тропарь, — „крестомъ отверзаютъ патріархъ двери“ и, при многочисленныхъ ударахъ въ било и продолжительномъ звонѣ всѣхъ колоколовъ на колокольнѣ Ивана Великаго, входитъ съ духовенствомъ въ соборъ. За нимъ входитъ царь съ боярами и народомъ. Па-

тріархъ, окруженный духовенствомъ, становится на уготованномъ среди собора мѣстѣ съ крестомъ въ рукѣ; предъ нимъ—аналой съ евангеліемъ и иконами, около которыхъ всю заутреню стоятъ подъяки съ витыми свѣчами и лампадой. Царь не восходитъ на свое царское мѣсто, но становится у праваго западнаго столба „на своемъ подножїи, на рундучкѣ триступенномъ, противъ патріарха; а подножіе то обито червчатымъ бархатомъ“.

Архидіаконъ произноситъ великую ектенію.

Послѣ ектенїи, „патріархъ начнетъ самъ высокимъ голосомъ: „Воскресенїя день“—прмось канона. „На клиросѣ пѣвчіе дьяки прмось примуть и поють канонъ по уставу“. Въ это время звонъ на колокольнѣ прекращается. Патріархъ совершаетъ кажденіе вокругъ аналоевъ и кадитъ, затѣмъ, церковь, государя, бояръ, властей и весь народъ. При кажденїи, предъ патріархомъ идутъ подъяки съ двумя витыми свѣчами и съ лампадой и архидіаконъ съ свѣчею, а протодіаконъ и діаконъ поддерживаютъ патріарха подъ руки. Въ томъ же порядкѣ кадятъ, въ свое время, сослужащїя съ патріархомъ власти. Возгласы на ектеняхъ дѣлаетъ сначала патріархъ, а потомъ дѣлаютъ власти. По третьей пѣсни канона соборный протопопъ въ ризахъ читаетъ положенное по уставу чтенїе; по шестой—читаетъ діаконъ.

Когда начинается пѣніе „Плотїю уснувъ“, діаконы относятъ евангеліе съ середины церкви въ алтарь, а ключари переставляютъ аналой, на которомъ лежало евангеліе, къ патріаршему мѣсту, чтобы положить на этомъ аналоѣ образъ праздника, вынесенный изъ алтаря, для поклоненїя государю. „И какъ пѣвчіе стихирь начнутъ пѣти на хвалитехъ, патріархъ съ властями пойдетъ въ алтарь и становится тамъ за престоломъ“. Совершается обрядъ христосованїя. Патріарху подносятъ на блюдѣ золотой крестъ. Двумъ митрополитамъ подносятъ евангеліе и икону Воскресенїя Христова. Прочимъ сослужащимъ съ патріархомъ властямъ и священникамъ вручаютъ иконы. „И стануть по ряду въ алтарѣ, а патріархъ

съ крестомъ. И тогда патріархъ прикладывается къ святымъ иконамъ и цѣлуетъ во уста всѣхъ и глаголетъ: Христось воскресе! И отвѣщаютъ всѣ: Воистину воскресе Христось! И даетъ (патріархъ) по яичку, по червленому. И по немъ пойдуть власти, по тому же чину творять“.

Совершивъ обрядъ цѣлованія въ алтарѣ, патріархъ выходитъ на средину церкви и благословляетъ царя крестомъ. „И поидеть государь царь прикладыватися ко святымъ иконамъ и жалуется, даетъ по два яичка. И по немъ пойдуть бояре и весь народъ“.

Патріархъ возвращается въ алтарь и, затѣмъ, въ царскихъ дверяхъ алтаря начинаетъ читать поученіе на Пасху, обратясь лицомъ къ народу. „А государь слушаетъ, стоя близъ царскихъ дверей. И какъ прочтетъ, глаголетъ ему (патріарху) государь царь: Много лѣтъ ти, владыко“!

Послѣ поученія,—ектенія и отпустъ заутрени. При отпустѣ, патріархъ благословляетъ крестомъ только государя, который, приложившись къ образамъ, идетъ изъ Успенскаго собора на поклоненіе въ Архангельскій соборъ и въ Благовѣщенскій ¹⁾. Въ Успенскомъ соборѣ „говоритъ діаконъ первый часъ“. Отпустъ на первомъ часѣ дѣлаетъ патріархъ.

По окончаніи утрени, до начала литургіи патріархъ ходитъ въ дворецъ съ крестомъ и святою водою. Патріарха сопровождаютъ власти. Поддьяки поютъ „Христось воскресе“, „Свѣтися, свѣтися“ и прочія положенныя пѣснопѣнія. „И пришедъ патріархъ предъ Золотую палату, и государь царь

¹⁾ Въ Архангельскомъ соборѣ почиваютъ царственные предки русскихъ государей. На поклоненіе ихъ гробницамъ и шель въ Архангельскій соборъ царь. Съ тою же цѣлью шель царь иногда и въ Вознесенскій монастырь, гдѣ хоронились царственные лица женскаго пола.

Можно еще прибавить, что предъ пасхальной утрени царь посѣщалъ заключенныхъ въ тюрьмахъ. Онъ обращался къ нимъ съ милостивыми словами: „Христось воскресъ и для васъ“! См. *П. Забѣлина*—„Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI—XVII ст.“. М. 1862 г., ч. I, с. 333 и дал. „Р. д. с. п.“ за 1906 г. т. I, с. 376—377.

встрѣтитъ его. И патріархъ государя царя благословитъ крестомъ, и водою святою кропитъ, и шапочку кропитъ же⁴. По входѣ въ Золотую палату, поддіаки поютъ: „Свѣтися, свѣтися“ и „Плотію уснувъ“. Патріархъ, взявъ крестъ, говоритъ: „Свѣтися, свѣтися“ и отпустъ. Поддіаки поютъ конешъ пасхальнаго тропаря: „и сущимъ во гробѣ животь дарова“. Благословивъ крестомъ государя, патріархъ отдаеть крестъ ключарю и, принявъ св. воду, совершаетъ окропленіе иконъ. „И сядутъ (царь и патріархъ) близъ себе и повелятъ властемъ сѣсти по правую сторону патріарха, а бояре сядутъ отъ государя по лѣвую страну. И посидѣвъ мало и воставъ, патріархъ пойдетъ къ себѣ и глаголетъ: Свѣтися, свѣтися, и отпустъ съ крестомъ, и благословляетъ государя крестомъ и кропитъ святою водою. И государь провожаетъ въ сѣни патріарха, и патріархъ десницею своею благословляетъ государя“.

По выходѣ изъ дворца, патріархъ благословляетъ благовѣстити къ *обѣднѣ*. Благовѣстити начинаютъ въ большой соборный колоколь „довольно“. Благовѣсть продолжается во все время часовъ и во время совершенія проскомидіи. прерываясь звономъ во всѣ колокола при выходѣ царя въ соборъ и оканчиваясь такимъ же звономъ „во вся“, „какъ начнутъ покрывати святая“ на проскомидіи.

Придя въ соборъ во время часовъ, царь прикладывается къ иконамъ, принимаетъ благословеніе и окропленіе св. водою отъ патріарха и становится на царскомъ мѣстѣ.

Литургія совершается вообще торжественно, но особенною торжественностью отличаются нѣкоторые ея моменты. Такъ, прежде всего, большою торжественностью обставляется чтеніе евангелія. Патріархъ принимаетъ участіе въ чтеніи евангелія. Онъ полагаетъ начало чтенія, стоя въ алтарѣ, на горнемъ мѣстѣ. За нимъ читаетъ на амвонѣ архидіаконъ¹⁾; по

¹⁾ На Пасху изъ ризницы выносилось евангеліе „большое, съ драгимъ каменіемъ“.

сторонамъ собора читають діаконы на особыхъ возвышеніяхъ. Пасхальное евангеліе читають по частямъ. „И гдѣ возгласить патріархъ“, ключарь стоящій на порогѣ „полуденныхъ“ дверей собора, „махнетъ единожды сторожу, и сторожь ударитъ въ доску единожды, а на колокольницѣ ударятъ въ колоколь поединожды; а на послѣднемъ возгласѣ архидіаконовѣ ключарь замашетъ много сторожу, и ударяетъ сторожь много же въ доску. И ударятъ вдругъ и учнутъ звонити во вся, часъ довольно, покамѣсть ектенью проговорять: Рцемъ вси“.

Торжественно и благолѣпно совершается великій входъ. На выходъ несутъ три дорогіе жемчужные воздуха (плащаницы) и два сребро-позлащенные „іерусалима“¹⁾. Иногда присоединяють сюда еще и покровы съ гробницъ святителей, почивающихъ въ Успенскомъ соборѣ: Петра и Іоны. Потиръ изъ зеленой яшмы. „И пришедъ“ въ алтарь, „полагають плащаницы на престолъ на всю недѣлю святую“.

Отпустъ литургіи творитъ патріархъ среди церкви. „И государя патріархъ благословляетъ (при этомъ) крестомъ, и поднесетъ государю царю просвиру“. Войдя въ алтарь, патріархъ разоблачается, а царь прикладывается къ иконамъ. Послѣ царя прикладывается къ иконамъ патріархъ, становясь затѣмъ на свое обычное патріаршее мѣсто. Протопопъ отъ придворнаго собора Благовѣщенія Пресв. Богородицы освящаетъ пасху и яйца. Государевы стольники подносятъ ее и

¹⁾ О „святозарномъ іерусалимѣ“ или „сіонѣ“, равно какъ и объ обычаяхъ выносить въ древней Руси на великомъ входѣ воздуха, плащаницы и покровы, прекрасныя разъясненія сдѣлалъ *А. П. Голубцовъ* на стр. 217—220 своего капитальнаго труда: „Соборные чиновники и особенности службы по нимъ“, первая половина изслѣдованія, М. 1907. Первоначально іерусалимы назначались для перенесенія въ нихъ агнца, а также и для храненія св. Даровъ (*Е. Е. Голубинскій*—„Исторія русской Церкви“, т. I, вторая половина тома, М. 1904 г., с. 174). Но потомъ они, какъ и воздуха, и плащаницы, и покровы, составили церемониальную принадлежность праздничнаго богослуженія, сообщая важному моменту литургіи, какимъ является великій входъ, еще большую торжественность своимъ блескомъ и великолѣпіемъ.

яйца, по освященіи, патріарху, и патріархъ „благословить“ государя царя пасхою и яичкомъ, да и самъ кушаетъ, и посемъ подаетъ бояромъ и діаконъ, и властемъ, и священникомъ“. Послѣ вкушенія пасхи, царь и патріархъ выходятъ изъ собора, царь идетъ во дворець, патріархъ — къ себѣ, въ келлію.

Но не долго патріархъ пребываетъ въ келліи. „Мало помедливъ, паки патріархъ придетъ отъ себе въ церковь соборную“, въ предшествіи поддіаковъ, съ свѣчами и съ пѣніемъ: „Воскресеніе Твое, Христе Спасе“. Очередной священникъ износитъ изъ алтаря артосъ, приеваемый на руки протодіакономъ, а съ аналоя ключарь беретъ образъ Воскресенія Христова на богатой пеленѣ. Съ артосомъ и иконой духовенство, имѣя во главѣ патріарха, направляется чрезъ полуденныя двери собора въ дворець, „къ государю за столъ“. Предъ патріархомъ идутъ поддіаки съ свѣчами и поютъ: „Христосъ воскресе“ и девятую пѣснь пасхальнаго канона: „Свѣтися, свѣтися“. На соборной колокольнѣ звонятъ во всѣ колокола.

Царь и бояры встрѣчаютъ въ сѣняхъ патріарха, окруженнаго соборомъ духовенства. „Святѣйшій“ благословляетъ царя, и всѣ идутъ въ столовую. Поддіаки оканчиваютъ пѣніе „Свѣтися, свѣтися“ и „Христосъ воскресе“. Патріархъ творитъ отпустъ.

Прежде, чѣмъ сѣсть за столъ, трижды поютъ „Христосъ воскресе“ и читаютъ „Отче нашъ“, „и благословить патріархъ трапезу, и сядутъ кушать у государя царя“.

По окончаніи трапезы, царь и патріархъ встаютъ изъ за стола. Встаютъ и всѣ присутствующіе. Поддіаки начинаютъ пѣть: „Христосъ воскресе“ трижды, „Свѣтися, свѣтися“, Слава: „Предваріша утро“, и нынѣ: „Аще и во гробъ сниде“. „Таже архидіаконъ возметъ блюдо съ артусомъ, и подыметъ вверхъ блюдо съ артусомъ трижды и глаголетъ: Христосъ воскресе! И поднесутъ артусъ государю царю, и государь царь артусъ поцѣлуетъ, и посемъ патріархъ, снемъ клубокъ,

цѣлуетъ артусъ. И отступивъ мало, держать блюдо съ артусомъ за столомъ, и власти и священники служащіе цѣлуютъ, снявъ скуфіи“.

Патріархъ съ духовенствомъ возвращается въ соборъ при звонѣ колоколовъ и при пѣніи „Свѣтися, свѣтися“. Въ соборѣ ключарь, или протодіаконъ, воздвизаетъ артусъ съ блюдомъ, возглашая: „Христось воскресе“! По воздвизаніи, артусъ передается недѣльному іерею въ царскихъ вратахъ, который относитъ его на жертвенникъ ¹⁾. „И потомъ патріархъ пойдетъ къ себѣ“. Вслѣдъ за патріархомъ, и прочее духовенство отправляется по своимъ домамъ на отдыхъ до вечерни.

Въ 3 часа дня благовѣстятъ къ *вечерни* въ большой колоколь. Вечерню служитъ патріархъ. Онъ съ властями приходитъ въ соборъ и облачается на своемъ мѣстѣ, среди церкви. Облачаются и власти. Ключари ставятъ среди церкви аналой для евангелія и аналой для иконы праздника. Звонъ во всѣ колокола обозначаетъ начало службы. Патріархъ начинаетъ на среднѣй церкви вечерню по уставу и совершаетъ вокругъ аналоевъ и по всей церкви положенное кажденіе. „И бываетъ выходъ съ евангеліемъ; а выходятъ черныя власти и возьмутъ его (патріарха) подъ руки, и идетъ въ алтарь“. Въ положенное время самъ патріархъ читаетъ евангеліе. Онъ же и отпускаетъ вечерню, благословляя крестомъ властей и весь народъ.

Послѣ вечерни поется по уставу *повечерница*, которою и оканчивается въ Успенскомъ соборѣ вечерняя служба въ первый день Пасхи.

Н. Пальмовъ.

---

¹⁾ О времени освященія артуса въ „Чинovníкѣ“ читается такое замѣчаніе: „молитву надъ нимъ (артусомъ) говорятъ на обѣднѣ въ самое дѣйство послѣ Агнца“ (с. 129).

ЗАМѢТКА.

Документъ, удостоверяющій несомнѣнность жизни и смерти Иисуса Христа.

Во второмъ приложеніи нѣмецкой газеты *Stelliner abend post* (Штетинская вечерняя почта) въ № 84 отъ 9 апрѣля 1909 года напечатано слѣдующее: „Недавно сдѣлано открытіе величайшей важности. Оно касается историческаго сообщенія относительно смерти І. Христа. Въ капеллѣ Казерты (in der Kapelle von Caserta) находится одна доска, надпись на которой имѣетъ громаднѣйшее значеніе для всего христіанскаго міра. Доска эта имѣетъ надпись на древнееврейскомъ языкѣ, изображающую текстъ смертнаго приговора, произнесеннаго намѣстникомъ Понтіемъ Пилатомъ. По переводу комиссіи французскаго „Общества Искусства“ въ Парижѣ приговоръ этотъ гласитъ слѣдующее: „Приговоръ, произнесенный Понтіемъ Пилатомъ, намѣстникомъ Нижней Галилеи, гласящій, что Иисусъ изъ Назарета долженъ понести смерть на крестѣ.—Въ семнадцатый годъ правленія Кесаря Тиберія и въ 25 день мѣсяца марта въ священномъ городѣ Іерусалимѣ, когда Анна и Каиафа (Anania und Kaiphas) были священникомъ и первосвященникомъ Божиимъ, Понтій Пилать, намѣстникъ Нижней Галилеи, сидя на президентскомъ стулѣ, приговариваетъ Иисуса изъ Назарета къ смерти на крестѣ между двумя преступниками, такъ какъ большія и достовѣрныя свидѣтельства народа говорятъ, что 1) Иисусъ—сворачиватель; 2) Иисусъ—вомутитель; 3) Иисусъ—врагъ закона; 4) Иисусъ—ложно именуется себя сыномъ Бога; 5) Иисусъ—ложно именуется себя царемъ Израиля; 6) Иисусъ вступилъ въ храмъ, окруженный толпой народа, несущаго въ рукахъ пальмовыя вѣтки;—и приказываетъ первому центуріону Квирилію Корнелію вести Его на мѣсто казни и воспрещаетъ всѣмъ, какъ бѣднымъ такъ и богатымъ людямъ, препятствовать смерти Иисуса. Свидѣтели, подписавшіе приговоръ противъ Иисуса, суть: 1) Данииль Робани, Фарисей; 2) Іоаннъ Зарабатель; 3) Рафаиль Робани; 4) Каперъ, Книжникъ. Иисусъ будетъ выведенъ изъ города черезъ Серенскія ворота (Särena)“.

На сторонѣ текста стоитъ заключеніе: „Подобная доска посылается каждому роду (колѣну)“. Но до сихъ поръ не сообщено, гдѣ эти доски-памятники и вообще уцѣлѣли ли онѣ. (Ставроп. е. вѣд.). _____ Серг. Никольскій.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 30-го марта 1911 г.

Цензоръ священникъ Николай Гроссу.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 17. Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1911-го года апрѣля 24-го дня.

Содержаніе: I. Къ вопросу о клятвахъ собора 1667 года. Н. Гумилевскій.—
II. Жили—были.. Свящ. В. Пестряковъ.—III. О чумной эпидеміи.
Препод. врачъ Городецкій.

Къ вопросу о клятвахъ собора 1667 года.

Вопросъ о клятвахъ собора 1667 г. имѣетъ важное значеніе въ современной противораскольнической полемикѣ. Убѣдившись въ невозможности доказать, что введенные патр. Никонѣмъ обряды содержатъ въ себѣ что либо еретическое, и что русская Церковь не имѣла права вводить эти обряды, раскольническіе начетчики стараются въ чемъ нибудь обвинить Православную Церковь, чтобы оправдать отдѣленіе отъ нея свое и своихъ предковъ. Однимъ изъ такихъ обвиненій и является указаніе на клятвы собора 1667 г., которыя будто бы были положены Церковью совершенно несправедливо и незаконно на старые обряды, ничего еретическаго въ себѣ не заключающіе; указываютъ начетчики и на то, что Православная Церковь будто бы стала въ явное проти-

ворѣчіе сама съ собою, дозволивши единовѣрцамъ употребленіе старыхъ обрядовъ, которые она сама предала анаемѣ. Православные полемисты вполне основательно отвѣчаютъ на эти обвиненія, что на соборѣ 1667 г. первые расколоучители и ихъ послѣдователи преданы анаемѣ не за содержаніе старыхъ обрядовъ, а за неповиновеніе законной церковной власти, о каковомъ неповиновеніи Самъ Спаситель говоритъ: „аще и Церковь преслушаетъ, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь“. Но какъ бы въ защиту раскольническаго мнѣнія выступаетъ проф. Н. Ѳ. Кантеревъ, специально изучающій эпоху дѣятельности патр. Никона и возникновенія раскола. „Соборъ 1667 г., руководимый восточными патріархами“, говоритъ онъ, „не только безусловно запрещаетъ употребленіе стараго обряда, но и налагаетъ соборную клятву, вѣчное отлученіе отъ Церкви на всякаго, кто бы впредь сталъ держаться обряда, налагаетъ клятву именно только за употребленіе стараго обряда, который ни подъ какимъ видомъ не долженъ существовать впредь въ Православной Церкви“¹⁾.

Для подтвержденія такого мнѣнія пр. Кантеревъ приводитъ два основанія. Прежде всего, онъ ссылается на то, что восточные патріархи, руководившіе соборомъ 1667 г., не были сами хорошо знакомы съ русскими богослужебными книгами и съ начинавшимся расколомъ (но патр. антиохійскій Макарій былъ раньше въ Москвѣ при патр. Никонѣ въ 1655 г. и тогда уже осудилъ двуперстіе), а потому находились подъ сильнымъ вліяніемъ архим. Діонисія грека, пробывшаго въ Россіи около 15 лѣтъ и приставленнаго къ патріархамъ въ качествѣ переводчика. Это вліяніе подтверждается тѣмъ, что нѣкоторыя соборныя постановленія буквально сходны съ мѣстами изъ рукописи архим. Діонисія. А послѣдній въ старыхъ обрядахъ, защищаемыхъ расколоучителями, усматривалъ тяжкія ереси, что видно изъ той-же

¹⁾ „Богос. Вѣстникъ“ 1911 г. № 2.—„Осужденіе соборомъ 1667 года русскаго старообрядчества“, 267 стр.

рукописи. Но приводимыя самимъ пр. Каптеревымъ выдержки изъ означенной рукописи достаточно разъясняютъ, въ какомъ смыслѣ архим. Діонисій могъ считать защитниковъ старыхъ обрядовъ еретиками. Архимандритъ говоритъ, напр., что двуперстное сложеніе неправильно выражаетъ ученіе о Пресв. Троицѣ, такъ какъ въ немъ Лица Пр. Троицы обозначаются раздѣленными пальцами—первымъ, четвертымъ и пятымъ и притомъ неравными: „зане есть единъ персть первый—болши, и четвертый -- менши, и пятый еще зѣло менше“¹⁾; посредствомъ ухищренныхъ и не вполне правдоподобныхъ толкованій, онъ старается усмотрѣть въ двуперстии и другія ереси. Относительно сугубой аллилуіи онъ говоритъ: „дважды аллилуіа таже: Слава Тебѣ, Боже, являетъ по вашему трижды Слава Тебѣ, Боже. Се трижды Слава Тебѣ, Боже, являетъ токмо Троицу, а единицу ни. Идѣже бо исповѣдуется Троица просто безъ единицы, разумѣется зло: зане вмѣнитя сія Троица три бози, а не единъ Богъ... Идѣже Троица и единица, православное есть исповѣданіе; и идѣже Троица безъ единицы, многобожіе еллинско есть“²⁾. Изъ этихъ и подобныхъ разсужденій ясно видно, что архим. Діонисій смотрѣлъ на обрядъ совершенно правильно, а не такъ, какъ Аввакумъ и другіе расколуучители, которые въ самомъ измѣненіи обряда видѣли печать антихристову; арх. же Діонисій усматривалъ ересь не въ обрядѣ самомъ по себѣ, а въ томъ догматическомъ ученіи, которое въ этомъ обрядѣ выражается, такъ что ошибка его заключалась лишь въ томъ, что онъ старымъ обрядамъ старался усвоить такое знаменованіе, котораго съ ними не соединяли сами защитники этихъ обрядовъ. Слѣдовательно, если восточные патріархи раздѣляли взглядъ архим. Діонисія, то они осудили старые обряды не сами по себѣ, а какъ неправильное и неточное выраженіе православной вѣры; относительно же единовѣрцевъ извѣстно, что они посредствомъ старыхъ обрядовъ выражаютъ истинное ученіе.

¹⁾ Тамъ же, 256 стр.

²⁾ Тамъ же, 258 стр.

Яснѣ всего отношеніе восточныхъ патріарховъ къ ревнителямъ старыхъ обрядовъ видно, конечно, изъ соборнаго опредѣленія 1667 г. Это опредѣленіе приводитъ и пр. Каптеревъ, какъ второе подтвержденіе вышесказаннаго имъ мнѣнія. Онъ особенно подчеркиваетъ то обстоятельство, что патріархи не ограничились подтвержденіемъ постановленія собора 1666 г., на которомъ присутствовали одни русскіе іерархи, а дополнили это постановленіе и на нарушителей его наложили анаѰему. Но приводимый пр. Каптеревымъ текстъ соборнаго постановленія 1667 г. такъ явно противорѣчитъ защищаемому профессоромъ мнѣнію, что прямо отказываешься понимать, какъ самъ онъ могъ не замѣтить этого противорѣчія. Указавши, какъ должны совершаться пререкаемые расколоучителями обряды, отцы собора, во главѣ съ восточными патріархами, продолжаютъ такъ. „Аще ли же кто не послушаетъ повелѣваемыхъ отъ насъ и не покорится святой восточной Церкви и сему освященному собору, или начнетъ прекословити и противитися намъ, и мы такового противника данною намъ властію отъ всесвятаго и животворящаго Духа, аще ли будетъ отъ священнаго чина, извергаемъ и обнажаемъ его всякаго священнодѣйствія и проклятію предаемъ, аще же отъ мірскаго чина (будеть), отлучаемъ и чужда сотворяемъ отъ Отца и Сына и Святаго Духа, и проклятію и анаѰемъ предаемъ, яко еретика и непокорника ¹⁾, и отъ православнаго всесочлененія и стада, и отъ Церкви Божія отсѣаемъ, дондеже уразумится и возвратится въ правду покаяніемъ“ ²⁾. Ясно, что анаѰема налагается здѣсь именно за неповиновеніе Церкви; когда рѣчь идетъ о догматическихъ разногласіяхъ, тогда требуется не только послушаніе, но и правая вѣра, что и выражается въ вѣроопредѣленіяхъ вселенскихъ соборовъ: кто не вѣруетъ согласно изложенному ученію, да будетъ анаѰема. Можетъ быть,

¹⁾ Курсивъ пр Каптерева

²⁾ Тамъ-же, 265—266 стр.

профессора смутило употребленное здѣсь слово *еретика*, которое онъ особенно подчеркиваетъ; но это слово достаточно объясняется какъ предшествующею рѣчью, такъ особенно стоящимъ рядомъ словомъ *непокорника*: невозможно же допустить, чтобы восточные патріархи были настолько невѣжественны, чтобы называть еретиками, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, людей, иначе складывающихъ пальцы для крестнаго знаменія и т. п.

Итакъ, рассматриваемая статья пр. Каптерева доказываетъ только, что и много-ученые мужи, подъ вліяніемъ какихъ либо предвзятыхъ взглядовъ, способны впасть въ заблужденіе.

Н. Гумилевскій.

Жили-были...

I

Широко и привольно раскинулось мѣстечко Бѣлыя Горы; казалось, природа полной пригоршней разсыпала здѣсь свои щедрые дары, желая устроить человѣку лучшій уголокъ для жилья. Разрѣвая глубокой черноземъ и широкіе луга, хлопотливо мчитъ мимо Бѣлыхъ Горъ свѣтлая воды говорливая рѣчка Рось. Въ старину, какой не запомнить и дѣды, отдѣлился отъ нея безпокойный сынъ Ротокъ; захотѣлъ онъ самъ посмотрѣть на широкій міръ Божій, на синее небо и дойти до глубокаго моря, но не рассчиталъ силъ: наткнувшись на камни возлѣ Бѣлыхъ Горъ, вернулся онъ къ матери и уже вмѣстѣ съ нею помчался къ старому дѣду—Днѣпру.

Вдали за мѣстечкомъ, гдѣ синее небо сходится съ землей, гдѣ прячется солнце отъ труда, синѣютъ въ дымкѣ лѣса съ вѣковыми дубами, и тянутся тѣ лѣса на десятки верстъ, давая пріютъ рѣдкому теперь звѣрю—волкамъ, дикимъ кабанамъ и козамъ. Всѣмъ этимъ, что только видитъ глазъ на десятки верстъ вокругъ,—широкими лугами и черноземомъ, вѣковыми лѣсами съ дичью и вольной птицей, Росью съ жир-

ными карасями владѣть графъ Крайницкій, отпрыскъ знаменитаго польскаго рода. Ему принадлежит и самое мѣстечко Бѣлыя Горы, выросшее въ цѣлый городокъ на графскомъ чиншѣ.

Мѣстечко замѣтно раздѣляется на три части. Внизу, въ котловинѣ—бойкая, торговая часть; здѣсь—магазины, конторы, безчисленные аптечные склады; отъ утра до поздней ночи здѣсь слышится гортанная еврейская рѣчь. Въ грязныхъ лачугахъ переулковъ, въ обширныхъ каменныхъ домахъ главной улицы здѣсь растетъ та сила, что въ послѣднее время прибрала къ своимъ цѣпкимъ рукамъ все лакомые куски Юго-Западнаго края. Сотни тысячъ пудовъ хлѣба вывозитъ еврейство изъ графскихъ имѣній, отправляя его за границу; вылавливаетъ сотни пудовъ рыбы изъ Роси, рубитъ вѣковые лѣса, на всемъ шибко зарабатывая, и объ одномъ особенно скорбитъ, скорбитъ, что не получило пока права прицѣпиться къ землѣ—этому вѣковому источнику народной силы и богатства. На сѣверъ тянется русская часть мѣстечка—здѣсь почта, участокъ, расквартированъ полкъ; тутъ стоитъ обширная православная каменная церковь во имя Св. Троицы, называемая здѣсь соборомъ. Въ шестидесятыхъ годахъ, вмѣсто ветхой деревянной, сооружена она щедрымъ графскимъ даяніемъ. Тяготѣвшій въ тѣ времена до лясу графъ, замечая щедрыми даяніями послѣ повстанья свои слѣды, соорудилъ и православную церковь, а чтобы правовѣрные католики не заподозрѣли его въ сочувствіи схизмѣ, отпустилъ одновременно изрядную сумму и евреямъ на синагогу.

Церковь выглядит нарядно: бѣлая ажурная ограда, высокія бѣлыя стѣны съ колоннами, широкія окна и главы съ золочеными крестами привѣтливо улыбаются, особенно въ погожій свѣтлый день.—Еще дальше идетъ аристократическая польская часть мѣстечка: здѣсь графскій дворецъ, палаты всевозможныхъ управителей, конторы. А еще выше, на отлогомъ каменистомъ холмѣ, стоитъ величественный костель, съ огромными колоннами, съ почернѣвшими отъ времени стѣ-

нами, стрѣльчатыми, хитро глядящими окнами, съ надгробными чугунными плитами, на которыхъ теперь трудно разобратъ надписи. Мѣсто для костела не совсѣмъ удобно, но поляки имъ довольны. Трудно на гору, даже въ легкой коляскѣ и на кровныхъ рысаклахъ, подкатить къ костелу съ полнымъ шикомъ—впечатлѣніе получается не полное; еще труднѣе взбираться на гору съдоусымъ панамъ и старымъ панямъ, идушимъ пѣшкомъ, но они не ропщутъ, такъ какъ хорошо помнятъ и одобряютъ мысль строителя—соорудить костель на самомъ высокомъ мѣстѣ, въ знакъ высоты святой католической вѣры, и съ радостью замѣчаютъ, что недалеко стоящій хлопскій храмъ даже главою и крестомъ не касается той долины, на какой стоитъ подножіе святого костела.

Много на своемъ вѣку видѣлъ и много зналъ костель Св. ап. Петра. Видѣлъ онъ шумные ратные сборы противъ москалей, и оживленные съѣзды на сеймики во времена королей; помнить смѣлаго графа, мечтавшаго о польской коронѣ; принималъ казацкихъ гетмановъ; помнить, какъ рѣкою лилась польская благородная кровь во времена Гонты и Желѣзняка, слышалъ вздохи, молитвы и благословія поляковъ, посылавшихъ въ 60 году своихъ дѣтей въ безумную по смѣлости и, навѣрно, послѣднюю авантюру.

На другой сторонѣ рѣки, по отлогому берегу, унылыми рядами тянутся хаты крестьянъ—хлѣборобовъ. Бѣдность здѣсь проглядываетъ въ дырявыхъ свиткахъ, какія начали носить въ мѣстечкѣ сто лѣтъ тому назадъ, въ унылыхъ дворахъ, безъ службъ и растительности, и въ приземистыхъ хаткахъ, покрытыхъ старой соломой. Бѣдность и вѣковая зависимость отъ иновѣрцевъ не подавили въ хохлахъ бѣлогорцахъ казацкаго духа, наслѣдованнаго отъ дѣдовъ: спокойны и увѣренны движенія бѣлогорцевъ; смѣло смотрятъ очи на загорѣлыхъ лицахъ; со вкусомъ, долгими зимними вечерами, рассказываютъ матери дѣтямъ повѣсти о казацкихъ войнахъ и казацкой славѣ.

Лѣтъ двадцать тому назадъ въ бѣлогорскій костель былъ назначенъ новый молодой ксендзъ Октавіанъ Стаковскій. Ежегодно отсылавшій въ Римъ изрядную лепту, извѣстный и самому святѣйшему престолу, графъ ксендза выбралъ по собственному вкусу—лучшаго изъ тѣхъ, какихъ онъ зналъ. Стаковскій, окончившій католическую академію, на первомъ же приходѣ заявилъ себя, какъ умный политикъ, практичный дѣятель и превосходный ораторъ, слава о которомъ шла далеко.

Умнымъ красивымъ лицомъ, изящными манерами и умѣньемъ говорить онъ произвелъ на Крайницкаго отличное впечатлѣніе, и тотъ забралъ его къ себѣ въ Бѣлыя Горы.

У церкви Св. Троицы въ тѣ времена служилъ суровый и болѣзненный старикъ протоіерей. Умѣвшій всѣмъ угодить и быть со всѣми въ отличныхъ отношеніяхъ Стаковскій дѣлалъ не малыя попытки къ тому, чтобы сойтись съ протоіереемъ, но не успѣлъ въ этомъ. Духовнымъ окомъ глядѣвшій въ иной потусторонній міръ, старикъ за долгую жизнь научился понимать людей и на всѣ ухаживанья ксендза отвѣчалъ въ храмѣ простыми, но выразительными обличеніями католическихъ заблужденій. По иному нѣсколько дѣло пошло, когда старикъ года черезъ три умеръ и на его мѣсто былъ назначенъ новый священникъ о. Николай Рубинскій.

II

Въ провинціи всякое новое лицо надолго занимаетъ вниманіе общества, и каждый шагъ новаго человѣка служитъ предметомъ всесторонняго обсужденія. Мѣстная интеллигенція, познакомившись съ батюшкой, замѣтила, что о. Николай избѣгалъ Стаковскаго и визита ему не сдѣлалъ: одни его за это одобряли, другіе осуждали, считая за гордаго человѣка.

Первый указалъ о. Николаю на этотъ промахъ мѣстный мировой судья. Большой добрякъ и любитель церковности, онъ скоро сошелся съ Рубинскимъ: знакомилъ его съ мѣстной жизнью, кое-что совѣтовалъ, кое въ чемъ помогалъ.

— Отчего вы, о. Николай, не познакомитесь съ ксендзомъ и не сдѣлаете ему визита? Многіе поставили вамъ это въ упрекъ.

— За что же меня упрекають?

— Находятъ васъ гордымъ. Ксендзъ раньше васъ пріѣхалъ въ Бѣлыя Горы, пользуется большимъ вліяніемъ у графа и симпатіями въ обществѣ. Слѣдовало-бы его уважать.

— Зачѣмъ мы другъ другу? Общаго у насъ съ нимъ нѣтъ ничего, а заводить свѣтскія знакомства я не думаю.

— Ксендзъ у насъ умный и общественный человекъ и пригодиться можетъ. Помочь, услужить, похлопотать передъ графомъ онъ любитъ.

— Фанатикъ, навѣрно?

— Что вы? Католической нетерпимости и польскаго гонора въ немъ совсѣмъ нѣтъ; этимъ онъ и подкупаетъ мѣстное русское общество. Дамы—тѣ, кажется, поголовно влюблены—неотразимъ святой отецъ!.. Увѣренъ, что онъ и вамъ понравится, когда познакомитесь.

— Не покажется-ли это знакомство соблазнительнымъ моимъ духовнымъ дѣтямъ?

— Въ другомъ мѣстѣ, въ глубокой Россіи — можетъ быть, а въ нашемъ краю—не думаю: тутъ народъ культурнѣе и терпимѣе, всякіе виды видалъ!..

Знакомство однако состоялось и безъ визитовъ. При помощи графа въ мѣстечкѣ была открыта амбулаторія для крестьянъ. Освящать ее пригласили о. Николая; въ числѣ почетныхъ гостей былъ Стаковскій; здѣсь они и познакомились. Незизбѣжную при первомъ знакомствѣ неловкость загладили ласково и привѣтливо ксендзъ.

— Очень радъ познакомиться, и давно уже пора; съ полгода живете вы у насъ, и мы до сихъ поръ не встрѣтились. Думалъ самъ явиться къ вамъ съ визитомъ, да, правду сказать, боялся; можетъ быть, мое знакомство вамъ будетъ не совсѣмъ пріятно.

— Что вы! я очень радъ!... со смущеніемъ сталъ оправдываться о. Николай.

— Разно бываетъ. Съ вашимъ предшественникомъ я никакъ не могъ сойтись — колючій былъ старикъ. Ничего я ему плохого не сдѣлалъ, но онъ недружелюбно относился ко мнѣ и никогда не упустилъ случая задѣть нашу вѣру. Къ чему такая враждебность и подчеркиванье нашего раздѣленія? Хорошо когда-то одинъ изъ вашихъ же ученыхъ богослововъ сказалъ, что наши религіозныя перегородки не доходятъ до неба.

— Вы, о. Октавіанъ, тоже такъ думаете?

— Какъ же можетъ иначе думать христіанинъ, не засушенный схоластическою мудростію?

Интересный разговоръ былъ прерванъ дамами. Какъ мухи облѣпили онѣ ксендза: одна восторгалась послѣдней его проповѣдью, другая шутливо жаловалась на мужа, третья угощала чаемъ. Оживленное щебетанье не прекращалось ни на минуту; Стаковскій обворожительно улыбался, не безъ достоинства шутилъ и для каждой находилъ ласковое слово.

Бывая иногда въ мѣстномъ интеллигентномъ обществѣ, довольно разношерстномъ и смѣшанномъ, о. Николай нерѣдко встрѣчалъ тамъ о. Октавіана и между ними незамѣтно, безъ усилій съ той или другой стороны, произошло сближеніе. Политики въ тѣ времена въ Бѣлыхъ Горахъ еще не было. Общество собиралось поѣсть, попить, поиграть въ карты и мирно расходилось на зарѣ, утомленное сраженіями на зеленомъ полѣ. Національныхъ и религіозныхъ вопросовъ не поднимали, но изрѣдка идейные споры все же происходили. Большой либераль и философъ, почитатель Толстого, мировой посредникъ любилъ подѣлиться вычитанными мыслями и не разъ предлагалъ разрѣшить свои недоумѣнные вопросы служителямъ религіи, какъ онъ называлъ Стаковского и Рубинскаго.

Вопросы всего чаще были зловредные и ехидные, но служители религіи, идя всегда рука объ руку, кое-какъ рас-

путывались въ нихъ, а иногда разбивали философа на голову. Рубинскій, волнуясь, опровергалъ посредника доводами отъ разума и слова Божія, Стаковскій спокойно разилъ ироніей и шутками, отъ которыхъ краснѣлъ философъ и весело смѣялись слушатели. Если споры принимали острый характеръ, мирилъ спорщиковъ, какъ и полагается по роду службы, мировой судья.

— Бросьте праздныя рѣчи—все равно другъ друга не убѣдите. Займемся лучше серьезнымъ дѣломъ.

Общество мирно усаживалось за винтъ. Тутъ о. Николай былъ совершеннымъ профаномъ. На щелчки и на куски сахара играли въ семинаріи въ стуколку и три листика, но о винтъ семинаристы не имѣли представленія. Ксендзь въ винтъ игралъ мастерски и всегда почти проигрывалъ: выигрышъ часто ведетъ къ спорамъ, и партнера съ постояннымъ счастьемъ рѣдко любятъ.

Возлѣ ксендза присаживался о. Николай и внимательно слѣдилъ за игрой. Интересы о. Октавіана онъ принималъ близко къ сердцу и искренно огорчался, когда тотъ, доводя дѣло, послѣ солидныхъ переговоровъ, до шлема, оставался безъ двухъ—трехъ взятокъ.

Заужиномъ о. Николая и о. Октавіана сожали рядомъ въ центрѣ стола: изучивъ ихъ привычки и вкусы, передъ о. Николаемъ ставили старый лафитъ—любимое вино ксендза, передъ Стаковскимъ портвейнъ, симпатичный о. Николаю; такъ было удобно: мирно бесѣдуя, они подливали другъ другу въ стаканы живительную влагу.

Согласіемъ между представителями двухъ вѣроисповѣданій общество было довольно. Посредникъ находилъ, что въ Бѣлыхъ Горахъ практически осуществлено соединеніе Церквей, и обѣщаль эту на тему написать статью.

Если никто не мѣшалъ и Стаковскій съ Рубинскимъ оставались одни, изрѣдка они обсуждали вопросы церковныя.

— Я не понимаю религіознаго шовинизма и не признаю его, говорилъ ксендзь. Зачѣмъ я стану искать чужихъ овецъ,

когда и своихъ даль-бы Богъ направить на истинный путь?

— Едва ли ваша мысль согласна, о. Октавіанъ, съ евангелиемъ. Съ вашей точки зрѣнія вовсе не нужна миссія, а мы, по заповѣди Спасителя, должны идти и научить всѣ языки.

— Вы расширяете мою мысль, о. Николай, я говорю о христіанствѣ. Скажите откровенно: развѣ мы не одному Богу молимся, не одного Христа славимъ? Я думаю, что мы всегда можемъ мирно ужиться и часто идти рука объ руку.

— А какъ, о. Октавіанъ, ваше богословіе смотритъ на православіе,—можно-ли въ немъ спастись?

Ксендзь безпокойно взглянулъ на собесѣдника, почувствовавъ въ вопросѣ нѣкоторую хитрость, но сразу нашелся.

— Навѣрно такъ, какъ и православіе на католичество... А, впрочемъ, какое намъ дѣло до ученыхъ? Я говорю о жизни, о живой практической дѣятельности. Грустно смотрѣть на христіанъ. Необъятный міръ, съ милліонами язычниковъ, ждетъ вѣсти о Христѣ, милліоны христіанъ живутъ какъ язычники, а мы—представители христіанства—ссоримся, расходуемся на споры, живя не по началамъ любви, завѣщанной намъ Христомъ, а во враждѣ и ненависти.

— Въ этомъ дѣлѣ, о. Октавіанъ, православіе, кажется, меньше виновато: посмотрите вы безпристрасно на фактъ раздѣленія, на унию; вспомните положеніе православія въ польскомъ королевствѣ.

— За тысячу почти лѣтъ взаимныхъ обидъ накопилось не мало: теперь трудно учесть, кто кого больше обидѣлъ. да и нужно-ли это? Зачѣмъ тревожить старыя раны?

Рубинскій не забывалъ совѣта старика епископа, когда-то сказавшаго ему:

— Будете жить вмѣстѣ съ католиками—узнайте и научитесь всему хорошему, что у нихъ есть. Поймите силу католичества, тогда она не будетъ опасна для вашей паствы

Но понять эту силу о. Николаю не скоро удалось.

— Скажите, о. Октавіанъ, въ чемъ ваша сила? Чѣмъ объяснить ваше огромное вліяніе и авторитетъ среди паствы и почему мы, православные священники, не имѣемъ такой силы вліянія?

Стаковскій самодовольно улыбнулся.

— Что вы, сердце мое!.. Вы преувеличиваете наши слабыя силы, а себя умяете, какъ это у васъ говорится: униженіе паче гордости?..

— Нѣтъ, откровенно, о. Октавіанъ?..

-- Совершенно откровенно, говорю вамъ... Впрочемъ скажу вамъ, что въ нашемъ положеніи, думается мнѣ, есть нѣкоторыя преимущества сравнительно съ вами. У насъ строгая дисциплина проведена съ верху до низу. Іерархія у насъ, дѣйствительно, цѣлое, проникнутое послушаніемъ. Забирая мою волю цѣликомъ, какъ у васъ въ монашествѣ, у насъ за то и церковная власть относится по иному къ намъ, своимъ слугамъ, рядовымъ работникамъ. Моя воля есть воля пославшаго меня, за которую онъ отвѣчаетъ и которую пославшій да возможной степени будетъ отстаивать. Покорный и послушный вполнѣ тѣмъ, кто надо мной, я свободенъ и неограниченъ въ своемъ приходѣ.

— Но вѣдь это можетъ вести къ произволу, къ злоупотребленіямъ.

— У насъ не ведетъ. Случаются ошибки, промахи, но у насъ разбираются строго и, если съ кѣмъ случится бѣда, то наше начальство старается выяснить не степень нашей виновности, какъ ваши консисторіи, а степень невинности.

— Мнѣ кажется, о. Октавіанъ, то, что вы сказали, имѣетъ второстепенное значеніе.

— Есть у насъ и другія преимущества, на примѣръ, то, что наше духовенство безбрачно... Это большое удобство. Если справедливо вообще, что женатый печется больше о женѣ, то почему же это не справедливо въ отношеніи духовенства? Свободные отъ супружескихъ и семейныхъ обя-

занностей, мы больше можем отдаваться нашим пасомымъ и нашему дѣлу.

Противъ этого о. Николай кое-что могъ возразить. Среди ксендзовъ не мало онъ зналъ добрыхъ и родственныхъ людей, у которыхъ жили отдаленныя родственницы, всего чаще сестры, съ многочисленными племянниками. Подростающихъ племянниковъ ксендзы воспитывали въ среднихъ и высшихъ школахъ, тратили на нихъ столько же заботъ, сколько иной на родныхъ дѣтей, и это не мѣшало имъ пользоваться авторитетомъ и вліяніемъ,—значить дѣло не въ семьѣ. .

— Не объясняется-ли это. о. Октавіанъ, тѣмъ, что среди поляковъ вы являетесь не только проповѣдниками Христа, но и носителями польской національной идеи?

— Это старыя сказки, о. Николай. Польская политика насъ занимаетъ мало. Разумѣется, мы не идемъ противъ нея, не говоримъ польскому народу полной правды по этому вопросу, нѣкоторые изъ насъ даже поддерживаютъ ихъ. Можно-ли осуждать насъ за это? Мы поступаемъ въ этомъ случаѣ, какъ отецъ или мать съ ребенкомъ: вѣрять ребенку, что деревянная лошадка—настоящая лошадь—и пусть себѣ. „Вѣрять поляки, что еще Польша не сгинѣла“—и на здоровье: подчасъ и мы имъ поддѣваемъ, а цѣль у насъ одна—спасать ихъ въ святой Церкви. Я говорю съ вами откровенно, о. Николай, и надѣюсь, что наши разговоры останутся между нами...

За десятокъ лѣтъ, прожитыхъ вмѣстѣ, Стаковскій и Рубинскій не разъ оказывали одинъ другому пріятельскія услуги, больше о. Октавіанъ. Въ имѣніи строго проводилась польская національная идея: сотни мѣстъ, отъ главнаго управляющаго до мелкаго приказчика, заняты были исключительно поляками; земли въ аренду отдавались только полякамъ. Въ низшіе служащіе, на черныя работы принимались въ имѣніе и русскіе, въ видѣ исключенія и по особой протекціи. Такіе удачники, какъ и вся дворня, одѣвались на

графскій счетъ въ особыя польскіе костюмы и скоро выучивались говорить по польски. Нужно ли было исплопотать какому-нибудь бѣдняку пособіе отъ графа или пристроить кого-нибудь въ батраки, о. Николай зналъ для этого вѣрную дорогу—черезъ Стаковского: тотъ не откажетъ помочь, а для о. Октавіана въ имѣніи отказа нѣтъ. Какъ-то разъ, забитый и неудачливый мужиченко Гарасько Табачукъ отправился съ сынишкой въ графскій лѣсъ за валежникомъ, что не возбранялось желающимъ. Наложивши полныя дровни, онъ уже думалъ вернуться домой, но тутъ его попуталъ нечистый. приглянулось молодое дерево, какъ разъ удобное, чтобы замѣнить истертую и давно озабачивавшую Гараську оглоблю. Острый топоръ застучалъ быстро по молодому дереву; въ это время передъ мужикомъ, какъ изъ земли, выросъ верховой полѣсовщикъ.

— Ты что тутъ дѣлаешь, дьяволовъ сынъ, закричалъ онъ на растерявшагося мужика. Тяжелая нагайка быстро захлестала по хохлацкой спинѣ.—Стойте вы графской милости...

— Съ хлопцемъ?!. Самъ—воръ и сына воровать учишь, собачье вы отродье!..

Нагайка перенесла свою быструю работу на хлопца. Удачный ударъ пришелся мальчику по лицу, и кровь брызнула у него изъ носа.

— Ахъ ты, вражій ляхъ, вскрикнулъ разсвирѣпѣвшій Табачукъ. Я виноватъ—меня бей, за что хлопца истязуешь?..

И не выдержала-бы ясновельможная голова полетѣвшаго въ нее, со всего размаха, топора, если-бы испуганный конь не шархнулся въ сторону и не унесъ лихого наѣздника.

Черезъ нѣсколько минутъ Табачука все же арестовали и доставили со всѣми уликами къ мѣстному приставу.

Этотъ носитель русской власти душой и тѣломъ принадлежалъ графской экономіи и мастеръ былъ составлять протоколы. О нагайкѣ, съ желѣзнымъ наконечникомъ, въ протоколѣ не было ни слова, глубокаго рубца на лицѣ маль-

чика никто не видѣлъ, за то исторія съ топоромъ была изложена въ протоколѣ самымъ обстоятельнымъ образомъ со словъ правдиваго Гараськи и его сына, не умѣвшихъ врать и заператься.

Въ тѣ мирныя времена, когда экспроприации, грабежи и убійства не были еще ежедневнымъ явленіемъ, случай въ лѣсу, съ значительными прикрасами, облетѣлъ все мѣстечко.

Гараську о. Николай зналъ, какъ смирнаго мужика, пришибленнаго нуждой, за спиной котораго была семья изъ жены, матери и шести человѣкъ дѣтей. Отъ души онъ жалѣлъ Табачука и хотѣлъ облегчить его участь, но дѣло было не шуточное: не воровство или драка въ запальчивости, а покушеніе хлопа на ясновельможнаго пана,—такой случай замять было трудно. Искать помощи о. Николай направился все къ тому же о. Октавіану, прося его объ одномъ—направить дѣло такъ, чтобы не были упущены обстоятельства, смягчающія вину преступника. Стаковскій къ дѣлу отнесся сначала холодно.

— Едва-ли я смогу вамъ помочь, о. Николай. Судите сами—разбой!.. Замять такое дѣло—мужичье среди бѣла дня полѣзеть съ кольями и топорами...

Рубинскій сталъ говорить о Гараськѣ, какъ о смирномъ забитомъ мужикѣ, о его семьѣ, которая безъ отца пропадетъ съ голоду.

— Вѣрю вамъ, о. Николай; но дѣло уже стало всеѣмъ извѣстно, попало въ руки полиціи. Что тутъ можно сдѣлать, скажите?

— А вы попробуйте. Вы вліятельнѣе меня, опытнѣе—вамъ виднѣе.

Послѣ долгаго раздумья, ксендзь сказалъ:

— Хорошо—такъ и быть—для васъ, сердце мое, попробую кое что сдѣлать, только за успѣхъ все же не ручаюсь.

Стаковскій энергично заработалъ. Сначала онъ вызвалъ къ себѣ Гараську; долго съ нимъ говорилъ, спрашивалъ,

что-то совѣтоваль. Надлежащему внушенію подвергся и объѣзчикъ—пестый католикъ, во всемъ послушный своему духовному отцу. На другой день объѣзчикъ и Гараська пожелали дать приставу дополнительные показанія, которыми протоколъ былъ сведенъ на ноль. Табачука приставъ принималъ:

— Отвертѣться отъ тюрьмы, шельма, хочеть, но что за перемяна произошла съ объѣзчикомъ?

Долго провозился съ ними приставъ и, ничего не разбравъ въ происшедшей перемянѣ, плюнулъ и уничтожилъ протоколъ. Главная контора на движеніи дѣла не настаивала. Для остраки Гараськѣ въ участкѣ намяли бока, безъ членовредительства, и отпустили съ миромъ.

Приходилось и о. Николаю кое-когда сослужить службу Стаковскому. Обнаружилось два—три случая крещенія о. Октавіаномъ православныхъ дѣтей по католическому обряду. Отецъ одного ребенка, женатый на полькѣ, поднялъ пѣлую бурю, обвиняя ксендза въ сознательномъ нарушеніи закона и обманѣ. Въ тѣ времена за это по головѣ не гладили—ксендзу грозили серьезныя неприятности. Виноватаго найти было трудно, а о. Николай, имѣвшій отношеніе къ слѣдствію мать о. Октавіаномъ, совершенно обѣдрилъ его и выгородилъ: развѣ онъ не зналъ, какъ далеко Стаковский отъ пропагандорскихъ замысловъ? Родителей успокоили тѣмъ, что дѣтей миропомазали и записали въ православныя книги.

Такъ мирно и дружелюбно протекала жизнь двухъ работниковъ на нивѣ Христовой въ Бѣлыхъ Горахъ; постарѣвшими тамъ ихъ застали знаменитые освободительные годы.

III.

Революція задѣла Бѣлыя Горы довольно чувствительно: горючаго матеріала въ нихъ было не мало. Многочисленное экспансивное еврейство, ultra—національные поляки, мало-земельное крестьянство—для аггитаціи и выступленій была благодарная почва. Тучи прокламацій, митинги съ зажига-

тельными рѣчами, шествія съ красными тряпками, кровавыя экспропріаціи—все увидѣли Бѣлыя Горы, и въ прогрессивныхъ выступленіяхъ не уступали они среднему городу того времени. Все въ Бѣлыхъ Горахъ если не перевернулось вверхъ дномъ, то измѣнилось и наклонилось влѣво. Посредникъ довольно скоро образовалъ прогрессивную партію и вездѣ громилъ бюрократическій строй. Поляки объединились въ польское коло. Судья сталъ хлопотать объ основаніи партіи мирнаго обновленія, въ которой и объединялъ въ себѣ предсѣдателя, секретаря и всю партію... Мелкое чиновничество перерядилось въ вышитыя рубашки и широкія шаровары и стало говорить на малорусскомъ нарѣчій съ такимъ же усердіемъ, какъ прежде на русскомъ доказывало свою культурность и образованность. Переодѣванье это настоящіе малороссы поняли по своему.

— Дурятъ паничи и надъ нашимъ братомъ глузуютъ (смѣются).

Крестьяне хлопотали о землѣ и открыто роптали на несправедливость судьбы, превратившей ихъ на родной землѣ въ польскихъ батраковъ.

Приставъ, не имѣя свыше опредѣленныхъ инструкцій и указаній, передъ всѣми лебезилъ и, какъ сорока, всѣмъ твердилъ:

— Для меня всѣ партіи—хороши. Законъ—вотъ самое главное...

Неподготовленный къ событіямъ, довольно растерянный, о. Николай стоялъ въ сторонѣ, болѣя душой за то, что происходило вокругъ.

— Кавардакъ какой-то, массовое помѣшательство, твердилъ онъ, беспомощно разводя руками.

О. Николая мѣстные интеллигенты подозрѣвали, не безъ основанія, въ черносотенствѣ и стали его нѣсколько сторониться: тогда это было ужасное слово, котораго всѣ боялись. Не мало поразила о. Николая перемѣна, происшедшая со Стаковскимъ. Прежде любезный и обходительный, о. Окта-

віанъ какъ-то сразу сдѣлался замкнутѣе и величественнѣе и сталъ избѣгать русскаго общества; за то у него часто теперь собирались паны и о чемъ-то совѣщались. При встрѣчѣ съ Рубинскимъ о. Октавіанъ обошелся съ нимъ холодно и крайне удивилъ его незнаніемъ русскаго языка; о. Николай долженъ былъ вести бесѣду на ломаномъ польскомъ языкѣ.

Стаковскій не скрылъ передъ о. Николаемъ своей радости по поводу закона 17-го апрѣля.

— Я не понимаю вашей радости, о. Октавіанъ, отвѣтилъ ему Рубинскій. Свобода ваша до сего времени не была стѣснена,—никто не мѣшалъ вамъ вѣровать и молиться по своему.

— Вамъ такъ кажется; вы привыкли къ старымъ порядкамъ, и они были на вашей сторонѣ. А что чувствовали и переживали мы, когда каждый нашъ шагъ и дѣйствіе находились подъ контролемъ каждаго урядника и священника...

— Богъ съ вами, о. Октавіанъ, чѣмъ васъ священники стѣсняли; я, напримѣръ?...

— Объ этомъ не стану говорить... Скажу только, что и вы, господа положенія, православные не знали истинной свободы. Обязательное пребываніе въ вѣрѣ, въ какой родился,—не широка такая свобода и не по плечу свободному народу...

Сюрпризы въ послѣднее время сыпались на о. Николая довольно часто. Одна бумажка изъ консисторіи поразила его какъ громъ. Въ консисторскомъ указѣ писалось: „вслѣдствіе ходатайства нижепоименованныхъ лицъ (слѣдовало перечисленіе 20 человѣкъ прихожанъ о. Николая) о переходѣ ихъ изъ православія въ католичество, консисторія поручаетъ вамъ преподавать указаннымъ лицамъ настырскія увѣщанія о томъ, чтобы они оставались вѣрными Православной Церкви, и о послѣдующемъ донести консисторіи“.

Всѣ заявившіе о переходѣ въ католичество были служанціе графскаго имѣнія, часть ихъ устроилъ Стаковскій по просьбѣ о. Николая; между ними былъ и Гарасько Табачукъ

съ женою. Энергично принялся за дѣло Рубинскій, но скоро понялъ, что это дѣло безнадежное; ни къ нему идти, ни у себя его принимать совращенные не желали. Въ одной хатѣ, передь его глазами заперлись на засовъ и не впустили; въ другой—не захотѣли говорить; въ третьей спустили среди бѣла дня сердитыхъ цѣпныхъ псовъ. Добрѣе другихъ отнеслась къ нему Гараськина жена. Измученная женщина пришла къ нему вечеромъ тайкомъ и сразу бросилась въ ноги съ горячими слезами.

— Батюшка, отецъ мой родной, научи, наставь, что мнѣ дѣлать, погибнетъ моя бѣдная душенька...

Кое-какъ онъ успокоилъ женщину.

— Успокойся, сядь и расскажи толкомъ, въ чемъ твое горе?

— Какъ же, батюшка, мужъ-то мой—самъ въ польскую вѣру ушелъ, теперь и меня неволить: хочешь, говорить, со мною жить, такъ держи одинаково со мной вѣру, а не то уходи. Бьетъ меня, мучить, синяки на тѣлѣ никогда не заживаютъ, а мнѣ какъ умереть не хочется отречься отъ своей вѣры.

— Гараська-то... А я его сколько лѣтъ считалъ добрымъ и тихимъ...

— Добрый онъ, батюшка, добрый, только настраиваютъ его въ экономіи. Какъ придетъ оттуда домой, такъ самъ не свой становится, лютымъ звѣремъ дѣлается.

— Кто же его тамъ настраиваетъ?

— Всѣ, батюшка, всѣ; а больше всѣхъ почитай что ксендзь: чуть не каждый день къ себѣ зоветъ и о чемъ то толкуетъ, а ихъ разговоры все на моей бѣдной головѣ откликаются. Теперь, говорить, всѣмъ свобода вышла, и скоро всѣ въ святую польскую вѣру пойдутъ—такъ будто ксендзь сказывалъ...

— Когда же все это съ Гараськой началось?

— Давно, батюшка, съ той самой поры, какъ ксендзь его отъ каторги выручилъ: тогда еще ксендзь ему сказалъ: „я тебя выручу, только хотѣлъ бы я и душу твою спасти“. И сталъ мой Гараська съ того дня вхожъ къ ксендзу. Онъ

же ему послѣ и мѣсто даль въ экономіи. И сталь мой Гараська съ той поры чудной какой-то--надъ своей вѣрой и надъ батюшками посмѣивается, въ костель часто ходить, польскій молитвенникъ читаетъ. Я думала, что все это такъ, ксендза за ласку отблагодарить хочетъ, а онъ и совсѣмъ отъ своей вѣры отрекся... Недавно, сказалъ мнѣ: „я уже, говорить, сколько лѣтъ отъ хлопской вѣры отрекся и до костела присталь: насъ много такихъ, молчали мы, пока намъ волю дали на совѣсть, а не сказываль тебѣ, потому боялся твоего глупаго бабьяго языка, и о. Октавіанъ не велѣлъ...“

О. Николай сталь прозрѣвать; много стало для него понятнымъ послѣ бесѣды съ Гараськиной женой.

Свящ. *В. Пестряковъ.*

О чумной эпидеміи.

(Беседа преподавателя съ воспитанниками).

Чумныя заболѣванія, возникшія въ прошломъ году въ нѣкоторыхъ окраинныхъ мѣстахъ Россіи, съ большою жестокостью развились и до нынѣ продолжаются въ Маньчжуріи. Начались чумныя заболѣванія въ Маньчжуріи, по сообщеніямъ русскаго и иностраннаго врача, въ октябрѣ 1910 г.; появленіе ихъ приписываютъ противусанитарной обстановкѣ жизни охотниковъ, занимавшихся ловлею тарбагановъ (изъ породы сурковъ); для охоты за тарбаганами поселилось у пограничной станціи Маньчжуріи до 10 тысячъ китайцевъ; жили охотники въ промысловыхъ амбарахъ въ ужасной обстановкѣ: скученность, зловоніе, темнота господствовали въ амбарахъ; здѣсь охотники снимали шкуры съ тарбагановъ, мясо ихъ ѣли даже сырьемъ, здѣсь же и спали; чума началась здѣсь въ легочной формѣ; заболѣвшіе умерли; многіе рабочіе стали уходить съ мѣста промысла и чума стала разноситься. Въ концѣ октября появился 1-й случай чумы въ китайскомъ кварталѣ Харбина; постепенно изъ одиноч-

ныхъ случаевъ развиваясь, эпидемія чумы черезъ 2 мѣсяца давала въ Харбинѣ до 100 заболѣвшихъ ежедневно, захвативъ уже и европейскую часть Харбина; въ концѣ 3-го мѣсяца число заболѣвшихъ дошло до 250 въ сутки; на 4 мѣсяцѣ эпидемія начинаетъ постепенно ослабѣвать; всего за 3 мѣсяца эпидеміи заболѣло въ Харбинѣ 1109 и умерло 1106; въ числѣ умершихъ насчитывается 36 европейцевъ, изъ нихъ—3 врача, 2 студента, 1 сестра милосердія, 4 фельдшера и 17 санитаровъ; гораздо сильнѣе развилась чума въ китайскомъ пригородкѣ Харбина—Фудзядянь, гдѣ умерло отъ чумы нѣсколько тысячъ; много деревень сѣверной Маньчжуріи вымерло поголовно; всего въ сѣверной Маньчжуріи считаютъ умершими до 50 тысячъ. Обнаружено въ Маньчжуріи также и чумное заболѣваніе крысъ.—Долгое время въ продолженіи эпидеміи китайцы встрѣчали смертные случаи равнодушно и смѣялись надъ принимаемыми предохранительными оздоровительными мѣрами (со стороны русской администраціи); наконецъ поняли они страшную опасность и въ паникѣ стали разбѣгаться въ благополучныя по чумѣ мѣста; встрѣтивъ въ своемъ бѣгствѣ препятствіе со стороны администраціи, китайцы направились въ собственно китайскія владѣнія на югъ, и такимъ способомъ распространилась чумная эпидемія въ Мукденъ, Куаченцзы, Гиринь (по грунтовой дорогѣ), образовавъ себѣ очагъ даже и въ Пекинѣ; въ новыхъ очагахъ чумная эпидемія очень сильна; на примѣръ въ Куаченцзы она даетъ до 150 умершихъ въ сутки, при чемъ почти $\frac{1}{3}$ умираетъ отъ быстротечной чумы, длящейся всего нѣсколько часовъ. Русское общество изъ зачумленной Маньчжуріи также переѣзжаетъ въ предѣлы Сибири и Европейской Россіи, опасаясь возобновленія чумы весною.—Кромѣ того, чумныя заболѣванія существуютъ въ настоящее время въ Египтѣ и въ Меккѣ.

Окраинами своими Россія такъ расположена, что чума изъ неевропейскихъ ея очаговъ можетъ быть занесена и сухимъ путемъ (черезъ Китай, Персію, Авганістанъ), и

морскимъ (черезъ Черное и Каспійское моря). Какъ переѣздъ лицъ, такъ и перевозка товаровъ, и пересылка корреспонденціи изъ неблагополучныхъ по чумѣ мѣстностей въ настоящее время производится. При этомъ важно имѣть въ виду, что при транспортахъ на корабляхъ изъ неблагополучныхъ мѣстъ завозятся и зачумленныя крысы; возможно, что зачумленныя крысы могутъ быть перевозимы и въ желѣзнодорожныхъ вагонахъ, груженыхъ пищевыми продуктами; особенно важно, что въ числѣ товаровъ большими партіями перевозились, да и теперь еще не запрещены къ перевозкѣ, тарбаганы, носители маньчжурской чумы. Кромѣ того, изъ зачумленныхъ мѣстностей крысы и сами разбѣгаются и разносятъ съ собою чумную заразу; въ показаніе значенія этого факта можно привести опубликованное сообщеніе, что въ ноябрѣ 1910 г. съ прекращеніемъ чумныхъ заболѣваній въ Одессѣ исчезли и крысы, но за то онѣ въ большомъ количествѣ появились въ сосѣднихъ съ Одессою мѣстностяхъ; и вотъ въ концѣ ноября 1910 г. въ селѣ Роксомяны, Одесскаго уѣзда, появились два чумныхъ заболѣванія, хотя заболѣвшіе ни въ Одессу, ни въ другія мѣстности не отлучались. Такими путями и способами чума можетъ дойти и до середины Россіи: кордонъ и карантинъ не въ состояніи удержать ея развитія и распространенія; въ помощь правительственнымъ мѣропріятіямъ начинаютъ проявляться заботы о санитарномъ благоустройствѣ и о противочумныхъ мѣропріятіяхъ со стороны обществъ; но и совокупныя правительственныя и общественныя мѣропріятія не обѣщаютъ скорого и прочнаго успѣха въ дѣлѣ предупрежденія и прекращенія чумной эпидеміи, если каждымъ человѣкомъ не будутъ проводиться въ жизнь мѣры личнаго и домашняго предохраненія отъ чумы; на каждомъ гражданинѣ лежитъ нравственный гражданскій долгъ—оберегая себя, оберегать и согражданъ и содѣйствовать тому, чтобы чумная зараза не дошла, а если и появится, то не распространилась и не утвердилась.

Чума въ Европу заносилась обыкновенно изъ Малой Азіи, Египта и Индіи. Въ Александріи и въ Бомбей чумныя заболѣванія можно считать свойственными этимъ мѣстностямъ и при возникновеніи ихъ тамъ они ни откуда не заносятся. Чумныя эпидеміи въ Россіи извѣстны съ давнихъ временъ; о нихъ упоминается въ лѣтописныхъ сказаніяхъ. До прошлаго вѣка чумныя эпидеміи въ Россіи были рѣдки, но тяжки: народъ называлъ эти заболѣванія, сопровождавшіяся страшными опустошеніями въ населеніи, *черною смертію* или *моровою язвою*. Въ прошломъ столѣтіи жестокая чума была въ Россіи въ 1828—1830 гг. Болѣе памятна чумная эпидемія въ Ветлянкѣ, Астраханской губерніи, съ сентября 1878 г. по мартъ 1879 г.; эта эпидемія дала 430 заболѣваній, въ $\frac{1}{10}$ случаевъ заболѣваніе проявлялось легочною формою, умерло за время эпидеміи 370 (болѣе 86% заболѣвшихъ), среди умершихъ было 3 врача и 6 фельдшеровъ. — Въ 1898 г. появилась чума въ Самаркандской области; заболѣло 244 и умерло 237 (болѣе 97%). Въ 1899 г. снова вспыхиваетъ чума въ Астраханской губерніи (въ Колобовкѣ, въ Киргизскихъ урочищахъ); наблюдалось 88 заболѣвшихъ, изъ нихъ 84 умершихъ (болѣе 95%). Съ этого времени чумныя заболѣванія въ Астраханской губ. наблюдаются ежегодно, до настоящаго времени, и обнаруживаются то въ небольшомъ (7—8) количествѣ случаевъ, оканчивающихся смертельно, то въ видѣ распространенной и жестокой эпидеміи: такъ въ 1905 г. въ 58 урочищахъ киргизской степи Астраханской губ. заболѣло 659 чел. и умерло 621 чел. (болѣе 95%); за все время эпидемій (до нынѣшней) въ Астраханской губ. заболѣло чумою 1600 и умерло 1459 человекъ; изъ нихъ въ киргизскихъ урочищахъ заболѣло 1077 и умерло 1016 человекъ; въ декабрѣ 1910 г. въ киргизскихъ урочищахъ сѣвернаго побережья Каспійскаго моря Астраханской губ. обнаружено 12 заболѣвшихъ чумою, изъ нихъ 11 умерло; до февраля 1911 года обнаружено тамъ 29 заболѣвшихъ чумою, изъ нихъ 20 умерло; въ февралѣ 1911 г. обнаружено 4 чумныхъ, изъ

нихъ 3 умерло. Другимъ чумнымъ очагомъ въ настоящемъ столѣтїи является Уральская область кочующихъ киргизовъ; чумныя заболѣванія наблюдались здѣсь зимою 1904 г. и осенью 1907, 1909 и 1910 г.; всего обнаружено 652 заболѣвшихъ, изъ коихъ 650 умерло. Среди киргизовъ Семирѣченской области чумныя заболѣванія наблюдались осенью 1907 и 1910 г., обнаружено заболѣвшихъ 70 чел., кои все умерли. Въ Забайкальской области (Маньчжурїи) чумныя заболѣванія наблюдались осенью 1905 и 1907 г.; обнаружено 16 заболѣвшихъ, кои все умерли. Наиболѣе тревожно для Россїи (хотя оказалось благопрїятно по своему проявленію и распространенію) было появленіе чумныхъ заболѣваній въ Одессѣ; наблюдались: въ 1901 г. два смертельныхъ заболѣванія; въ 1902 г. (съ 27 мая по 23 октября)—50 заболѣвшихъ съ 18 умершими (36⁰/₀ смертности); въ 1907 г. въ іюнѣ—2 заболѣвшихъ съ 1 умершимъ; въ 1910 г. (съ мая до 13 ноября)—139 заболѣвшихъ съ 43 умершими (30,9⁰/₀ смертности). Затѣмъ въ Батумѣ наблюдалось по 1 смертельному заболѣванію чумой въ зимнее время 1900, 1901 и 1910 гг.; зимою 1910 г. наблюдалось 1 чумное заболѣваніе въ Баку.

Изъ этого статистическаго очерка видно, что нѣкоторыя мѣста Россійскихъ владѣній являются особенно благопрїятными для появленія и развитія чумныхъ заболѣваній. На первомъ мѣстѣ стоятъ урочища степныхъ кочевниковъ и осѣдлыхъ киргизовъ, а также бѣднѣйшаго китайскаго населенія Маньчжурїи,—людей не обезпеченныхъ въ существенныхъ потребностяхъ жизни, вовсе не культурныхъ и не выполняющихъ минимальныхъ требованій гигиены. Возникновенію чумной эпидемїи въ Ветлянкѣ и другихъ поселкахъ Астраханской губ. способствовало чрезмѣрное загрязненіе почвы, воды и воздуха по рѣчному побережью, когда изъ года въ годъ послѣ лѣтняго лова и заготовленія рыбы остается на берегу масса рыбныхъ отбросовъ и въ теченїи теплаго времени заражаетъ мѣстность гнилью. На основанїи приве-

денныхъ данныхъ можно съ большою вѣроятностью допустить, что въ излюбленныхъ мѣстахъ возбудитель чумы (заразное начало) не заносится вновь каждый разъ, а остается на мѣстѣ, замирая при окончаніи эпидеміи и оживляясь снова при благоприятныхъ условіяхъ, подобно возбудителю другихъ заразныхъ болѣзней (лихорадки, тифа, скарлатины, дифтерита, вѣроятно—и холеры). Такой мѣстный, постоянный характеръ чумной эпидеміи за послѣднее время приписываютъ появившейся въ 1909 г. чумѣ въ Марокко. Такой же характеръ мѣстнаго, упрочившагося возникновенія чумныхъ заболѣваній усматривается и въ послѣднюю Одесскую эпидемію: черезъ 2 мѣсяца по прекращеніи чумы въ Одессѣ появляется одиночное заболѣваніе дѣвочки; еще черезъ мѣсяць появляется одиночное заболѣваніе дворника.—Отсюда вытекаетъ необходимость при всякомъ появленіи чумы для мѣстъ неблагопріятныхъ и благополучныхъ (до времени?) *тщательно очиститься* съ цѣлю убить заразу и не дать ей возможности укрѣпиться и развиваться. Особенно это необходимо для большихъ торговыхъ и промышленныхъ городовъ, какъ Одесса, Кіевъ, Харбинъ и др., гдѣ не только происходятъ частыя сношенія съ благополучными и неблагополучными по чумѣ мѣстностями, но и гдѣ сконпляется много бѣдноты, лишній, грязи, болѣзненности. Очагами эпидеміи среди населенія становятся обыкновенно старые дома, многолѣтне загрязняющіеся, со скученнымъ бѣднымъ населеніемъ (напр. въ Одессѣ и въ Харбинѣ), сарай, подвалы, грязныя лавченки съ пищевыми продуктами и хламомъ; обычными въ такихъ мѣстахъ сожителями съ людьми являются крысы и разныхъ видовъ паразиты. Имѣя въ виду особую склонность крысъ къ заболѣванію чумой, необходимо допустить, что при возникновеніи эпидеміи зачумленные крысы своими изверженіями и трупами въ широкихъ размѣрахъ заражаютъ то, съ чѣмъ имѣютъ соприкосновеніе: почву, гдѣ ихъ норы, подполье, амбары, конюшни, сарай—гдѣ имѣютъ мѣстопробываніе, пищевые продукты, посуду, предметы домашней обстановки;

на крысахъ имѣются блохи; съ крысъ зараза можетъ переходить на кошекъ, собакъ, свиней; крысы могутъ кусать людей; такимъ образомъ отъ крысъ чумная зараза можетъ переходить на людей и непосредственно, и посредствомъ соприкосновенія съ зачумленною отъ крысъ почвою, пищевыми продуктами и друг., или посредствомъ передатчиковъ (кошекъ, собакъ, мухъ, блохъ, клоповъ, таракановъ, муравьевъ). Наблюденіями надъ возникновеніемъ чумныхъ эпидемій твердо установленъ фактъ, что въ мѣстностяхъ, гдѣ развивается чума на людяхъ, во множествѣ заболѣваютъ чумою крысы, и даже раньше, нежели заболѣваютъ люди, и во множествѣ дохнутъ. Заболѣваніе крысъ наблюдается въ такомъ видѣ: зачумленная крыса выползаетъ изъ своей норы, шатается, не бѣжитъ стремительно, какъ обыкновенно, а дѣлаетъ 1—2 круговыхъ движенія, харкаетъ кровью и околѣваетъ.

Но гораздо скорѣе и сильнѣе передается чумная зараза человѣку отъ человѣка; передается и живымъ больнымъ, и трупомъ, и вещами, на которыя могли попасть какія либо выдѣленія больного; заразительны: воздухъ, выдыхаемый больнымъ и окружающій больного, потъ, слюна, моча, калъ, мокрота, гной, кровь больного; заразительны: бѣлье, одежда, постель, посуда, книга и другія вещи, бывшія въ употребленіи у больного. Весьма важно знать, что заразительность одежды, особенно мѣховой, сохраняется долго: наблюдалось зараженіе чумою спустя два года послѣ смерти чумнаго отъ его одежды, присланной въ даръ. Важно также знать, что зараженіе непосредственно отъ заболѣвшаго тяжелой чумой бываетъ сильнѣе, нежели зараженіе отъ трупа умершаго отъ чумы; зараженіе чистою, выдѣленною и концентрированою заразою (разводкою) также очень сильно. Примѣры: врачъ, заразившійся чумою при занятіяхъ въ лабораторіи, умеръ; служитель заразившійся при вскрытіи умершаго отъ чумы, выздоровѣлъ; другой врачъ, заразившійся чумою при занятіяхъ въ лабораторіи, умеръ; а врачъ, заразившійся при вскрытіи этого чумнаго трупа, выздоровѣлъ. Разительный примѣръ

непосредственной передачи чумной заразы отъ заболѣвшаго здоровымъ можно привести изъ исторіи Ветлянской чумы: 3 декабря изъ Ветлянки возвратилась А. Е. въ село Пришибъ, отстоящее въ 10 верстахъ отъ Ветлянки и чумою еще не пораженное; въ Пришибѣ А. Е. заболѣла чумою и 11 декабря умерла; 14 декабря заболѣли одновременно: мужъ А. Е., свекоръ, свекровь и деверь; 19 и 20 декабря заболѣли остальные 3 члена семьи; всѣ умерли. Подобныхъ фактовъ наблюдалось много и особенно замѣчено, что скорѣе заражаются люди, ухаживающіе за больными, живущіе съ больными, погребаящіе мертвыхъ.

Препод. врачъ *Городецкий*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 18-го апрѣля 1911 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.

Кіевъ, Тип. Ант. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Кордакъ-Норвичскаго, Меринов. ул., д. № 6.